

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

У. В. Окимбеков

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ АФГАНИСТАНА
В XIX В.

Москва
2023

УДК 33.025
ББК 65.9(4)/65.9(8)
О50

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор
В. Я. Белокреницкий, д-р ист. наук, профессор, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
*А. В. Акимов, д-р экон. наук (ИВ РАН);
Ю. П. Лалетин, канд. ист. наук (МГИМО)*

Окимбеков, У. В.
О50 Социально-экономическое развитие Афганистана в XIX в.:
[монография] / отв. ред. В. Я. Белокреницкий / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2023. 402 с.

ISBN 978-5-907671-51-5

Монография посвящена комплексному анализу причин социально-экономической отсталости Афганистана XIX в. в нынешних его границах. В частности, в работе изучаются факторы и процессы, негативно сказавшиеся на политическом и экономическом развитии афганского государства и общества в XIX в., характеризуются внутривнутриполитическая ситуация, земельные и трудовые отношения, динамика численности населения, его этнический состав и расселение. Показывается роль налогов, налоговой политики и налоговых реформ разных правителей в хозяйственной жизни афганского общества, состояние внутренней, внешней и транзитной торговли и ее место в системе общественных отношений и развития страны, воздействие государственной политики на эту отрасль.

УДК 33.025
ББК 65.9(4)/65.9(8)

ISBN 978-5-907671-51-5

© Окимбеков У. В., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Оглавление

Введение	5
Глава I. Социально-политическая история Афганистана XIX в.	22
Развитие общей политической ситуации на протяжении столетия	22
Отношения между центром и регионами	55
Образование как фактор социального развития	63
Социально-экономический облик и состояние афганских городов	74
Земельные и трудовые отношения	84
Армия	93
Глава II. Население Афганистана в XIX веке: демографические и социально-политические процессы . .	105
Анализ сведений афганских и зарубежных источников по демографии.	105
Этнический состав и расселение афганского населения	117
Динамика численности населения городов	129
Политика колонизации афганского севера.	150
Влияние восстаний на национальные отношения и динамику численности населения регионов	170
Набеги, работорговля и эпидемии как факторы сокращения численности населения	185
Глава III. Налоги и налоговая политика Афганистана в XIX в.	195
Земельный налог	200
Налоги, взимаемые в денежной форме	202
Реформы налоговой политики при садозаях и в начале правления баракзаев	204

Налоги и налоговая политика после первой англо-афганской войны.	227
Налоги и налоговая политика Шер Али-хана	238
Налоговые реформы эмира Абдуррахман-хана	248
Глава IV. Налогообложение сферы торговли и домохозяйств	270
Виды налогов и пошлин на торговлю	270
Налоги на внутреннюю и транзитную торговлю	273
Налоги на торговлю при Абдуррахман-хане	292
Налогообложение домашних хозяйств	297
Глава V. Внешняя и внутренняя торговля	309
Роль и место торговли в развитии государства и общества.	309
Участие афганских и иностранных купцов в торговле Афганистана	316
Роль торговли в социально-экономической и политической жизни Афганистана	319
Государственная политика в сфере торговли	323
Состояние внутренней торговли.	326
Торговля и внутреннее производство.	330
Прямое и косвенное воздействие властей на торговлю	339
Внешняя и транзитная торговля.	342
Заключение.	361
Источники и литература	370
Приложения	384

Введение

С начала XIX в. иностранные эмиссары положили начало официальным посещениям Афганистана, приступили к непосредственному изучению военно-политической и социально-экономической жизни, вооружения, численности армии, демографии и этнического состава населения, производства сельскохозяйственной продукции, запасов продовольствия и фуража, рельефа местности и климата¹. Параллельно повысилось внимание и практический интерес мировых держав к этой стране. В рассматриваемом веке произошла смена правящей династии, наблюдалось изменение курса политики афганских правителей от внешних завоеваний индийских земель к освоению внутренних материальных ресурсов, подчинению собственной власти соседних самостоятельных княжеств в северном направлении. Страна прошла через достаточно сложный период для афганского государства и общества. Афганистан из страны-завоевателя превратился в жертву больших игр — впервые дважды после образования афганской государственности в 1747 г. столкнулся с внешней интервенцией, надолго потеряв суверенитет, а Кабул на некоторое время оказался во власти иностранной державы. Параллельно происходили внутренние негативные процессы, определившие ход социально-экономического развития страны.

Афганистан на начало XIX столетия оставался крайне отсталой во всех сферах жизнедеятельности страной: по государственному устройству, уровню образованности всех слоев населения, развитию городов, ремесел, сельскохозяйственного производства, торговли, налоговой системы и т. д. и находился в таком положении до наступления XX в. Каждое из перечисленных направлений получило освещение в работах разных авторов, в ма-

¹ Важно подчеркнуть, что все европейские эмиссары, особенно английские, посетившие Афганистан на протяжении столетия, начиная с М. Эльфинстона и заканчивая членами разграничительной комиссии 80-х гг., являлись офицерами армии.

териалах исследователей приводятся конкретные сведения, но комплексно социально-экономическая жизнь Афганистана практически не изучалась. В настоящей работе предпринята попытка закрыть этот пробел: дается анализ факторов и процессов, оказавших наибольшее влияние на социально-экономическое развитие Афганистана на протяжении всего XIX в., отслеживаются социально-политические изменения, демографические тенденции, налоговая политика, внутренняя и внешняя торговля². При изучении фискальной системы и политики особый акцент делается на аграрный сектор, поскольку, во-первых, там проживала основная масса афганского населения, во-вторых, земледелие приносило значительную часть доходов государственной казне. Производство товаров городскими ремесленниками не играло особой роли в национальной экономике.

В этой связи в числе первоочередных задач работы можно назвать обзор военно-политической обстановки в Афганистане на всем протяжении рассматриваемого столетия, ее негативное воздействие на демографию, хозяйственную жизнь, изучение проблемы доступа к образованию и ее влияние на развитие афганского общества, исследование демографических тенденций, анализ влияния налоговой политики на экономическую жизнь, факторов замедления темпов развития внутренней и внешней торговли Афганистана.

Временные рамки работы охватывают период с начала до конца XIX в., а территориальные ограничиваются пределами современного Афганистана. Иными словами, социально-экономические и политические события и процессы, происходившие в областях, отколовшихся от Афганистана на протяжении века, не являются предметом исследования настоящей работы.

При написании монографии автором использовались труды отечественных и зарубежных авторов, материалы, составленные на основе собственных наблюдений либо в ходе анализа и исследования архивных и других документов. Сразу отметим, что собранные и опубликованные в разные годы английскими

² Например, провал английской политики в Афганистане в период двух англо-афганских войн имел массу причин, но в данной работе указывается только на социально-экономические факторы и их последствия.

военными эмиссарами полевые материалы являются ценным источником по изучению социально-экономической жизни Афганистана, в то время как собственно афганские работы рассматриваемого периода отражают по большей части события, связанные с военно-политическими переменами, и редко предоставляя сведения о других сферах жизнедеятельности страны.

Повторим, что сам вопрос социально-экономического развития Афганистана и афганской государственности XIX в. остается одной из малоизученных сторон как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Встречаются работы, освещающие отдельные отрезки времени или стороны данного вопроса. Среди трудов российских авторов, изучавших эту проблематику на основе полевых исследований или получивших сведения у информантов, в хронологическом порядке в первую очередь следует отметить книгу посетившего Среднюю Азию в 1820 г. главы русской дипмиссии Е. К. Мейендорфа³, в которой местами встречается информация о населении и географии некоторых областей афганского севера, торговле с Бухарой и транзите через Афганистан во втором десятилетии XIX в. Информация по этим темам встречается и в отчетах П. И. Демезона и И. В. Виткевича⁴, побывавших в начале 30-х гг. в Бухаре.

Основная масса путешествий отечественных авторов, кто посещал Афганистан в качестве исследователей, приходится на вторую половину рассматриваемого столетия. Среди них прежде всего можно назвать Н. Ханыкова⁵, который во время экспедиции в Персию в конце 50-х гг. XIX в. посетил Герат, Фарах и некоторые другие области Афганистана. Он преимущественно занимался изучением рельефа местности, торговых маршрутов, описанием территорий, но тем не менее приводит много ценных сведений о других сторонах жизни страны, имеющих отношение к настоящему исследованию. Другим ценным и значимым трудом явля-

³ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века. — М., 1975.

⁴ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). — М.: Восточная литература, 1983.

⁵ Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. — М., 1973.

ется дневник И. Л. Яворского⁶, врача русской дипломатической миссии, посетившего Кабул в составе делегации генерала Н. Столетова в 1878 г. Его работа представляет большой интерес, поскольку автор, во-первых, описывает социально-экономическую обстановку на основе собственных наблюдений, во-вторых, стал свидетелем многих событий, происходивших в этой стране накануне второй англо-афганской войны. Отметим, что И. Яворский повторно вернулся в Афганистан в качестве лечащего врача эмира Шер Али-хана, и только после смерти эмира в феврале 1879 г. ему удалось вернуться в Ташкент.

Ряд других авторов, написавших о путешествии по Афганистану в последние два-три десятилетия XIX в., побывали только в северных областях страны. Среди них можно выделить Н. И. Гродекова⁷, который в конце того же 1878 г. совершил поездку в левобережные афганские районы. Его путевые заметки содержат информацию о политической атмосфере в этих областях, национальных отношениях, состоянии городов. Интересной является и работа Г. А. Арандаренко⁸, в которой подробно рассказывается о происходивших в афганском Туркестане событиях при Шер Али-хане и Абдуррахман-хане. Другой автор, Р. Тагеев, хоть побывал в Афганистане в начале XX в., все же в своей книге приводит небольшой исторический экскурс по важным политическим событиям Афганистана рассматриваемого столетия⁹. Большой интерес представляет собой и работа Соболева Л. Н., составленная в 4-х томах и посвященная второй англо-афганской войне¹⁰. В ней очень подробно рассказывается о событиях, происходивших в этой стране с 1878 по 1880 г. Как пишет сам автор,

⁶ Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Из дневников члена посольства доктора И. Л. Яворского. В 2-х томах. — СПб., 1883.

⁷ Гродеков Н. И. Через Афганистан: путевые записки Генерального штаба полковника Н. И. Гродекова. — СПб.: Издание книжного магазина "Нового времени", 1880.

⁸ Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874–1889 гг. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889.

⁹ Тагеев Р. По Афганистану. Приключения русского путешественника. — М.: Издание Д. П. Ефимова, Б. Дмитрова, Д. Бахрушинных, 1904.

¹⁰ Соболев Л. Н. Страница из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря. Выпуск I–IV. — СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1880.

источником при написании работы служили материалы английских газет, то есть «труд почти исключительно основан на известиях, сообщенных телеграфом»¹¹. Хорошими сведениями почти обо всех сферах афганской жизни насыщена работа Д. А. Мельникова¹², отличающаяся тем, что составлена на основе расспросных данных путешественников и купцов из Средней Азии о жизни Афганского Туркестана 90-х гг. XIX в.

Среди исследований конца XIX — начала XX столетий выделяются работы Аристов Н. А., занимавшегося исследованием этнического состава и численности населения Афганистана на основе анализа доступных сведений из разных источников. Подвергнув научной критике работу одного из европейских авторов, он делает интересные выводы по политической истории, численности населения, географии, армии, внешним сношениям Афганистана¹³. Наряду с ним следует отметить Снесарева А. Е., написавшего комплексную работу¹⁴, охватившую все стороны афганской жизни.

Из числа советских авторов при написании настоящей работы очень помогли труды И. М. Рейснера, первый¹⁵ из которых охватывает историю Афганистана с отражением информации по географии, демографии, национальному вопросу, экономике, но центральной темой в нем является период правления эмира Амануллы-хана и его реформы. Во второй работе¹⁶ автор анализирует процесс образования афганской государственности, развитие феодализма и феодальных отношений в пуштунской среде, возникновение земельной собственности на конец XVIII — начало XIX вв. Существенная польза извлечена и из книги Ю. В. Ган-

¹¹ Там же, с. VIII.

¹² Мельников Д. А. Район операционных путей от Термеза к Кабулу (опыт военно-географического описания). — Ташкент: тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1907.

¹³ Аристов Н. А. Об Афганистане и его населении // Живая старина (отделение этнографии). Выпуск III и IV. — СПб., 1898.

¹⁴ Снесарев А. Е. Афганистан. — М.: «Русская панорама», 2002.

¹⁵ Рейснер И. М. Афганистан. — М.: Издательство коммунистической академии, 1929.

¹⁶ Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.

ковского¹⁷, посвященной изучению административной и военной системы империи Дуррани. Отдельно следует выделить главу, дающую широкое представление о налогах и налоговой политике империи, особенно относящихся к началу рассматриваемого столетия.

Широко известный в отечественной афгановедческой литературе двухтомник по истории Афганистана с древних времен, принадлежащий советским специалистам В. М. Массону и В. А. Ромодину, безусловно, помогает понять не только многие политические, но и социально-экономические процессы и события этой страны. Для настоящей работы главным образом полезным оказался второй том¹⁸, включающий, в частности, анализ событий периода XIX в. Отдельная работа В. А. Ромодина, посвященная истории Афганистана второй половины XIX и начала XX в.¹⁹, отражает факты второй англо-афганской войны, реформы эмира Абдуррахман-хана. Также им написан ряд статей, дающих информацию о происхождении и научной ценности некоторых афганских источников (см. Библиографию). Некоторые стороны изучаемого вопроса освещены в работах Халфина Н. А.²⁰, которые в основном рассматривают политическое развитие афганской государственности исследуемого периода, вмешательство внешних сил, приближение России к афганским границам и торговые отношения. К этой группе относятся и труды Бабаходжаева М. А., подробно анализирующие социально-экономическую и политическую жизнь Афганистана, в частности период первой англо-афганской войны, правления Абдуррахман-хана, а также развитие русско-афганских торговых

¹⁷ Ганковский Ю. В. Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. — М.: Издательство Восточной литературы, 1958.

¹⁸ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. II. Афганистан в новое время. — М.: Наука, 1965.

¹⁹ Ромодин В. А. Афганистан во второй половине XIX — начале XX в. (Официальная история и историография). — М.: Наука, 1990.

²⁰ Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959; его же: Проблема развития афганского государства в XVIII–XX вв. в советской историографии. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. — М.: Восточная литература, 1960; его же: Политика России в Средней Азии (1857–1868). — М.: Восточная литература, 1960; его же: Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). — М.: Наука, 1965.

отношений²¹. Из последних работ отечественных исследователей выделим совместную монографию Аруновой М. Р. и Лалетина Ю. П.²², отражающую несколько новый взгляд на происходившие в Афганистане события, в частности, исторические процессы, контакты и взаимоотношения России и Афганистана в XIX в.

Возвращаясь к анализу источников XIX в., отметим, что наибольший интерес для настоящего исследования представляли труды европейцев, первыми посетивших Афганистан по поручению Ост-Индской компании для сбора информации об этой стране и Средней Азии. В отличие от отечественных исследователей, им удавалось почаще оказываться в Афганистане, обследовать как главные, так и находящиеся в стороне от торговых путей города и районы. Следовательно, английские эмиссары составляли достаточно богатый материал по всем сторонам жизни афганского населения, начиная от главных городов, районов и заканчивая более мелкими населенными пунктами.

Среди основных англоязычных источников первым делом необходимо назвать широко известный в афгановедческой науке труд М. Эльфинстона, которому удалось во главе английской миссии побывать в Афганистане в конце первого десятилетия XIX в. Это²³ первый ценный источник, написанный эмиссаром-европейцем, в котором подробно описывается хозяйственная и политическая жизнь разных слоев афганского населения, племен, этносов, экономический потенциал, источники доходов государства, структуры власти. Следом за ним в 1812–13 гг. в Афганистане по поручению Ост-Индской компании побывал индеец Мир Иззет Улла, приводивший в путевых заметках²⁴ короткую ин-

²¹ Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана за независимость (1838–1842). — М.: Восточная литература, 1960; его же: Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII — начале XX в. — Ташкент: Наука, 1965; его же: Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана (конец XIX в.). — Ташкент: Фан, 1975.

²² Арунова М. Р., Лалетин Ю. П. Очерки средневековой и новой истории Афганистана. — М.: РУДН, 2010.

²³ Elphinstone, M. An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India (1842). In II Vol. — L., 1842.

²⁴ Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah in the years 1812–13. Translated by Captain Henderson, attached to the Foreign Office of the Government of India. — Calcutta: The Foreign Department Press, 1872.

формацию об афганских землях и правителях, акцентируя основное внимание на описании путей сообщения, расстояниях между территориями. К концу второго десятилетия большую экспедицию организовал В. Муркрофт, по поручению которого свою поездку совершал и упомянутый Мир Иззет Улла. Хотя Муркрофт по пути обратно скончался вместе со своими спутниками на афганском севере, его заметки и письма позже были опубликованы в виде двухтомника²⁵. Далее до начала первой англо-афганской войны интенсивность экспедиций увеличилась. К концу 20-х гг. XIX в. офицер английской армии А. Конолли проделал путь через Иран в Герат и далее Кандагар. Он также изучал пути сообщения, торговые связи, другие стороны, связанные со снабжением войск и скота²⁶.

Одновременно в Афганистане в начале 30-х гг. находились Ч. Массон²⁷, английский дипломат, офицер армии А. Бёрнс и находившийся на службе английского правительства дипломат и разведчик индус Мохан Лал, оставившие нам ценные материалы и информацию, в частности, о социально-экономическом положении афганских владений. Если Ч. Массон занимался более узкими вопросами и в своей 4-томной работе сообщает об обстановке в Афганистане, Белуджистане и Панджабе²⁸, двое других выполняли более масштабные задачи. А. Бернс в двух поездках в Афганистан кроме написанных в виде книг работ²⁹ совместно

²⁵ Moorcroft, W., Trebeck, G. Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab, in Ladakh and kashmir, in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara. In II Vol. — L.: J. Murray, 1841.

²⁶ Conolly, A. Journey to the north of India: overland from England, through Russia, Persia, and Affghaunistaun. In II Vol. — L., 1834.

²⁷ Скрывавшийся под именем Ч. Массона дезертир армии Ост-Индской компании Джеймс Льюис, в отличие от А. Бернса и М. Лала, попал в Афганистан в качестве путешественника-археолога и некоторое время жил в Кабуле, пока в 1833 г. англичане не обнаружили его. После помилования по просьбе последних он начал выполнять определенные задачи, по итогам которых писал работу по Афганистану и соседним областям.

²⁸ Masson, Ch. Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab, & Kalât, during a residence in those countries: to which is added an account of the insurrection at Kalat, and a memoir on Eastern Balochistan. In IV Vol. — L.: Richard Bentley, 1844.

²⁹ Burnes, A. Travels into Bokhara: Being The Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia, 1831–1833, Also, Narrative of a Voyage on the Indus,

с сопровождавшими его другими английскими офицерами и исследователями (Лорд П. Б., Лич Р., Вуд Дж. и др.) подготовил краткие отчеты³⁰ по различным вопросам, включавшим прежде всего товарную структуру афганского рынка, налоговую систему, денежное обращение, экспортно-импортные операции, пути сообщения, численность населения областей и районов, внутреннюю политику афганского правителя. Такие же ценные материалы содержат две работы его спутника М. Лала, хотя местами чувствуется предвзятость автора-индуса по отношению к афганцам³¹. Особый интерес из его работ представляет жизнеописание великого эмира Дост Мухаммада, отражающее данные по налогам и сборам, статьи доходов афганской казны. М. Лал дает хорошие сведения о периоде нахождения английской администрации в Кабуле (1839–1842 гг.), позволяющие понять политические и экономические причины ее провала в Афганистане. В целом эти два эмиссара больше, чем все остальные предшествовавшие и последующие члены английских миссий, смотрели на Афганистан сквозь экономические интересы для Британии.

Ценные сведения по тому же периоду имеются в небольшом материале Е. Поттингера³², который в основном описывает политико-экономическое положение некоторых северных ханств, состояние торговли, налоги и налоговую систему, приводит данные по численности домохозяйств. Отдельно необходи-

From the Sea to Lahore. In III Vol. — L., 1834; Burnes, A. Cabool: A Personal Narrative of a Journey to, and Residence in That City, in the Years 1836, 7, and 8. From the second edition. Complete in one Volume. — Philadelphia, 1843.

³⁰ Все отчеты этих авторов отражены в общем документе под названием «Report and papers. Political, Geographical and Commercial, submitted to Government. — Calcutta, G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press. 1839».

³¹ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan of Kabul: With His Political Proceedings Towards the English, Russian, and Persian Governments, Including the Victory and Disasters of the British Army in Afghanistan. Vol. I. L.: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1846; Lal, M. Travels in the Punjab, Afghanistan & Turkistan: To Balk, Bokhara, and Herat; and a Visit to Great Britain and Germany. — L., 1846.

³² Pottinger, E. Memoir on the country between Herat and Kabal, the Paropamisian Mountains, and the River Amoo // Central Asia. Part II: A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology, resources, & history of Afghānistān: compiled (for political and military reference) by C. M. MacGregor. — Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1871.

мо упомянуть материал Г. Роулинсона³³, составленный на основе найденных документов по налогам в Кандагаре во время его пребывания в этом городе в качестве английского политического агента в период первой англо-афганской войны. Он дает подробную информацию о налоговых реформах сына Махмуд-шаха, принца Камрана, а также налоговой политике братьев Дост Мухаммада, правивших Кандагаром, влияние этих изменений на жизнь населения, прежде всего представителей племени дуррани.

Среди работ последующих исследователей, оказавшихся полезными при написании монографии, считаем важным выделить две книги Дж. Ферриера³⁴, Г. Ламсдена³⁵, Г. Белью³⁶, описывающие политическую и хозяйственную жизнь Афганистана в 40-х и 50-х гг., то есть после повторного возвращения Дост Мухаммада к власти. Более обобщенную компилятивную работу, основанную на документах, материалах и результатах исследований предшественников, а также личных наблюдениях при путешествии по Афганистану, подготовил Ч. М. Макгрегор³⁷. О ней лишь нужно сказать, что работа, во-первых, отличается охватом всех сторон жизни афганских областей, во-вторых, отражает содержание ранее не обнародованных документов и материалов³⁸.

³³ Rawlinson, H. C. Report on the Dooranee Tribes, 19th April 1841 // Central Asia. Part II. A Contribution towards the Better Knowledge of the Topography, Ethnology, Resources, and History of Afghānistān. C. M. MacGregor, ed. — Calcutta, 1871.

³⁴ Ferrier, J. P. Caravan journeys and wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan; with historical notices of the countries lying between Russia and India. — L., 1857; Ferrier, J. P. History of the Afghans. — L., 1858.

³⁵ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar: with Appendices. With Supplementary Report of the Expedition into Upper Meerānzye and Kourrum in 1856. — Calcutta, 1860.

³⁶ Bellew, H. W. Journal of a political mission to Afghanistan, in 1857, under Major (now Colonel) Lumsden; with an account of the country and people. — L., 1862; Bellew, H. W. The races of Afghanistan: being a brief account of the principal nations inhabiting that country. — Calcutta, 1880.

³⁷ MacGregor, C. M. Central Asia Part II: A contribution towards the better knowledge of topography ethnology resources and History of Afghanistan. — Calcutta, 1871.

³⁸ Об этом говорят слова самого Макгрегора, который пишет, что «первоначально она (работа — У.О.) была начата с целью сопоставления имевшейся информации об Афганистане в канцелярии генерального квартирмейстера, но с санкции правительства Индии она в конечном итоге охватила бо-

В 80-х гг. в рамках английской комиссии по демаркации афганских северных границ офицер британской армии Ч. Иет оставил очень интересные заметки о демографии, внутренней политике, национальных отношениях и переселенческой политике эмира Абдурахман-хана³⁹.

Кроме вышеперечисленных, автором использовались работы многих других участников двух английских походов в Афганистан, членов различных комиссий — полный список их приведен в библиографии.

Многие зарубежные авторы, как в прошлом столетии, так и сегодня, занимаются исследованием истории Афганистана, в частности, в своих работах затрагивают вопросы социально-экономической жизни страны. Среди них подробно эту тему освещает американский афганист В. Григорян, внесший значительный вклад в ее изучение⁴⁰. Его труд, хотя и дает достаточно большой исторический обзор становления и развития афганского государства, уделяет внимание изучению народов и этносов Афганистана, факторов, препятствовавших соответствующей социальной, политической и экономической интеграции афганского общества, происходивших социально-экономических изменений при Дост Мухаммаде и Шер Али-хане, но главным образом посвящен изучению периода после прихода к власти Абдурахман-хана.

Серия статей М. Е. Япп⁴¹, написанных на основе архивных материалов и посвященных периоду первой англо-афганской войны, является хорошим источником по изучению проведенных налоговых и административных реформ и их последствий для

лее широкую область, и был получен доступ к некоторым документам Министерства иностранных дел Индии, правительства Индии, Политического департамента Бомбея и правительства Панджаба» (MacGregor, C. M. Central Asia Part II. Preface).

³⁹ Yate, C. E. Northern Afghanistan: Or Letters from the Afghan Boundary Commission. — L.: W. Blackwood & sons, 1888.

⁴⁰ Gregorian, V. The Emergence of Modern Afghanistan: Politics of Reform and Modernization, 1880–1946. — Stanford University Press, 1969.

⁴¹ Yapp, M. E. Disturbances in Eastern Afghanistan, 1839–42 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1962. P. 499–523; Yapp, M. E. Disturbances in Western Afghanistan, 1839–41 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1963. P. 288–313; Yapp, M. E. "The Revolutions of 1841–2 in Afghanistan." Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1964, P. 333–381.

англичан. Из современных зарубежных авторов своими работами выделяется Дж. Ли⁴², в частности, посвятивший отдельное исследование истории афганского Туркестана. Эта работа, как и работы М. Е. Япп, написана на основе обширного архивного материала и содержит в основном информацию по налогам и налоговой политике, отношениям между местными княжествами, а также с центром, внутренней политике Абдурахман-хана. Одной из последних работ, которую следует упомянуть, является книга американского исследователя Т. Барфильда⁴³, посвященная социально-политической истории Афганистана. Здесь отметим только то, что автор несколько преувеличивает влияние непродолжительного присутствия англичан на развитие политического сознания афганского общества в период первой англо-афганской войны.

При написании настоящей монографии использовались эти и другие работы отечественных и зарубежных авторов, в частности, англоязычные источники, ранее не вошедшие в оборот в русскоязычной литературе. Речь идет о сборнике донесений английских агентов периода первых годов правления Шер Али-хана⁴⁴, в котором дается ценная информация о реформах эмира, налоговой политике, трудностях реализации принятых положений и норм. Также следует отметить секретные аналитические отчеты членов английской разграничительной комиссии середины 80-х гг. XIX в⁴⁵., содержащие сведения по численности населе-

⁴² Lee, L. J. The History of Maimana in Northwestern Afghanistan 1731–1893 // Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies. Vol. 25, 1987 — Issue 1. P. 107–124; Lee, L. J. 'Abd al-Rahmān Khān and the "marāz ul-mulūk" // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series, Vol. 1, No. 2 (Jul., 1991). P. 209–242; Lee, L. J. The 'Ancient Supremacy', Bukhara, Afghanistan and the Battle for Balkh, 1732–1901. E. J. Brill. — New York, 1996; Lee, L. J. Afghanistan: A history from 1260 to the Present Day. — L.: Reaktion Books, 2018.

⁴³ Barfield, T. J. Afghanistan: A Cultural and Political History. — New Jersey: Princeton University Press, 2010.

⁴⁴ Narrative of recent events in Afghanistan, from the recovery of Candahar to the conclusion of the rebellion of Yaqoob Khan. № 68 of 1871. Government of India. Foreign Department. Secret. — Simla, 1871.

⁴⁵ Barrow, E. G. The Military Geography of Afghanistan. Part I. Badakhshan. — Calcutta: Office of the superintendent of government printing, 1893; Barrow, E. G. The Military Geography of Afghanistan. Part II: Afghan Turkistan. — Simla: Government Central Printing Office, 1893; Barrow, E. G. The Military Geography of Afghanistan. Part III: Herat. — Simla: Government Central Printing Office, 1893; Elles, E. R. The Military Geography of Afghanistan. Part V: Farah and

ния афганских регионов, межнациональным отношениям, экономическому состоянию городов, внутренней торговле и налогам. Другим источником служат ставшие доступными пара десятков номеров первой в истории Афганистана газеты «Шамс-ан-нахар» (Солнце дня), изданной при Шер Али-хане.

Из числа трудов афганских исследователей наибольший интерес представляли работы таких известных авторов, как Файз Мухаммад Катиб⁴⁶, Губар Мир Гулам Мухаммада⁴⁷ и Риштия Сеид Касем⁴⁸. Труд М. Катиба, как официального придворного летописца, отличается насыщенностью фактологического материала, в частности, содержит данные по налогам и сборам, делает доступными официальные документы, а именно письма, соглашения, разработанные правила и нормы, приказы и прокламации афганских эмиров. Хотя первые его два тома «по кругу освещаемых вопросов еще не выходят из рамок традиционной средневековой восточной историографии, но все же появление этого труда надо считать ступенью к освещению истории в современном духе»⁴⁹.

М. Губар, более свободный при изложении мыслей, дает анализ происходивших событий, объясняет причины политических перемен, проблем экономического и социального характера. Работа третьего автора освещает главным образом историю политических событий Афганистана XIX в. Также особо нужно выделить афганского историка Какара М. Х., посвятившего несколько серьезных исследований⁵⁰ изучению социально-

Kandahar. — Calcutta: Office of the superintendent of government printing, 1893; Mason, A. H. The Military Geography of Afghanistan. Part IV. Kabul. — Simla: Government Central Printing Office, 1893.

⁴⁶ Катиб, Файз Мухаммад. Сирадж ат-таварих. — Кабул: Матба'а-е дар-ул-салтана, 1331–33 г. х. (1915).

⁴⁷ Губар, Мир Гулам Мухаммад. Афганистан дар масир-и тарих. — Кабул, 2014.

⁴⁸ Риштия, Сеид Касем. Афганистан в XIX веке / пер. с персидского Л. Н. Дорофеевой [и др.]; ред. и предисл. Ю. В. Ганковского. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

⁴⁹ Ромодин В. А. "Сирадж ат-таварих" (т. III) как источник // Письменные памятники истории и культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. — Л., 1968. С. 43.

⁵⁰ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study in International Political Developments, 1880–1896. — Kabul: Punjab Education Press, 1971; Kakar, M. H. Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan. — Austin: University of Texas Press, 1979; Kakar, M. H. A political and diplomatic history of Afghanistan, 1863–1901. — Boston, 2006.

экономической и политической жизни Афганистана периода правления Абдурахман-хана. Весьма интересным является и вышедшая на английском языке книга другого афганского автора — С. М. Ханифи⁵¹, написанная на основе архивных материалов и рассказывающая о роли афганских купцов в развитии торговли с разными странами, использовании их англичанами для продвижения товаров собственного производства на афганский и бухарский рынки.

Из переведенных с других языков источников первым делом отметим двухтомный автобиографический труд эмира Абдурахман-хана⁵², который был издан в Лондоне на английском и в том же году появился в свет на русском языке. Хотя автором этой работы официально считается эмир, но в реальности его перу принадлежит только первый том⁵³, а второй составлен придворным секретарем из его слов и рассказов придворных⁵⁴.

⁵¹ Hanifi, S. M. Connecting Histories in Afghanistan. Market Relations and State Formation on a Colonial Frontier. — Stanford University Press, 2011.

⁵² Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. Издано Султаном Магомед-ханом; Перевод с английского Генерального штаба полковник М. Грулев. В 2-х т. — СПб.: В. Березовский, 1901.

⁵³ Вот какую информацию нам предоставляет М. Катиб о личности переводчика текста с языка оригинала, о самом труде и его оригинальности: «Султан Мухаммад какое-то время служил престолу в качестве секретаря, пользовался доверием и уважением Его Величества. Но в конце концов ... бежал обратно в свой родной дом. Там он перевел с персидского на английский книгу «Панднама-и дуня ва дин», написанную Его Величеством собственноручно и изданную в печати в Кабуле, охватывающую его жизнь с детства до времени отъезда из Хоканда в Афганистан и прибытия в Бадахшан. Султан Мухаммад подготовил один том (труда) и написал второй, состоящий из событий Афганистана, о которых он услышал от разных людей или при личном непосредственно присутствии в королевском дурбаре от слуг Его Величества. ... Два тома попали в руки мунши в Мешхеде и тот перевел их с английского на персидский, дав название «Тадж ат-таварих» (Катиб, Файз Мухаммад... С. 656).

⁵⁴ Ромодин В. А. «Автобиография» Абдурахман-хана и ее переводы // Письменные памятники истории и культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН (автоаннотации и краткие сообщения). М.: Наука, 1972. С. 115–120; его же: К вопросу о редакциях «Автобиографии» Абдурахман-хана // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения и автоаннотации). Часть 1. М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 121–124; его же: Тайна сенсационной публикации Султан Мухаммад-хана // Страны и народы Востока. Выпуск XVIII. М.: Наука, 1976. С. 116–120.

В ней дается субъективная оценка всем происходившим в период правления эмира и до него, а также вокруг Афганистана военнополитическим событиям и реформам. Несмотря на это, работу можно назвать ценным источником, отражающим важнейшие стороны жизни Афганистана конца XIX в., и даже во втором томе можно проследить политическую линию, которую эмир желал видеть для Афганистана.

Другим интересным переведенным с английского источником является известная работа венгерского путешественника-востоковеда А. Вамбери. Она весьма полезна тем, что автор показывает уровень развития власти в северных регионах, системы налогообложения, караванных путей, внутренних пошлин, дает информацию, указывающую на проблемы экономической неразвитости Афганистана⁵⁵. Следующий не менее важный из этой категории источников — воспоминания английского инженера Мартина А. Ф.⁵⁶, прибывшего в Кабул по просьбе эмира в 1895 г. Он весьма подробно описывает жизнь афганской столицы, нравы и быт жителей, армии и полиции, состояние городских базаров, формы правления страной, уровень коррумпированности государственной власти, коррупционные схемы, санитарные условия города, положение афганских рабочих, уровень заработной платы и т. д.

Подводя итоги анализа основных источников и литературы, необходимо упомянуть наличие электронных библиотек на различных интернет-ресурсах с открытым доступом к фотокопиям источников XIX в., что многократно упрощает и ускоряет работу. Кроме того, не все труды исследуемого периода, особенно зарубежных авторов, доступные ныне в цифровых базах, можно встретить в библиотеках. Из числа самых крупных по объему материалов электронных интернет-ресурсов следует отметить индийскую базу данных «Mountains of Central Asia digital database PAHAR»⁵⁷,

⁵⁵ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. — М.: Восточная литература, 2003.

⁵⁶ Мартин А.Ф. 8 лет при дворе неограниченного монарха. Перевод с английского Омелянович Л. В. — Ташкент: Коммерческая типография Я. П. Эдельмана, 1910.

⁵⁷ URL: <https://pahar.in/> (дата обращения: 20.03.2023).

электронную базу данных «Afghanistan Information Centre» при Кабульском университете⁵⁸, некоммерческую структуру «Internet Archive»⁵⁹, библиотеку Конгресса США⁶⁰, а также афганскую коллекцию Артура Пола «Arthur Paul Afghanistan Collection»⁶¹, размещенную на сайте университета Небраски⁶².

При изучении исследуемой темы выявился ряд сложностей, с которыми пришлось иметь дело. Ввиду частого изменения границ самого Афганистана, с одной стороны, городов и областей — с другой возникла проблема при анализе этнического состава и общей численности населения в динамике. К другой трудности следует отнести наличие самых разнообразных величин измерения, что осложняет или по крайней мере требует дополнительных усилий, чтобы дать сравнительный анализ (производительности труда, объемов производства, цен за единицу продукции) между регионами. Это касается меры длины, объема, площади, нахождения до конца столетия в обороте самых разнообразных монет, выпущенных при разных правителях. Продолжение использования в разных областях различных монет, например, затрудняет демонстрацию разницы в ставках налогов или уровнях цен в разных городах в одно и то же время⁶³. Чтобы немного облегчить задачу при чтении текста, в Приложении к работе приводятся разницы между некоторыми этими величинами измерения, а также курсами денежных единиц по регионам Афганистана.

Монография состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и использованной литературы, а также приложений. Первая глава посвящена изучению развития социально-политической жизни Афганистана, вторая — анализу численности, этнического состава и расселения афганского на-

⁵⁸ URL: <https://afghandata.org/digital-archive/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁵⁹ URL: <https://archive.org/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶⁰ URL: <https://www.loc.gov/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶¹ Артур Пол работал в Афганистане с 1960 по 1965 г. в качестве советника по экономике при правительстве короля Захир-шаха.

⁶² URL: <https://www.unomaha.edu/criss-library/archives-and-special-collections/afghanistan-collection.php> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶³ Единицы измерения массы, например, почти во всех регионах носили одинаковые названия (*харвар*, *манн*, *сир*), но по своему весу (например, кандагарский, кабульский, гератский и т. д.) различались.

селения, третья и четвертая главы — вопросу налогов и налоговой политики в аграрном секторе, сфере торговли, домохозяйств, и последняя — изучению факторов, воздействовавших на развитие внешней и внутренней торговли.

Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН Н. М. Мамедовой, О. Е. Митрофаненковой, О. М. Нессару, С. По-яйе, М. М. Слинкину, Н. А. Замараевой, М. С. Каменевой, И. Н. Серенко за советы и пожелания, которые, несомненно, улучшили качество настоящей работы. Особая благодарность — руководителю Центра и ответственному редактору профессору В. Я. Белокреницкому за всестороннюю бесценную помощь в период работы над монографией, а также рецензентам — руководителю Отдела экономических исследований ИВ РАН А. В. Акимову и доценту МГИМО (У) Ю. П. Лалетину.

Глава I. Социально-политическая история Афганистана XIX в.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ПРОТЯЖЕНИИ СТОЛЕТИЯ

На протяжении XIX в. в пределах владений афганской государственности периодически возникали политические события, связанные с частой сменой правителей, закатом правления одних династий, приходом к власти других, изменением естественных границ в сторону сокращения. История Афганистана рассматриваемого века полна конфликтов, мятежей, войн и набегов в самых разных масштабах и почвах, внутренних междоусобиц независимых, полунезависимых правителей, ханов, миров, вождей племен за расширение или утверждение собственной политической власти, с одной стороны, и внешних военных интервенций — с другой. Они выступали основными факторами, определявшими направление социально-экономического развития страны в целом и афганского общества в частности. Вследствие этого параллельно наблюдались сравнительно мелкие социально-экономические продвижения.

Происходившие в стране события оказали значительное негативное влияние на динамику численности населения, дальнейшего формирования этнической картины отдельных регионов как в период, когда страна состояла из разных самостоятельных владений, так и в процессе становления единой афганской государственности в нынешних ее пределах. Возникавшие время от времени кризисные ситуации каждый раз вносили изменения в характер этих процессов. Исходя из этого, историю социально-экономического развития Афганистана XIX в. условно можно разделить на следующие периоды:

1800–1818 гг. — последний период правления династии садозаев, изменения политического влияния, социального статуса и экономического положения дуррани;

1818–1839 гг. — приход к власти династии баракзаев¹, разделение страны на отдельные номинально независимые территории под управлением представителей правящего клана, попытки Дост Мухаммада вернуть влияние над утраченными территориями;

1839–1842 гг. — период первой англо-афганской войны, первый внешний эксперимент модернизации социально-экономической жизни Афганистана;

1842–1863 гг. — второй период правления Дост Мухаммада, сосредоточение власти в руках наследников, финальное подчинение северных регионов Кабулу;

1863–1880 гг. — борьба за власть между наследниками Дост Мухаммада, первые реформаторские идеи и шаги эмира Шер Али-хана.

1880 г. до конца века — период правления эмира Абдуррахман-хана, окончательное формирование Афганистана как государства в нынешних его границах².

Ахмад-шах Дуррани (1747–1773 гг.), основатель афганской государственности, создал державу, границы которой выходили далеко за пределы территории современного Афганистана (см. Приложения, карта 1). Военные походы в индийские земли составляли основу экономики нового государственного образования, а центральная власть сумела объединить завоеванные земли в единый центр под управлением афганского правителя. Такая ситуация продолжилась до последних дней жизни Ахмад-шаха, но приход к власти представителя второго поколения династии в лице наследника Тимур-шаха (1772–1793 гг.), не получившего одобрения всех родственников, изменил внутриполитическую обстановку. Следует подчеркнуть, что внутрен-

¹ Ко времени прихода к власти Ахмед-шаха насчитывалось десять основных дурранийских племен. Самым многочисленным из них были баракзаи. Во второй половине XVIII в. их насчитывалось около 30 тыс. семей. Баракзаи занимали земли к югу от Кандагара, а также пустынные равнины по обоим берегам Гильменда. Значительная часть их вела кочевой образ жизни (Мас-сон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. II. М., 1965. С. 104–105).

² Американский исследователь Вартан Григорян в своей работе, посвященной истории социально-экономической модернизации Афганистана, XIX в. разделил на следующие периоды: 1832–1839, 1839–1880, 1880–1901 гг., что отличается от предложенной нами в настоящей работе системы (Gregorian, V. The Emergence... P. 7).

ние противоречия имели место и при Ахмад-шахе, однако носили иной характер. После него при поддержке разных групп началась борьба на уровне верховной власти между самими наследниками афганского престола. Следовательно, среди прочих аргументов переноса Тимур-шахом столицы из Кандагара в Кабул³ приводится и попытка освобождения центральной власти от влияния могущественных кандагарских дурранийских вождей⁴.

Ход дальнейшего развития политических событий кардинально изменился в 1799 г., когда по приказу следующего афганского правителя Земан-шаха (1793–1800 гг.), сына Тимур-шаха, был казнен Сарафраз-хан, видный представитель племени баракзаев⁵, что способствовало впоследствии приходу к власти (1800 г.) принца Махмуд-шаха. Против него выступил другой брат — Шах Шуджа. Земан-шах в итоге выбыл из борьбы, а между двумя другими претендентами на престол борьба продолжилась до 1809 г. — они по очереди правили страной. Логическим завершением любой подобной внутридинастической борьбы могла стать лишь физическая ликвидация одного из соперников, поэтому в первом десятилетии она продолжилась между вышеназванными наследниками, и в итоге Шах Шуджа со своими приближенными, покинув страну, поселился в британской Индии. Таким образом, до 1818 г. Махмуд-шаху было суждено править страной, пока ви-

³ Массон В.М., Ромодин В.А. Указ. Соч. Т. II. М., 1965. С. 141–142.

⁴ «Кандагар был средоточием поपालзайской отрасли дурранийского племени, из которой происходила и сама династия, тогда как в Кабуле преобладали баракзаи, и перенесение местопребывания правительства в Кабул еще больше возвышало и без того большое значение этой самой знатной после поपालзаев отрасли афганского народа» (Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. — СПб: Общественная польза, 1885. С. 160).

⁵ Баракзаи играли важную роль в политической жизни Афганистана с первых дней становления афганской государственности. При избрании Ахмад-шаха Абдали на царство благодаря поддержке баракзайского вождя его кандидатуры джирга на десятом заседании пришла к единому мнению, а следующий вождь племени Пайинда-хан, получивший позже прозвище Сарафраз-хан (отец Дост Мухаммада), перешел на сторону Тимур-шаха при наступлении дурранийских вождей на Кабул, что изменило ход событий в пользу правителя (подробнее об этом см.: Массон В.М., Ромодин В.А. Указ. соч. Т. II. С. 86–87; 142–143).

зирь шаха Фатх-хан — старший сын Сарафраз-хана не повторил судьбу своего отца⁶.

Формой государственного правления, от которой во многом зависел уровень социально-экономического развития, в начале рассматриваемого века являлась абсолютная монархия, основанная на феодальных отношениях и носившая в наибольшей степени в себе характерные черты государства периода Ахмад-шаха. Это в первую очередь касалось структуры управления как административно-политической сферой, так и экономической жизнью, в частности, денежной и налоговой системой. В целом она представляла собой примитивную схему, при которой контроль управления повсюду (в королевском дворе, армейских подразделениях, среди гражданского населения) осуществлялся *кадией* (судья-чиновник, стоящий во главе судопроизводства, основанного на шариате) и *мохтасибом* (полиция нравов)⁷. Названные органы не занимались непосредственным выполнением функциональных обязанностей, не являлись прямыми участниками процессов, а лишь требовали результат от глав административных единиц, на плечи которых ложилась основная доля ответственности за все виды нарушений или преступлений.

Все издержки, связанные с работой системы власти, компенсировались главным образом за счет находившихся на самих низких ступеньках социальной лестницы членов общества — земледельцев и скотоводов. *Мохтасиб*, например, вместо непосредственного расследования, поиска и наказания виновных лиц в том или ином виде преступления (кража, убийство и т. д.) скорее выполнял функцию надзирателя. Обязанность двух названных выше чиновников заключалась в контроле за ходом получения результатов главами районов, городов или деревень, на территории которых произошло преступление. Созданная система работала примерно так: в случае нераскрытия преступления нанесенный пострадавшей стороне материальный ущерб возмещался главой деревни или клана, который, в свою очередь, издержки возлагал на жите-

⁶ Махмуд-шах правил с 1801 по 1803 г., затем до 1809 г. власть перешла к Шах Шудже, который был свергнут, а Махмуд повторно вернулся и правил до 1818 г.

⁷ Массон В.М., Ромодин В.А. Указ. соч. Т. II. С. 151–153.

лей подконтрольной ему территории⁸. То есть в стране на уровне низших звеньев социальной цепи создавалась своего рода система коллективной ответственности, продолжавшая в разной форме существовать и в XX в.

Механизмом практического взаимодействия и связи властей с обществом служила система откупа, выступавшая удобным для существовавшего строя инструментом, эффективно применявшимся во всех сферах жизнедеятельности. Она предоставила возможность стабильно и своевременно получать доходы, необходимые для покрытия расходов правителей, ограничившихся удовлетворением личных потребностей, предоставлением субсидий *джагирдарам*⁹, вождям племен, родо-племенным группам и клерикалам, а должностным лицам всех уровней — максимизировать собственную прибыль. В откуп сдавались не только земли, деревни или целые районы, но также должности и позиции государственной власти, не имевшие какого-либо прямого отношения к хозяйственной деятельности¹⁰. Следовательно, власти использовали предельно доступные источники сбора средств с населения. Откуп позиций *дароги* (ответственный за порядок на базаре), *миршаба*, *мохтасиба* и прочих должностей служит примером того, как работали механизмы государственной машины¹¹.

Государство через центральную казну, как уже отмечалось, распределяло исключительно субсидии, а на местах собственные доходы служащих в подавляющем большинстве случаев формировались через систему откупа. Это говорит об отсутствии прямой связи между властями и населением и, более того, власть над по-

⁸ Elphinstone, M. Vol. II. P. 265.

⁹ *Джагирдар* «جاگیردار», означающее владетель *джагира*, происходит от персидского «جاگیر», что в переводе означает "державший место" — распространенная в XVI–XIX вв. форма землевладения в Афганистане и соседних с ним странах. *Джагирдар* взамен предоставления определенного количества отряда конницы правителю получал в свою пользу часть земельного налога с выделенной для него территории. Однако он при этом не становился собственником земельного участка, который продолжал принадлежать государству.

¹⁰ «В частности, в Герате мясные рынки, мыловаренные единицы, торговля медной посудой и скобяными изделиями, столярные изделия, ремонт старой мебели и даже обуви и перевозка воды — все это сдавалось в откуп» (Ferrier, J. P. History... P. 325).

¹¹ Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 70–71.

следним находилась в руках откупщиков, выше которых трудно было донести свои проблемы, а верховная власть особо не вмешивалась в отношения между сторонами.

В первом десятилетии в ходе борьбы между братьями-наследниками династии садозаев особых перемен не наблюдалось. Представители племени баракзаев в очередной раз демонстрировали возможности повлиять на политические процессы, происходившие в королевстве. Главная роль в повторном восшествии Махмуд-шаха на престол снова принадлежала Фатх-хану, фактически решавшему все вопросы государственной важности, усиливая при этом влияние клана баракзаев путем назначения в качестве правителей в ключевых провинциях собственных братьев.

Частичное реформирование социально-экономической политики инициировал сын Махмуд-шаха принц Камран, назначенный правителем Кандагара, экономического и политического центра привилегированного племени дуррани. Он одновременно взялся за решение двух задач: сокращения материального благосостояния этого племени и ослабления политического влияния представителей баракзаев на королевство.

Реформы, введенные им, напрямую направлялись против экономических интересов дуррани, захвативших к тому времени большую часть плодородных земель города и окрестных районов. Изменения были обусловлены возникшими экономическими обстоятельствами, а именно сокращением доходов казны вследствие прекращения военизированных походов в другие регионы. Следовательно, услуги дуррани в качестве воинов более не были востребованы, а доходы от плодородных земель по-прежнему продолжали поступать к ним, что не устраивало правителя. С другой стороны, Камран, как и собственно сам шах, находился под влиянием визиря, но пристально следил за все более усиливавшейся позицией всех представителей семьи последнего. Визирь на базе своего клана и многочисленных братьев создал твердую почву, способную противостоять не только оппонентам центральной власти, но и самому правителю. Из числа его братьев вскоре на передний план вышел Дост Мухаммад, накопивший большой опыт за годы служения у Махмуд-шаха. Личность будущего правителя формировалась в условиях военных походов и грабе-

жей старшего брата, что в последующем оставило след на его поведении. Сражаясь за восстановление власти Махмуд-шаха, Дост Мухаммад принимал участие во многих событиях, имевших негативные последствия для его репутации, но решающим моментом в отношениях шаха и влиятельного визиря стали события в Герате, в результате которых пострадал член королевской семьи (дочь Махмуд-шаха). Крутым образом изменилась судьба как самого Фатх-хана, так и правящей династии. Камран воспользовался случившемся и, несмотря на негативную реакцию самого Фатх-хана на совершившееся, решил окончательно закрыть волнительный для него вопрос.

Махмуд-шах, а в большей степени принц, жестоко обращавшиеся с визирем под предлогом мести, не принимали во внимание мощь и возможности баракзаев, окончательно лишивших садозаев власти над страной (если не считать непродолжительный приход к власти Шаха Шуджы при поддержке англичан). В итоге власть принца Камрана вместе с шахом ограничилась пределами Герата, куда они впоследствии перебрались¹². Баракзаи во главе с братьями Фатх-хана вышли на политическую арену, а фактическим лидером после непродолжительного правления прочих родственников в качестве правителей Кабула стал Дост Мухаммад. До 1826 г. между правителями продолжалась борьба за власть, пока Дост Мухаммад при поддержке кызылбашев не занял Кабул и прилегающие к нему районы.

Период правления Дост Мухаммада был сложным в том отношении, что доходы королевства в силу разделения государства на несколько самостоятельных владений (Гератский, Кандагарский, Кабульский) под управлением баракзайских братьев еще больше сократились. В области экономики он основное внимание обратил на торговлю как источник, приносящий живые деньги. Авторы, посетившие в рассматриваемое время Афганистан, исходя из собственных наблюдений и оценок дают характеристику и описывают социально-экономическую обстановку того периода. Ч. Массон говорит о популярности среди жителей правителя

¹² Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I... P. 123; 104–105.

Кабула, имевшего положительный отзыв не только у афганцев¹³, но и индусов, которым позволил приближаться к себе¹⁴. Два эмиссара из одной и той же экспедиции по-разному оценивают положение дел в королевстве Дост Мухаммада. В одном случае¹⁵ говорится о полном обеспечении условий для развития торговли, в частности транзитной при пересечении границ территорий, что раньше невозможно было представить из-за отсутствия безопасности. Социальная справедливость констатировалась на уровне всех классов, неприкосновенность собственности подданных, отсутствие жестких законов и норм, за исключением наказаний за употребление алкоголя, защита интересов и собственности купцов. Особенно интересна оценка состояния афганской армии, регулярность выплаты жалования. Такое мнение, судя по сообщениям, формировалось на основе полученной от жителей информации, а не собственных наблюдений и исследований. Взгляд на правителя глазами самих подданных, сравнивавших его с предыдущими, на фоне которых он мог выглядеть гуманным и сильно отличался своими относительно положительными качествами, дает иную картину.

Дост Мухаммад стремился к лидерству, поэтому первым делом планировал вернуть под свой контроль Пешавар как важный источник формирования доходов казны. Тем временем Шах Шуджа воспользовался возникшей ситуацией, при которой, с одной стороны, возросло недовольство населения политикой баракзайских правителей, с другой, формировались сложные отношения между ними самими, и предпринял попытку овладеть всем Афганистаном, закончившуюся его поражением в Кандагаре (1833 г.). Выиграв битву, Дост Мухаммад объявил себя эмиром правоверных, а не шахом, как было принято при садозаях. Выбор в пользу такого варианта не был случайным, поскольку афганский правитель теперь являлся не только руководителем мирского, но и духовного сословия, что позволило ему издавать соответствующие указы в качестве духовного предводителя, а прежде всего дава-

¹³ Афганцами традиционно называют пуштунов, следовательно, здесь и далее под этим названием подразумеваются они.

¹⁴ Masson, Ch. Vol. I. P. 252.

¹⁵ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. II. P. 330–332.

ло право объявлять джихад без обращения к богословам¹⁶. Возможно, этим он еще и намеревался обойти и изменить традиции предшественников, предать забвению все ими созданное, предложить что-то новое. Он, предпочитая придерживаться традиционных пуштунских правил, помимо прочего добавил к своему имени окончание «хан» (в отличие от Ахмад-шаха, который до восшествия на престол был Ахмад-ханом, а также других правителей из династии садозаев).

Титул эмира служил, во-первых, инструментом получения легитимности при объявлении священной войны против сикхов, тем более в условиях отсутствия средств для похода в Пешавар, во-вторых, позволял взять под контроль деятельность самого духовенства, которое во многом являлось независимым и способным влиять на ход развития политических событий. Это имело идеологическое значение в том плане, что для солдат, воюющих под знаменем религии, была важна легитимность личности правителя, издающего фетву. Решение нового эмира вызвало недовольство многих из числа близких родственников¹⁷, возможно, предугадывавших дальнейшие последствия предпринятых им шагов.

Эмир сосредоточился на расширении границ своего государства, а, следовательно, поиске средств создания армии, необходимой для организации походов. Ограниченность собственных ресурсов королевства не позволяла реализовывать намеченные планы, следовательно, попытка вернуть под контроль Пешавар и другие районы закончилась неудачей и в целом области к востоку и юго-востоку были окончательно потеряны для Дост Мухаммада. Это обстоятельство вынудило его пересмотреть прежнюю политику в пользу северных направлений¹⁸.

Дост Мухаммад продолжил политику поэтапного покорения районов к северу от Кабула, население которых состояло преимущественно из непуштунов, путем физической ликвидации мест-

¹⁶ Harlan, J. A memoir of India and Afghanistaun. — Philadelphia: J. Dobson, 1842. P. 123.

¹⁷ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 169.

¹⁸ История Афганистана с древнейших времён до наших дней. — М.: Мысль, 1982. С. 153.

ных элит и старейшин. Наряду с экономическими интересами серьезным фактором противостояния общества стало национальное различие. Местная знать и духовенство, помимо страха перед негативными политическими и экономическими последствиями, не были готовы воспринимать власть эмира-пуштуна. Результатом такой политики здесь и в других местах стал рост внутренней миграции относительно влиятельной группы населения в более отдаленные от Кабула районы. Жители Кухистана, не желавшие подчиняться власти эмира, переселялись в северные районы Кундуза, Балха и другие места¹⁹.

Активизация английских военных эмиссаров под видом путешественников в целях изучения военной мощи, экономического потенциала, настроений и отношения афганских подданных между собой, а также к правителю подготовила почву для последующего вторжения в Афганистан. Англичане достаточно долго и тщательно готовились к оккупации афганских земель. Об этом прежде всего свидетельствует факт предоставления убежища Шаху Шудже в Индии за счет британских средств. Его содержание на протяжении двух десятков лет, а также расходы на саму афганскую кампанию обошлись в нескольких миллионов фунтов стерлингов²⁰. Средств не жалели и на вторую англо-афганскую войну, расходы которой, по некоторым данным, составляли примерно 13–20 млн фунтов стерлингов²¹.

Наблюдения по части социально-политической и экономической жизни дали им основания полагать, что в стране существуют благоприятные условия для установления собственного контроля путем свержения действовавшего эмира²². Правление Дост

¹⁹ Burnes, A. Cabool... P. 56.

²⁰ На содержание Шаха и его семьи за время нахождения в Лудиане в течение 20 лет было потрачено 300 тыс. фунтов стерлингов (Kennedy, R. H. Narrative of the campaign of the Indus, in Sind and Kaubool in 1838–9. V. I. — L., 1840. P. 277).

²¹ Hanna, H. B. The second Afghan war, 1878–79–80: its causes, its conduct and its consequences. Vol. I. — Westminster: A. Constable, 1899–1904. P. 2.

²² Такое мнение бытовало и среди отечественных исследователей и знатоков региона. П. И. Демезон в записке от 1834 г. писал: «Афганистан, терзаемый в течение нескольких лет междоусобными войнами, беспрестанно нарушающими спокойствие, находится сейчас на пороге одного из своих сильнейших политических кризисов, результаты которого трудно предугадать: то ли

Мухаммада действительно было тяжелым периодом, как и при остальных прежних правителях. М. Лал перечислил 12 причин, по которым представители разных народов и групп афганского общества негативно относились к власти эмира. Это касалось конфискации земельной собственности представителей племени дуррани, ограничения их прав и привилегий, недовольства среди военачальников и солдат из-за низкого жалования, физической ликвидации представителей знати регионов, вымогания денег у торговцев, сокращения пособий клерикалам, дружеских отношений с персидским шахом-шиитом, других вопросов, вызвавших недовольство жителей²³. В первые месяцы первой англо-афганской войны английские войска при передвижении в Кандагар и далее в другие районы особого сопротивления со стороны афганцев не встречали, что еще больше усилило их уверенность в правильности предпринятого шага, но захват Кабула, восстановление Шаха Шуджы на афганском престоле, разработка механизмов решения социально-экономических вопросов постепенно привели к разногласиям между английской администрацией и правительством шаха. Проблема заключалась в незнании, непонимании и неправильности выбора подходов англичан в зависимости от обстановки, менталитета элит, с одной стороны, и простого народа с другой. Проблем к этому добавилось в связи с прибытием в Кабул многочисленного иностранного отряда, имевшего большие материальные ресурсы, с которыми не смог справиться внутренний рынок со своим ограниченным потенциалом.

государство будет восстановлено, то ли придет к полному краху, но последствия эти не замедлят сказаться на политике государств, окружающих его или поддерживающих с ними политические или торговые связи. Шах Шуджа ... пытается склонить Индийскую компанию предоставить ему помощь, чтобы вновь завоевать Афганистан. ... Афганцы, долгое время страдающие от жестокого гнета Дост Мухаммад-хана и его братьев, склонны принять сторону их законного монарха в надежде положить конец или, по крайней мере, облегчить свои страдания. Узурпатор дрожит в Кабуле на разваливающемся троне, и вскоре, вынужденный спасаться бегством, он должен будет уступить афганскую корону принцу, который явится вассалом англичан» (Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича. М.: Восточная литература, 1983. С. 22–23).

²³ Lal, M. *Life of the Amir Dost Mohammed Khan...* Vol. II... P. 309.

Провал английской политики в Афганистане в период первой англо-афганской войны в высокой степени был связан с вмешательством английской администрации Кабула во внутриафганские дела, концентрацией в своих руках почти всей полноты власти, а не с личностью шаха и его окружением, как это преподносится многими английскими политиками и исследователями XIX в. Это был первый в истории страны неудачный иностранный эксперимент ускоренной реформы социально-экономической, военной и политической жизни Афганистана, имевший негативные последствия для всех его участников. Отношения между английской администрацией и шахским двором изначально развивались в противоположном направлении. Первые исходили из общепринятых европейских правил, а последние — из традиций, ценностей и подходов, знакомых афганскому обществу. Англичане вмешивались во все вопросы, связанные с управлением страной, начиная с налогов и пошлин, регулирования цен на рынке продовольственных товаров, назначения субсидий вождям племен и заканчивая реформированием государственной структуры и армии.

Реформы были необходимы для афганского общества, но им прежде всего противостоял не простой народ, а вожди племен и элита, поскольку материальные потери, следовавшие за ними, ничем не могли компенсироваться. Реакция на начавшуюся на равном месте политику ограничения власти вождей племен, которая обеспечивала центр иммунитетом, всегда оставалась негативной, но в данном случае еще больше усилилась, поскольку инициативы исходили от иноверных иностранцев. Следовательно, в сложившихся условиях любая провокация могла закончиться всенародным восстанием под знаменем священной войны против чужеземцев. Англичане рассчитывали на поддержку шаха со стороны соплеменников из числа близких к садозаям клана дуррани, но баракзай, во-первых, к этому времени получили легитимность в глазах народа, во-вторых, Дост Мухаммад ликвидировал большую часть недовольной элиты, а оставшиеся к его власти относились равнодушно²⁴.

²⁴ Malleon, G. B. History of Afghanistan, from the Earliest Period to the Outbreak of the War of 1878. — L., 1878. P. 403–407; Ferrier, J. P. History... P. 343.

Скрытое соперничество между английской администрацией и Шахом Шуджой косвенно подтверждается и М. Лалом, писавшим о зависти шаха к возросшей ее мощи и влиянию, росту популярности среди народа²⁵. На самом деле англичане в определенной степени на завоевание расположения вождей племен, других влиятельных лиц потратили ресурсы казны, но это долго не могло продолжаться, поскольку из Индии поступило указание о заметном сокращении затрат в Кабуле. Руководство Ост-Индской компании смотрело на афганский вопрос сквозь призму экономических интересов, не думая о политических последствиях принимаемых решений в той части, что касалось сокращения расходов и, в частности, экономии средств, предназначенных на субсидии и подкуп знати. Война действительно была затратной, поскольку по одним данным, например, за период двух англо-афганских войн британцы в Афганистане потеряли около 100 тыс. верблюдов, использовавшихся в качестве вьючного скота²⁶, не говоря уж о других сторонах материальных потерь.

К борьбе против английской оккупации в итоге присоединились все слои афганского общества. Всеафганское народное восстание играло важную роль для исхода войны, но приписывание результатов первой англо-афганской войны простому народу как главной решающей силе в национальной политике, способной сместить правительство, восстановить прежнюю власть, является преувеличением²⁷. Народ, всецело озабоченный поиском решений материальных проблем, только в исключительных случаях включался в политику и, следовательно, его объединил лишь призыв служителей культа, объявивших священную войну против иноверцев, искусственно создавших, по мнению клерикалов, продовольственный кризис в стране. Возможно, если бы материальные интересы афганского общества не были задеты, вероятность восстания против англичан была бы не так велика. Простой народ, тем более сельское население, вряд ли мог понять истинную

²⁵ Lal, M. *Life of the Amir Dost Mohammed Khan...* Vol. II. P. 313–314.

²⁶ Gregson, Rev. J. Gelson. *Through the Khyber Pass to Sherpore Camp, Cabul. An Account of Temperance Work among our Soldiers in the Cabul Field Force.* — L.: Elliot Stock, 1883. P. 31.

²⁷ Barfield, T. J. *Afghanistan...* P. 133.

причину призывов и лозунгов борьбы против «неверных оккупантов». Без вмешательства и помощи вождей племен, знати и духовенства народ не был способен организовать мощное выступление против хорошо вооруженной и дисциплинированной армии. Он служил лишь инструментом борьбы в руках элиты. Кроме того, всеобщий гнев можно было направить исключительно против англичан по той причине, что те стояли за всеми реформами, приведшими к кризисной ситуации. Шах препятствовал реализации многих планов, а его министр Мулла Шукур открыто обвинял англичан в возникшем в Кабуле продовольственном кризисе. Тот же шах, проводивший два десятилетия в британской Индии, во многих отношениях остался неизменным в плане мировоззрения. Что же тогда можно говорить об ускоренном позитивном влиянии на сознание масс присутствия иностранцев, которые большую часть своего времени находились в Кабуле и мало контактировали с населением? И это был первый в истории Афганистана случай, когда немусульманские военные силы из Европы, вторгшись в страну, создали своими реформами экономическую ситуацию, которая затронула интересы всех слоев общества, в частности рядовых жителей. Клерикалы совместно со знатью для отстаивания своих материальных интересов пустили в ход самый подходящий инструмент — религию. Политическое мышление афганского общества после окончания войны осталось на исходном уровне, о чем свидетельствует его пассивное отношение к произволу правителей в последующие десятилетия.

Английское вторжение отбросило страну назад, и после возвращения из Индии эмиру пришлось заново направить усилия на подчинение регионов своей власти. Страна еще на несколько лет погрузилась в хаос, следствием которого стало продолжительное кровопролитие. Народ Афганистана впал в смятение из-за непрекращающихся междоусобиц и гражданской войны, разделившись на многочисленные независимые друг от друга племена, каждое из которых отдельно управлялось вождем²⁸.

Второй период правления эмира Дост Мухаммада (1842–1863 гг.) прошел в новых политических и экономических усло-

²⁸ Harlan, J. A memoir... P. 8–11.

виях. Сегодня ситуацию после окончательного ухода садозаев с политической арены оценивают по-разному. Считается, что структура правительства стала намного сильнее, а восстановивший свою власть эмир — основным бенефициаром внутренних реформ, проведенных британцами, в частности, их создания более профессиональной армии и улучшенной налоговой структуры²⁹. В реальной действительности Дост Мухаммад получил в наследство доведенную до разорения столицу, разрушенную, разделившуюся на мелкие части страну, вопрос возвращения которых в орбиту центральной власти требовал новых усилий. От созданной англичанами армии фактически ничего не осталось. Для самого Афганистана это была последняя попытка садозаев вернуть власть над страной, после чего междинастическая борьба окончательно завершилась, но возникла новая угроза внешнего вторжения.

Трудно также согласиться с выводами, согласно которым контакты с британцами способствовали укреплению государства дуррани и элиты³⁰, поскольку непродолжительное присутствие в Кабуле вызвало к подконтрольному англичанам центральному правительству ненависть не только населения, но и племенной верхушки. Об этом также говорит отношение к сотрудничавшим ранее с англичанами афганцам, подвергшимся позже преследованиям. Только небольшая часть жителей столицы и окрестных районов, нанявшаяся на выполнение работ по заказу англичан, а также служащих созданных батальонов имела возможность немного приобщиться к новой культуре. Как показывала практика, афганское общество на уровне простого народа и далее не интересовалось политикой, относительно крупные восстания и впредь продолжали происходить в зависимости от характера отношений между вождями племен или между местными правителями и центром. Следовательно, народ, несмотря на частичное знакомство с современным вооружением, остался таким же пассивным, каким был перед первой англо-афганской войной, никакой самостоятель-

²⁹ Barfield, T. J. *Afghanistan...* P. 127.

³⁰ Там же. С. 130.

ной роли не стал играть ни во внутренней, ни во внешнеполитической жизни страны.

Восстановив собственную власть в Кабуле, Дост Мухаммад приступил к следующему этапу расширения границ собственных владений, формированию структуры государственной власти. В отличие от Фатх-хана, ставку эмир сделал на своих прямых потомков, лишая власти в регионах родных и сводных братьев, других, более дальних родственников. Это был шаг в сторону усиления власти. В Джелалабаде Наваб Мухаммад Заман-хан (дядя эмира) был отстранен, а вместо него назначен Сардар Мухаммад Акбар-хан (сын Дост Мухаммада), вместо Сардара Шамсуддин-хана (племянника) правителем эмир Газни назначил второго сына, Сардара Голам Хайдар-хана. Таким же образом поступил с Навабом Джаббар-ханом (сводный брат эмира), которого он отстранил от управления ареалами проживания гильзаев. Эти действия привели к ухудшению отношений между ним и другими родственниками³¹.

Дост Мухаммад стал проводить более активную внутривнутриполитическую деятельность, повысил интенсивность военных действий, направленных на возвращение в орбиту централизованного государства ведущих ныне автономную политику региональных правителей. Страной формально правил эмир со своими многочисленными сыновьями и некоторыми более дальними родственниками, власть которых опиралась на традиционный метод правления, при котором *сардары* и вожди племен в большинстве случаев выступали в качестве *джагирдаров* или были обязаны ежегодно вносить в казну налоговые поступления. По сути это было государственное устройство под номинальным правлением эмира и фактическим обладанием ситуацией на местах региональными правителями разного уровня и калибра, племенными вождями, ханами, мирами. Следовательно, в стране было «столько государей, сколько сардаров». Последние не были заинтересованы в усилении позиции центральной власти, что могло лишить их политического влияния на местном уровне, экономических дивидендов. Следовательно, сардары, понимавшие уязвимость

³¹ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. II. P. 309.

собственного положения, старались максимизировать свое экономическое состояние за минимальные сроки, что в свою очередь усилило материальное давление на самые низшие звенья общества — земледельцев и скотоводов. Это происходило на всех уровнях социальной лестницы афганского общества и стало нормой³².

Свои позиции центральная власть укрепила и распространила во всех больших регионах, находившихся от нее в номинальной зависимости. По отношению к прежним сардарам из числа династии баракзаев местами применялась политика дипломатии. В 1856 г. под предлогом разрешения разногласий между местными правителями Дост Мухаммад при сопровождении войск направился в Кандагар, чтобы сосредоточить в своих руках политическую и экономическую власть над важным для центра регионом. Кандагарские правители в итоге лишились влияния на ситуацию, поскольку безопасность города была поручена войскам, прибывшим из Кабула, а это полностью исключило возможность оказывать сопротивление. Вторым шагом стала ревизия и перераспределение доходов Кандагара по новому принципу, согласно которому бюджет разделился на две части: 1) выплаты солдатам, охранявшим город и 2) субсидии правителям, на что направляли оставшиеся 1,496 млн рупий. Эмир по своему усмотрению распределил эти средства между самыми влиятельными людьми. Например, Рахмдиль-хан получил 500 тыс., Мир Афзаль-хан — 200, Хошдиль-хан — 170, Гулам Мохеддин-хан — 120, Шер Али-хан — 120, Султан Али-хан — 100 и Мунаввардиль-хан — 70 тыс. Эти суммы регистрировались и распределялись как годовые субсидии (*танхах*). Прочие сардары также не остались без внимания. Еще 236 тыс. рупий были распределены между ними в зависимости от статуса каждого³³.

Правители, лишившиеся части своего годового дохода, а, следовательно, политического влияния, выразили крайнее недовольство решением эмира, но имевшиеся в их распоряжении силы не позволили им противостоять новой власти. Следовательно, одна часть вынужденно приняла новые условия, ограничившие ее по-

³² Ferrier, J. P. History... P. 302–303.

³³ Катиб, Файз Мухаммад... С. 220–221.

литические и экономические возможности, другая во избежание материальных потерь покинула Кандагар, но, несмотря на это, на нее распространились принятые эмиром положения касательно отчисления суммы дохода, превысившей необходимые расходы, в счет содержания солдат³⁴.

Подчинив собственной власти северные регионы и Герат, Дост Мухаммад умер в 1863 г. За 20 лет страна не видела положительных социально-экономических изменений, но в политическом плане был заложен фундамент объединения всех самостоятельных владений и территорий под единым центром. Наследники эмира по сложившейся традиции не смогли прийти к общему мнению относительно будущего правителя, но для каждого претендента важно было получение признания со стороны Англии, поэтому старались заручиться ее политической поддержкой.

При Дост Мухаммаде англичанам частично удалось утвердить политическое влияние над Кабулом, следовательно, последующие претенденты на власть и эмиры во внешних сношениях ориентировались на Англию, старались наладить дипломатические контакты, но всякий раз только при возникновении противоречий вынуждены были обращать взор на Россию для поиска помощи и поддержки. Таким образом, в начавшейся борьбе между наследниками — Афзаль-ханом и Азим-ханом против Шер Али-хана обе стороны отправили письма в Индию для выражения лояльности и гарантии продления прежних договоренностей с Англией, но получили вежливый отказ. Афзаль-хан после получения ответа подготовил секретную миссию для переговоров с Россией³⁵. В борьбе между Афзаль-ханом и Шер Али-ханом англичане заняли выжидательную позицию, не торопясь признавать какую-либо из сторон, пока противостояние в итоге не решилось в пользу последнего. Нейтральная позиция англичан на практике означала затягивание конфликта, дававшего возможность максимально увеличить потери противоборствовавших сторон, истощить имевшиеся в их распоряжении ресурсы, после чего можно было бы на своих условиях разговаривать с ослабевшим с экономиче-

³⁴ Там же.

³⁵ Roberts, F. Forty-one years in India: From Subaltern to Commander-in-chief. — L., 1901. P. 304–305.

ской и военной точек зрения победителем. Иными словами, Англия продолжила невоенными способами втягивать Афганистан в орбиту влияния собственной внешней политики.

Шер Али-хану с признанием его власти на конкретных условиях назначили ежегодную субсидию за счет английской казны, позволившую контролировать внешнюю политику Афганистана. В рамках подписанного соглашения афганского правителя, в частности, обязывали воздерживаться от агрессивных и провокационных действий в отношении британской Индии, вступать с другими странами во внешние сношения без согласия и ведома Англии, отказаться от любых контактов с Россией, разрешить британским агентам находиться в Герате и других местах приграничных районов, определить и провести демаркацию границы в составе смешанной комиссии из британских и афганских офицеров, допустить свободное обращение товаров на основных торговых путях. Условия также включали проведение телеграфной линии, открытие Афганистана для свободного посещения англичан — как официальных, так и неофициальных лиц, принятие мер по обеспечению их безопасности. Что касается последнего пункта, то эмир освобождался от полной ответственности за возможные отдельные несчастные случаи³⁶.

С другой стороны, внутриафганская политическая обстановка оставалась беспокойной, отношения между центром и регионами, особенно северными, находились в прямой зависимости от положения центральной власти. Принудительно включенные в состав Афганистана регионы фактически не стали частью единого государства, лояльность центру держалась на личности правителя, и любой повод мог привести к попыткам встать на путь независимости. Слухи о болезни Азим-хана (брата и соперника Шер Али-хана), например, не успели еще распространиться, как недавно покоренные районы севера, такие как Андхой, Сари-Пуль, Шибирган, подняли восстание против Кабула³⁷. Однако с утверждением Шер Али-хана на афганском престоле подобные попытки правителей из числа местных народов окончательно прекратились.

³⁶ Roberts, F. Forty-one years in India: From Subaltern to Commander-in-chief. — L., 1901. С. 330–331.

³⁷ Narrative of recent events... P. 59.

Особенностями внутренней политики Шер Али-хана являлись иные, отличные от Дост Мухаммада, принципы правления регионами. При нем во властных структурах, в первую очередь в провинциях, назначались преимущественно сторонники (за исключением принца Якуб-хана), а не близкие родственники из числа наследников³⁸. У эмира появилось понимание того, что члены королевской семьи, особенно на постах в регионах, могли выступать главными претендентами на центральную власть, угрожать ее существованию, а иногда питать склонность к самостоятельности. Последняя черта характера была присуща и многим вождям племен, ханам и региональным мирам.

Период правления Шер Али-хана отличался первыми предпринятыми в истории страны попытками модернизации социально-экономической жизни, создания государственной структуры, при которой не один человек в лице эмира, а созданный специальный орган власти должен был принимать важные государственные решения. В этих целях на уровне верховной власти учреждался уполномоченный Совет, в задачи которого входило принятие решений по всем административным вопросам. Совет не был постоянно действующим органом, а созывался два раза в неделю. Теоретически механизм его работы сводился к принятию мнения большинства членов при обсуждении важных вопросов, но на практике он демонстрировал недееспособность, поскольку фигура эмира продолжала играть центральную и главенствующую роль. Интересным моментом является география, социальное происхождение и этническая принадлежность членов созданного Совета — в нем оказались не только пуштуны. Из 13 человек шесть были представителями Кабула (трое из числа придворных должностных лиц и трое — от городской элиты), один — правитель Кунара, по три человека из Кухистана и племени *гильзай*. Примечательно, что по своему национальному составу половину представителей столицы составляли кызылбаши³⁹. Как видно, ни один из членов королевской семьи не был включен в Совет.

³⁸ Там же. С. 66.

³⁹ Там же. С. 83–84.

Шер Али-хан, подобно всем афганским правителям, резко и жестоко реагировал на мятежи и попытки переворота. Например, только в Кандагаре до 87 влиятельных людей по подозрению в причастности к восстанию Мухаммада Якуба-хана (1870 г.) были арестованы, 27 из них казнены. Около 12 из числа руководителей города Кандагара, арест которых стал невозможным в период вспышки голода и засухи, исчезли, в чем прежде всего подозревали эмира. К мятежу были причастны еще около 15 влиятельных людей Замин-давара, арестовать которых не удалось, поскольку дальше от провинциального центра, в ареалах проживания племен, сложнее было произвести подобного рода мероприятия. Наказание не ограничилось этим — осуществлялась конфискация и продажа принадлежавшего им движимого и недвижимого имущества⁴⁰.

Двухсторонние отношения с англичанами, несмотря на относительно хорошее начало, с 1873 г. начали изменяться, констатировалась переориентация курса афганской внешней политики. Это особенно проявлялось в отказе эмира от получения ежегодных английских субсидий, поисках путей налаживания контактов с Россией, изменениях в торговле и других сферах афганской жизни. Претендовавший на трон принц Якуб-хан для достижения своих целей искал помощи у англичан, предоставлял информацию о сношениях эмира с Россией, росте влияния русской торговли на афганскую жизнь. Генерал Ф. Робертс отмечал, что на рынке Кабула к указанному времени можно было обнаружить «гораздо больше русского, чем английского»⁴¹. Это касалось одежды афганских *сардаров*, офицеров, одетых в форму русского образца, наличия российских денежных купюр в казне, товаров российского производства на городских базарах. Эти и другие обстоятельства, связанные со стремлениями вести курс независимой от Британии внешней политики, привели к повторному вторжению англичан в Афганистан, принуждению через три месяца после смерти Шер Али-хана эмира Якуб-хана к подписанию 26 мая 1879 г. Гандамакского соглашения. В нем, помимо выделения ежегодной субсидии

⁴⁰ Narrative of recent events... С. 199.

⁴¹ Roberts, F. Forty-one years... Р. 421.

эмиру в размере 600 тыс. фунтов стерлингов, рассматривались передача под полный контроль англичан внешней политики Афганистана, постоянное присутствие английской миссии в Кабуле, отказ от части районов (Куррам и Пишин, Сиби, перевала Хайбер) в пользу британцев, расширение их роли в афганской коммерции. Присутствие английской миссии в Кабуле (24 июля 1879 г.) стало непродолжительным, поскольку афганские военные, почувствовавшие при Шер Али-хане силу и власть, по инерции стали требовать от новых властей выплаты задолженности по жалованиям, что закончилось 03 сентября 1879 г. убийством посланника Н. Каваньяри, который с первых дней появления в Кабуле начал повторять ошибки администрации при первой войне, вмешиваясь во внутренние дела⁴². В результате началась вторая фаза второй англо-афганской войны, закончившаяся приходом к власти эмира Абдуррахман-хана.

Новый афганский правитель во внешней политике придерживался той же линии, что и его предшественники. Согласившись на ежегодные субсидии англичан, он отказался от ведения самостоятельной и независимой внешней политики. Его внутренняя политика также была продолжением реформ, предпринятых Шер Али-ханом, но реализовывалась более жесткими методами. При нем произошло усиление позиции и роли центральной власти, создавался механизм аккумуляции налоговых поступлений в центральную казну, формировалась государственная структура с чиновничьим аппаратом. Доступными политическими и экономическими инструментами, включавшими ограничение властных полномочий, лишение денежных доходов, направление налоговых поступлений в центральную казну, он усилил давление на вождей племен и местных правителей. В то же время многие решения эмира, адресованные конкретным группам населения, могли спровоцировать мятежи, что также являлось частью внутренней политики. Такими методами создавался повод для применения армии и добровольцев в целях окончательного подчинения недовольных реформами воле центральной власти, отстранялись от управления регионами представители местных кланов, появлялся чиновни-

⁴² Риштия, С. К. Афганистан дар карне ноздахом. — Пешавар, 1998. С. 331.

чий аппарат из должностных лиц, назначенных Кабулом и подчинявшийся только центру. Это частично снизило угрозы сепаратизма и заговоров против центральной власти со стороны вождей племен, верхушки этнических меньшинств⁴³.

В зависимости от ситуации эмир в одних случаях соглашался на переговоры с представителями племен и этносов, в других — применением силы заставлял подчиняться собственной власти, последовательно шел к поставленной цели. В качестве примера можно указать проблему племени *шинвари*, начавшуюся в связи с взиманием пошлин на участке между Даккой и Ланди-ханой в Хайбере, на который ими было получено законное право при прежних правителях. Процесс централизации непосредственно затронул их интересы. Переход контроля на участке под отправленный из Кабула гарнизон вызвал недовольство племени, что позволило эмиру идти на дальнейшую эскалацию отношений. Спровоцированные действиями эмира *шинвари* встали на путь грабежа, совершая набеги на караваны, что дало повод применить против них войска⁴⁴. Эмир такими способами постепенно избавился от большинства видных представителей пуштунских племен, включая популярных среди народа героев второй англо-афганской войны, не согласных с его политикой⁴⁵.

Крайне жестокий характер и методы управления страной принесли Абдуррахман-хану прозвище «железного эмира», но не могли остановить рост коррупции во всех уровнях государственной власти, предотвратить попытки восстаний, необходимость подавлять сепаратистские настроения в регионах. Его практика выбора кадров показала, что назначение на постах в регионах из числа своих родственников продолжало выступать серьезной угрозой для территориальной целостности страны. Наглядным примером служил мятеж двоюродного брата эмира Исхак-хана, губернатора афганского Туркестана. Понимая важность выбора и назначения на местах чиновников, эмир держал в стороне от управления страной или под собственным строгим наблюдением всех близких и дальних родственников. Наследники престола со временем

⁴³ Kakar, M.H. A political and diplomatic... P. 137.

⁴⁴ Kakar, M.H. Afghanistan: A Study... P. 93–101.

⁴⁵ Там же. P. 116–117.

занимали должности в самом Кабуле на уровне созданных министерств и ведомств, но по-прежнему происходили попытки соплеменников эмира (*мухаммадзаи*) легальным способом принимать участие в государственных делах.

Ввиду стремления эмира дистанцироваться от прежних методов и систем управления, основанных на родственных связях, в обращении за подписью 72 человек из числа авторитетных членов мухаммадзаев излагалась просьба к эмиру предоставить им право в целях «улучшения» работы органов власти (без получения какой-либо официальной должности) заниматься наблюдением за работой губернаторов, сборщиков налогов, других должностных лиц с последующим осведомлением правителя относительно фактов нарушений или наличия иных проблем. По сути, такая «забота» означала желание косвенно участвовать в управлении страной, создать надправительственную надзорную структуру, чтобы получить власть над государственными чиновниками⁴⁶. Эмир согласился на такое предложение: хотя оно на практике представляло собой систему слежки, фактически было серьезным инструментом давления на чиновников.

После разрушения англичанами Кабула Абдуррахман-хан лишился не только примитивной системы власти, созданной его предшественником, но и имевшейся инфраструктуры, включавшей резиденцию короля, городской базар и другие немногочисленные объекты⁴⁷. Механизмы государственной власти восстанавливались и создавались в условиях отсутствия людских ресурсов, более или менее знакомых с грамотностью, не говоря об искусстве управления государством. Работа государственной машины

⁴⁶ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 661–662; Катиб, Файз Мухаммад... С. 932–934.

⁴⁷ Абдуррахман-хан дал следующее описание состоянию, в котором находился Афганистан в момент его прихода к власти: «не только налицо были — и притом в высшей степени — причины разрушения страны, но рядом отсутствовали всякие источники прогресса, которые не только находились на низком уровне и в скверном состоянии, но даже не видно было признаков, чтобы они когда-нибудь существовали. ... Я, будучи государем страны, при восшествии на престол встретил затруднение даже в том, что мне негде было поселиться, потому что дворец в Бала-Хисаре, служивший резиденцией моих предков, был разрушен английскими войсками, а другого государственного дома не было» (Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 299–301).

осложнялась также отсутствием элементарных первичных нормативов и законов, что вынуждало чиновников всех уровней при принятии решений периодически обращаться к эмиру, даже по примитивным вопросам.

При Абдуррахман-хане произошел ежегодный рост доходов казны за счет налогов, штрафов, конфискации имущества, прочих поступлений, но параллельно росла и расходная часть, включавшая затраты на содержание двора с его предельно излишним персоналом, субсидии, причем не только привилегированным подданным внутри страны, но и многим проживавшим в соседних государствах⁴⁸. В совокупности это являлось большой лишней нагрузкой для казны. Говоря о затратах, уместно отметить, что Абдуррахман-хан в плане непомерного материального давления на подданных мало отличался от своих предшественников.

До 1880-х гг. Афганистан и без того считался закрытой и изолированной от внешнего мира страной, не имевшей дипломатических и торгово-экономических отношений с сопредельными государствами. В стране не имелось полноценного торгового и дипломатического представительств зарубежных государств, как и афганских в других странах, в частности соседних. В последние четыре десятилетия Англия взяла под полный контроль афганскую внешнюю политику, что непосредственно сказывалось на внутренней социально-экономической обстановке. Давление и ограничения привели ко все большему замыканию страны в себе, ужесточению внутренней политики, физической изоляции и минимизации контактов Афганистана и афганцев с внешним миром.

⁴⁸ Например, сын эмира Шер Али-хана, находившийся в Индии, ежегодно получал 48 тыс. рупий. На уровне двора назначались субсидии для членов королевской семьи, служащим и слугам выделялись средства на покупки платья, при этом для каждой категории устанавливалась фиксированная сумма. Жены эмира, например, обязывались носить платье стоимостью не менее 500 рупий, служанки — 150 рупий. Особое внимание эмир обратил на собственное племя мухаммадзаев. Так, в 1893 г. каждому члену племени вне зависимости от его положения назначалась стипендия под названием «*танхах-е насаби*» (дослов. родословная стипендия) в размере 200–400 рупий для мужчин в зависимости от возраста, 300 — для женщин (Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 661; Катиб, Файз Мухаммад... С. 914).

Кабул опасался любых контактов местного населения с иностранцами, особенно жителей северных регионов и в первую очередь духовных авторитетов, сословия, которым без разрешения представителей местных администраций не разрешалось общаться с кем-либо. Это были меры сдерживания попыток сплочения, лишения любых возможностей организовать восстание, оказывать сопротивление. Абдуррахман-хан, как и в начале века его предшественники, подверг тотальной ликвидации верхушку народов севера, в частности, религиозных лидеров, способных поднять население на восстание. Одна часть была отправлена в Кабул, другая покинула страну в направлении Бухары, третья — убита или продолжала жить в полной политической и социальной изоляции⁴⁹.

Таким образом, процесс полного подчинения центру регионов происходил преимущественно организацией военных походов против все еще непокорной и недовольной части населения. В одних случаях произошла замена местных правителей из числа коренных этносов пуштунами, в других власть лишала их политических и экономических ресурсов.

Афганистан был все еще разделен не только по этно-конфессиональным и племенным признакам, но и хозяйственным вопросам, в частности денежным. Использование различных денежных единиц, мер объема, площади, длины и т. д. затрудняло работу центральной власти. Величины единиц измерения, несмотря на стандартные названия, по всей стране различались, и это наблюдалось не только на уровне больших городов, полусамостоятельных владений, но и местами внутри отдельно взятой провинции. Наиболее распространенными мерами веса являлись *харвар*, *сир*, *манн*, *чарак*, *мискал*, *наход*. Они выступали и в качестве меры объемов. Шесть кабульских *манн* составляли груз верблюда, а три — мула и вола⁵⁰. Это касалось и единиц измерения длины⁵¹.

⁴⁹ Elias, N. Report of a mission to Chinese Turkistan and Badakhshan in 1885–86. — Calcutta: Printed by the Government printing, 1886. P. 62.

⁵⁰ Lord, P. B. Exports to Bokhara and Kabul. No. VI / Report and papers. Political, Geographical and Commercial. submitted to Government. — Calcutta, G. H. Huttman: Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 145.

⁵¹ Ткани и другие изделия измерялись в газгах (3 фута и 3,4 дюйма). Газ, в свою очередь, делился на 16 более мелких частей под названием *гирех* (дослов-

Важным этапом при эмире был процесс стандартизации и регулирования меры стоимости, величины массы и площади. Переход к единым стандартам для всех регионов и городов страны был актуальным для определения совокупного объема производства сельскохозяйственной продукции, определения запасов в государственных хранилищах, суммы налогов, сборов и таможенных пошлин в регионах. Нововведения были фиксированы в разработанных правилах, в которых пункты 22 и 23 брали кабульские меры величины за основу и объявляли их нормой для всей страны. Процесс реализации положений, распространения и контроля за соблюдением возлагался на губернаторов, которых обязывали разъяснять жителям незаконность любых сделок по купле-продаже вне кабульского *манна*. Им также поручалось обеспечение всех деревень весами и железной гирей в один *манн*, изготовленных в присутствии *кади* и подтвержденных печатью самих губернаторов. Ввиду ограниченности ресурсов для полного исполнения указа губернаторы в пределах своей юрисдикции имели право предоставлять камень соответствующего веса в качестве альтернативы. Таким образом, согласно введенным изменениям, один кабульский *сир* (7,066 кг) состоял из 64 *хорд*, что было эквивалентно 768 кабульским рупиям, а 32 *хорда* — 384 рупиям. *Чарак* составил 16 *хордов* и равнялся 192 рупиям. Один *пау* составил 4 *хорда* (48 рупий), а один *хорд* — 24 *мискалы* (12 кабульских рупий). Инструментом принуждения к исполнению этих правил выступали штрафные санкции в размере 100 рупий в пользу государственной казны (правило 24)⁵². На практике эти меры должным образом не получили реализации: торговцев не обеспечили необходимыми приспособлениями, что поспособствовало сохранению коррупции, давлению со стороны полиции и чиновничьего аппарата. В столичном регионе имелись ресурсы на базе созданной Машин-хане, но даже торговцам Кабула не хватало весов и гирь.

но узел), составлявший 4 *нокта* (дословно точка). Здесь, однако, были свои сложности, поскольку население местами, особенно в отдаленных районах, как ранее показывала практика, не желало отказываться от привычек использования традиционных методов (например, измерять ткань локтями) (Ferrier, J. P. History... P. 319).

⁵² Катиб, Файз Мухаммад... С. 765.

Процесс централизации параллельно происходил и в духовной сфере, представители которой имели большое влияние на настроение народа. Эмир направил усилия на ослабление позиции служителей культа, поэтому изначально избегал формирования с ними нормальных отношений. Инструментами давления и здесь, как и в остальных случаях, послужили наведение страха, лишение субсидий, физическая ликвидация. Казнь двух видных представителей духовенства после победы в Кандагаре в войне против Айюб-хана — сына Шер Али-хана (правителя Герата) преследовала цель запугивания всех остальных, но в реальности усилила ненависть к эмиру, которому по этой причине позже не удалось заручиться поддержкой мулл, отказавшихся издавать фетву во время военной кампании против гильзаев⁵³. Взяв в руки и духовную власть, эмир получил возможность в своих интересах интерпретировать жизненно важные для его реформ вопросы, поскольку духовенство всегда негативно реагировало на нововведения.

Следующим немаловажным шагом политики управления государством было дистанцирование членов семьи эмира, в частности принцев, от вмешательства в управленческие дела, а также назначения на высокие должности, не поощрялось занятие бизнесом или другими видами экономической деятельности. Исключение при этом было сделано для двух старших сыновей эмира — Хабибуллы-хана и Насруллы-хана, заведовавших военными и финансовыми делами центрального правительства⁵⁴. Эмир учел опыт Дост Мухаммада и других предшественников, при которых многочисленные наследники управляли почти независимо друг от друга и вступали в борьбу за престол. Этот подход был правильным, поскольку, во-первых, положил конец интригам и кровавой борьбе между членами королевской семьи, во-вторых, позволил сосредоточить силы в одном направлении при возникновении необходимости подавления мятежей.

Однако Абдуррахман-хан, по-видимому, перестарался в вопросе обеспечения внутреннего порядка и безопасности государства.

⁵³ Kakar, M. H. *Afghanistan: A Study...* P. 126.

⁵⁴ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 657.

Созданная система правопорядка стала одним из крайне жестоких, карательных органов власти. Сеть в лице тайной агентуры из числа информантов охватывала все без исключения слои населения, доносила важную для эмира информацию о ситуации на местах, деятельности чиновников, других подданных. Каждый четвертый человек являлся тайным агентом эмира не только на низших ступеньках, но и на уровне членов королевской семьи, в частности, за сыновьями эмира также велась слежка, что говорит о высокой степени его недоверия к окружению. На обеспечение созданной сети шпионов ушли большие денежные средства⁵⁵. Введенные правила сильно ограничивали действия и физические передвижения населения. Не только поездки в соседние государства, но и выезд за пределы, например, Кабула, на расстоянии 5–6 миль, запрещался без наличия специального пропуска⁵⁶.

Последствия политики тотального давления и наведения страха, естественно, стали негативными для социально-экономической жизни и демографии Афганистана. За 20 лет правления эмира многократно увеличилось число заключенных. В 1882 г. в местах лишения свободы, состоявших преимущественно из колодцев, находились 1,5 тыс. человек из числа вождей и старейшин Герата и Кандагара. Через три года эта цифра достигла 10, а к концу 90-х гг. — 20 тыс. человек⁵⁷. Система доноса стала удобным инструментом в руках чиновников разного ранга, крупных землевладельцев, служителей культа для устранения неудобных лиц, конкурентов⁵⁸. Властные структуры при помощи созданных органов принимали непосредственное участие в аресте состоятельных лиц для последующей конфискации их имущества. Особо следует отметить два созданных органа, выполнявших такую работу: «Шаш кулах» (дословно «Шесть шапок») — бюро учета финансового состояния и определения размера имущества осужденных — и «Нам-гирак», куда входили 6 человек, в частности начальник полиции Кабула и его заместитель. Они принимали решения по ликвидации отдельных лиц из числа влиятельных

⁵⁵ Мартин А.Ф. 8 лет... С. 123–124.

⁵⁶ Там же. С. 118–119.

⁵⁷ Kakar, M. H. Government and... P. 38–39.

⁵⁸ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 651–655.

и неугодных властям людей⁵⁹. После смерти эмира только в тюрьмах Кабулах находились 12 тыс. мужчин и 8 тыс. женщин⁶⁰. Всего за время его правления, по словам самого эмира, было убито более 100 тыс. человек⁶¹.

Высокая степень жестокости по отношению к подданным со стороны эмира была осознанной. Для ее оправдания он ссылался на необходимость обеспечения безопасности в пределах государства. В этой связи он также следил за статистикой тяжких преступлений в Англии, которых номинально было больше, чем в его стране⁶². Стоит здесь упомянуть, что многие решения и крайне жестокие действия эмира связывались с психическими расстройствами, которыми он часто страдал⁶³.

С одной стороны, афганские эмиры жили в условиях тотальной безграмотности населения, внешней и внутренней изоляции, сильной привязанности разных этносов и племен к собственным ценностям. Отказ от традиционных норм поведения, унаследованных привилегий, переход к общепринятым правилам и законам, особенно написанным правителем, был сложным шагом для них. Абдурахман-хану пришлось все это сломать, начать работу с чистого листа, что в какой-то степени удалось сделать. По многим вопросам, в частности, вынесения вердикта эмир лично принимал решения, и это и другие факты склоняют к тому, чтобы считать, что все жестокости и насилия были преднамеренным движением к логическому завершению плана по окончательному усмирению непокорного народа.

Эмир жестко пресекал действия, направленные во вред государству, наказывал не только лиц, подозреваемых в казнокрад-

⁵⁹ Там же. С. 645.

⁶⁰ Там же. С. 656.

⁶¹ Kakar, M. H. Government and... P. 9.

⁶² Лорд Керзон справедливо отмечает, что в реальности незначительность преступлений «в Афганистане... была, несомненно, обусловлена не уважением закона и превосходным правлением страной, а господством преобладавшего террора, ужасных пыток лиц, подозреваемых в убийстве» (Curzon, G. N. Tales of Travel. — L., 1923. P. 71–72).

⁶³ Вопрос психического состояния эмира Абдурахман-хана подробно рассматривается в статье Lee, L. J. 'Abd al-Rahmān Khān and the "maraz ul-mulūk" // Journal of the Royal Asiatic Society Third Series. Vol. 1. No. 2 (Jul., 1991).

стве, участников мятежей и других преступников, но его изощренные методы наказания распространялись и на близких родственников, друзей и соседей. В результате этого и других вышеуказанных действий определенная часть населения лишилась собственности, доходов, другие уехали из страны, третьи потеряли стимул к жизни ради материальных благ.

Первые десять лет его правления показали, что выбранный метод управления не только не самый эффективный, но и неправильный, поскольку не способствовал снижению попыток использования народом удобных случаев для восстаний, создания хаоса, что еще более негативно отразилось на развитии страны. В сентябре 1888 г. губернатор афганского Туркестана Мухаммад Исхак-хан (двоюродный брат эмира Абдуррахман-хана) восстал против Кабула. Весть об этом быстро распространилась по всей стране и создала почву для мятежей и грабежей в разных ее уголках в надежде, что эмир ввиду нехватки ресурсов потеряет контроль над ситуацией. Слух об отъезде эмира в Туркестан развязал руки всем, включая солдат регулярной армии, совершавших разбойные нападения. Фиксировались набеги одних племен на другие с целью грабежа имущества и скота. Приказы эмира об аресте и привлечении к ответственности виновников, возмещении материального ущерба также не были исполнены⁶⁴.

Жестокие методы наказания, введенные эмиром, также до конца его правления не снизили масштаб коррупции и хищений в особо крупных размерах со стороны чиновников высшей власти. Например, оценщик налогов Ташкурмана за пять лет присвоил налоговую сумму с прибывших из Каттагана и Мазари-Шарифа 15121 овцы из расчета 2 рупий⁶⁵ с поголовья, в другом случае из 20072 голов в налоговый реестр включил только половину. Губернатор Каттагана присвоил 154,5 тыс. рупий казенных средств, в счет возмещения которых было конфисковано его лич-

⁶⁴ Катиб, Файз Мухаммад... С. 614, 617.

⁶⁵ 1 кабульская рупия состояла из 12 *шахи*, 60 — *найса* (Lord, P. B. Prospects of trade with Turkistan. No. XII // Report and papers. Political, Geographical and Commercial, submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 144).

ное имущество, а также имущество близких и дальних родственников с последующей продажей⁶⁶.

Абдуррахман-хан главным образом сосредоточился на создании структуры политической власти, регулярной армии и лишь частично выделял средства направлениям, приносившим материальные выгоды. Речь, в первую очередь, идет о развитии производственной инфраструктуры аграрного сектора, а именно ремонте действовавших и строительстве новых оросительных объектов. В целях повышения урожайности и качества производимой в стране сельскохозяйственной продукции внедрили новые сорта хлопчатника, привезенные из Америки и Индии, сахарного тростника из Лахора, груши из Бухары, породистых лошадей из Ирана. Строительство и открытие внутренних путей сообщения способствовало развитию торговли между провинциями и регионами⁶⁷.

Как было уже подчеркнуто, афганские правители понимали значимость фактора религии, который все больше использовали как инструмент влияния на подданных. Ислам мог служить как механизм объединения и направления народа на решение важных политических задач, поэтому с каждым годом он стал играть все большую роль в руках правителей и элиты. Во второй англо-афганской войне разобщенность верхушки и вождей не позволила населению единым фронтом встать против англичан, но когда на передний план вышел религиозный фактор, а видные представители религии призывали к борьбе во имя и для защиты веры, ни один другой элемент не смог остановить процесс объединения⁶⁸. Абдуррахман-хан также воспользовался выгодными моментами, когда можно было повлиять на религиозные чувства подданных вне зависимости от обстоятельств. Несмотря на доказательства вины афганцев в присвоении чужих средств в государственном суде Индии (например, эмир за счет казны компенсировал нанесенный материальный ущерб потерпевшей стороне, поскольку, как писал М. Катиб, «он не хотел, чтобы двое мусульман были

⁶⁶ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1066–1067.

⁶⁷ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 647.

⁶⁸ Roberts, F. Forty-one years... P. 428–429.

в долгу перед индусом»⁶⁹), Абдуррахман-хан встал на защиту афганцев в качестве эмира правоверных.

В последние десять лет пошатнувшееся здоровье Абдуррахман-хана не позволило ему лично контролировать все, и это способствовало еще большему росту масштабов коррупции. Он представлял собой двоякую личность, в которой были воплощены реформатор и тиран. С одной стороны, он хотел полностью изменить социально-экономическую жизнь афганского народа, привести ее в соответствие с положением в более развитых странах, реформировать и модернизировать экономику, с другой — во имя этих изменений терроризировал подданных. Несмотря на все эти проблемы, главным достижением эмира было заложение фундамента единого централизованного государства, объединившего разные этносы и племена в тех границах, в которых ныне существует Афганистан⁷⁰.

Проблема становления афганской государственности вокруг единой централизованной власти, помимо прочего, заключалась и в сохранении племенной структуры пуштунов, первостепенности местных кодексов и норм поведения⁷¹, роли и авторитета племенного вождя, выше которого для членов племени не существовало никого: принимать иные указания или признавать чью-либо власть они не могли. Пуштуны, с одной стороны выступали государствообразующей нацией, с другой — одним

⁶⁹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1041.

⁷⁰ Критикуя мысли европейского исследователя о том, что «народности Афганистана „не соединены узами общей крови, не обладают общими преданиями и стремлениями и не имеют общей им всем истории. Современный Афганистан является чисто случайной географической единицей, составленной из обитателей Средней Азии, объединенных мечом победителей или гением отдельных государственных людей, но общая им религия и любовь к независимости являются, однако, достаточно сильною связью различных частей той конфедерации, во главе которой стоит Абдуррахман-хан"», Н. А. Аристов пишет, что «на самом деле образование Афганистана совсем не случайность, а необходимое и естественное следствие существования и роста энергичной и полной сил афганской народности, которая, после долговременного прозябания в своем горном гнезде, пустила ростки в окрестностях страны и сделалась в них господствующею, постепенно впитав в свой состав значительную часть их разно-племенного населения» (Аристов Н. А. Указ. соч. С. 288).

⁷¹ Gregorian, V. The Emergence... P. 40–43.

из главных препятствий на пути формирования и развития государственных механизмов управления страной. Следовательно, правителю в какой-то мере было сложно внедрить в жизнь идеи, противоречащие принятым в племенной системе нормам. Для пуштунов в общем и целом ситуация вокруг верховной власти не представляла особого интереса, ее важность не была настолько велика, насколько велико было значение избрания племенного вождя, при выборе которого их активность находилась на высоте⁷². Вожди племен для сохранения собственной политической власти и источников материального дохода стремились держаться в русле такой политики. Следовательно, подход Абдуррахман-хана по отношению к ним и представителям других этносов следует рассматривать как политику правителя, заинтересованного любыми доступными средствами и способами создавать централизованное государство со всеми властными структурами, способными функционировать на входящих в его состав территориях.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И РЕГИОНАМИ

В политическом плане отношения между центром и регионами в начале столетия строились на тех же принципах, что и в самом центральном районе. Они выражались в предоставлении «годовой отчетности «высочайшему дивану» и в отсылке определенной суммы денег из доходов провинции в казну шаха». Интересы центральной власти не выходили за рамки стабильного получения средств от провинций за счет пошлин и налоговых поступлений, предоставления вождями племен воинских контингентов для организации походов в запредельные земли или принудительного сбора налоговых средств с уклонистов⁷³. Вассальные территории, формально считавшиеся политически независимыми (главным образом ханства и княжества северных регионов), являлись хозяевами положения дел в пределах собственных владений, распоряжались налоговыми доходами, но

⁷² Ferrier, J. P. History... P. 307.

⁷³ Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 78.

время от времени предоставлением подношений и подарков уделяли внимание центру⁷⁴.

Таким образом, функционируя в рамках существовавших норм и правил, государственная машина не рассматривала какие-либо варианты движения в сторону развития, тратя основное время и ресурсы на подавление восстаний, укрепление своих позиций. Это сильно давило на хозяйственную жизнь страны, поскольку следствием ежегодного повышения стоимости откупа в этих условиях стало сокращение масштабов экономики.

Хозяйственные отношения в пределах государства развивались крайне медленно из-за слабой коммуникации, труднопроходимости главных караванных путей, а порою полной изолированности больших отдаленных районов, сельских местностей, ареалов проживания племен. Это сказывалось на внутренней торговле, экономической и социально-политической жизни. Письма и сообщения государственной важности отправлялись при помощи гонцов, а регулярной почтовой связи не имелось. Караваны в этих условиях выполняли множество функций: поставляли регионам необходимые товары, обеспечивали почтовую связь, приносили информацию о событиях в других городах и государствах, для путников служили средством передвижения из одного места в другое. Население провинций находилось на периферии происходивших в столичном регионе событий, а информация о важных политических переменах вокруг центральной власти крайне долго шла до окраин. Караваны, однако, во-первых, проходили только по районам, расположенным вдоль маршрута, во-вторых, имели низкую интенсивность движения. Следовательно, информация могла распространяться только по мере их передвижения из одного места в другое, что продолжалось месяцами. Например, сообщения о возвращении Шаха Шуджы и начале первой англо-афганской войны до многих районов дошли через много месяцев⁷⁵.

⁷⁴ Например, правитель Хульма Мир Килич Али-бек, невзирая на то, что формально считался независимым, ежегодно отправлял подношения визирю Махмуд-шаха — Фатх-хану. Хотя официально это было сделано в знак давней дружбы, имевшей ранее место между отцом правителя и визирем, фактически оно могло означать демонстрацию лояльности (*Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah... P. 82*).

⁷⁵ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 538.

В стране отсутствовала иная инфраструктура, кроме караван-сараев, расположенных в крупных городах. Коммуникацию между отдельными субъектами осложняло отсутствие рукотворных дорог для передвижения караванов. Наличие вдоль маршрутов небольших естественных препятствий, устранение которых требовало незначительных трудовых и денежных затрат, могло продлить расстояние на десятки километров или остановить движение караванов на несколько недель⁷⁶.

Физическая изоляция и слабая внутренняя коммуникация негативно сказывались на работе политической власти, которая довольствовалась вначале формальным подчинением регионов. Сравнительно мелкие ханства, находившиеся в номинальной зависимости от Кабула, пользовались полной автономией при принятии решений касательно внутренней социально-экономической политики. С другой стороны, обладая относительно ограниченными военно-политическими и экономическими ресурсами, они не вынашивали планов экспансии соседних владений. Отсутствие желаний наращивать ресурсы для хозяйственного развития стало другим фактором отсталости. Доходы, отвечавшие ограниченным потребностям правителей, в начале века формировали более положительное отношение к торговле, особенно транзитной, заинтересовывали в обеспечении безопасности караванов, особенно при передвижении по своей территории. Незначительность площади территории и численности населения позволяла им принимать непосредственное личное участие при решении любых вопросов внутренней политики (включая рассмотрение жалоб отдельных лиц или общества в целом). Инструментом наведения некоторого порядка выступали жесткие методы правления, наказания. До середины столетия местами такая система продолжала существовать, пока все регионы не были оккупированы Кабулом⁷⁷.

Отдельные владения отличались также взглядами на многие важные вопросы. В качестве примера можно привести Дост Мухаммада и правителя Кундуза Мурад-бега (1815–1842 гг.), смо-

⁷⁶ Ferrier, J. P. History... P. 295.

⁷⁷ Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 158.

тревших по-разному на работоторговлю⁷⁸, что непременно учитывалось более мелкими вассальными правителями. Правитель Сайгана, узбек по национальности, время от времени в зависимости от обстановки отправлял подношения в обоих направлениях: лошадей — в Кабул, а рабов — в Кундуз⁷⁹.

Что касается отношений между самими регионами, то к поиску взаимной поддержки они прибегали только в случаях возникновения угрозы со стороны более могущественной силы и не всегда ее находили. Мир Кундуза Мурад-бег, будучи политически более влиятельным среди других правителей региона, следил за происходившими в Кабуле и вокруг него событиями, распространением власти Дост Мухаммада в северном направлении. В целях предотвращения наступлений на свои территории он попытался заключить политический союз с Дост Мухаммадом, для чего в 1832 г. в Кабул отправил миссию, возглавленную министром-индийцем Диваном Атмаром. Мурад-бег предложил наступательный и оборонительный союз связать семейными узами, но Дост Мухаммад отклонил такое предложение⁸⁰. Отказ от стратегического союза с миром Кундуза вполне является свидетельством вынашивания правителем Кабула плана относительно северных регионов, что предугадывал и чего, по всей видимости, опасался правитель Кундуза.

Отсутствие нормальных отношений, атмосферы взаимного доверия между сторонами давало англичанам надежду рассчитывать на поддержку, а в крайнем случае нейтралитет Мурад-бега при вторжении в Афганистан. Личные отношения с членами английской миссии, в частности, связанные с их содействием в лечении больного брата *мира*, развивались и, по утверждению Мурад-бега, могли бы укрепить позицию в этом регионе без каких-либо денежных затрат⁸¹. Англия изначально с отправкой

⁷⁸ Burnes, A. Cabool... P. 61–62.

⁷⁹ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 189–190.

⁸⁰ Masson, Ch. Vol. II. P. 318.

⁸¹ Accounts and Papers: Twenty one volumes (11); East India: Annexations of Territory, Affghanistan, King of Delhi, Oude, Travancore; Asiatic Turkey: Budrum and Cnidus Expedition. — Great Britain Parliament, Vol. 25. Session 2, 31 May — 13 August 1859. P. 77.

первых миссий в Афганистан искала варианты восстановления связей с правителями афганского севера, завоевания их доверия. Следовательно, ими использовались все возможные способы проникновения в регион⁸².

Проблема княжеств, особенно севера, заключалась в замкнутости характера их политической и социально-экономической жизни, ограничившейся исключительно взиманием налогов и пошлин от видов хозяйствований, перечень которых не расширялся, а сами они не получали развития. Дополнительные доходы при необходимости власти всегда получали за счет работоторговли, что было распространено и среди таджикских вождей Сайгана. Ограниченные легальные источники доходов должным образом не удовлетворяли потребности вождя, поэтому дефицит пополнялся за счет набегов на хазарейцев, продажи их женщин и детей узбекам⁸³. Ситуация в Герате, регионе с достаточными земельными ресурсами и хорошим торговым потенциалом, мало чем отличалась. Доходы правителя Камран-шаха составляли всего 60 тыс. фунтов стерлингов в год⁸⁴.

Нестабильность, неопределенность и непостоянство отношений властей к местной верхушке, в данном случае *сардарам*, сказывались на характере и методах управления регионами и провинциями. Ухудшение отношения правителя к *сардару*, что часто имело место, означало для последнего лишение всего имущества, свободы, а порою и жизни. Высокая вероятность таких исходов побудила *сардаров* и служащих всех других рангов с момента вступления в должности стремиться к нелегальным способам накопления средств, прежде всего за счет налогоплательщиков и иных источников поступления, предназначенных для центральной казны. Все усилия концентрировались на текущий момент, и планы

⁸² Иззет Улла сообщает, что, когда Мир Килич Али-бек услышал от него о выгоде от английского правления в Индии, «он тут же выразил желание вступить в дружественные отношения с английским правительством» (Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah... P. 93).

⁸³ Masson, Ch. Vol. II. P. 307.

⁸⁴ Kennedy, R. H. Narrative... P. 289.

получения или увеличения доходов в среднесрочной перспективе интересовали мало⁸⁵.

Отношения между вождями племен, лидерами этносов и разных регионов часто выступали фактором напряженности общей обстановки, в связи с чем государство находилось в состоянии перманентной борьбы. Сложившаяся обстановка рассматривалась англичанами, смотревшими на ситуацию со стороны, как благоприятная возможность путем внешнего вмешательства изменить политическую обстановку в свою пользу⁸⁶. Выгоду от нее, с другой стороны, извлекали и афганские правители, пользовавшиеся время от времени внутренними разногласиями для укрепления своей власти. Внутреннее противоборство соответствовало интересам властей, но препятствовало процессу создания единого централизованного государства, угрожало существованию самих правителей.

Абдуррахман-хан, как было сказано, вместо назначения близких родственников в регионах старался воспитывать преданных, опытных и честных руководителей, что так и не удалось. Он все больше начал акцентировать внимание чиновников на ответственности перед божественным и светским законами за деяния. Другая проблема, встречавшаяся повсеместно, была связана с растратой бюджетных средств со стороны чиновников, которые личные расходы местами списывали в счет государственных. Это делалось по известной схеме, эффективно использующейся и в современном мире, когда госзакупки осуществляются по завышенным ценам. Такая практика фиксировалась во многих провинциях, а эмир регулярно получал информацию о фактах нарушений и к концу 1894 г. после очередного случая в провинции Газни издал прокламацию, в которой были строго предупреждены все губернаторы. Эмир еще раз подчеркнул, что назначенного жалования хватает на все расходы губернаторов, податных инспекторов и других чиновников. Перечисляя официально введенные налоги в виде *ушра*, *закята* и других ставок земельного налога, он отметил отсутствие иных видов обременений для подданных как

⁸⁵ Ferrier, J. P. History... P. 304–305.

⁸⁶ Malleon, G. B. Herat: the granary and garden of Central Asia. — L., 1880. P. 15.

в священном законе, так и в государственных нормативных актах. Текст заявления эмира говорит о его намерениях создать современную систему государственного управления, при которой отсутствуют методы принуждения и давления на рядовых подданных, но тотальное невежество и вошедшее в традицию отношение представителей власти к низшему классу невозможно было искоренить. Это был целый механизм, детали которого были связаны между собой и зависели друг от друга⁸⁷.

Абдуррахман-хан в этой связи критиковал своего предшественника за методы правления страной ради сохранения собственной власти путем настраивания друг против друга вождей племен и должностных лиц⁸⁸. Шер Али-хан не был единственным и первым в этом плане, поскольку такая тактика использовалась всеми предыдущими правителями для решения тех задач, о которых было сказано выше⁸⁹. Сам Абдуррахман-хан эффективно ее применял на практике, но в новой форме использовал силы одних племен и народов в подавлении других, усиливая тем самым взаимную ненависть на этнической и племенной почве. Контроль государства, состоящего из нескольких фрагментов, при наличии незначительных доходов казны требовал больших ресурсов, следовательно, менее затратным методом сохранения территориальной целостности в этих условиях выступал принцип «разделяй и властвуй».

Тем не менее Абдуррахман-хан поэтапно покорял племена и принуждал этносы, поднявшие мятежи или же нарушившие введенные правила, положения и законы, отказавшиеся подчиняться центральной власти, выплачивать налоги. В некоторых случаях эмир, зная, какие условия могут вызвать недовольство конкретного племени или групп населения, преднамеренно шел на провокацию, чтобы узаконить применение регулярной армии для окончательного их подчинения. Ему удалось к концу жизни в большей степени выполнить задачу по покорению склонных к самостоятельности и вольности народов, объединению всех территорий. Эмиру в этой связи приписывается следующее высказы-

⁸⁷ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1042.

⁸⁸ Автобиография Абдурахман-хана. Т. II. С. 306–307.

⁸⁹ Ferrier, J. P. History... P. 303.

вание: «Мы таким образом сломали хребет этой нации, что после нас даже женщина может спокойно править страной».

Механизмы созданной эмиром государственной машины частично начали работать при нем. В частности, следует здесь отметить связь между регионами и центром, обществом и властью. Сообщения о жалобах на давление и угнетения, допущенные чиновниками, могли отправить в центр из разных регионов страны. Местами вопрос решался при непосредственном вмешательстве личности правителя, порою на уровне губернаторов, в результате чего фиксировались случаи компенсации имущества пострадавших. Несмотря на единичность, а порой показательность подобных случаев, появились первые сигналы, когда простому жителю было куда обращаться. При эмире обращения и жалобы поступали из районов компактного проживания хазарейцев, где больше всех фиксировались факты насилия со стороны назначенных центром чиновников, военных и местных *миров*. Необоснованные поборы, штрафы, чрезмерные пошлины и налоги приводили к волнениям и недовольствам. Примечательно, что полученные с населения средства иногда присваивались, но в большинстве случаев отправлялись в центральную казну. В одном эпизоде губернатор Кандагара после рассмотрения жалобы хазарейцев Тирина о необоснованных штрафах общей суммой в 10 тыс. рупий, назначенных местным правителем и полицией, решил вернуть их из казны⁹⁰.

Положительная реакция эмира на жалобы населения была выборочной, зависела от ситуации и этнической принадлежности. Следовательно, от хазарейцев в одностороннем порядке требовалось подчиняться власти, а на их жалобы не обращали внимания или ограничивались формальным предупреждением. *Миры* хазарейцев выступали источником насилия местного уровня, позволившим продавать в рабство подданных⁹¹.

Таким образом, Афганистан с начала столетия состоял из полунезависимых и номинально подчиненных центру территорий. Местная власть обладала экономической самостоятельностью.

⁹⁰ https://www.hazarainternational.com/wp-content/uploads/2010/08/Hazaras_In_the_View_of_British_Diaries.pdf. Р. 7. (дата обращения: 25.06.2021).

⁹¹ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 668; Катиб, Файз Мухаммад... С. 890.

стью, а центральная довольствовалась небольшими доходами. Первые попытки подчинения центру всех владений предпринимались при Дост Мухаммаде. При Шер Али-хане отношения между центром и регионами приняли характер сотрудничества. Абдурахман-хан для создания единого централизованного государства взял курс на полное подчинение всех регионов и народов, этносов и племен методом лишения сил и ресурсов для оказания сопротивления властям. Вожди племен, местные правители и все, кто получал доход от подвластных территорий, до конца столетия стремились сохранить существовавшую на местах систему отношений, противостояли решениям центральной власти, которая во всех случаях старалась лишить родоплеменную верхушку и региональных правителей сверхдоходов и возможности получать к ним прямой доступ. Абдурахман-хан разными экономическими (лишение субсидий, привилегий, отнятие права на сбор пошлин и т. д.) и политическими (лишение власти) рычагами давил на крупных землевладельцев и знать. Он, по сути, довел до кондиции начатые его предшественниками во многих сферах жизни реформы.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Военные походы, ставшие экономической основой афганского государства со времен Ахмад-шаха, отвлекали правителей от поиска других возможностей. В частности, они не рассматривали пути пополнения казны посредством внутреннего социально-экономического роста. Политическая и социально-экономическая отсталость Афганистана XIX столетия, неразвитость государственной власти были обусловлены несколькими факторами, среди которых одним из главных выступала информационная изолированность и тотальная безграмотность, причем не только среди низших слоев населения, но и элиты, членов королевского двора, включая самих правителей. Общество даже при желании не могло получать новые знания, поскольку эта сфера монополизировалась клерикалами, ограничившими доступ к обучению в пределах выгодных им рамок.

К рассматриваемому веку в этих землях по сравнению с несколькими столетиями назад произошла тотальная деградация, поскольку они стали не способными, как раньше, представлять исламскому миру поэтов и мыслителей⁹². На протяжении последних столетий образование отошло на задний план, а лица, владевшие элементарными навыками письма и чтения, стали редкостью. Это отчасти произошло в результате упадка таких главных центров знаний, как Балх⁹³ и Герат, на замену которым новое не пришло. Таджики, имевшие ранее здесь политическую власть и поощрявшие развитие науки и литературы, ныне занимались исключительно ремеслом и земледелием, что стало еще одним фактором спада интереса к образованию. Все другие народы вели кочевой или полукочевой образ жизни, а недавно перешедшие к оседлости все еще полностью не были адаптированы к новым условиям.

Изолированный от внешнего мира образ жизни афганских правителей, отсутствие стремления к развитию сделали второстепенным вопрос получения информации о ситуации в пределах собственных владений, знаний о прогрессе в соседних государствах, не говоря о более далеких развитых странах⁹⁴. Основным источником информации для правителей выступали купцы и путешественники, а других прямых контактов для развития дипломатических, торгово-экономических сношений, за исключением одноразовых контактов, не имелось.

Развитие постоянных дипломатических отношений, открытие торговых представительств, к чему не стремились афганские власти, поспособствовали бы существенному изменению ситуации в этой и других областях. Главная проблема заключалась в том,

⁹² Из числа известных персоязычных поэтов, философов и мыслителей, родившихся или живших на территории современного Афганистана, можно привести такие имена, как Рабиа Балхи (X в.), Шахид Балхи (дата смерти 935 г.), Абушукур Балхи (дата рождения 915 г.), Насир Хосров (1004–1088), Санай Газневи (1080–1131), Джалаладдин Руми (родился в Балхе в 1207 г.), Абдуррахман Джами (1414–1492), Алишер Навои (тюркский поэт и суфий, сочинявший на чагатайском и персидском языках (1441–1501) и др.

⁹³ Мухтаров А. Позднесредневековый Балх (материалы к исторической топографии города в XVI–XVIII вв.). — Душанбе: Дониш, 1980. С. 65–70.

⁹⁴ Elphinstone, M. Vol. II. P. 249.

что по уровню образованности и грамотности афганская знать особо не отличалась от остальной части общества.

Образование, как и во многих других странах с мусульманским населением, монополизировалось, как уже было сказано ранее, клерикалами, знание которых не выходило за пределы религиозных текстов и писаний. Следовательно, небольшая группа людей в *медресе*, находившихся под контролем служителей культа, обучалась основам религии, учила стихи Корана и произведения классиков персидской литературы. Не имевшая альтернативы система религиозного образования позволила муллам контролировать все сферы жизни афганского общества. Подавляющую часть образованных людей составляли священнослужители, интересам которых противоречило распространение иных видов знаний. По численности основная масса приходилась на долю городов, где они были более известны как *улемы* (авторитетные знатоки теоретических и практических вопросов религии ислам). Духовенству доверялась работа в трех весьма важных сферах жизни афганского общества: практике веры, воспитании и обучении подрастающего поколения, руководстве правовой сферой⁹⁵.

Купцы — другая категория людей, отличавшаяся образованностью, просвещенностью и относительно широким мировоззрением. Контакт с внешним миром, деловое и когнитивное общение с представителями самых разных людей при посещении зарубежных стран, особенно индийских городов, Ирана и Центральной Азии, в какой-то мере позволяли им получать общую информацию о достижениях науки и техники, знания о социальных сторонах жизни, чуждых для афганского общества. Характерным отличием между этими двумя группами была просвещенность торговцев, которые в силу своей профессии сильно отличались от других слоев общества⁹⁶.

Третьей группой можно считать индусов, евреев и армян, проживавших на постоянной основе на афганской земле. Речь первым делом идет о знаниях в области финансов, что давало возможность, в частности, индусам не только занимать нишу на

⁹⁵ Elphinstone, M. Vol. I. P. 248; 282.

⁹⁶ Там же. P. 335.

рынке торговли товарами, контролировать ростовщические операции, но и иметь высокие позиции при дворах правителей, особенно связанные с денежными и фискальными операциями. Религиозное отличие в относительно радикальном мусульманском обществе не стало препятствием на пути их назначения на высокие должности. Главным лицом во дворе мира Кундуза, как выше было показано, являлся индус Атма, занимавший пост *деван-беги* (министра). При Абдуррахман-хане также индусы служили в структурах государственной власти, занимались налоговыми и финансовыми вопросами. Проблема отсутствия образованных людей среди мусульманского населения заставляла местных правителей более терпимо относиться к грамотным иноверцам. Несмотря на это, постепенное притеснение привело к сокращению численности немусульман в стране, и к концу столетия их осталось гораздо меньше, чем было в начале. Речь идет не только о торговцах и менялах, но и тех, кто являлись подданными афганских правителей. Афганское общество в целом двигалось в сторону радикализации по отношению к иноверцам, чему в определенной степени поспособствовала политика правителей, все чаще использовавших религиозный лозунг для решения собственных задач.

Отсутствие образования в современном для того периода понимании не позволило реализовывать планы тем, кто в какой-то мере размышлял о развитии экономики и увеличении доходов⁹⁷. Возвращаясь к вопросу отсутствия интереса к образованию на уровне двора садозаев, среди прочих причин следует отметить получение доходов за счет внешних источников, что стимулировало продвижение и популяризацию (в первую очередь среди пуштунов) исключительно военных навыков. Точнее, политика управления государством строилась на основе завоевательных

⁹⁷ «Визирь больше всего стремится увеличить свои доходы от этих рудников; он хотел бы основать хлопчатобумажные и шерстяные фабрики, а также прядильные машины для хлопка, шелка и шерсти; возвести литейные заводы каттона и мануфактуры стрелкового оружия, но в афганском стиле. Яр Мухаммад хотел бы иметь все это, не тратя никаких денег, и с помощью одного человека, который должен быть знаком со всеми отделами и который волшебным образом найдет в стране, лишенной всего, все машины и инструменты, необходимые для осуществления таких проектов» (Ferrier, J. P. History... P. 326).

походов, в связи с чем первостепенное значение имела практика, связанная с освоением верховой езды и других необходимых для войны навыков. В силу обострения внутреннего противоборства ситуация продолжала сохраняться при баракзаях. Следовательно, из современных знаний для того периода только военное дело имело значение, что стимулировало самих правителей освоить некоторые практические навыки.

Впоследствии социальным вопросам не придавалось особого значения, поскольку спрос на образование остался на прежнем уровне. Изменение политической обстановки, социально-экономического положения, требовавшее некоторых знаний для управления государством, в дальнейшем создало необходимость освоения правителями грамоты (для подписания документов, написания и чтения секретных писем и т. д.). Но все это, как и при прежних правителях, ограничилось отдельными личностями, не получив дальнейшего развития. Дост Мухаммад, несмотря на знание пяти языков (персидский, пушту, турецкий, панджаби и кашмирский), только в зрелом возрасте приступил к чтению, и то *аятов* Корана⁹⁸, что, скорее всего, носило политический характер, так как было необходимо для получения признания в качестве духовного предводителя, к чему эмир стремился. Он, тем не менее, в свою очередь проявлял интерес к изучению политического строя, экономического состояния, климатических особенностей стран дальнего и ближнего зарубежья, но все это ограничилось получением устной информации⁹⁹.

Налаживание производства винтовок, в котором была заинтересована и в которое была вовлечена личность самого эмира, — единственное нововведение в плане освоения новых практических знаний при Дост Мухаммаде. Изменения на уровне двора можно наблюдать при третьем поколении наследников великого эмира. Если сын Афзаль-хана, Абдурахман-хан, традиционно интересовался только военными навыками¹⁰⁰, то Якуб-хан (сын Шер

⁹⁸ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 205–206.

⁹⁹ Burnes, A. Vol. II. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 136–139.

¹⁰⁰ Из слов самого Абдурахман-хана можно понять, что его отец Афзаль-хан проявлял интерес к обучению сына, максимально старался создавать условия, но тем не менее будущий эмир, видимо, не видел пользы от него:

Али-хана) преуспевал больше остальных. Речь идет о более тесном знакомстве с научными достижениями европейского мира, нормами поведения и правилами жизни, знании английского языка¹⁰¹.

Само отсутствие в источниках информации о религиозных школах даже в главных городах является свидетельством минимального интереса к этой области. В сведениях о состоянии более значимых афганских городов английскими эмиссарами сообщается о качественной и количественной характеристике многих объектов (базары, мелкие торговые точки, общественные бани, мечети, караван-сарай), но крайне редко об имеющихся отношении к образованию. В Балхе сообщается о наличии двух-трех¹⁰² школ, точнее, медресе, и еще двух в пределах Мурад-бега, расположенных в г. Ханабаде. Расходы на их содержание покрывались за счет правителя района и самого мира, что сделало бесплатным обучение богословию и исламскому праву как единственных предметов. Тем не менее они дали учащимся возможность косвенно приобщаться к персидской классической литературе, поскольку часть религиозной тематики изучали через произведения известных поэтов. Это были два подобного рода учреждения, здания которых выделялись среди других городских построек¹⁰³.

К середине столетия на уровне дворов имелось общее представление о развитии науки и техники в западных странах, но оно ограничилось лишь получением устной информации самими правителями. Страх перед ростом авторитета в обществе образованных людей, возможно, был другой причиной, не позволившей правителям и в большей степени клерикалам давать возможность

«Вслед за тем я возвратился в Балх с отцом, а через несколько дней он мне приказал начать учиться. Целые дни я старался читать и писать, но все это давалось мне очень туго: я ненавидел учение, так как мысли мои были больше заняты верховой ездой и стрельбой; изо дня в день я забывал то, чему учился накануне, но волей-неволей надо было продолжать учение... К концу года отец построил для меня новую школу...» (Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 11).

¹⁰¹ Marsh, H.C. A ride through Islam, being a journey through Persia and Afghanistan to India via Meshed, Herat, and Kandahar. — L.: Tinsley Bros., 1877. P. 143.

¹⁰² Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah... P. 79.

¹⁰³ Wood, J. A Journey to the Source of the River Oxus. L., 1872. P. 151–152.

развиваться. При таких условиях было проще держать всю полноту власти в своих руках и управлять всеми вопросами социально-экономической и политической жизни общества¹⁰⁴.

На мировоззрение Шер Али-хана оказал существенное влияние визит в британскую Индию. В той или иной степени, без предварительного создания почвы, подготовки населения начались ускоренные реформы по трем направлениям: социальной, экономической и политической жизни. В частности, в стране открылись первые светские школы — одна гражданская, другая военная, появилась первая литографическая печать¹⁰⁵. В феврале 1870 г. эмир отправил всем региональным правителям и *джагирдарам* инструкцию, согласно которой начиная с нового финансового года (то есть 21 марта) все налоговые средства следовало направлять в центральную казну. Этим было решено положить конец старой системе поступления и распределения государственных доходов. Производителей обуви Кабула обязывали продавать остаток продукции до нового года и приступить к производству по новому, английскому шаблону и образцу. Отсутствие условий для перехода к новым стандартам не принималось во внимание, а в случае неподчинения следовал штраф в размере 100 рупий. Часть производителей Кабула не согласилась с решением, сославшись на культурные особенности афганцев, которые не носили такую обувь, но эмир решительно поставил всех перед выбором: перейти на новые стандарты или свернуть деятельность. Аналогичное предложение поступило портным, которым велели отказаться от пошива традиционных верхних одежд в пользу пиджаков и пальто европейского образца¹⁰⁶.

Социально-экономические реформы нарушили сложившиеся веками устои и традиции, что вызвало недовольство всех слоев афганского общества. Параллельно не велась работа с населением, следовательно, с внедрением изменений, особенно в социальных вопросах, разрыв увеличился не только между элитой и не готовым к их восприятию обществом, но и среди самой элиты. Ускоренный процесс, особенно в вопросе прав и свобод женщин, не-

¹⁰⁴ Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 156.

¹⁰⁵ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 595.

¹⁰⁶ Narrative of recent events... P. 83.

гитивно сказывался на образе эмира, жены которого одевались иначе, могли ходить с открытым лицом и без сопровождения¹⁰⁷.

Реформы коснулись и армии, офицеры которой, согласно новым правилам, впредь перед эмиром обязывались являться только в униформе. Эмир на собственном примере старался воспитывать придворных (носил пальто, брюки, кепку), *сардарам* заказал соответствующую одежду, ношение которой для одних не составляло проблем, для других было вынужденным. В целом во всех сферах жизни страны начали внедрять английские правила, нормы и положения, но население, привыкшее жить в рамках традиционных норм, в большинстве случаев сопротивлялось¹⁰⁸.

Шер Али-хан, возможно, был первым правителем из числа барказеев, кто стремился привлекать к государственным делам более образованных из числа афганцев лиц, способных содействовать реформированию социально-экономической жизни страны, но в Афганистане таковых не было. Более известной и яркой среди его окружения личностью можно считать Кады Абдул Кадыра, приехавшего по приглашению эмира из Пешавара. Человек широких взглядов, владевший языками пушту, урду, персидским и английским, Абдул Кадыр был выходцем из торговой сферы, имел прогрессивные взгляды. Его личность оказывала сильное влияние на мировоззрение эмира, особенно в плане попыток направления Афганистана на путь преобразований. Для демонстрации степени его влияния на эмира и доверия последнего к нему достаточно сказать, что зимой 1879 г. при отправке в Ташкент афганской миссии из трех человек, в состав которой входили двоюродный брат эмира (Сардар Шер Али-хан), министр иностранных дел (Шах Мухаммад-хан) и Абдул Кадыр, именно последнему было эмиром доверено «вести переговоры с генералом Кауфманом»¹⁰⁹. Шер Али-хан, на наш взгляд, в этом плане сделал шаг, поскольку при решении вопросов государственной важности опирался на профессионализм, а не племенные и родственные связи.

Он играл главную роль в издании первой в истории Афганистана газеты «Шамс ан-нахар» (Солнце дня), основной целью ко-

¹⁰⁷ Marsh, H.C. A ride through Islam... P. 143, 187.

¹⁰⁸ Narrative of recent events... P. 83–84.

¹⁰⁹ Яворский И. Л. Т. II. С. 183.

торой, судя по доступным номерам, являлась пропаганда знаний, знакомство читателей с научно-техническими достижениями внешнего мира. Газета впервые ввела в официальный оборот термины из английского языка (например, корреспондент, спич и т. д.). В ней публиковались произнесенные перед придворными и офицерами речи Кадыра, посвященные исключительно пропаганде и популяризации знаний, превосходству науки. В примеры приводились достижения европейских стран и цивилизаций, рекомендовалось заимствовать у других самое лучшее¹¹⁰. В ходе карательной операции англичан к концу второй англо-афганской войны была разрушена единственная в стране литография¹¹¹.

С одной стороны, издание газеты и работа по призыву населения к образованию в условиях тотальной безграмотности без предпринятых практических шагов было бесперспективным делом, с другой — оно являлось значительным шагом на пути популяризации образования даже среди ограниченной бытовыми заботами афганской элиты. Не только между мировоззрением членов королевской семьи и простонародьем был большой разрыв, но и между мировоззрением самых придворных.

Абдурахман-хан писал о тотальном невежестве и безграмотности в начале его прихода к власти не только среди рядового населения, но и среди назначенных министров, советников, которые по всем качествам ничем не отличались от рядовых малограмотных подданных¹¹². Это само по себе свидетельству-

¹¹⁰ Шамс ан-нахар. 1290. № 5.

¹¹¹ Ромодин В. А. Афганистан во второй... С. 69.

¹¹² Здесь для более полного отражения картины считаем уместным привести отрывок из его автобиографической работы: «Бывало также, когда на дурбаре приносили подносы со сладостями, то министры и чиновники вместо того, чтобы дожидаться своей очереди, имели обыкновение бросаться все разом на подносы... Хотя я настойчиво объяснял им, что это позор для их государя, что в его присутствии они ведут себя как животные, они все-таки не обращали никакого внимания на мои слова. Однажды, во время праздника мои министры так возмутили меня борьбой и дракой между собою за подаяния сладости, что я приказал солдатам моей стражи побить их так крепко, как только могли... Эта мера возымела свое действие и положила конец этому глупому и неприглядному обычаю. Теперь приведу пример великой мудрости, проявленной моими советниками и министрами. Однажды хлеб и мука стали на базаре очень дороги, так что надо было опасаться голода. Посоветовавшись со своими министрами, я получил такой совет,

ет о неэффективности и неспособности созданных им властных структур принимать адекватные самостоятельные (без вмешательства верховного правителя) решения. Тем не менее при нем меньше внимания уделялось вопросам образования, а установленное литографическое издание использовалось исключительно для выпуска марок, бланков брачных контрактов, публикации нескольких брошюр и административных законов, связанных с призывом подданных к беспрекословному подчинению правителю, своевременному внесению налоговых выплат и других вопросов, связанных с управлением государством¹¹³.

Можно сказать, что к 80-м гг. ситуация в этой области осталась на уровне начала века, если не ухудшилась¹¹⁴, поскольку сторонники прежнего эмира, среди которых имелись несколько более опытных и грамотных, либо покинули страну, либо подверглись истреблению. Новая власть во главе с железным эмиром, в частности, включала лиц, прошедших последние десять лет жизни в Самарканде и теоретически должны иметь более широкое мировоззрение. Следовательно, непосредственное знакомство подданных Афганистана с внешним миром, с социально-культурной жизнью относительно развитых городов и стран предоставило бы возможность по-другому смотреть на реалии жизни. Прямой контакт помог бы самостоятельно оценивать нововведения в сферах экономики и социальной жизни, ослаблял бы влияние служителей культа на умы масс. Сам Абдурахман теоретически осознавал важность политики открытых дверей для ускорения темпов развития страны, но опыт его предшественников ограничил кредит доверия к иностранным державам. Следовательно, помимо введения полного запрета подданным покидать страну строго запрещались и любые контракты с иностранцами, посетившими Афганистан, в частности, с членами английской миссии (не разрешалось встречать-

чтобы я прибил гвоздями торгующих зерном и мукой за уши к дверям их лавок, и тем заставить их продавать дешевле... С того дня, до настоящего времени, я никогда не спрашивал советы у моих министров» (Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 304–305).

¹¹³ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 650.

¹¹⁴ Кухтина Т. И. Просвещение в независимом Афганистане. — М.: Восточная литература, 1960. С. 8–11.

ся, общаться, получать подарки). Официальное объяснение тому было — малорассудительность и неопытность подданных¹¹⁵, но на деле эти меры имели связь с опасениями эмира относительно внешнего вмешательства.

На должности местами назначались люди из числа приближенных, проводивших вместе с эмиром десятилетия в Средней Азии, благодаря чему они должны были отличаться на фоне других своими манерами и общим интеллектом. В частности, это проявлялось в методах управления подконтрольными территориями, устройстве районов, а именно улучшении качества дорог, мостов, выполнении приказов эмира. Тем не менее, несмотря на это, английских эмиссаров впечатляли причины минимального влияния на мировоззрение этих людей, несмотря на длительное их пребывание в обществе цивилизованного мира¹¹⁶.

Властная структура, созданная эмиром, на всех уровнях порождалась тотальной коррупцией. Эмир рассматривал различные варианты контроля поведения чиновников, включавшие арест всего имущества не только обвиненного, но и родственников, друзей и знакомых, телесных наказаний, лишения свободы на долгие годы, но людей это не останавливало. В городах устанавливались ящики для жалоб населения¹¹⁷, но рядовым подданным в редких случаях удавалось добиваться аудиенции верховных властей, доказывать свою правоту. Введенные жесткие наказания не останавливали и придворных министров: даже в присутствии правителя и высокопоставленных иностранных гостей они могли совершить хищение средств из государственной казны¹¹⁸.

В целом при Абдуррахман-хане знания служащих госучреждений, составлявших самый образованный слой афганского общества, ограничивались персидской литературой и элементарными

¹¹⁵ Ромодин В. А. Афганистан во второй... С. 90–91.

¹¹⁶ О примерах из жизни самого эмира в годы пребывания в Средней Азии см.: Голубева Т. Н. Сочинение эмира Абдуррахмана Панднама-йи дунйа ва дин и его историко-культурное значение // Страны и народы Востока. Выпуск 22. Средняя и Центральная Азия: география, этнография, история. Книга 2. М.: Наука, 1980. С. 79–80.

¹¹⁷ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 657.

¹¹⁸ Curzon, G. N. Tales... P. 75–78.

правилами арифметики¹¹⁹. Образованных лиц он брал на службу вне зависимости от этноконфессиональной принадлежности, социального происхождения, о чем свидетельствует наем на высокие должности, особенно в сфере финансов, специалистов из числа индусов, назначение в качестве главного летописца двора хазарейца М. Катиба и т. д.

Тотальная безграмотность негативно сказывалась и на других областях жизни афганского населения. В частности, сложной ситуация оказалась в области доступа к медицине. Речь идет не столько о практике так называемой народной медицины, сколько о неправильном применении медицинских препаратов и растворов европейского производства, попадавших в Афганистан из Индии и использовавшихся местными лекарями при лечении всех без исключения болезней. В условиях тотального отсутствия собственных врачей в каждом прибывшем в страну иностранце могли видеть медика, поскольку о профессионализме европейских докторов информация имелаась на уровне рядового населения¹²⁰.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБЛИК И СОСТОЯНИЕ АФГАНСКИХ ГОРОДОВ

Данный раздел в общих чертах дает основную картину афганских городов, изменения, происходившие на протяжении XIX в., а более детально социально-экономическая жизнь городского населения затрагивается в других главах книги.

Внешне афганские города имели весьма мало признаков городской жизни. В масштабе Афганистана под городами понимались районные и провинциальные центры, где располагались резиденции правителей, базары, караван-сарай, общественные бани.

¹¹⁹ Состояние сферы образования в Афганистане конца XIX в., причем на уровне элиты, достаточно четко иллюстрируется в книге Мартина: «Работа в правительственных канцеляриях лежит на "мирза", или клерикалах. Мирза считается здесь образованным человеком, но все его образование ограничивается знакомством с персидской литературой, поверхностным знанием древнеарабского языка и четырьмя первоначальными арифметическими действиями; к тому же в последнем он не очень тверд и совершенно теряется, если представляется случай действия с дробями» (Мартин А. Ф. 8 лет... С. 192).

¹²⁰ Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 149; Narrative of recent events... P. 148.

Городские кварталы разделялись по видам ремесел. Следовательно, население Афганистана разделялось на сельское и городское, а последнее, в свою очередь, состояло из лавочников, банкиров, мелких землевладельцев, ремесленников, служащих армии, наемных работников¹²¹.

К началу столетия большая часть афганских городов пришла в упадок под влиянием ряда факторов (подробнее о некоторых городах ниже). Главные города не только продолжали отставать в своем цивилизационном развитии, но и сокращаться в площади. Одни начали терять свое социально-экономическое значение, наблюдалось многократное сокращение численности городского населения, другие вовсе лишались имевшейся инфраструктуры, превращаясь в руины¹²². Протяженность г. Газни, например, по некоторой информации, составляла до десяти миль¹²³, а к 30-м гг. рассматриваемого столетия находилась на уровне одной мили¹²⁴.

Общественная жизнь городов отличалась от сельской. Городское население состояло преимущественно из лавочников и ремесленников, разделявшихся на 32 профессиональные группы, во главе каждой из которых стоял *кедхуда*, или руководитель, управлявший всеми сделками между ними и правительством (в качестве таковых обычно выступали старосты торговых и ремесленных ассоциаций)¹²⁵. Представители каждой группы, исходя из сферы деятельности, расселялись по отдельным городским квар-

¹²¹ Elphinstone, M. Vol. I. P. 333; он же: Vol. II. P. 88.

¹²² «Щедрость персидских, татарских и индийских монархов обогатила Афганистан множеством прекрасных зданий и объектов общественного назначения — мечетей, караван-сараев, резервуаров с водой и т.д. Но они уже давно лежат в руинах. Афганцы не знают, как строить, и все разрушают; можно путешествовать по их стране целыми месяцами, не находя другого пристанища, кроме палатки кочевника. На каждом шагу можно увидеть следы зданий, которые, должно быть, были великолепны, но ни одно из них никогда не ремонтировалось. Кое-где земля усыпана мусором; где-то вдалеке обрушился акведук или река из-за обветшания дамб вышла из берегов, и воды, которые при правильном управлении принесли бы огромную пользу земледельцу, остаются совершенно бесполезными; но люди, интересы которых волнуют больше всего, совершенно безразличны к теме» (Ferrier, J. P. History... P. 295).

¹²³ Одна миля составляет 1,6 км.

¹²⁴ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 329–330.

¹²⁵ Elphinstone, M. Vol. I. P. 336.

талам. При этом социальная структура города местами отличалась в зависимости от национальной принадлежности компактно проживавшего в заданном месте населения. Районы, населенные пуштунами, например, возглавлялись *маликами* и *муширами*, точнее, главами племенных подразделений¹²⁶. Таджики, составлявшие слой ремесленников и торговцев в городах, в свою очередь преимущественно группировались по видам профессий. Это мастера ювелирных изделий (золотые и серебряные кузнецы), изготовители и торговцы печатной продукции (книготорговцы, переплетчики, изготовители чернильниц и пеналов, граверы на печатях), оружейного производства (продавцы доспехов, щитов, луков и стрел, оружейники), производители ножниц, стеклянных женских украшений, полировщики стали, сапожники, продавцы пуговиц, шелковых ниток, золотой проволоки и нити, вышивальщицы (в частности, украшений на одежду всех мастей, от драгоценных камней до блесок), фармацевты (аптекари, парфюмеры, продавцы шербета), кулины (кондитеры, повара, продавцы супов, фруктовые мастера), шорники, кузнецы, художники, продавцы табачных лавок, продовольственных и других товаров первой необходимости¹²⁷. Таким образом, горожане, исходя из национальной, этнической и племенной принадлежности, занимали конкретную нишу в социально-экономической жизни городов. Из числа коренного населения пуштуны в редких случаях вовлекались в торговлю и в большей степени имели пристрастие к военному делу, занимались административным работами. Такой же характер был присущ и кызылбашам, традиционно выступавшим как воины и не занимавшимся другими ремеслами¹²⁸.

При садозаях система налогообложения как таковая для ремесленников отсутствовала, ввиду чего регулярные налоги не взимались, и только при ввозе в город все предметы облагались пошлинами. Такая методика была выгодна властям, поскольку позволяла облагать эту категорию горожан более тяжелыми поборами. Основным из них являлось обязательство предоставления мобильных торговых лавок для *урду-базара* или переносного рын-

¹²⁶ Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 70–71.

¹²⁷ Elphinstone, M. Vol. I. P. 336.

¹²⁸ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 205.

ка. Суть ее заключалась в том, что при передвижении правителя из одного города в другой, согласно приказу, через *кадхуда* от каждой группы торговцев одна лавка обязывалась сопровождать свиту до следующего пункта. Эта система, работавшая только в крупных городах, таких как Кабул, Кандагар и Герат, была убыточной как для лавочников, так и для ремесленников¹²⁹.

Правители на уровне провинций или самостоятельных владений не были озабочены улучшением условий в рамках собственного двора, не говоря о городе или окрестных районах. Столицу владений Мурад-бега, одного из самых влиятельных в северном регионе правителей, Кундуз трудно было называть городом, он скорее представлял собой населенный пункт с глинобитными домами, а резиденция мира особо не отличалась от других городских построек¹³⁰.

Облик афганских городов (прежде всего Кабула и Герата) за XVIII–XIX вв. не только не изменился, но в результате войн, особенно внешних вторжений, а также под влиянием других факторов (эпидемий, засух) сильно пострадал. Этнический состав горожан имел непосредственную связь с профессиональными занятиями и промыслами. Пуштуны встречались в крупных городах, но составляли меньшинство жителей, большую их часть составляли таджики, кызылбаши, в некоторых местах встречались кварталы индусов, небольших еврейских и армянских общин. Последние немусульманские народы осуществляли торговые сделки, обеспечивали город жизненно важными продуктами и товарами, контролировали банковские операции, чем предпочитали не заниматься пуштуны, среди которых только ограниченное число были вовлечены в коммерцию, а все остальные состояли из должностных лиц, солдат, мулл, работников из числа беднейших слоев населения страны¹³¹.

¹²⁹ Тем не менее она могла быть весьма выгодной только в том случае, если обслуживала *сардаров* или солдат. При сопровождении королевского двора, наоборот, стала предельно затратной. Следовательно, хозяева лавок и ремесленники во втором случае разными путями, включая взятки кадхуде, старались избегать ее, в первом, наоборот, добровольно шли на урду-базар (Elphinstone, M. Vol. I. P. 337–338).

¹³⁰ Wood, J. A Journey to the Source... P. 138–139.

¹³¹ Elphinstone, M. Vol. I. P. 333.

Из всех городов, возможно, Герат сильнее всего подвергся разрушениям в результате походов кандагарских братьев против Камрана в 1824 г., десятимесячной осады персидской армии 1837 г., повторной попытки в 1857 г. и захвата города Дост Мухаммадом в 1863 г., в результате которого только один из пяти домов остался в пригодном состоянии. Здания всех видов, караван-сарай, базары, бани и т. д. почти все были уничтожены¹³². Необходимо отметить, что физические и экономические разрушения не менее сильными были и при походах Нахир-шаха Афшара в 30-х гг. XVIII в¹³³.

Андхой, например, к 60-м гг. представлял собой город из 2 тыс. домов, а также 3 тыс. палаток, расположенных вокруг него. Но в начале века население его было в разы больше, а сам город имел отличный, более благоустроенный физический вид¹³⁴. Соседний Маймана, также ранее считавшийся благополучным городом, в источниках второй половины века описывается как крайне грязный, неразвитый, состоявший из «1500 глиняных хижин, трех глиняных мечетей, двух кирпичных медресе и базара, тоже построенного из кирпичей и готового вот-вот развалиться»¹³⁵.

Другой, более важный по значимости город — Кандагар тоже не отличался строениями и проблемами, связанными с окружающей средой¹³⁶. Город разделялся на 78 *махаллей* (или районов), в каждом из которых располагались представители разных народов и племен, а само место носило их название. Но также представители одного и того же племени могли занимать несколько «махаллей», каждым из которых управлял отдельный вождь. Основную массу населения города в середине века составляли пуштуны, многочисленными среди которых были баракзаи (910 хозяйств), алоказай (650), мурзаи (650), попальзаи (600), исхакзаи

¹³² Об этом см.: Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. — М.: Восточная литература, 1959.

¹³³ Об этом см: Кишмишев С. О. Походы Надир-Шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Издано Военно-историческим отделом при штабе Кавказского военного округа. — Тбилиси, 1889. С. 1–80.

¹³⁴ Вамбери А. Указ. соч. С. 179–180.

¹³⁵ Вамбери А. Путешествие по... С. 185–186.

¹³⁶ Kennedy, R. H. Narrative... P. 250.

(600) и какар (550). Кроме них имелись таджики (1240 хозяйств), арабы (50), индусы (300), кашмирцы (100 хозяйств)¹³⁷.

Как видно из этих данных, этно-конфессиональный облик городов был пестрым и кроме представителей разных течений ислама включал другие конфессии. Часть купцов-индусов не только занималась торговыми и финансовыми операциями в качестве приезжих, а на постоянной основе располагала собственностью в виде частных домов, держала торговые точки, некоторые жили в караван-сараях. Учитывая сложности, с которыми немусульмане сталкивались в этой стране, можно представить масштабы полученной выгоды от торговой деятельности¹³⁸.

Экономическое состояние городов зависело от отношения властей к представителям торгового класса, обеспечивавшим материальную жизнь горожан. Купцы, особенно немусульмане, испытывали сильное давление при всех правителях, что было связано с перманентной нехваткой средств. Получение Дост Мухаммадом титула эмира имело несколько причин, среди которых важным моментом было придание законной силы вымогательствам денег у немусульман, прежде всего индусов, занимавшихся преимущественно банковскими операциями и торговлей в городах, что самым негативным образом сказывалось на их жизни. Эмир, согласно интерпретации находившихся на службе у Дост Мухаммада представителей духовенства, имел право конфисковывать средства и имущество иноверцев для удовлетворения нужд воинов, сражающихся за веру. Эмиру, активно искавшему деньги для организации похода в Пешавар, таким образом развязали руки. Действия, следовавшие после получения права на фетву, нанесли серьезный удар по торговой и финансовой системе государства. Только с торговцев из Шикарпура потребовали 300 тыс. рупий. По такому принципу по всем городам выставлялись счета, и во многих случаях методами пыток отбиралась не только требуемая сумма, но и конфисковывалось все имущество тех, кто успел покинуть пределы королевства. Правители на местах поступали по примеру Дост Мухаммада и взялись за представителей торгов-

¹³⁷ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 189–190.

¹³⁸ Conolly, A. Vol. II. P. 36.

ли и финансов. Постепенно, когда дело против индусов завершилось, внимание эмира обратилось и на мусульманскую часть этой категории общества¹³⁹. Другой важной сферой получения доходов в городах для эмира стало правосудие, через которое можно было контролировать все виды штрафов и конфискаций. На это он смотрел через призму материальных интересов¹⁴⁰.

Примеру эмира следовали и другие представители династии баракзаев, в частности, правители Кандагара, одинаково сурово обращавшиеся со всеми подданными, использовали этот повод для вымогания денег с индусов города. Как будет ниже более подробно показано, во всех городах индусы контролировали большую часть торговых и денежных операций, почти все без исключения были состоятельными людьми. По приказу правителей ежедневно в унижительной форме в резиденцию приводились доста человек, чтобы требовать у них денег. Такое обращение было необходимо для повышения ставок¹⁴¹. Стоит отметить, что представителей немусульманского населения на афганской земле, где в любой момент их жизнь могла подвергаться опасности, держали только большие доходы от торговых и финансовых операций.

Правители в пределах владений и в зависимости от своих полномочий могли искать повод конфисковать имущество влиятельных лиц, состоятельных купцов. В Герате при англичанах в период первой англо-афганской войны многие местные жители, сотрудничавшие с ними, получали субсидии, выполняли определенные работы. После отъезда британского посланника не только они попали под жесткое давление правителя Герата Яр Мухаммада, но пострадали и не сотрудничавшие с англичанами достаточно состоятельные лица¹⁴².

Кабул при Дост Мухаммаде несколько отличался своим внешним состоянием, прежде всего сравнительно приемлемыми санитарными условиями, наличием крытой системы чистой питьевой воды¹⁴³. Две англо-афганские войны, особенно карательные опе-

¹³⁹ Lal, M. *Life of the Amir Dost Mohammed Khan...* Vol. I. P. 170–171.

¹⁴⁰ Там же. P. 210–212.

¹⁴¹ Массон В.М., Ромодин В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 287.

¹⁴² Ferrier, J. P. *History of the Afghans*. L., 1858. P. 419.

¹⁴³ Burnes, A. *Travels into Bokhara...* Vol. I. P. 146–147.

рации английских войск, нанесли значительный ущерб жилым кварталам, резиденции афганских правителей, другим имевшимся в городе объектам.

Жизнь горожан находилась под пристальным наблюдением центральных властей. Такие меры ввелись для выявления чужеземцев, подозрительных лиц, которые могли работать на иностранные государства. Свобода передвижения подданных внутри страны, а также за ее пределы без каких-либо документов или специального разрешения со стороны властей была примером, которого невозможно было наблюдать в соседних странах. После первой англо-афганской войны этим мероприятиям уделялось большое внимание, особенно при Шер Али-хане. В столице по приказу эмира не только гражданскому населению, но и армейским запретили носить оружие, ввели комендантский час, запретивший горожанам покидать дома между 22:00 и 04:00 часами. Строго следили за передвижением незнакомых и посторонних лиц по городу. Для этого также по приказу эмира *котвал* (начальник полиции) назначил *чоукидаров* (сторожей) и *махалдаров* (начальников стражей), в обязанности которых входило наблюдение и информирование властей о прибытии и отбытии посторонних лиц из Кабула¹⁴⁴.

На практике решение этих вопросов было трудновыполнимой задачей, не всегда и не везде удавалось ее решать. Наряду с армией и милицией гражданское население — все без исключения — обладало различными видами оружия. Английские источники сообщают о частичных успехах англичан при реализации после повторного захвата Кабула (1879 г.) введенных норм, запрещающих гражданскому населению в пределах Кабула носить оружие¹⁴⁵. Возможно, имели место отдельные случаи, но в целом за столь короткое время пребывания в афганской столице говорить о каких-либо успехах в данном вопросе — явное преувеличение. Подобные попытки время от времени

¹⁴⁴ Narrative of recent events... P. 82.

¹⁴⁵ Hensman, H. The Afghan War of 1879–80, being a complete narrative of the capture of Cabul, the siege of Sharpur, the battle of Ahmed Khel, the brilliant march to Candahar, and the defeat of Ayub Khan, with the operations of the Helmund, and the settlement with Abdur Rahman Khan. 2nd ed. — L.: Allen, 1882. P. 315.

предпринимались и имели результат в столице, но другие города продолжали жить прежней жизнью.

Кабул к концу 70-х гг., безусловно, стал привлекательным для всех категорий людей. Здесь отмечались более оживленные и интенсивные признаки активной торговли, чем, например, в Пешаваре и многих других городах северной Индии. К 80-х гг. город приобрел не только важность национального центра торговли, но, благодаря удобному географическому положению в качестве первого и последнего звена между Центральной Азией и Индией, начал привлекать внимание и притягивать иностранных купцов. Эти обстоятельства постепенно могли дать возможность Кабулу стать товарной биржей для купцов, осуществлявших торговые операции с разными частями евразийского континента¹⁴⁶.

В социально-экономической жизни афганских городов к 80-м гг. существенных продвижений не наблюдалось. Материально сильных горожан, как и в начале века, представляли два класса — *сардары* и купцы. Кроме них в городе имелись и представители других профессий, в первую очередь ремесленники и земледельцы, но они играли второстепенную роль и в меньшей степени интересовали властей. Налаживание оружейного производства, особенно при Шер Али-хане, способствовало стремительному росту численности работников.

Купцы являлись группой населения, способной контролировать торгово-экономическую жизнь не только отдельно взятых городов, но и всей страны, играть важную роль в решении политических вопросов государственной важности, менять ход происходивших процессов в желаемом направлении¹⁴⁷. Крупные купцы вели политические дела не только внутри страны, использовали *сардаров* в собственных политических играх, а также имели деловые отношения с иностранными государствами, в частности, британской Индией. В то же время в отличие от *сардаров* они являлись более уязвимыми перед представителями власти, начиная от налогового сборщика и заканчивая солдатами, часто страдали

¹⁴⁶ Hensman, H. The Afghan War of 1879–80... P. 66.

¹⁴⁷ Elphinstone, M. Vol. I. P. 335.

от вымогательства последних и не имели возможности предъявлять претензии¹⁴⁸.

Другим изменением можно назвать использование при возведении городских построек новых технологий и строительных материалов, которые оставались неизменными в Афганистане на протяжении веков. Шер Али-хан, строя новую столицу Шер-пур (под Кабулом), первым применил нововведения в этой области. Армию задействовали при строительных работах на условиях дополнительной оплаты труда. Надбавку в 5 рупий в месяц наряду с ежемесячной зарплатой в 7 кабульских рупий солдаты получали в течение пяти лет¹⁴⁹. Абдуррахман-хан при строительстве правительственных зданий, мечетей и других объектов использовал железо, кирпич, камень, дерево, гипс, известь и другие материалы, чего раньше не практиковалось¹⁵⁰.

Города, в том числе крупные, отличались отсутствием элементарных санитарных условий, необходимой для городской жизни инфраструктуры, в первую очередь системы канализации. Наличие мусорных свалок, превратившихся в очаги распространения инфекционных заболеваний, негативно сказывалось на здоровье населения. Такое состояние было связано с экономической политикой центральных и местных властей. Сведения показывают, что хозяйства таких городов, как Кабул, Кандагар, Герат приносили хорошие доходы от сборов, налогов и пошлин, но казна не предусматривала ассигнований на улучшение санитарных условий, благоустройство городской среды, хотя это и требовало совсем небольшой части поступлений¹⁵¹. Получаемые городами доходы целиком и полностью переводились в счет центральной казны. При подобной политике центральных властей местным, с одной стороны, не оставалось средств на решение указанных проблем, с другой стороны — их отношение к санитарному состоянию своих территорий ничем не отличалось от отношения центральных

¹⁴⁸ Hensman, H. *The Afghan War of 1879–80...* P. 319–320.

¹⁴⁹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 318.

¹⁵⁰ Там же. С. 417.

¹⁵¹ Conolly, A. Vol. II. P. 3; Messurier, A. *Kandahar in 1879; being the Diary of Reprinted, with Corrections and Additions, from the Royal Engineers' Journal.* — L.: W. H. Allen & Co., 1880. P. 183.

властей. Эти вопросы оставались актуальными до конца столетия. Места накопления твердых отходов в больших объемах превращались, как уже было сказано, в очаги распространения инфекционных заболеваний¹⁵².

ЗЕМЕЛЬНЫЕ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Формирование афганской государственности ускорило темпы перехода сельского населения от родоплеменного самоуправления, общинной собственности на землю к новым формам отношений. Это зависело от степени близости племени к правящей династии, а также формы хозяйствования у проживающих на этой земле народов. Среди дуррани и племен, занимавшихся земледелием, крупными землевладельцами становились *джагирдары*, каковыми в большинстве случаев выступали сами вожди племен, а также другие представители пуштунов, увеличившие свои доходы за счет захвата земель *райатов*.

Формы земельных отношений различались в зависимости от социального положения их участников в обществе. В начале века их разделяли на пять разновидностей:

- Обработка земельного участка самим собственником, что позволяло получать всю оставшуюся часть дохода после уплаты налогов,
- Аренда, при которой земельный участок сдавался за деньги или в обмен на установленную долю полученной продукции,
- Использование труда издольщиков (барзгар),
- Наем рабочей силы при обработке земли,
- Крепостное хозяйство, возделывавшее землю своего господина без оплаты¹⁵³.

¹⁵² Мартин А. Ф. 8 лет... С. 40–41.

¹⁵³ М. Эльфинстон в своей работе к последней категории (т. е. крепостных) относит факиров, которые фактически являлись субъектом лица, на земле которого жили и работали. Далее подчеркивает, что они платили налог своему хозяину и, подобно крепостным в Европе, работали на него бесплатно (Elphinstone, M. Vol. I. P. 27–28; 389). Такая категория населения в других местах называлась райят-и хамсая (сосед-подданный) и в основных чертах имела те же положения, что и факир. Тем не менее И. М. Рейснер, в отли-

Условия и сроки аренды земли определялись посредниками между землевладельцами и землепользователями, точнее, издольщиками, варьируясь от одного года до пяти лет в зависимости от условий аренды. Отличалась и арендная плата по регионам, что было связано с плодородностью почвы. В высокогорных районах с низкой урожайностью арендаторы выплачивали 1/10 часть полученного урожая, на равнине — со средним показателем от 1/3 до 1/5, а вокруг Кабула — 2/3 урожая. Приобретение земельного участка в собственность могла позволить себе незначительная часть населения. В первую очередь находившиеся на службе при королевской дворе, военные, накопившие состояние за счет полученных трофеев, землевладельцы, имевшие хорошие доходы от своей деятельности, купцы, получавшие прямые гранты от короны. Существовал и иной способ, которым в основном пользовались жители, не имевшие ресурсов для участия в прямых сделках с хозяевами обрабатываемых земельных участков. Они становились собственниками участков путем строительства и отвода оросительных сооружений и введения в оборот новых земель¹⁵⁴.

Земли сдавались в аренду на разных условиях. Арендатор получал за свой труд как натурой в виде ранее оговоренной части полученного урожая, так и деньгами. Конечный продукт труда распределялся равномерно между тремя участниками процесса —

чие от М. Эльфинстона, утверждает, что не все факиры и хамся были крепостными: «райят-и хамся у афганских племен и в начале XIX в. не был крепостным крестьянином развитого феодального общества. Даже в середине XIX в. факиры юсуфзаев могли заниматься любой профессией, уплачивая в таких случаях хозяину небольшой оброк, сохраняли право перехода от одного хозяина к другому. В связи с этим в условиях сравнительно не очень тяжелой феодальной эксплуатации среди самих райят-и хамся ... довольно быстро происходил процесс роста имущественного неравенства. Среди хамся были бедняки, попавшие в долговую кабалу и превращавшиеся в долговых рабов, обычно обрабатывавших землю своего господина с помощью его скота, его орудий и даже засевавших ее хозяйским зерном. ... Кабальные отношения создавались в условиях, когда непосредственный производитель, не обладая ни землей, ни орудиями производства, вкладывал в хозяйство только собственный труд. По условиям издольной аренды этого типа ... непосредственный производитель не только был привязан кабальной ссудой к земле заимодавца, но и полностью терял личную свободу, становился, пусть временно, его собственностью, его долговым рабом» (Рейснер И. М. Развитие феодализма... С. 204–205).

¹⁵⁴ Elphinstone, M. Vol. I. P. 390.

землевладельцем, арендатором и государством, каждый из которых имел право на 1/3 часть полученного урожая, в случае если первый обеспечивал семена и воду для орошения. Если собственник снабжал арендатора рабочим скотом и необходимыми орудиями труда, тот получал лишь 1/6 часть продукции. Ежедневный наем рабочих не практиковался, но к работе привлекали пару волов с плугом и двумя крестьянами, оплата труда составляла половину рупии хана, или 3/8 рупии Ост-Индской компании в сутки. Земледельцы помимо зерновых занимались выращиванием овощей (капусты, репы, морковки и т. д.), которые хранили в погребах до весны, продавая затем по весьма выгодной цене¹⁵⁵. Примечательно, что овощи местами использовались в качестве корма для скота в зимний период. Пшеничный хлеб, рис, а иногда кукуруза составляли обычный рацион жителей Афганистана, ячмень был основным кормом для лошадей, а зимой крупный рогатый скот и лошадей кормили морковью¹⁵⁶.

К обработке земли привлекалась и наемная рабочая сила — свободная в течение 9 месяцев часть жителей нанималась на работу либо арендатором, либо напрямую землевладельцами за определенную плату наличными деньгами, продуктами питания, другими товарами. В денежном выражении труд наемного рабочего за сезон стоил 30 рупий. В течение всего периода дополнительно предоставлялось питание, а во многих местах — одежда, а также, помимо прочего, некоторое количество зерна и денег, которое варьировалось от 2,5 *манн* (1 *манн* — около 80 фунтов) и 1 *рупии* (2 шиллинга и 4 пенса) до 10 и 2 соответственно. Использование наемного труда не ограничивалось сельским хозяйством и распространялось на городскую среду, где главными занятиями являлись торговля и промысел. Материальное положение наемных рабочих в связи с низкой оплатой труда можно назвать крайне сложным. В городах для обычного рабочего она составляла по сведениям, приводящимся англичанами, чуть более 4 пенсов (0,04 фунта стерлингов) в день, включая еду. В частности, в Кандагаре в день получали 3 *шахи* и 12 *динаров*, что равнялось

¹⁵⁵ Burnes, A. Cabool... P. 57–58.

¹⁵⁶ Rev, G. L. Gleig, M. A. Sale's Brigade in Afghanistan. — L., 1861. P. 8.

6–7 пенсам. Нахождение в обращении многочисленных видов валют не позволяет указывать на реальный размер доходов рабочих, но факты показывают, что и цены на товары первой необходимости, прежде всего хлеба, были предельно низкими, что позволяло сезонникам покрывать расходы на продовольствие. В Кабуле, например, цена 2,2 кг пшеничной муки составляла 1 *шахи*, а в регионах вдвое меньше¹⁵⁷.

Получение доступа к земле коснулось не только оседлого населения, в первую очередь земледельцев, но и кочевых скотоводов, которым, несмотря на относительно вольную жизнь, в большинстве мест только с разрешения местных властей за фиксированные суммы со скота или хозяйства позволяли пользоваться пастбищами. Племя *лохани* в летний сезон платило эмиру Дост Мухаммаду 600 рупий в год в качестве подношения для получения разрешений на выпас скота на пастбищах Газни, *насери* — 3 тыс. рупий вождю гильзаев за пастбища района Марджа¹⁵⁸.

Частые замечания английских авторов на отсутствие желания и стремлений к работе у афганского населения¹⁵⁹, возможно, были в некоторой степени следствием непосильной налоговой нагрузки, утраты отдельными слоями общества привилегированного положения. Можно предположить, что на протяжении столетия отношение пуштунов к труду могло трансформироваться по мере ослабления внешней, а, следовательно, изменения внутренней политики властей, в первую очередь сокращения завоевательных походов правителей, что сказывалось в дальнейшем на развитии хозяйственной жизни тех, кто служил в качестве воинов. Питавшим пристрастие к воинской службе было сложно переориентироваться на другие виды хозяйственной деятельности. Подобное поведение наблюдалось у многих жителей городов, сельского и кочевого населения, изначально считавших службу наиболее

¹⁵⁷ Elphinstone, M. Vol. I. P. 391; Rev G. L. Gleig. M. A. Sale's Brigade... P. 8.

¹⁵⁸ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 92–93.

¹⁵⁹ «Афганцев, которые принимают какое-либо участие в коммерческих делах, очень мало; это главным образом *баби*, которые живут к югу от Кандагара; остальные никогда не занимаются ни этим, ни какой-либо другой отраслью промышленности; на самом деле они испытывают величайшее отвращение ко всем видам занятий и являются только квалифицированными либо для ведения войны, либо грабежа» (Ferrier, J. P. History... P. 319–320).

важным промыслом и отвергнувших занятия ремеслом или торговлей (за исключением отдельно взятых случаев). Отмечается, что пуштуны были готовы идти на грабежи, лишь бы не работать, но это характерно, по всей видимости, не только для пуштунов, поскольку отдельные группы из числа многих этносов и племен, как будет ниже показано, занимались разбоями в разных уголках страны¹⁶⁰. Но в целом для пуштунов были в большей степени характерны эти черты в качестве господствующей и претендующей на определенные властные привилегии группы. Насколько можно судить, на обработку собственного земельного участка или ведения животноводческого хозяйства старались привлекать таджиков. Изменение экономической политики новых властей создало обстоятельства, постепенно вынудившие племена, проживавшие в городах и на равнинной местности, вернуться к другим мирным занятиям.

Система трудовых отношений временно претерпела изменения при оккупации англичанами столицы в ходе первой англо-афганской войны. Наличие двух разных по материальной возможности бюджетов нарушило равновесие в экономике, в частности, на рынке труда. Формировались новые условия, при которых афганскому правительству пришлось привлекать наемных работников для выполнения работ, выполнявшихся ранее крестьянами на общественных началах, но здесь также ставка в английских объектах была гораздо выше и неподъемной для казны шаха. Такая ситуация начала смещать в глазах народа центр принятия решений, и в поисках справедливости рабочие стали обращаться не к собственному правителю, а к английской администрации, что негативно воспринималось афганскими властями¹⁶¹.

¹⁶⁰ Правители по-разному боролись против грабителей и разбойников, особенно на караванных путях. Одни, как будет еще сказано, договаривались с местными племенами, через территорию которых проходили караванные пути, другие применяли силу. Кроме пуштунских зон, в территориях проживания хазарейцев, например, часто совершались набеги на караваны. Иззет Улла сообщает, что Мир Килич Али-бек для предотвращения подобного организовал поход против жителей села Занги (возможно, имеются в виду хазарейцы племени Дай-занги) и, захватив в заложники, продал всех в рабство. После этого, по словам автора, на этих участках дороги стало спокойно (Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah... P. 81).

¹⁶¹ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. II. P. 323–324.

Возникшая ситуация привела к росту напряженности между сторонами, созданию проблем для всех сторон — англичан, шаха и общества. Два правительства с двумя совершенно разными, неравными финансовыми возможностями, взглядами на ситуацию в стране, а также планами на будущее участвовали в хозяйственной жизни Кабула и окрестных районов. Англичане, думавшие о собственном имидже, требовали более справедливого отношения к подданным, что негативно воспринималось афганскими властями.

Сложность отношений между сторонами, например, отражается в методах использования ими наемных рабочих и размерах оплаты при выполнении тех или иных работ. Новые для Афганистана условия найма, распространенные на подконтрольных иностранным силам объектах, разрушили баланс хрупкого рынка труда. Для страны было привычно привлекать крестьян на связанные с королевским двором работы в порядке трудовой повинности. С одной стороны, англичане заявляли о недопустимости привлечения крестьян ранней весной на подобные работы, с другой требовали оплачивать использованный труд¹⁶².

Стимул к труду и повышению производительности, максимизации объемов урожая подавлялся вымогательствами, неподъемными налогами, поборами, через которые изымалась значительная часть полученных доходов. Существовавшая форма бесплатного использования труда населения для нужд армии или властей, известная как *бегари* (принудительная трудовая повинность), распространялась как на жителей, так и принадлежавшие им вьючный скот, орудия труда, строительные материалы. В период посевов или сбора урожаев у крестьян отнималась часть времени, необходимого на хозяйственные нужды¹⁶³.

¹⁶² Nash, C. B. History of the war in Affghanistan. Thomas Brooks. — L., 1843. P. 255–256.

¹⁶³ «Независимо от налогов, взимаемых натурой и деньгами, которые уже были перечислены, существует (другая) система угнетения, применяемая афганскими правителями, известная под названием "бегари", что означает акт давления или принуждения к работе...; земледелец и ремесленник, волы, плуги, верблюды и т. д. поступают на службу правителя. Небольшая ежедневная порция муки... является единственным предоставляемым вознаграждением. Если требуется транспортировка осадной артиллерии, людям приходится перетаскивать орудия от границы к границе. Если для ремон-

Шер Али-хан ограничил власть губернаторов и в вопросе назначения жалования, чем раньше те могли заниматься самостоятельно. Теперь без его разрешения никто не имел права назначать субсидии клерикалам в регионах¹⁶⁴.

Продолжительные войны при Абдуррахман-хане привели к нехваткам трудовых ресурсов, а, следовательно, нарушению баланса в хозяйственной жизни. В стране ощущался дефицит людей в аграрном секторе для обработки земли, обеспечения работоспособности оросительных каналов, что привело к спаду объемов производства сельскохозяйственной продукции. Проблему дополняла нехватка средств труда и семян для посевов. Государство в этой ситуации не только показало свою малоэффективность. Более того — неспособные уплачивать налоги в результате лишались свободы. Людей привлекали к строительству зернохранилищ, ирригационных каналов в разных районах¹⁶⁵.

Характеризируя народы Афганистана, к менее трудолюбивым относили пуштунов, отдача от которых государству была минимальной, а требования самые высокие. Таджики и индусы считались двигателями хозяйственной жизни, занявшими основную часть производственной ниши¹⁶⁶.

Поиск относительно легких способов получения наибольшего размера доходов, включавших разные нелегальные виды и преступления, продолжался, невзирая на суровые карательные меры, введенные железным эмиром. Ограбление караванов, соседних племен или деревень, представителей других этносов констатировалось во всех уголках страны. Наиболее чувствительными были группы из десятки, а то и сотни людей, занимавшихся грабежами и разбойными нападениями. В отдельных случаях субсидии, полученные вождями племен, в этих условиях являлись более действенным инструментом, вынудившим поставить запрет

та артиллерии требуется древесный уголь, люди должны предоставлять его бесплатно. Если необходимо возвести правительственные форты, то работы выполняются (в качестве) *“бегари”*. Эта система распространяется на мирную часть населения. Горцы, которых труднее контролировать, не часто подвергаются этой работе» (MacGregor, C. M. Central Asia. Part II. P. 411).

¹⁶⁴ Narrative of recent events... P. 198–199.

¹⁶⁵ Kakar, M. H. Government and Society... P. 189–191.

¹⁶⁶ Ferrier, J. P. History... P. 305.

на действия своих соплеменников¹⁶⁷. В других применение регулярной армии, строительство фортов вблизи зоны действия этих групп остановили насилие в отношении других, особенно местных жителей. В южных районах грабежами занимались не только пуштуны, но и другие племена, а временами первые сами могли стать жертвой группировок из числа других народностей¹⁶⁸.

Расширение в 80-х гг. производства продукции военного назначения (винтовок, обмундирования и т. п.) в Кабуле, особенно открытие Машин-хане, способствовало появлению новых рабочих мест, но материальные условия занятых работников не изменились, поскольку установленная заработная плата, как и в начале века, оставалась предельно низкой. Оплата опытного работника, занятого в производстве десятилетиями, оставалась неизменной, хотя цены на продукты питания за это время неуклонно росли¹⁶⁹. Таким образом, власть продолжила вкладывать средства только в оружейное производство, а другие сферы производства не поощрялись.

Возвращаясь к аграрному сектору как основной отрасли материального производства Афганистана, отметим, что сложившаяся система создала условия, при которых производитель, под каковым здесь подразумевается земледелец, не был заинтересован заниматься расширением производства в целях получения большей прибыли. Причина заключалась в изъятии властями основной части продукции, получении крестьянином только достаточной для выживания ее части. Следовательно, земледельцы могли двумя способами минимизировать производственные затраты: во-первых, сокращать собственное производство и тем самым меньше трудиться, во-вторых, вовсе свернуть деятельность, чтобы ничего не платить властям. В итоге при такой обстановке убытки подсчитывали не только земледельцы, но и сами власти, ведущие такую политику.

¹⁶⁷ Martin, G. Survey operations of the Afghanistan expedition: the Kurram Valley. Published in: Proceedings of the Royal Geographical Society and monthly record of geography; No. 10 (October 1879). P. 617–645.

¹⁶⁸ М. Лал сообщает о хищении со стороны белуджей 3 тыс. овец у жителей Шуварака (Lal, M. Travels in the Punjab... P. 294).

¹⁶⁹ Мартин А.Ф. 8 лет... С. 186–187.

На протяжении столетия несколько изменилось и материальное положение представителей духовенства. Следует отметить, что служители культа играли важную роль не только в упорочении власти правителя, но и в экономической жизни страны. И. М. Рейснер, изучавший в основном быт племени юсуфзаев, отмечал быстрое расширение тенденций к землевладению среди духовенства всех афганских племен. Они не только безвозмездно использовали труд многих других групп населения при обработке земли, освобождались от налогов и поборов, получали доходы от мест поклонений, но и занимались ростовщичеством, «а ростовщические сделки, в свою очередь, являлись одним из важнейших средств дальнейшего захвата земли «святыми людьми»¹⁷⁰.

Баракзайские правители начали пересматривать свое отношение к этой части афганского общества с целью экономии средств казны. Служители культа первый удар, пусть не столь ощутимый, получили при Дост Мухаммаде, который в одних случаях аннулировал, а в других уменьшил муллам, сеидам и другой категории клерикалов размер пособий, предоставленных предыдущими правителями Афганистана¹⁷¹. Абдурахман-хан в этих целях также пошел на такой шаг, но под тем предлогом, что не все из них приносили пользу стране, хотя и получали жалование¹⁷².

На государственном уровне отсутствовали нормы, регулирующие рабочее время правительственных чиновников. Такая система в целом продолжала существовать до конца столетия, если не считать небольшие изменения, происходившие при двух последних эмирах. Абдурахман-хан ввел современную систему нормирования рабочего времени государственных служащих и должностных лиц, трудившихся ранее по свободному графику. В соответствии с внедренными правилами устанавливалось рабочее время между восходом и закатом. Чиновников и работников государственных учреждений обязывали в течение указанного отрезка времени находиться на рабочем месте и заниматься должностными обязанностями, что, разумеется, было непривычным для всех. Губернаторы и другие представители власти в обраще-

¹⁷⁰ Рейснер И. М. Развитие феодализма... С. 186–187.

¹⁷¹ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. II. P. 309.

¹⁷² Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 338.

нии на имя эмира просили пересмотреть такое решение, нарушившее прежнюю самостоятельность¹⁷³.

Армия

При садозаях отношения между правителем и главами его племени выражались в соперничестве за политическое и экономическое влияние. Политика строилась таким образом, что дуррани, обеспечивавшие силовое крыло власти, находились в подчинении короля, остальные афганские племена — на ступеньки ниже. Не располагая регулярной армией¹⁷⁴, правитель находился в непосредственной политической зависимости от вождей племен, предоставлявших войска и имевших на них прямое влияние. Имея лишь номинальную власть, он фактически не обладал возможностью принимать решения государственной важности без консультаций или согласования. Это частично имело место и при Ахмад-шахе дуррани, принимавшем решение после совещания с вождями племен.

Такое положение отрицательно сказывалось на экономической политике государства, часть доходов которого сократилась в результате войны, другая поглощалась элитой и местными правителями. Более того, вожди сами перестали предоставлять солдат, хотя многие были крупными *джагирдарами*. В результате армия состояла из солдат, служивших на платной основе, или добровольцев. Поскольку правитель не имел доходов для создания нормальной армии, солдаты остались под властью собственных вождей и, следовательно, на деле подчинялись только им¹⁷⁵. Вожди племени дуррани обязывались предоставить до 12 тыс. воинов, получив взамен право на *джагир*, или бесплатные земли, предоставленные еще Ахмадом-шахом. Но вознаграждения властей этим не ограничивались, поскольку при призыве солдатам выплачивалось жалование, равное 10 фт. ст. за три месяца в году, что вместе с доходом от земли ежегодно составляло

¹⁷³ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 656–657.

¹⁷⁴ Об афганской армии подробнее см.: История вооруженных сил Афганистана, 1747–1977. — М.: Наука, 1985.

¹⁷⁵ Elphinstone, M. Vol. II. P. 247; 250.

40 фт¹⁷⁶. Иными словами, ежегодные косвенные расходы казны на содержание только воинов дуррани могли достичь 500 тыс. фт. ст. Следовательно, на практике для решения внутренних задач центральной властью использовалась третья сила из числа непустунов (таджиков и других народов), в первую очередь для подавления знати. Тем самым сохранялась стабильность между пуштунскими племенами, прежде всего обеспечивалась безопасность племени дуррани, поскольку внутренние междоусобицы крайне негативно сказывались на экономическом и политическом положении государства.

Изменения начали происходить при втором правлении Махмуд-шаха. Инициатором их выступил принц Камран, и они были направлены на оптимизацию доходов казны путем сокращения привилегий *джахгирдаров*, прежде всего из племени дуррани. Эта политика получила продолжение при баракзаях, особенно Дост Мухаммаде, власть которого ощущала острую нехватку средств для возвращения в орбиту влияния Кабула потерянных областей. Он работал над созданием регулярной армии, и поскольку лично принимал участие во многих походах, ограблениях и иных операциях, имел солидный опыт воина и военачальника, что позволило достаточно хорошо изучить и знать состояние своей армии. В первые годы правления состояние армии, ее отношение к эмиру и подданным характеризуется с положительной стороны. Сам эмир в силу ограниченности ресурсов и в целях завоевания симпатии населения вел необычайно простой образ жизни как в плане ношения одежды, так и в общении с подданными. Такой подход работал эффективно, и на фоне остальных придворных это ярко выражалось¹⁷⁷. Дост Мухаммад применял новые знания в военном деле путем привлечения к созданию и обучению регулярной армии людей, знакомых с военной наукой. В частности, предлагал А. Бернсу возглавить афганскую армию, на что получил отказ и просил отправить специалиста из числа англичан¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Elphinstone, M. Vol. II. P. 266.

¹⁷⁷ Массон В.М., Ромодин В.А. Указ. соч. Т. I. С. 252.

¹⁷⁸ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 165.

Важную роль в этом процессе играл английский офицер Кэмпбел, попавший в плен к эмиру в 1833 г. в Кандагаре¹⁷⁹.

Хронической проблемой власти при Дост Мухаммаде, как и других правителях, осталась выплата войскам жалования, размер которого годами оставался неизменным. Регулярно его получали только отдельно взятые личности, а система расчета жалований войск осталась примитивной. Средства, во-первых, не распределялись централизованно и должным образом, во-вторых, частично рассчитывались наличными, отчасти натурой в виде скота, продуктами питания, одеждой. Все это распределялось по приказу из центра через местных налоговых сборщиков и старост деревень, за которыми были закреплены служащие армии. Размер оплаты отличался в зависимости от рода войск. Для всадника он составлял 12 томанов (около 10 фунтов) в год, что хватало на содержание всей семьи, а также носильщика. У пехотинца меньше — от 6 до 8 фунтов в год. В условиях дешевизны продовольственной продукции можно заключить, что эмир назначал служащим армии вполне приемлемое жалование¹⁸⁰.

Самостоятельные княжества, по крайней мере на практике, мало интересовались усовершенствованием армии. Мир Кундуза работал по тому же принципу, что и правители Кабула, но с той разницей, что находившиеся в подчинении ханы не имели над ним такого влияния, какое имелось у вождей пуштунских племен над афганскими правителями. Все ханы без исключения помимо обязательного содержания определенного количества людей для военной службы, постоянно готовых к призыву, вносили некоторую денежную сумму в казну. То есть сам мир фактически не имел прямых затрат на содержание войск, только косвенно обеспечивая их всеми необходимыми средствами. Более того, при нарушении или замедлении платежей со стороны ханов следовали штрафы или наказания в виде отнятия *джагира* с последующей передачей другому хану. Вторым отличием являлась регулярность и мобильность службы. Власти Кабула при необходимости обращались к услугам нерегулярных войск, а Мурад-бег часто со-

¹⁷⁹ История Афганистана. Т. II. С. 168.

¹⁸⁰ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 241–242.

вершал походы или набеги с целью ограблений, что повышало коэффициент эффективности этих войск. Воинская повинность во владениях Мурад-бега имела несколько иной характер. Во-первых, солдаты получали подарок от своих вождей, во-вторых, сам мир предоставлял каждому по куску ткани и тюрбан на мусульманский праздник жертвоприношения¹⁸¹.

С возвращением в Кабул шаха Шуджи британские политические агенты и советники приступили к реформированию афганской военной системы, оцененной ими как неудовлетворительная в том виде, в каком она существовала до того времени. Это касалось как вопроса боевой подготовки, так и финансовых расходов на войска, которые бессмысленно шли на усиление влияния племенных вождей, предоставлявших солдат. Ранее подготовка, обучение, экипировка и управление кавалерией осуществлялись самими вождями. Следовательно, вопрос формирования армии и мобилизации полностью находился в их руках, что в случае необходимости делало племенных вождей фактическими хозяевами положения. Выполняя функцию посредника между иррегулярной армией и властью, для сохранения собственного влияния над обеими сторонами вожди не давали им возможности налаживания непосредственной связи между собой¹⁸².

Напомним, что в 90-х гг. XVII в. митрополит Хрисанф писал о количественных и качественных сторонах афганской армии при Заман-шахе¹⁸³, но примерно через 50 лет ту же оценку ее состоянию дали английские офицеры. У Дост Мухаммада сравнительно дисциплинированные регулярные войска появились благодаря Кэмпбелу, английскому офицеру, впоследствии помогавшему эмиру построить регулярную армию по европейским стандартам.

¹⁸¹ Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz, and the power of its present ruler Mahomed Murad Beg. № XII / Reports and Papers, Political, Geographical, & Commercial Submitted to Government by Alexander Burnes, Lieutenant Leech, Doctor Lord, and Lieutenant Wood, Employed on Missions in the Years 1835–36–37 in Scinde, Affghanisthan, and Adjacent Countries. Calcutta: Bengal Military Orphan press, 1839. P. 113; 115.

¹⁸² Yapp, M. E. The Revolutions of 1841–2 in Afghanistan... P. 338.

¹⁸³ Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах. — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. Книга 1, 1861. С. 11.

Иррегулярные силы, предоставленные вождями племен, с военной точки зрения оставались менее полезными и в основном, как было сказано, служили инструментом получения жалования из казны и иных источников дохода. То есть коэффициент их полезности при больших денежных затратах находился на минимуме, поэтому при шахе Шудже только в редких случаях стали пользоваться их услугами. Точнее, в предложенную английскими офицерами новую систему они не вписывались¹⁸⁴.

Слабой стороной центральной власти при этом можно считать удовлетворенность системой назначения субсидий вождям племен для сохранения политической стабильности. Это, в свою очередь, создавало стимул получателям денежных выплат увеличивать численность нерегулярных войск с целью получения большего дохода. Афганских правителей, включая Шаха Шуджи периода первой англо-афганской войны, вполне удовлетворяла такая стабильность, с чем не могли согласиться английские военные советники, смотревшие на армию прежде всего через призму военной эффективности, а также экономии бюджетных средств. Тем не менее шах в итоге согласился на предложенные рекомендации формировать отряды регулярной кавалерии численностью 1,6 тыс. человек, которые можно было использовать для подавления восстаний, снижения зависимости власти от племенных вождей в этом вопросе. Снижая количественные показатели, англичане стали работать над качественной стороной афганской армии. Впервые солдаты начали получать на регулярной основе предельно высокое в условиях Афганистана жалование. Рядовым выплачивалось 15 рупий в месяц наличными и 10 рупий дополнительно в случае участия в операциях. Уходящий на пенсию солдат обычно мог продать свою лошадь по цене, в три раза превышавшей ее рыночную стоимость, если новому владельцу разрешили занять его место в отряде. Таким образом, создавался механизм избавления центральной власти от иррегулярной кавалерии, пре-

¹⁸⁴ В глазах военного специалиста нерегулярные афганские силы представляли из себя не военную единицу, а скорее ополчение. Английский офицер Р. С. Тревор, отвечавший за реформу афганской армии, писал, что 3 обученных полка способны уничтожить их за один день (Yapp, M. E. *The Revolutions of 1841–2 in Afghanistan...* P. 340).

доставленной знатью, крайне негативно реагировавшей на происходившее, поскольку убытки, понесенные ею от этих реформ, не были должным образом компенсированы¹⁸⁵.

Следовательно, реформы афганской армии стали одной из нескольких причин провала британской политики в Афганистане. В рамках реформ расходы на иррегулярную кавалерию уменьшились на 300 тыс. рупий — с 1,3 млн до 1 млн рупий. Таким образом, англичанам, во-первых, удалось частично сэкономить бюджетные деньги, во-вторых, заняться воспитанием и обучением дисциплинированных войсковых соединений. Подобные преобразования только усиливали давление племенной верхушки на афганского шаха¹⁸⁶.

Созданные новые формирования распустились с уходом англичан. Повторный приход Дост Мухаммада вернул армию к исходным материальным условиям, а прежние объемы финансирования и военной подготовки при послевоенных обстоятельствах не представлялись возможными. Но это не останавливало эмира, извлекшего большой урок из войны с внешним врагом, в стремлении продолжить попытки построить регулярную армию, направить на эти цели ресурсы, которых не всегда хватало. К 50-м гг. афганская армия финансировалась с задержками, оплата труда вернулась к низким расценкам¹⁸⁷, составившим для пехотинца 5 рупий в месяц. Выплаты осуществлялись каждые два месяца, стоимость обмундирования вычиталась из этой суммы. Система расчетов с армией создала большие проблемы для гражданского населения. Часть жалования оплачивалась натурой по месту жительства, что оставляло без средств самих солдат, находившихся на службе в других местах. Такая обстановка привела к распространению грабежа имущества жителей и разбойничества среди служащих армии, на что власти никак не реагировали¹⁸⁸.

¹⁸⁵ Yapp, M. E. The Revolutions of 1841–2 in Afghanistan... P. 339–340.

¹⁸⁶ Ibid. P. 334–343.

¹⁸⁷ Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 49–50.

¹⁸⁸ К солдатам применялись наказания исключительно в случаях допущения нарушений, связанных с воинской дисциплиной. Традиционно часто для запугивания служащих практиковались меры телесного наказания, приводившие иногда к фатальному исходу. К ответственности привлекались не только сами солдаты, но и члены их семей. Так, в случае дезертирства се-

Опасаясь повторения внешней агрессии, эмир направлял все больше средств на формирование и вооружение армии, что усиливало давление на экономику, сдерживало развитие отраслей, выступавших главными источниками доходов государственной казны. Англия при этом продолжала дипломатическими методами оказывать влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику Афганистана. Прежде всего это выразилось в подписании нового договора с Дост Мухаммадом от 1854 г., выделении ежегодной денежной субсидии, использование которой должно было контролироваться английской комиссией. Рост расходов на армию привел к сокращению объема афганской экономики в целом, отдельных областей в частности¹⁸⁹.

Сама афганская армия, хотя и вернулась в прежнюю систему, при которой ополчение было под полным фактическим подчинением вождей, но претерпела важное изменение: плата теперь выдавалась только в случае призыва со стороны правительства¹⁹⁰.

Параллельно собственные войска имели отдельные ханства северного региона, но разобщенность и отсутствие политического союза между ними не позволило противостоять Кабулу. Характеризуя население ханства Майманы, А. Вамбери пишет, что оно было способно «выставить 6–8 тысяч всадников на хороших конях и хорошо вооруженных, отличающихся, как уже упоминалось, необыкновенной храбростью»¹⁹¹.

многие солдаты схватывались и продавались в рабство, а самих их после поимки заставляли служить в цепях или подвергали казни, а за продажу мушкетера, принадлежавшего государству, виновного казнили (Lumsden, H. B. *The Mission to Kandahar*... P. 12).

¹⁸⁹ Его масштабы можно более четко разглядеть по доходам Кандагара, сократившимся до 80 тыс. рупий в год, в то время как при Тимур-шахе они находились в пределах 1,8 млн. Эмир создал более благоприятные условия для ведения внутренней и транзитной торговли, в частности, путем обеспечения безопасности на дорогах, снижения пошлин, но эти меры, считавшиеся одними из главных факторов развития этой сферы, не могли остановить спад в объемах, которые вернулись к уровню первых десятилетий столетия (Tate, G. P. *The Kingdom of Afghanistan. A Historical Sketch*. — Bombay: "Times of India" Offices, 1911. P. 154).

¹⁹⁰ Bellew, H. W. *Journal of...* P. 43.

¹⁹¹ Вамбери А. Путешествие по... С. 184–185.

Серьезной реформе армия подверглась при Шер Али-хане, намеревавшемся создать военную систему по западному образцу. Эмир пытался модернизировать систему управления страной на всех уровнях, создать дисциплинированную и хорошо вооруженную регулярную армию, стабильно получающую зарплату от государства. Расходы на содержание регулярной армии составляли немалую часть доходов казны. Армия распределялась по четырем гарнизонам, соответственно, из 3,9 млн афгани на долю расквартированных в Кабуле солдат приходилось 1,5 млн, Кандагаре и Туркестане по 0,9, Герате — 0,6 млн афгани¹⁹². Для армии впервые появились инструкции и руководства по обучению армейским делам на языке пушту¹⁹³. Тяжелым бременем стала политика создания и вооружения боеспособной армии, в рамках которой Шер Али ежегодно тратил 5,5 млн рупий на оборонные цели, что составляло свыше 40% бюджета (который в последний год его правления равнялся 13 млн рупий)¹⁹⁴.

В этот период в первую очередь усилилась политическая роль армии, так как, почувствовав мощь и влияние, она превратилась в машину, способную бросить вызов властям¹⁹⁵. Фактически с формированием регулярной армии Шер Али-ханом в истории Афганистана началась новая фаза, при которой солдаты и военачальники вышли на первый план, демонстрировали способность оказывать материальное давление не только на население, но и на власть. Если до этого только вожди племен и представители элиты, используя свое влияние, могли восстать, то теперь регулярная армия превратилась в самую мощную силу, которая каждый раз для удовлетворения конкретных требований предъявляла ультиматум, организовывала беспорядки, заканчивавшиеся грабежами, погромами или осадой резиденций региональных правителей. Военачальники местами позволяли себе вмешиваться в управленческие вопросы гражданской администрации. Эмир, в свою

¹⁹² Narrative of recent events... P. 85.

¹⁹³ Ibid. P. 90.

¹⁹⁴ Kakar, M.H. A political and diplomatic... P. 19.

¹⁹⁵ Основная причина такого поведения заключалась в проблемах с невыплатой месяцами денежного довольствия солдатам (Тageев Р. По Афганистану... С. 57–58).

очередь, старался держать деятельность органов власти в рамках установленных полномочий¹⁹⁶.

Параллельно велась работа над порядком предоставления солдат вождями племен, а именно повышением его эффективности. В 1870 г. после проверки доходов и расходов казны эмир принял решение сократить численность нерегулярных войск, следовательно, лишить некоторых *сардаров джагира*. Для этого от последних потребовалось представить имевшихся в распоряжении конных и пеших воинов, чтобы по факту выделять выплаты¹⁹⁷.

Солдаты афганской армии почувствовали свою силу, следовательно, использовали малейший повод для бунта с целью требования выплаты. Сразу после смерти Шер Али-хана на севере они сами выбрали, кому подчиняться, принимали участие в ограблениях¹⁹⁸. Убийство английского посланника Н. Каваньяри в сентябре 1879 г. произошло в ходе требований выплаты трехмесячной задолженности по зарплатам прибывших из Герата солдат и офицеров. Бунт на этой почве стал нормой и продолжился при Абдуррахман-хане. При этом не только пуштуны, но и полки, сформированные из числа представителей других народов, время от времени позволяли себе действия, в результате которых власти в срочном порядке удовлетворяли их требования¹⁹⁹. В силу соз-

¹⁹⁶ Когда командующий войсками допустил вмешательство в гражданские вопросы, ему посоветовали заниматься исключительно военными вопросами, а не административными, а губернатору — не позволять другим лицам вмешиваться в административные вопросы провинции (Narrative of recent events... P. 196).

¹⁹⁷ Ibid. P. 86.

¹⁹⁸ Арандаренко Г. А. Указ. соч. С. 501–507. Чем сложнее было материальное положение солдат, тем тяжелее приходилось местному населению, в частности, северных областей Афганистана. Тот же источник по этому поводу сообщает: «Чарвелаят действительно представлял собою в 1879 году живой труп обнищавшего населения — труп истощенного лишениями войска, которого не кормили, не удовлетворяли содержанием, а натравливали на жителей, доведенных к концу 1879 г. до того, что бедняги питались отваром корбочек хлопчатника и умирали голодной смертью» (Там же. С. 506).

¹⁹⁹ В Кандагаре хазарейский полк, получивший поручение об инкассации 10 тыс. рупий в Кабул, в то время как самим не платили жалование, освободил всех заключенных, включая осужденных за тяжкие преступления лиц. Губернатор провинции закрыл задолженность за два месяца, но действия солдат в целом негативно сказались на местном рынке. Цены на пшеницу выросли на 10%. URL: <https://www.hazarainternational.com/wp-content/>

данных эмиром обстоятельств солдаты, как раньше, не могли открыто грабить гражданское население, поэтому совершали покушения на имущество и жизнь горожан и жителей окрестных районов в ночное время суток. Эмир в связи с этим приказывал офицерам строго следить за передвижением служащих, принимал меры наказания, а для соблюдения приказа со стороны офицеров тайно назначил в гарнизонах собственных агентов. Малейшее ослабление норм ограничения моментально могло привести к совершению более тяжких преступлений²⁰⁰. Отдельные звенья были сформированы из банд грабителей, с тем чтобы оградить их от преступлений²⁰¹.

При Абдуррахман-хане сохранились некоторые элементы, унаследованные от прежних правителей. Помимо регулярной армии, по всей стране имелись 60 тыс. человек, половина которых в качестве «хасадаров» — жандармерии несли службу в государственных учреждениях. Также были созданы «хаванин-е саваран» из числа находившихся в подчинении феодалов людей, которые по сути являлись нерегулярной армией, поскольку призывались только в необходимых случаях. Жалование, следовательно, назначалось наместникам и феодалам, имевшим в своем распоряжении конницу и пехоту, однако его размеры отличались в зависимости от личности и положения каждого из них, а не численности предоставленных солдат. М. Губар приводит в пример Мухаммада Акбар Хана Лалпури, содержавшего 175 конных подразделений и получавшего ежегодно 48 тыс. рупий и 37 *харвар* пшеницы. Другой хан с 400 конницами ежегодно получал только 5 тыс. рупий²⁰².

Абдуррахман-хан продолжил практику возложения части расходов служащих армии на плечи населения. Варианты матери-

uploads/2010/08/Hazaras_In_the_View_of_British_Diaries.pdf, P. 5. (дата обращения: 25.06.2021).

²⁰⁰ В Мазари-Шарифе после отмены режима двухразовой проверки, особенно в ночное время, самовольно покинувшие гарнизон солдаты убили одного человека, ранили двоих, разграбив все принадлежавшее жертвам имущество. По приказу эмира участники грабежей арестовывались и штрафовались на 5 тыс. каждый. Сумму штрафа взымали с родственников в пользу казны (Катиб, Файз Мухаммад... С. 657).

²⁰¹ Мартин А.Ф. 8 лет... С. 173–174.

²⁰² Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 645.

ального обеспечения солдат со временем претерпели изменения. Начиная с 1887 г. каждая 20-я семья предоставляла одного солдата-срочника, обеспечивая расходы на содержание его семьи и личные расходы самого солдата в течение срока службы. Государство предоставляло только сухой паек в виде хлеба. В Герате по приказу эмира 10 семей предоставляли одного служащего и брали на себя его содержание²⁰³. В 1896 г. по инициативе вождей племен было принято решение проводить перепись мужского населения в возрасте 14–50 лет, затем каждого восьмого человека обязывать нести воинскую службу, а остальных семерых — выплачивать ему зарплату²⁰⁴.

Таблица 1

Батальон	Единиц	Численность солдат в батальоне	Всего солдат	Жалование одного солдата, рупий	Всего, рупий
Пехота	80	700	56000	8	448000
Конница	40	400	14000	20	280000
Шахская гвардия:					
Пехота	4	1000	4000	8	32000
Конница	3	800	2400	20	48000
Батарея пушек	100	100	10000		

Источник: Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 645

Эмир старался обеспечить оружием миллионную армию, для чего открыл производство в Кабуле. На военные расходы ушла значительная часть доходов государственной казны. По некоторым сведениям, они составили 16 млн рупий, причем без учета затрат на покупку оружия. Жалование служащим платили наличными и, кроме того, по заниженной цене предоставлялись от государства пшеница и корм для скота. В эти годы в Кабуле цены на продовольственные товары были предельно высо-

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1217.

кими. Если раньше половина кабульского *сира* баранины стоила одну рупию, то теперь столько стоила четверть²⁰⁵. Только при Хабибулле в начале XX в. жалование пехоты увеличилось с 8 до 10 рупий, кавалерии и гвардии — до 30 рупий²⁰⁶. Абдуррахман-хан сильно нуждался в поддержке армии, но при необходимости ему пришлось экономить и за счет сокращения денежного довольствия солдат²⁰⁷.

²⁰⁵ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 644–645.

²⁰⁶ Мартин А.Ф. 8 лет... С. 170.

²⁰⁷ Бабаходжаев М. А. Очерки социально-экономической... С. 90.

Глава II. Население Афганистана в XIX веке: демографические и социально-политические процессы

АНАЛИЗ СВЕДЕНИЙ АФГАНСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ДЕМОГРАФИИ

Оценка численности афганского населения в силу отсутствия комплексной и полноценной переписи даже сегодня является крайне сложной задачей. Встречающиеся в источниках и литературе сведения о численности жителей страны, этническом составе и других показателях противоречивы. Особо острыми остаются оценка и анализ численного соотношения этносов — чувствительные для афганского общества вопросы. Это наглядно демонстрирует реакция нацменьшинств на оценочные данные официальной статистики, которые по одним этносам (речь идет о пуштунах) называют завышенными, а по другим (таджикам, узбекам, хазарейцам) заниженными.

Следовательно, и по рассматриваемому нами периоду противоречивыми являются сведения источников, которые можно разделить на две категории: афганские и зарубежные. Первая группа, как будет ниже показано, имеет существенные недостатки, а вторая — относительно ближе к реальности. Исходя из этого, в данной работе использованы в основном материалы европейских исследователей, прежде всего английских военных эмиссаров, посетивших в разные годы Афганистан. Они, на наш взгляд, более объективны с той позиции, что получены в результате личного наблюдения опытных специалистов и, следовательно, относительно точно характеризуют и отражают ситуацию Афганистана того периода.

Численность афганского населения с начала столетия стремительно двигалась в сторону сокращения под воздействием следующих факторов:

- Территориального (утраты части территорий),
- Политического (внутренние конфликты и внешние вторжения),
- Социально-экономического (налоговая политика, эпидемии, природные стихии).

Афганистан в результате утраты отдельных территорий вместе со многими районами потерял и их население. Отметим, что территория королевства Кабула на начало XIX в. охватывала районы Систана, часть Хорасана, Макрана, Балха, Тохаристана, Кабула, Кандагара, Синда, Кашмира, Лахора и большую часть Мултана. Следовательно, данные, относящиеся к первой половине столетия, включают население в прежних, более широких, границах и в разы превышают оценки второй половины столетия, что делает невозможным рассмотрение общих демографических показателей в динамике.

По состоянию на начало столетия основная масса населения Афганистана сосредотачивалась в южных и юго-восточных районах, т. е. в ареалах обитания пуштунов, сикхов, индусов и прочих народов. Эти территории действительно, в отличие от северных и северо-западных, где констатировались тенденции к сокращению населения, являлись более густонаселенными. Численность пуштунов с тех пор традиционно во всех источниках указывается в пределах половины от общего показателя.

Э. Реклю считал, что в основе всех оценок по афганскому населению рассматриваемого периода лежал составленный Надиршахом Афшаром перечень, оставшийся затем неизменным в течение полутора десятков лет¹, с чем нельзя согласиться. Оценки М. Эльфинстона, например, основывались на результатах расчетов специалистов его миссии, а примененная методика включала изучение пространственного размещения населения различных территорий в пределах Афганистана, при которой исходили из расчета 100 человек на квадратную милю для районов, отошедших позже к Индии, за исключением пустынь и необитаемых территорий, а в некоторых местах, особенно к северу от Гиндукуша, до 8 человек на квадратную милю. В пределах перечислен-

¹ Реклю Ж. Э. Указ. соч. С. 22.

ных выше территорий, по оценкам Эльфинстона, в общей сложности проживало свыше 14 млн человек².

На уровне отдельно взятых населенных пунктов точную оценку численности жителей осложняла высокая мобильность кочевого населения, включая некоторые города, где показатель в зависимости от сезона мог увеличиваться в несколько раз и наоборот. Кроме того, отдаленность, изолированность и труднодоступность горных регионов, куда практически не представлялось возможным попасть, не позволяли сделать какие-либо выводы о примерном числе хозяйств или жителей.

В последовавшие два десятилетия упомянутые выше иностранные исследователи, посетившие Афганистан, в своих оценках ограничивались только отдельно взятыми городами и населенными пунктами, опираясь на личные визуальные наблюдения и выводы. В начале второй половины столетия (1857 г.) глава английской миссии майор Г. Ламсден, рассматривая вопрос демографической статистики, выявил другие сложности, связанные с данными, предоставленными местными властями или информантами. Он писал: «По численности населения такой страны, как Афганистан, в целом трудно получить даже приблизительную оценку, поскольку, с одной стороны, немногие люди в стране когда-либо задумывались над этим вопросом и правду говорят редко, только если случайно не произносят. С другой стороны, у афганца всегда на устах преувеличение и отчетливая выдумка»³.

На такую характерную черту для местного населения указывали и другие путешественники, в том числе ранее побывавшие в Афганистане. Например, информант А. Конноли относительно населения Сабзеvara озвучил цифру 40 тыс., но наблюдения самого эмиссара говорили только о «десятой части числа», озвученного первым⁴, а джамшиды оценивали свою численность в 15 тыс. семей, или 75 тыс. душ, однако на расстоянии пятидесяти миль другому английскому военному ни одно поселение не встрети-

² Elphinstone M. Vol. I. P. 113–114.

³ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 31.

⁴ Conolly, A. Vol. I. P. 242.

лось⁵. В этой связи сведения, полученные Лордом⁶ и другими членами миссии во второй половине столетия по Кундузу и другим районам севера, вызывали сомнения.

Не будет излишним привести и анализ Д. А. Мельникова, составившего свою работу на основе сведений, собранных за последнее десятилетие XIX в. информантами из числа купцов Средней Азии. По этому поводу он писал: «Точных сведений о численности населения района (афганского Туркестана — О.У.) не имеется, как не имеется таких же сведений о населении всего Афганистана. Затруднение в исчислении населенности страны заключается прежде всего в правильной регистровке жителей у самого афганского правительства, чему мешает система поборов с населения, численность коего, надо думать, уменьшается умышленно властью имущими, представляющими в высшие инстанции сведения о сборах с населения, равно как и самые сборы»⁷.

В то же время правителями в разные годы использовались примитивные методы сбора сведений о подданных. Такого рода мероприятия по отдельным субъектам велись, но в большинстве случаев направлялись на определение численности боеспособного мужского населения или потенциальных налогоплательщиков. Э. Реклю относительно цели подсчета хозяйств территории, завоеванной Надир-шах Афшаром, например, писал, что тот «хотел узнать цену своей победы при сборе податей и при наборе рекрутов»⁸. Как будет показано ниже, по отдельным городам и районам в распоряжении местных правителей имелись данные о численности мужского населения, но и они могли быть не совсем точными.

Француз Дж. Ферриер (J. Ferrier), побывавший в Афганистане в 1844–1846 гг., предоставил собственную оценку, но в пределах новых, меньших по размерам, границ Афганистана, согласно которой численность подданных королевства составляла 4200 тыс.

⁵ Abbott, J. Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow, and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva, with some account of the court of Khiva and the kingdom of Khaurism. V. I. — L., 1843. P. 9.

⁶ Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 110.

⁷ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 113.

⁸ Реклю Ж. Э. Земля и люди. Всеобщая география. IX. Передняя Азия, Афганистан, Белуджистан, Персия, Азиатская Турция и Аравия. СПб., 1887. С. 22.

душ. Его данные, однако, охватывали только три главные афганские провинции — Герат и Кандагар с населением по 900 тыс. человек в каждой, а также Кабул — 2400 тыс.⁹

В распоряжении А. Ламсдена оказались данные подушевого налога, согласно которым приблизительная численность жителей Афганистана составляла 1456 тыс. человек, к которым он добавлял оценку М. Эльфинстона по Балху, равную одному млн человек¹⁰. Предоставленные им сведения отражают данные по пуштунским племенам, частично таджикам, хазарейцам.

Таблица 2

Оценочные данные Ламсдена по племенам и этносам Афганистана, 1860 г. (тыс. человек)

Племя, этнос	Чел.	Племя, этнос	Чел.	Племя, этнос	Чел.
Баракзаи	68,75	Шумаразаи	2,5	Хугиани	10
Доулатзаи	30	Кутбазаи	20	Ачакзаи	74
Мататкзаи	20	Мусизаи	25	Гильзаи	200
Бамезаи	10,25	Сирканзаи	10	Кухистани	99,8
Хусайнзаи	14,5	Хасанзаи	28	Таджики	100
Исмаилзаи	12,5	Халазаи	24,5	Кызылбаши	30
Пашазаи	9,5	Писаи	25	Население городов	65
Бабакзаи	17	Даудзаи	100	Повинда	30
Мангалзаи	22,5	Дизаи	55	Моманди, Шинвари и Тугмани	150
Бостанзаи	47,5	Хайдарзаи	30		
Хазарейцы, покорные эмиру	120	Маку	5		

Источник: Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 31–32

Данные таблицы, как видно, охватывают не все районы, особенно севера, северо-востока и запада Афганистана¹¹. Более того,

⁹ Ferrier, J. P. History... P. 301.

¹⁰ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 32; Elphinstone, M. Vol. II. P. 195.

¹¹ Балх Эльфинстона, кроме самого города с прилегающими районами, включал Майману, Андхой, Шибирган, Хульм, Имам-сахиб, Кундуз, Хост, Андераб и Талукан (Elphinstone, M. Vol. II. С. 182–183).

как было показано, данные по налогам всегда искусственно занижались и охватывали лишь часть жителей. Следовательно, оценка Ламсдена также далека от реальности.

Далее, к 70-м гг. начальник разведки индо-британской армии генерал Ч. М. Макгрегор (С. М. MacGregor) на базе сравнительного анализа материалов предшественников, побывавших на территории Афганистана, а также результатов собственных исследований затронул вопрос демографии Афганистана. Он поставил под сомнение все выводы, сделанные ранее, и предложил новую, близкую, с его точки зрения, к реальности оценку. Итогом таких подсчетов выступила цифра в 4901 тыс. человек¹².

Таблица 3

НАСЕЛЕНИЕ АФГАНИСТАНА ПО ПЛЕМЕНАМ, НАРОДАМ И РЕГИОНАМ

Ареал проживания, племя	Тыс. чел.	Ареал проживания, племя	Тыс. чел.	Ареал проживания, племя	Тыс. чел.
Бадахшан и Дарваз	55	Таджики	500	Мангали	3
Кундуз, Хульм, Балх	350	Кызылбаши	150	Джадрани	3
Чарвилаят	237	Вазиры	127,5	Шинвари	50
Аймаки	250	Шиврани	30	Хогияни	50
Хазарейцы	150	Тури	21	Моманды	80
Дуррани	600	Бангаши	21	Джаджи	7
Сеистанцы	127,5	Займухт	21	Юсуфзаи	400
Тарины	38	Оракзаи	106	Читралцы и др.	150
Какары	72	Давари	34	Кафиры	100
Гильзаи	276	Хоствал	12	Кухистанцы	100
Павинда	30	Африды	85	Смешанное население городов	65
Индийцы и джаты	600	Джаджи	7		
Всего					4901

Источник: MacGregor, C. M. Central Asia Part II... P. 32

¹² MacGregor, C. M. Central Asia. Part II. P. 32.

Подвергая критике данные Ферриера, Макгрегор, в частности, считал, что они очень расплывчатые и не сходятся с его оценкой, «поскольку Ферриер включает только провинции Герат, Кандагар и Кабул. Афганский Туркестан не был тогда завоеван, не упоминаются и пограничные племена Британской Индии. Если бы добавили еще их, численность афганцев по Ферриеру увеличилась бы на 978 тыс., или же только афганцев было бы 3478 тыс. человек. Это явно завышено. Он приводит число афганцев в Герате и Кандагаре в 900 тыс. человек. Это кажется слишком много... Опять же, в Кабуле он насчитывает 1600 тыс. афганцев, в то время как мы знаем, что единственными афганцами, о которых можно говорить, что они входят в юрисдикцию Кабула, являются *гильзаи* (276 тыс. человек), *повинда* (30 тыс.), *тури* (21 тыс.), *давары* (31 тыс.), *хафил* (12 тыс.), *шинвари* (50 тыс.), *хогиани* (50 тыс.), *моманды* (80 тыс.) — всего 553 тыс. человек... Фактически, если оценка Ферриера будет принята и добавить провинции и племена, которые он пропустил, то есть 2286 тыс., его общее число увеличится до 6486 тыс. человек»¹³.

Также Макгрегор считал завышенными данные Ферриера по Кандагару и Герату. Позже, в 1886 г., результаты новых исследований действительно показали значительно меньшее число населения в провинции Герат. Авторы исследования предположили, что вся провинция включала 128 тыс. семей или 650 тыс. человек, но при этом допустили диапазон до 500 тыс.¹⁴ Для сравнения отметим, что только население к югу от Гиндукуша, согласно Реклю, составляло 4200 тыс. человек со средней плотностью в 6,6¹⁵. Трудно делать вывод относительно точности всех этих оценок, включая данные Макгрегора, поскольку ни к его времени, ни после него какие-либо исследования национального масштаба не проводились, поэтому впрямь в исследованиях за основу взяли цифры между 4,5–7 млн человек.

¹³ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II. P. 33.

¹⁴ Barrow, E. G. Part III. P. 3.

¹⁵ Реклю Ж. Э. Указ. соч. С. 23.

Большое сомнение вызывают и сведения по регионам, расположенным к югу от Гиндукуша, предложенные Э. Реглю (4200 тыс. человек)¹⁶.

Таблица 4

Оценочные данные населения к югу от Гиндукуша (тыс. человек)

Этнос	Племя	Чел.
Афганцы	Всего	2100
	Дуррани	700
	Гильзаи	400
	Юсуфзаи, свати и другие племена	600
	Вазири	200
	Какары	200
Иранцы	Всего	800
	Таджики и персы	500
	Кухистани	200
	Сеистани	50
	Джамшиды, фирозкухи	50
Кафиры		150
Читрали, дарды и пр.		300
Монголы	Всего	600
	Хазарейцы	300
	Таймури и кипчаки	300
Турки и туркмены		100
Хиндки, кызылбаши, курды, арабы и прочие		150
Итого		4200

Источник: Реклю Ж.Э. Указ. соч. С. 70

В работах отечественных авторов встречаются данные, близкие к этим оценкам. Источники второй половины XIX — начала

¹⁶ Реклю Ж.Э. Указ. соч. С. 70.

XX вв. указывают цифры от 4¹⁷ до 7¹⁸ млн человек. В частности, Н. А. Аристов, анализируя демографические данные разных источников, заключил, что во владениях афганского эмира к концу XIX в. жили 5 млн человек¹⁹. А. Е. Снесарев также среди различных оценок, выдвинутых специалистами, более точным называл данный показатель²⁰.

Попытка проведения переписи афганского населения впервые в истории страны предпринималась в 1876 г. при Шер Али-хане. Тогда же появились первые собственно афганские результаты, из которых более подробные сведения сохранились по Кабулу. По этим оценкам, на 1876 г. население Афганистана, не считая кафириров и арабов, составляло 4004 тыс. человек²¹.

Для эмира Абдуррахман-хана вопрос численности подданных скорее был политическим, чем демографическим, поскольку оценки всех зарубежных исследователей при нем были отвергнуты, названы невежеством самих авторов, не имевших возможностей, «чтобы узнавать положение страны или изменения, которые там совершились», но претендовавших при этом на знание того, чего не знали, обманывая «публику сообщением ей неверных сведений»²².

Как отмечает афганский историк Х. Какар, эмир не был последователен в своих оценках и каждый раз в зависимости от обстоятельств называл разные цифры. В первые годы своего правления он озвучивал цифру в 2 млн человек, затем сразу же объявил, что англичане насчитывают только 10 млн, в то время как афганцев в два раза больше, в 1883 г. — 13 млн, а в 1888 г. вовсе 4345 тыс., что соответствует оценкам зарубежных исследователей²³. При встрече с лордом Керзоном в 1894 г. придворный в ответ на во-

¹⁷ Белокреницкий В. Я. Пуштуны Афганистана и Пакистана: демографическая динамика и политическая роль / Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 — июнь 2002 г.). М., 2002. С. 39; Зарипов Ш. Производительные силы сельского хозяйства современного Афганистана. Душанбе, 1972. С. 7.

¹⁸ Давыдов А., Черняховская Н. Афганистан. М., 1973. С. 16.

¹⁹ Аристов Н. А. Об Афганистане... С. 278; 292.

²⁰ Снесарев А. Е. Указ. соч. С. 102.

²¹ Kakar, M. H. Government and Society... P. 182.

²² Автобиография Абдурахман-хана. Т. II. С. 373.

²³ Kakar, M. H. Government and Society... P. 181–182.

прос Абдурахман-хана о численности афганского населения озвучил цифру 8 млн²⁴. Во многих прокламациях, адресованных провинциальным чиновникам и населению, эмир говорил о 20 млн населения²⁵.

Абдурахман-хан, с одной стороны, во многом подражавший Шер Али-хану в вопросах реформирования социально-экономической жизни афганского общества, задумался о проведении переписи населения, чтобы узнать точное число подданных. С другой стороны, проводя много времени в русском Туркестане²⁶, получил возможность ознакомиться с современными требованиями жизни, понимал важность проведения переписи населения. Это было, во-первых, необходимо для оптимизации работы доходной части бюджета путем увеличения налоговых сборов, во-вторых, определения точного числа потенциальных воинов в случае внешнего вторжения. В связи с этим эмир в прокламации от 1884 г., изданной для обоснования необходимости проведения мероприятий, связанных с общенациональной переписью, в частности, заявлял, что в случае вторжения какого-либо иностранного врага в Афганистан будет известно, сколько воинов из числа мусульман он сможет мобилизовать для ведения религиозной войны.

Эмир потратил много времени и ресурсов на усиление обороноспособности государства, особое внимание уделялось определению численности боеспособной части населения в возрасте 14–50 лет. Сообщения о практических шагах в направлении сбора данных встречаются в работе Х. Какара, но о дальнейших ее результатах не дается более подробной информации. Известна только информация о завершении переписи до районов Гиндукуша и возложении задачи подсчета на относительно грамотную часть населения — *кади* (судей) и *улемов*. Эмир не прочь был включить и женскую половину населения в процесс, но это могло бы вызвать возмущение общественности и исламских клериков,

²⁴ Curzon, G. N. Tales... P. 72.

²⁵ Катиб, Файз Мухаммад... С. 670; 787; 864; 1028.

²⁶ Абдурахман-хан после поражения в борьбе с Шер Али-ханом за афганский престол убежал в Среднюю Азию и до возвращения в Афганистан в 1880 г. жил в Самарканде.

поэтому ограничились лишь мужской половиной. Из-за нехватки владевших грамотностью людей при проведении работ, кроме служителей культа, задействовали и ресурсы налоговых органов²⁷.

Таким образом, попытки полномасштабной переписи, предпринятые двумя афганскими эмирами, не завершились успехом, и далее исследователи продолжали полагаться на оценочные данные, согласно которым общая численность афганского населения к концу века находилась в пределах 4–5 млн человек. Проверить приблизительность этих данных в некоторой степени можно по материалам английской разграничительной комиссии, которая подробно изучала население Бадахшана и Каттагана, афганского Туркестана и Герата. По другим провинциям имеются скудные статистические данные. Собранные комиссией данные сильно отличаются от «расспросных сведений». Например, у Мельникова численность хозяйств Якауланга — 12,5 тыс. (или 75 тыс. человек), Ташкургана — 10182, Бамиана — 9991²⁸, в то время как результаты исследования комиссии по этим и многим другим местам показывают данные в разы меньше (см. ниже Табл. 5).

Таблица 5

Численность населения некоторых провинций и районов по оценкам английской разграничительной комиссии (1884–1886 гг.).

Провинция, район	Из расчета 5 чел. на одну семью		Человек	Примечания
	Семей	Человек		
г. Кабул			140 000	
Джелалабад	14293	71 465		Данные Макгрегора
Каттаган и Бадахшан			240 000	
Туркестан			400 000	
Бамиан	4300	21 500		
Герат	128 000	640 000		
Исталиф	1200	6000		
Тагаб	8000	40 000		
Чарикар	3000	15 000		

²⁷ Kakar, M. H. Government and Society... P. 182.

²⁸ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 14.

Окончание табл. 5

Провинция, район	Из расчета 5 чел. на одну семью		Человек	Примечания
	Семей	Человек		
Пушти-Руд	83 860	419 300		
Чахансур	16 272	70 000		4,3 человека на семью
Кандагар			67 700	Город и окрестные районы
Бакуа	3000	15 000		
Шоравак			21 000	
Якауланг	3000	15 000		
Гурбанд	5000	25 000		
Дайзанги	11 000	55 000		
Бехсуд	15 000	75 000		
Хазараджат	77 500	387 500		
Всего	373 425	1 855 765	868 700	

Источник: MacGregor, 1871. P. 403, 633–635; 1914: III; Barrow, E. G. Part II. P. 4.; Barrow, E. G. Part III. P. 3; Mason, A. H. The Military Geography... P. 18–20, 22, 24; Elles, E. R. The Military Geography... P. Ap. A. P. 1, 13, 16–17, 24; Tate, G. P. The frontiers of Baluchistan: travels on the borders of Persia and Afghanistan, with an introduction by Col. Sir A. Henry McMahon. — L.: Witherby & co., 1909. P. 223

В работах всех исследователей среднее число членов афганских домохозяйств указано в 5 человек, что предельно мало для традиционной многодетной восточной семьи, но такие выводы являлись результатом полевых работ. Примером может послужить средний показатель по Чахансуру в 4,3 человека на семью, полученный, как отмечает автор, в ходе изучения около 50 семей²⁹. На севере, согласно наблюдениям П. Лорда, средний показатель составил 4,5 человека на семью, и «немногие узбекские семьи» насчитывали «более двух³⁰ или трех детей, в то время как многие браки вообще бесплодны». Таким образом, согласно данным таблицы, мы имеем примерно 2724 тыс. человек. Поскольку перечисленные провинции и районы охватыва-

²⁹ Tate, G. P. The frontiers of Baluchistan... 1909. P. 224.

³⁰ Lord, P. B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 110.

ют свыше половины территории Афганистана, то число населения оставшейся части страны, а это преимущественно районы обитания пуштунских племен, в совокупности не могло превышать 1,5 млн человек. Следовательно, если еще исходить из того, что на вышеперечисленных территориях, возможно, были учтены не все населенные пункты, в одних местах данные завышались, а в других наоборот — то к концу XIX в. общая численность афганского населения могла находиться в диапазоне 4–4,5 млн человек.

Несмотря на то, что большая часть пуштунского населения вместе с аннексированной территорией отошла к Британской Индии, доля племен, согласно большинству оценок, продолжала оставаться высокой. Изложенные данные в силу перечисленных выше причин не дают возможности проследить динамику общей численности афганского населения на протяжении XIX в. Однако имеются данные по многим крупным городам и населенным пунктам, которые помогут более ясно демонстрировать тенденции общего показателя. Ниже коротко будут рассмотрены основные из них.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РАССЕЛЕНИЕ АФГАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Наряду с определением общей численности не менее актуальным остается вопрос изучения этнического состава афганского населения в рассматриваемом веке. Часть народов и племен издавна населяют территории Афганистана, другие переселялись или были переселены в последующие столетия. Пуштуны, таджики, узбеки, хазарейцы, белуджи, арабы, туркмены, киргизы, нуристанцы, а также другие, которых источники выделяют как самостоятельные народности и племена (кызылбаши, фирузкухи, джамшиды, аймаки, теймури и т. д.), представляли афганское полиэтническое общество XIX в. В этот список помимо прочих входили немногочисленные семьи индусов, евреев и армян, которых к концу века или осталось совсем мало, или они окончательно растворились среди окружавших их более многочисленных этнических групп.

При изучении демографии ареалов компактного проживания некоторых непустунских народов на первый план вышли территориальные и языковые связи (напр., кухистани, бадахшани, герати, кабули и т. д.). Это связано с разложением кланоплеменного образа жизни и в большей степени касалось таджиков, что осложнило для исследователей задачи определения их численности. Эльфинстон связывал эти трудности с отсутствием, в отличие от кочевых и полукочевых племен, единой структуры, разбросанностью в пределах нескольких стран и, в большинстве случаев, смешанностью с другими народами, как узбеками, так и пуштунами³¹. По поводу расселения далее он пишет, что «таджики наиболее многочисленны в городах. Они составляют основную часть населения вокруг Кабула, Кандагара, Газни, Герата и Балха, в то время как в пустынных частях страны, как в среде обитания хазарейцев, таджика едва ли можно найти»³².

М. Эльфинстон более подробно рассматривал вопрос численности таджиков, но позже остальные исследователи внимание больше акцентировали на пуштунских племенах, а по иным этносам давали обобщенные данные. Например, численность таджикских семей в Кухистане у него указана в 40 тыс.,³³ а Ламсден и Макгрегор, как видно из таблиц, жителей этой области относили к группе *кухистани*.

Сложность определения численности непустунов, помимо прочего, еще была связана с тем, что в афганском Туркестане, Герате и прилегающих территориях этническая картина была более пестрой — с «наибольшим конгломератом народностей» по сравнению с югом и юго-востоком (за исключением больших городов, как Кандагар, Джелалабад и др.), где в подавляющем большинстве компактно проживали пуштунские племена³⁴.

Районы компактного проживания таджиков имелись не только на севере, северо-востоке и западе, но также юге, востоке

³¹ Elphinstone M. Vol. I. P. 403.

³² Там же. С. 403; 408.

³³ Там же. С. 409.

³⁴ Риттих П. А. Афганский вопрос (военно-географический и политический этюды). — СПб.: Типография Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1905. С. 38.

и юго-востоке Афганистана, что подтверждается сведениями, относящимися к первой половине столетия. Раверти³⁵, использовавший различные источники по истории и географии Афганистана, писал, что Нангархар являлся «одной из шести провинций или территорий, населенных расой таджиков к северу от горного хребта Сафид-кух или Спин-гар»³⁶. По его сведениям, только здесь насчитывалось 12–15 тыс. таджикских семей. Далее он перечисляет множество крупных деревень и населенных пунктов в направлении Кабула, а также вокруг него, где жили одни таджики³⁷. Например, в 30-х гг. большую часть населения Газни составляли таджики³⁸, а за десять лет до этого Муркрофт сообщал, что население Ташкурмана в основном состояло из таджиков и *кабули* с небольшим количеством узбеков³⁹. Отметим, что под *кабули* в подавляющем большинстве подразумевали таджиков.

На севере для таджиков, помимо разделения по географическому признаку, было характерно деление по религии. Английские исследователи еще в первой половине столетия выявили преобладание религиозной идентичности у представителей этого народа⁴⁰.

Эти факты подтверждаются и данными Макгрегора, согласно которым в деревне Пеш-болак Джелалабада 400 семей составляли таджики, в Руди-каме из 2624 семей 1105 — пуштуны, остальные

³⁵ И.М. Рейснер предупреждает, что «к сведениям Раверти следует относиться критически, так как он в некоторых случаях явно путал, относя к таджикам все неафганские племена и народности Афганистана, отличные от персов-шиитов по религии (суннитов)» (Рейснер И.М. Развитие феодализма... С. 78).

³⁶ Raverty, H. J. Notes on Afghanistan and part of Baloochistan, geographical, ethnographical and historical, extracted from the writings of the little known Afghan and Tagzjik. Historians of the Ghuris, the Turk sovereigns of the Dehli Kingdom, the Mughal sovereigns of the House of the Timur, and other Muhammadan, chronicles; and from personal observations. — L., 1881. P. 48.

³⁷ Ibid. P. 49, 53, 56, 60–61, 69, 70.

³⁸ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 330.

³⁹ Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 450.

⁴⁰ «Таджики владели равниной до вторжения узбеков... Все таджикские племена, поднявшиеся в горы ... такие как жители Читрала, Гилгита, Шугна, Дарваза и другие неизменно ревностные шииты, в то время как те, кто остался на равнинах и попал под узбекское иго, являются столь же крайними суннитами» (Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 109).

таджики, Руди-кашкоте из 2004 семей 1270 — таджики, Султанпуре — 900 семей таджиков, Сурх-руде — 2827 семей таджиков⁴¹. Все эти районы относятся к Джелалабаду. То есть раньше «таджики составляли основную массу земледельческого и городского населения в южном Афганистане»⁴², но к концу столетия, как будет показано ниже, даже в традиционных местах проживания их осталось не так много, как раньше. Такая тенденция была характерна и для остальных этносов.

Данные по другим народам — джамшиды, фирузкухи, теймури, которые, как и пуштуны, вели кочевой или полукочевой образ жизни, показывают, что племенная структура и образ жизни, возможно, в определенной степени позволили дать общую оценку⁴³. Тот же Раверти по части таджиков не предоставляет какие-либо данные и ограничивается перечислением мест компактного их проживания, но когда переходит к рассмотрению районов проживания пуштунов, почти везде указывает приблизительное число семей каждого племени⁴⁴.

Вопрос численного соотношения упомянутых народов Афганистана всегда вызывал споры, особенно когда он касался пуштунов и таджиков. Оценочные данные всех исследователей со времен Эльфинстона демонстрируют численное превосходство пуштунов перед другими народами страны. Таджики, узбеки и хазарейцы и сегодня заявляют об искусственном занижении своей доли. Такая картина сложилась на основе материалов того периода, свидетельствовавших о высокой степени заселенности южных и юго-восточных ареалов (особенно районов, отошедших к британской Индии), низком уровне освоенности территорий северной части, сокращении численности населения городов и районов. Также приведенные выше данные таблиц показывают, что английские военные эмиссары были больше знакомы с южны-

⁴¹ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II. P. 622; 633–634; 690; 692.

⁴² Рейснер И. М. Развитие феодализма... С. 76.

⁴³ О численности и кланах пуштунских племен см: Ромодин В. А. Некоторые историко-демографические данные об афганском (пуштунском) населении Афганистана // Страны и народы Востока. Выпуск 15. Африка и Азия. М.: Наука, 1973. С. 169–172.

⁴⁴ Raverty, H. J. Notes on... P. 72–95.

ми и юго-восточными районами проживания пуштунских племен, по которым предоставляют сведения, и меньшее представление имели о северных и северо-западных частях Афганистана, предлагая общие сведения и связывая принадлежность жителей с районами обитания.

Наличие более детальных сведений по племенам, вне зависимости от ареала их обитания, отчасти связывают с тем, что они «обычно оказывались наиболее заметными для глаз наблюдателей и путешественников», и «такая “заметность” пуштунов объяснялась их политико-социальной значимостью, господствующим положением в земледельческих оазисах и городах», и местами эти оценки могли «включать не только собственно пуштунское население, ... но и зависимых от него жителей»⁴⁵.

Отметим, что пуштунское население было значительным не только на территории современного Афганистана, но и в Панджабе, Кашмире и других местах, что подтверждается имеющимися более ранними сведениями. Прежние правители использовали различные простые способы определения числа семей разных племен. Надир-шах Афшар, например, желая выявить численность хозяйств племени юсуфзаев, населявших территории Кашмира, издал указ, обязывавший каждую семью принести в лагерь по копы. В итоге было собрано 600 тыс. копий, указывавших на общее число хозяйств племени. К середине XIX в., когда юсуфзаи оказались под властью сикхов, их численность уменьшилась до половины от указанного и в дальнейшем продолжала в этих и других территориях движение в сторону сокращения. Число хозяйств абдали (дуррани) в пределах афганских земель, по подсчетам периода того же Надир-шаха, составляло 195 тыс., но и здесь наблюдались те же тенденции⁴⁶, хотя не в таких масштабах, как на севере страны и в Кашмире.

Поскольку во времена М. Эльфинстона, как было показано, территория Афганистана простиралась далеко за пределами нынешних его южных рубежей, то, по тем же оценкам, свыше 40% населения королевства составляли индийцы (кашмирцы, джа-

⁴⁵ Белокреницкий В. Я. Указ. соч. С. 43.

⁴⁶ Ferrier, J. P. History... P. 301.

ты и прочие — 5700 тыс.) и только на втором месте с долей в 30% шли афганцы, или пуштуны (4300 тыс.). Под персами он подразумевал и таджиков, находившихся по численности на третьей позиции (1500 тыс., или 11%). Далее идут тюркоязычные племена — 1200 тыс. (9%), белуджи — 1000 тыс. (7%) и прочие племена — 300 тыс. (2%)⁴⁷.

Дж. Ферриер, затрагивая национальный вопрос и численное соотношение этносов в пределах Кабула, Кандагара и Герата, жителей Афганистана разделял на две группы. Согласно его выводам, «население Афганистана разделяется на две совершенно разные части: во-первых, афганцев, собственно говоря, и, во-вторых, таджиков, потомков древних завоевателей страны, которых можно разделить на два класса — персов, или жителей городов, и аймаков, или кочевников»⁴⁸. Далее он пишет о численном превосходстве в Кабуле таджиков, пользовавшихся равными привилегиями наряду с афганцами и игравших роль определяющей силы при решении политических вопросов⁴⁹. При Дост Мухаммаде в столице, как было сказано, персоязычные кызылбаши играли важную роль в политических и военных делах власти, и возможно, автор под таджиками подразумевал их.

Таблица 6

Численность пуштунов и таджиков, согласно данным Ферриера (1858 г.)

Провинция	Всего населения		Пуштуны		Таджики (или ай-маки, белуджи и кызылбаши)	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Кабул	2400	57	1600	38	800	19
Кандагар	900	21	600	14	300	7
Герат	900	21	300	7	600	14
Всего	4200	100	2500	60	1700	40

Рассчитано по: Ferrier, J. P. History... P. 301

⁴⁷ Elphinstone, M. Vol. I. P. 113–114.

⁴⁸ Ferrier, J. P. History... P. 301.

⁴⁹ Там же.

Макгрегор, кроме пуштунов, по другим народам не предоставлял свежих данных. Доля таджиков по его выводам, как и у Эльфинстона, составляла 11%, а население северных районов (Бадахшан, Дарваз, Кундуз, Хульм, Балх, Чар-вилаят — всего 642 тыс.) не группировал по этническому признаку, что не позволяет дать оценку численному соотношению по афганскому Туркестану в частности и Афганистану в целом.

В работе русского военного врача И. Л. Яворского, сопровождавшего в 1878–1879 гг. миссию генерала Н. Г. Столетова в Кабул, встречаются некоторые соображения, согласно которым подавляющую часть жителей Чарвилаята (400 тыс. человек) составляли узбеки. Таджиков, которые жили в основном в городах, он насчитывал менее 100 тыс., прочих этносов — 50 тыс. человек⁵⁰. Англо-индийские источники приводят цифру 400 тыс. человек в отношении общей численности региона, половину которых, по их сведениям, составляли тюркоязычные народы. Причинами заселения столь обширной и плодородной территории таким малым числом людей называют голод и эпидемии, а также войны и беззаконие⁵¹.

Сведения о численном составе афганского населения отражают и результаты проведенной эмиром Шер Али-ханом в 1876 г. частичной переписи, согласно которой свыше половины жителей составляли пуштуны. Доля таджиков в них, по сравнению с другими источниками, относительно увеличилась и достигла 22%, но в абсолютных показателях стала намного меньше (на 600 тыс. человек, чем по данным М. Эльфинстона). Узбекам отведено 7%, хазарейцам и аймакам — 11%, кызылбашам — 1%, индийцам — 0,7%⁵².

Таблица 7

НАСЕЛЕНИЕ АФГАНИСТАНА ПО ПЛЕМЕНАМ И ЭТНОСАМ (1876 г.)

Племя, народ	Тыс. человек
Гильзаи	1000
Таджики	900

⁵⁰ Яворский И. Л. Т. II. С. 231.

⁵¹ Barrow, E. G. Part II. P. 4.

⁵² Final Report on Afghanistan by Fakir... P. 55.

Окончание табл. 7

Племя, народ	Тыс. человек
Дуррани	500
Хазарейцы и аймаки	450
Узбеки	300
Сафаи	50
Кызылбаши	40
Индусы	35
Шинвари	18
Сейиды	4
Пачаи	4
Кашмирцы	3
Лагманцы, джаты, давары и пр.	700
	4004

Источник: Final Report on Afghanistan by Fakir Saiyid Iftikhar-ud-din. British agent at Kabul (1907–1910). — Simla, 1910. P. 55

Численное соотношение этносов можно оценить и по сведениям из отдельных населенных пунктов, главным образом городов. На их основе также можно проследить влияние многих происходивших в стране процессов социально-экономического и военно-политического характера на динамику численности жителей Афганистана. При этом необходимо учитывать, что границы провинций, независимых и полунезависимых территорий, городов и районов часто менялись в результате завоеваний, а позже административных реформ, и, соответственно, данные по численности их населения также могли измениться.

Афганский Туркестан периода Абдуррахман-хана при губернаторе Сардаре Мухаммад Исхак-хане включал равнину между Андохом и Бадахшаном. Численность его оседлого населения по состоянию на 1884 г. составляла около 87 тыс. семей. По своему этническому составу оно включало 30 тыс. хозяйств узбеков (34%), 16 тыс. — арабов (18%), 11 тыс. хазарейцев (13%), 8 тыс. туркменов (9%), 10 тыс. таджиков (11%), 3 тыс. пуштунов (3%), а также кипчаков, фирузкухи, сейидов, кызылбашев и прочих пле-

мен⁵³. Как видно, доля пуштунов была совсем незначительной, но они жили и в других районах севера, таких как Бадахшан (2,3 тыс. семей)⁵⁴. Интерес здесь представляют данные о количестве таджикских семей, самих древних жителей региона. Для сравнения вернемся к оценочным данным разграничительной комиссии по нескольким важным населенным пунктам.

Судя по этим данным, районы Сайган, Камард, Андараб — единственные места, где большинство населения составляли таджики, в остальных наблюдается преобладание узбеков, хазарейцев или туркменов. Мельников также подтверждает эти факты: «Сплошными массами таджики живут в горных долинах Кухдамана и Панджшера, преобладавая огромным большинством над другими племенами. Преобладают они и в долинах Гурбанда и Андераба, а также в приамударьинской равнине (в Ходжа-Нахре). Немало таджиков и в остальных местах района. В общем, это самая многочисленная народность района»⁵⁵.

Население северных районов к концу столетия состояло из смешанных народов, а исконные жители в лице таджиков не везде составляли большинство. Ферриер приводит оказавшиеся в его распоряжении результаты переписи мужского населения, способного носить оружие, по районам в пределах провинции Герат с частичным указанием этнической принадлежности. По многим из этих же районов имеются оценки членов английской разграничительной комиссии от 1886 г., дающие примерное число семей с указанием национального и племенного состава.

По этим данным, мужское население района Гуриан составляло 12 тыс. человек, Сабзевара — 10, Фараха — 15, Бакуа — 4, Коррух — 2,5 и Абеха — 1,5 тыс. человек. К ним он добавляет еще племена, находившиеся в союзе с правителем: это хазарейцы зейдната — 12 тыс.,⁵⁶ таймани Гура — 8 тыс. и белуджи Сеистана — 5 тыс.

⁵³ Kakar, M. H. *Afghanistan: A Study...* P. 139–140.

⁵⁴ Barrow, E. G. Part III. P. 18; *Gazetteer of Afghanistan*. Part I. P. III–VII.

⁵⁵ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 118.

⁵⁶ По одним данным, таймани по соседству с другими этносами располагались в верховьях реки Фарах-руд, и их границы могли быть приблизительно определены так: на севере — Герируд; на востоке — Хазараджат и Заминдавар; на юге и западе — дорога от Гиришка через Фарах до Герата. По имеющейся информации, в этих областях проживали около 10 тыс. семей тай-

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ПО ОТДЕЛЬНО ВЗЯТЫМ РАЙОНАМ (ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ, 1884–1886 ГГ.) (ТЫС. СЕМЕЙ)

[illegible]

Ташкуртан	5,6																	Основная масса таджи- ки и узбеки
Хаджа-салар	2													2				
Шибирган	3					2								1				
Шортеппа	1,6													2				
Сангчарак	4,8				0,9	3												
Гурбанд	5	2							3									
Всего	63	7,2	5,7	14,5	12,6	8	2	2,2										

Источник: Gazetteer of Afghanistan. Part I. P. 20, 35; Barrow, E. G. Part III. P. 11–12, 14–16, 19–21, 23–24, 30, 35–37; Mason, A. H. The Military Geography... P. 18–19, 22, 24.

человек⁵⁷. К середине 80-х гг. в Абехе насчитывалось 4,5 тыс. семей, из которых 2 тыс. представляли афганцы племени *гильзаи*, Бадгисе — 10 тыс. семей, в области племени *фирузкухи* (между Банди-Туркестаном и Банди-Баба) — 7 и таймани (юго-восток Герата) — 14 тыс. семей, Коррух — 4 тыс. (половина из них джамшиды, остальные — таджики, хазарейцы и немного афганцев), Шахфилян — 5,5 тыс. семей, 2/3 *герати*, остальные афганцы, Гуриан — 5 тыс. семей (почти все таджики, Чагчаран — 3 тыс. семей (несколько сотен таджиков, остальные — *фиروزкухи*)⁵⁸. Как видно, таджики большинство составляли в Шахфиляне (свыше 60%), Гуриане — 5 тыс., Анардаре — 1,3 тыс. семей, в Калайи-Кахе большинство из 1,4 тыс. семей составляли таджики⁵⁹. В Сабзеваре также имелись 13,3 тыс. семей, но национальный состав в доступных материалах не указывается⁶⁰.

Другие англо-индийские источники сообщают о том, что узбеки в северном регионе составляли большинство населения. Имперский географический справочник Индии начала XX в. дает такую характеристику этнической картине региона: «Около половины населения составляют узбеки и туркмены, язык которых тюркский, другую половину — хазарейцы, таджики и арабы, говорящие на персидском языке. Таджики или люди иранской крови, вероятно, представляют самую древнюю выжившую расу в регионе. Вряд ли общая численность населения афганского Туркестана превышает три четверти миллиона»⁶¹.

Среди этносов региона, согласно имеющимся данным, относительно многочисленными были и хазарейцы, которые помимо присутствия почти во всех районах и провинциях, подобно пуштунам, располагали собственными территориями компактного

мани, от 4 до 5 тыс. семей таджиков и моголов. В Герате около 8 тыс. семей, из которых почти половина — таджики и моголы, Шахраке — около 2 тыс. семей таймани, Фарсе и Чадруде — около 2 тыс. семей таймани, Тулака — около 1,5 тыс. семей таймани, Тараб — около 1 тыс. семей таймани (Yate, A. C. England... P. 229).

⁵⁷ Ferrier, J. P. Caravan Journeys... P. 183.

⁵⁸ Barrow, E. G. Part III. P. 3; 22; 25; 30.

⁵⁹ Ibid. P. 25–36.

⁶⁰ Elles, E. R. The Military Geography... P. 13; Ap. A. P. 1.

⁶¹ Imperial Gazetteer of India: Afghanistan and Nepal. — Calcutta, 1908. P. 83.

обитания, где местами составляли все население. Об их численности в литературе и источниках изначально встречались противоречивые данные. У Ламсдена хазарейцев всего 120 тыс. человек, Макгрегора — 150 тыс., а по данным Какара, по состоянию на 1886 г., включая хазарейцев, непокорных эмиру, в несколько раз больше — 120 тыс. семей. Также следует добавить, что хазарейцы, подобно пуштунам, состояли из различных племен, таких как хазарейцы Паси-кух, Бехсуда, Балхаба, Дайкунди, Джагату, Шейх-Али, Джагури, Даймирдада, Мухаммад-хаджа, Чардаста и Дайзанги⁶².

Суть приведенных выше данных в том, что, согласно им, пуштуны всегда составляли большинство населения Афганистана. Их доля в разные периоды по разным оценкам колебалась от 40 до 48% от общего числа. Хотя по другим этносам данных меньше, ясно из всего сказанного одно: доля пуштунов в течение века оставалась выше, чем других народов.

Динамика численности населения городов

В источниках встречаются более близкие к реальности оценочные данные и сведения по отдельным населенным пунктам, главным образом городам, позволяющие проследить воздействие многих происходивших социально-экономических и военно-политических процессов на динамику численности жителей Афганистана.

Главными крупными афганскими городами, описание которых дается авторами исследований первой и начала второй половины XIX в., считались Кабул, Герат и Кандагар, хотя слово «город» использовалось и по отношению ко многим другим местам. Макгрегор, помимо перечисленных, городами считал Андхой, Балх, Газни, Гиришк, Джелалабад, Кундуз, Маймана, Сабзевар, Сари-Пуль, Фарах, Хульм, Шибирган, а «все остальные — всего лишь деревни или, в лучшем случае, большое сборище хижин и палаток. Все вышеперечисленные более или менее имеют укрепления...»⁶³.

⁶² Kakar, M. H. *Afghanistan: A Study...* P. 160.

⁶³ MacGregor, C. M. *Central Asia Part II...* P. 34.

Находясь в непосредственной близости к правящим кругам, а также в связи с относительно высокой плотностью в условиях отсутствия минимальных санитарных норм, городское население было более уязвимо перед всеми переменами, испытывало на себе воздействие самых разных факторов, негативно отразившихся на них. Численность населения городов, особенно крупных, всегда подвергалась «большому колебанию, в зависимости от образа правления местных властей: если последние не притесняют население, то оно возрастет, и наоборот»⁶⁴, эпидемий, внутренних конфликтов, внешних вторжений.

Анализ динамики численности населения небольших населенных пунктов наряду с более крупными городами, провинций и тем более общенационального масштаба на первый взгляд кажется малозначимым, но в условиях отсутствия сведений сравнение поможет рассмотреть тенденцию в разных масштабах и уровнях, начертать общие закономерности развития. Кроме того, большая часть из них на протяжении последовавшего века поднялись с новой силой и превратились в большие в афганских масштабах города, а численность их населения в улучшенных условиях начала стремительно расти.

Кабул превратился в главный город Афганистана при Тимуршахе дуррани, перенесшем туда столицу из Кандагара. Сведения о численности и этническом составе населения города первой половины XIX в. встречаются в работах многих исследователей. У Дж. Массона⁶⁵, А. Бернса⁶⁶, Г. Вигне⁶⁷, К. Нейманна и Хэвлока указывается цифра в 60 тыс. человек⁶⁸.

Исследователи при оценке численности городского населения в большинстве случаев исходили из количества домов, среднего числа членов семьи в 5–6 человек. Согласно сведениям Массона

⁶⁴ Гамильтон А. Афганистан. (Перевод с английского С. П. Голубинова). — СПб.: В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений, 1908. С. 48.

⁶⁵ Masson, Ch. Vol. II. P. 260.

⁶⁶ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 147.

⁶⁷ Vigne, G.T. A personal narrative of a visit to Ghuzni, Kabul, and Afghanistan, and of a residence at the court of Dost Mohamed, with notices of Runjit Sing, Khiva, and the Russian expedition. — L., 1840. P. 168.

⁶⁸ Нейманн К. Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах. — М., 1848. С. 15.; Havelock, H. Narrative of the war in Affghanistan in 1838–39. Vol. II. — L., 1840. P. 138.

в Кабуле, включая крепости Бала-Хисар, число домов составляло около 9 тыс. Исходя из этого, он заключает, что число постоянных жителей города могло составлять от 50 до 60 тыс. человек. Кабул как столица играл важную роль и в торгово-экономической жизни королевства. В разгар сезона город притягивал торговцев и купцов из других уголков и районов страны. Отмечается, что общая картина города в летний период сильно менялась, увеличивалась плотность населения⁶⁹.

Есть еще оценки периода второй англо-афганской войны, согласно которым во время правления эмира Якуб-хана (1879 г.) в городе имелось 23 тыс. домов или около 70 тыс. человек⁷⁰.

Изложенные материалы показывают, что иностранные авторы не располагали результатами переписи 1876 г., о чем свидетельствует факт отсутствия по этому поводу комментариев в их работах. Только через 10 лет, в 1886 г., они стали доступны членам английской разграничительной комиссии, следовательно, к тому времени продолжали исходить из собственных оценок и наблюдений⁷¹. Согласно материалам переписи численность населения Кабула составляла 140,7 тыс. человек⁷², что почти в 2,5 раза больше, чем полвека назад. В них также содержится информация об этническом составе населения столицы, включавшей пуштунов, таджиков, хазарейцев, индийцев и прочих. В списке этносов в отдельную группу выделяются *кабули*, которые составляли подавляющее большинство горожан — 103 тыс. человек (73%), затем шли таджики — всего 12 тыс. (8,5%), пуштунов было еще меньше — 9 тыс. (6%), индусов — 4 тыс., кашмирцев и парачаи — по 3 тыс. и армян — 100 человек⁷³. Примечательно, что английские эмиссары через 10 лет оценивали

⁶⁹ Masson, Ch. Vol. II. P. 260.

⁷⁰ Hensman, H. The Afghan War of 1879–80, being a complete narrative of the capture of Cabul, the siege of Sharnpur, the battle of Ahmed Khel, the brilliant march to Candahar, and the defeat of Ayub Khan, with the operations of the Helmund, and the settlement with Abdur Rahman Khan. 2nd ed. — L., Allen, 1882. P. 66.

⁷¹ Final Report on Afghanistan by Fakir... P. 55.

⁷² Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 2.

⁷³ Ромодин В. А. Афганистан во второй... С. 65; Mason, A. H. The Military Geography... P. 16; Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 14;

число жителей столицы в 140 тыс., из которых 103 тыс. причислили к *кабули*⁷⁴.

Как видно из этих данных, доля пуштунов и таджиков показана незначительной. Поскольку официально такой этнос, как *кабули*, в Афганистане не фиксирован, здесь под таковыми подразумевали либо всех коренных жителей города⁷⁵, вне зависимости от национальной принадлежности, либо таджиков, издавна заселявших город и окружающие территории. Об этом свидетельствуют и английские военные источники, пишущие о крайней схожести внешнего облика *кабули* и таджиков и что такое самоназвание ими используется за пределами города⁷⁶. На последнюю версию указывают сообщения Раверти, который, ссылаясь на индийский источник XVIII в., писал: «язык, на котором главным образом говорят в Кабуле и ближайших районах, есть персидский, который, однако, отличается от языка современной Персии. Это язык старинного таджикского населения» и далее: «территория, зависящая от столицы страны Кабула, представляет долину больших размеров, простираясь от города на 50 курхов (1 курх равен примерно 3 км — У.О.) в направлении на север и северо-запад, вплоть до гор Гиндукуша, в которых находится коталь или перевал Гиндукуш; и на юг, в направлении Кандагара — почти на 200 курхов. Это пространство целиком заселено таджиками»⁷⁷.

Сравнительный анализ показывает заметный рост численности индусов с начала столетия, что косвенно свидетельствует о расширении торговли и товарооборота в городе. М. Лал их число оценивал в начале 30-х гг. в менее 2 тыс. человек⁷⁸, что говорит о двукратном росте к 70-м гг. Следует отметить, что индусам сложно было ужиться с фанатично настроенным мусульманским населением⁷⁹, поэтому только сверхприбыли привлекали

⁷⁴ Mason, A. H. The Military Geography... P. 16.

⁷⁵ Например, в результатах переписи отсутствуют кызылбаши, ранее занявшие в городе и запредельных районах целые кварталы.

⁷⁶ Mason, A. H. The Military Geography... P. 16.

⁷⁷ Цит. по: Рейснер И. М. Развитие феодализма... С. 79.

⁷⁸ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 74.

⁷⁹ В литературе и источниках приводится много примеров гонения, ограбления и притеснения купцов-индусов в афганских городах.

в Афганистан ростовщиков и купцов из числа индусов, которые контролировали все торговые и финансовые операции страны. Ограничения, введенные для мусульман нормами ислама при проведении банковских операций, с одной стороны, и финансовая грамотность индийских купцов с другой позволили последним со своими семьями не только получить право жить в Кабуле, но также исправлять все религиозные обряды, а в торговой сфере наравне с купцами-мусульманами пользоваться равными правами ведения бизнеса.

Несмотря на то, что при оценке общей численности жителей Кабула основная масса путешественников придерживалась одного и того же мнения, в вопросе национального состава мнения сильно расходились. Надиршах Афшар поселил в Кабуле 12 тыс. семей кызылбашев, но спустя полтора века их численность в большинстве источников указывалась по-разному. По оценкам Г. Винье в самом городе было примерно 18–20 тыс. кызылбашев, а их лидеры, продолжает он, безусловно, считались самыми богатыми, умными и влиятельными людьми в Кабуле. В частности, имелось 10 тыс. потенциальных бойцов⁸⁰ — то есть половина от их населения, что вызывает сомнение. Обычно из каждой семьи брали по одному человеку, и если число воинов указано правильно, то в таком случае всего их в городе и окрестностях могло быть до 50 тыс. человек. В какой-то степени это подтверждает и Массон, сообщавший, что почти половина г. Кабула была занята семьями-шиитами⁸¹, то есть это примерно 25–30 тыс. человек, что соответствует более поздней оценке Ламсдена. Беллью по всему Афганистану дает цифру 200 тыс.⁸² Макгрегор пришел к выводу, что переселенные Надир-шахом воины кызылбашев прибыли со своими семьями, следовательно, их еще тогда насчитывалось 50 тыс. душ. Далее, отвергая оценку Ламсдена, он заключает, что за полтора века их численность

⁸⁰ Vigne, G.T. A personal narrative... P. 167–168; Report on the trade and resources of the countries on the North-Western boundary of British India. — Lahore, 1862. P. 6.

⁸¹ Masson, Ch. Vol. II. P. 260.

⁸² Bellew, H. W. Journal of... P. 17.

могла утроиться⁸³. Но общее число афганского населения за это время стабильно сокращалось, и трудно поверить, что кызылбаши в этой обстановке стали исключением.

Беллью отмечает, что кызылбаши преимущественно населяли район Чандавал г. Кабула⁸⁴, но у Массона он называется бывшим кварталом пригорода старого Кабула, который позже перерос в большой город, окруженный высокими стенами, имевший собственные базары, бани, мечети, независимую полицию, судебную систему. Сообщается, что количество домов, населенных исключительно различными племенами персидского и тюркского происхождения, доходило до 2 тыс. По тем же сведениям, это потомки воинов персидской армии, оставшиеся в Кабуле после смерти Надира-шаха⁸⁵. Но позже перепись 1876 г. показала, что их осталось намного меньше: по сведениям Х. Какара — всего 6,5 тыс. человек⁸⁶. Вполне возможно, что часть кызылбашев переселилась в другие места или вернулась в Иран.

Город и пригороды не были единственными местами проживания. В окрестностях Кабула имелись большие по численности населения районы и деревни, заселенные кызылбашиами и таджиками. Например, район Чахардех, включавший 60 деревень и фортов с подавляющим числом таджиков и кызылбашев, Бутхак — 400–500 домов (таджиков, гильзаев и *хогиани*), Чар-асья — в основном таджики, но имелись пуштуны и кызылбаши⁸⁷.

Кандагар, второй по величине, значимости и числу обитателей город до 1774 г. служил столицей дурранийской империи. О численности его населения в различных источниках одного и того же периода встречаются разные данные. Кандагар сильно пострадал в 1738 г., когда в течение полутораговой осады Надир-шах опустошил окрестные районы, взял укрепленный город и сравнял его с землей⁸⁸. Следовательно, от старого города

⁸³ MacGregor, C. M. Central Asia Part II... P. 31.

⁸⁴ Bellew, H. W. The races of Afghanistan... P. 107.

⁸⁵ Masson, Ch. Vol. II. P. 260.

⁸⁶ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 14.

⁸⁷ Mason, A. H. The Military Geography... P. 15–16.

⁸⁸ Bellew, H. W. The races of Afghanistan... P. 107.

к XIX в. остались только руины, восстановление которых не считалось целесообразным⁸⁹.

Кандагар традиционно был городом, основную массу жителей которого составляли пуштуны и таджики, но постепенно начала расти и доля других народов. Надир-шах во время захвата города поселил в него и окрестные районы несколько тысяч воинов, участников походов из числа дуррани, а 18 тыс. представителей племени *гильзаи* с их семьями отправил в Тегеран⁹⁰. М. Лал сообщает, что большинство населения города — афганцы, а персы, занимавшиеся торговлей и обладавшие властью, занимали 2 тыс. домов⁹¹.

Массон, как и многие другие его современники, сообщает о многочисленных разрушенных домах и строениях в самом городе. Количество жилых домов им оценивалось в более чем 5 тыс., а население — в 25–30 тыс. душ⁹². Конолли приводит цифру в два раза больше — 60 тыс.,⁹³ а Нейманн пишет, что в мирное время в городе жило до 80 тыс. человек⁹⁴. Согласно другим данным, в Кандагаре насчитывалось 40 тыс. домохозяйств и 80–100 тыс. человек и отмечалось, что дома в городе маленькие и отчасти необитаемые⁹⁵. Если исходить из расчета 5 человек на одну семью, тогда согласно Хафи (40 тыс. домов) получится цифра в два раза больше, что вызывает определенное сомнение, хотя встречаются в источниках данные конца 70-х гг., опубликованные перед второй англо-афганской войной, называющие еще большие цифры — 150 тыс. человек⁹⁶. В работах одних авторов, возможно, учитыва-

⁸⁹ Об осаде города Надиром подробнее см: Кишмишев С. О. Указ. соч. С. 113–146.

⁹⁰ Rawlinson, H. C. Report on... P. 823; Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 28.

⁹¹ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 303–304.

⁹² Masson, Ch. Vol. I. P. 280.

⁹³ Conolly, A. Vol. II. P. 105; Malleson, G. B. History of... P. 25–26.

⁹⁴ Нейманн К. Ф. Указ. соч. С. 85.

⁹⁵ Hough, W. A narrative of the march and operations of the Army of the Indus in the expedition into Afghanistan in the years 1838–1839, under the command of H. E. Lieut. General Sir John (now Lord) Keane. — Calcutta, 1840. P. 135.

⁹⁶ Robinson, Ph. Cabul or Afghanistan: the seat of the Anglo-Russian question. — L., 1878. P. 55.

ется только население города, в других — прилегающих районов, в зависимости от чего и имеются такие большие различия.

Кроме того, сложность вывода в пользу того или другого источника заключается в резких колебаниях политических и социально-экономических обстоятельств, которые могли произойти и привести к опустошению целых населенных пунктов или значительному снижению численности жителей, что имеет непосредственное отношение и к Кандагару.

Ферриер, например, сообщал, что к 40-м гг. в Кандагаре проживало до 60 тыс. человек, и за это время оно не только сократилось вдвое, но и дальше продолжило уменьшаться. Главным фактором, создавшим подобную ситуацию, являлась тяжелая налоговая политика правителей и жестокое обращение со стороны властей, вынуждавшее жителей покинуть город⁹⁷. Такая обстановка имела место не только при кандагарских братьях, но и при последующих правителях. Например, под налоговым гнетом Шер Али-хана около 30 тыс. гильзаев Калат-и-гильзаи намеревались мигрировать в направлении запада⁹⁸.

По состоянию на середину рассматриваемого века дается картина относительно этнического состава жителей Кандагара, согласно которой только 50% составляли пуштуны, другую половину — персы и индусы:

- 1) *баракзаи* — 25%;
- 2) *гильзаи* — 12,5%;
- 3) другие племена, включая *дуррани* — 12,5%;
- 4) *персы и индусы* — 50%⁹⁹.

⁹⁷ Налоговый гнет распространялся на все этнические группы населения, проживавшие в Кандагаре, даже пуштунов. Попытавшиеся убежать в другие места при поимке возвращались в качестве преступников в Кандагар, где «они не только лишались собственности, которую могли иметь, но и подвергались пыткам, дабы раскрыть, где, если оно у них имелось, спрятано имущество. Впоследствии они занимались общественной работой, где зарабатывали только на необходимое количество средств к существованию, а небольшая зарплата заимствовалась правителем... До 1844 г. жестокость (правителя) ограничивалась только трудолюбивыми классами персов и индусов, но с тех пор начали одинаково преследовать и афганцев» (Ferrier, J. P. Caravan Journeys... P. 321–322).

⁹⁸ Messurier, A. Kandahar... P. 100.

⁹⁹ Ferrier, J. P. Caravan Journeys... P. 321.

Однако общая численность населения Кандагара оценена в 16–20 тыс. человек. Ламсден, однако, корректирует эту цифру исходя из 5 человек на один дом: во-первых, 2/3 жилищ были необитаемы, во-вторых, информант преувеличивал, и реальная вероятная численность населения, по его оценкам, составила около 15,5 тыс. человек¹⁰⁰.

Более точные данные появились в 80-х гг., когда в течение десятилетия власти три раза провели перепись населения города. В 1880 г. численность жителей составила 31 тыс. человек¹⁰¹, а к 1891 г. она достигла 31,5 тыс. человек¹⁰². В период после второй англо-афганской войны Кандагар жил в более или менее стабильной политической обстановке, но численность населения, как видно, за 10 лет осталась почти неизменной. Следовательно, десятилетиями раньше этот показатель был намного больше и с годами разные обстоятельства негативно повлияли на него. Население города в совокупности с пригородными деревнями и районами составляло 67,7 тыс. человек, а в самом городе — 31 тыс. В городе в общей сложности имелось 4320 домов. По племенному признаку 522 семьи составляли дуррани, 611 — *гильзаи*, 1064 — персы, 275 — какары, 828 — смешанные семьи и 566 семей — иностранцы¹⁰³.

Согласно данным английских военных источников, к 1880 г. основную массу населения провинции Кандагар составляли представители племени дуррани, но также имелось большое число гильзаев и таджиков, населявших в основном город. Индусов (большинство из них составляли выходцы из Шикарпура), занимавшихся торговлей и банковскими операциями, вместе с семьями насчитывалось 5 тыс.¹⁰⁴ Гамильтон по г. Кандагар приводит данные, в два раза превышающие вышеуказанные. Он, по всей видимости, как и многие другие, включает домохозяйства всего района, то есть и окрестностей города. По его информации, количество дворов всего в г. Кандагаре составило 8730, из которых персам принадлежало 1240, тюркам и арабам — по 50, каш-

¹⁰⁰ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 190.

¹⁰¹ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 2.

¹⁰² Kakar, M. H. Government and Society... P. 182.

¹⁰³ Elles, E. R. The Military Geography... P. 16–17.

¹⁰⁴ Там же.

мирцам — 100 и индусам — 200 домов. Все остальные хозяйства — пуштуны¹⁰⁵.

Герат — важный афганский торговый узел, подвергшийся со стороны Ирана несколько раз военным походам¹⁰⁶, в результате которых потерял большую часть своего населения. Кажется, ни один другой из больших городов Афганистана так сильно не пострадал, как Герат. Эльфинстон, опираясь на данные офицера, члена первой британской военной миссии в Иране Ч. Кристи, находившегося в течение месяца в Герате, пишет, что в начале столетия население города составляло 100 тыс. человек¹⁰⁷. Е. К. Мейендорф через 10 лет (1820–1821 гг.) сообщал о 4 тыс. домов¹⁰⁸ в городе, а примерно еще через одно десятилетие Конолли, ссылаясь на горожан, утверждал, что в стенах города расположено 12 тыс. домов, но по сведениям «королевской книги» официальных властей имелось лишь 4 тыс. зарегистрированных домов. Он, исходя из максимального расчета численности в 10 человек на каждый дом, заключал, что всего численность горожан составляла 40 тыс. душ. Но поскольку в Герате были расположены цитадель, дворец, 17 караван-сараев и торговые точки, в которых также жили люди, эта цифра могла увеличиться еще на 5 тыс. человек. Конолли считал слишком завышенной оценку капитана Ч. Кристи, полагая, «что офицер либо был введен в заблуждение информацией жителей, либо учел и некоторые кварталы, находившиеся за стенами города»¹⁰⁹. Вполне возможно, что неосведомленные о состоянии своего города жители, как и во всех остальных случаях, преувеличили количество домов. М. Лал также исходит из того, что количество жилых домов в Герате 4 тыс., а население 60 тыс. человек¹¹⁰. Здесь оба автора выходят за рамки среднестатистического показателя в 5 человек на одну семью, принятого в работах большинства авторов. Конолли это объясняет тем, что в реестре властей написано «домов-дверей», но одна дверь могла

¹⁰⁵ Гамильтон А. Указ. соч. С. 47.

¹⁰⁶ Туманович Н. Н. Герат в XIV–XVIII в. — М.: Наука, 1989. С. 76–167.

¹⁰⁷ Elphinstone, M. Vol. II. P. 130–131; 216.

¹⁰⁸ Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 82.

¹⁰⁹ Conolly, A. Vol. II. P. 2.

¹¹⁰ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 265–266; 303–304.

«привести к более чем одному месту жительства»¹¹¹. Если на самом деле такое имело место, то с этой позиции данные информантов из числа горожан тоже не совсем грубые, поскольку если в среднем каждая дверь вела бы к двум домам, то цифра увеличилась бы до 8 тыс.

С другой стороны, как было показано на примере Кандагара, события и обстоятельства могли за короткое время негативно сказаться на демографии. Герат в этом плане не стал исключением. С 1816 по 1824 г. город периодически подвергался нападениям, был много раз осажден¹¹², результаты осад стали губительными для многих его обитателей. В 1823 г. персы напали на город и после трехмесячной попытки захвата отступили, но перед этим razорили всю область. Далее в 1824 г. поход кандагарских братьев против принца Камрана унес много жизней, «кровь пролили как воду»¹¹³. С этой точки зрения вполне возможно, что оценка Ч. Кристи была близка к реальности, а к концу 30-х гг. вследствие междоусобиц и социально-экономического давления со стороны правителей город потерял часть своего населения.

По сведениям Ферриера, к 1838 г., времени осады Герата персидскими войсками, в городе насчитывалось 70 тыс. человек, и в итоге только на поле боя погибло несколько тысяч человек, а после снятия осады в городе осталось не более 6–7 тыс. Такое обстоятельство возникло вследствие «великой эмиграции, жертв осады и смертей от голода. Смертность продолжалась еще долго после ее окончания и носила очень страшный и душераздирающий характер; многие из несчастных гератцев, чтобы избежать террора, продали себя туркменам в качестве рабов, чтобы обеспечить пропитанием своих жен и детей... Персидские войска во время десятимесячной осады, одной из самых запоминающихся в летописях восточной истории, принесли больше разрушений и опустошений, чем если бы страна на протяжении ста лет находилась в состоянии гражданских войн»¹¹⁴.

¹¹¹ Conolly, A. Vol. II. P. 2.

¹¹² Катиб, Файз Мухаммад... С. 106.

¹¹³ Adamec, L. W. Historical and political gazetteer of Afghanistan. Vol. III... P. 165.

¹¹⁴ Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 171–172.

С 1842 г. правитель Герата стремился поправить демографическую ситуацию привлечением тысячи кочевых хазарейцев, джамшидов и таймани, которых он до того взял в плен в результате организованных походов. В частности, везир правителя Герата Яр Мухаммад после одной военной экспедиции вынудил 5 из 10 тыс. семей джамшидов поселиться в городе. В рамках этих мероприятий амнистировали многих коренных гератцев, сбежавших в Персию и английские владения. В результате к 1845 г. в некоторой степени жизнь в городе восстановилась — численность его жителей выросла до 20–22 тыс. человек¹¹⁵.

Персы повторно совершили поход на Герат в 1856 г.,¹¹⁶ но не менее сильный ущерб он понес и в 1863 г., когда окончательно был подчинен Кабулу¹¹⁷. Это был очередной удар, который на долгие годы оставил свой отпечаток на демографии города.

Из отечественных авторов Гродеков, побывавший в городе осенью 1878 г., особо не сообщает о разрушенном состоянии города, наоборот, пишет, что «Герат очень большой город, не меньше Ташкента, т. е. в нем около 50 тыс. жителей. Из азиатских городов Средней Азии и Хорасана Герат по постройкам своим занимает второе место после Мешхеда»¹¹⁸. Некоторые зарубежные авторы также сообщают, что в городе на конец 70-х гг. жило 45 тыс. человек¹¹⁹, что маловероятно. Наверное, эти данные взяты из более ранних источников. Х. Какар по состоянию на середину 80-х гг. пишет о 17 тыс. человек¹²⁰, что также далеко от истины. Более точная характеристика городу дается в оте-

¹¹⁵ Ibid. P. 171–173; 193–194.

¹¹⁶ Подробнее об этом см.: Бушев П. П. Указ. соч.

¹¹⁷ После захвата города «четыре тысячи афганских солдат, которые были vybrаны для этого из разных племен и полков, по данному им знаку набросились со всех сторон на незащищенные дома, и говорят, что они не только отнимали деньги, одежду, оружие, утварь и прочее имущество, что ни попадало им на глаза, но и заставляли каждого раздеваться почти донага, так что жители остались полуголыми в совершенно разграбленных, опустошенных домах. Даже у больных отнимали постели и одежду, у грудных детей — их колыбели и не имеющие никакой ценности пеленки» (Вамбери А. Путешествие по... С. 202).

¹¹⁸ Гродеков Н. И. Через Афганистан... С. 125.

¹¹⁹ Malleon, G. B. History of... P. 25–26.

¹²⁰ Kakar, M. N. Afghanistan: A Study... P. 2.

чественном статистическом сборнике (1888 г.), а также членами английской разграничительной комиссии. Статистический сборник сообщает, что «Герат представляет собой собрание глиняных лачуг, вмещающих около 5 тыс. жителей, исключая гарнизон»¹²¹. По описанию офицеров английской комиссии, никаких признаков городской жизни в Герате к середине 80-х гг. не осталось, и городом его называть было бы неправильным. Общее число домохозяйств, по их оценкам, не превышало 2 тыс., а жителей не более 10 тыс. человек. Из текста следует, что люди были напуганы неким скорым русским нашествием на город, и сохранившие память о прежних войнах и осадах в большинстве предпочли поселиться в пригородных районах. В городе были видны только солдаты¹²². То есть люди боялись жить и находиться в городе, следовательно, добровольно переселялись в пригородные районы, которые считали более безопасными. Другой источник сообщает, что в 1886 г. сам город насчитывал 8 тыс. жителей, а с учетом еще 9 соседних районов (булуков) население выросло бы до 60 тыс. семей, две трети которых составляли *герати*, остальные — пуштуны¹²³.

Среди народностей, населявших город, преобладали *герати*, к которым Эльфинстон, например, относит горожан, исповедующих шиизм. Они, по его сведениям, составляли 2/3 населения Герата. На долю пуштунов племени дуррани приходилась одна десятая часть, а остальные были тюрками, аймаками и другими¹²⁴. Более поздние исследования этот термин использовали «по отношению ко всем персоговорящим жителям, которые не являются афганцами, такие как таджики, теймуры, арабы, джамшиды и др.»¹²⁵. Позже *герати* стало самоназванием и для других народов, перешедших на язык *дари*. Л. Адабек по этому поводу пишет, что большинство в провинции составляли *герати*, «с которыми смешалось несколько семей, пуштунов по происхождению,

¹²¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 29. — СПб., 1888. С. 90.

¹²² Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 21; 28–29.

¹²³ Barrow, E. G. Part III. P. 3.

¹²⁴ Elphinstone, M. Vol. II. P. 216.

¹²⁵ Barrow, E. G. Part III. P. 3.

но ставшими *герати* по месту жительства и смешанным бракам, они больше не говорят на пушту»¹²⁶.

Конолли также отмечает, что большинство жителей города составляли шииты, и добавляет, что есть еще около 1 тыс. индусов и 40 семей евреев¹²⁷. По Мейендорфу, последних было 10 семей¹²⁸. К середине 80-х гг. из 9 тыс. горожан 3 тыс. составляли пуштуны, 5 тыс. — таджики¹²⁹, несколько сотен индусов (в основном банкиров и торговцев), несколько армян и евреев с собственными кварталами. Армяне и евреи монополизировали производство вин и дистилляцию горячих спиртных напитков¹³⁰. Запрет на производство алкоголя, служившего основным источником доходов армян и евреев, по мнению А. Бернса, стал основным фактором их ухода в другие государства¹³¹. Гамильтон дает более детальную информацию. Он пишет о 700 гератских индусах и около 400 еврейских семьях¹³².

Другие афганские города были намного меньше как по размерам, так и численности населения. Тенденция везде была одинаковой — города, как и многие прочие населенные пункты, с разными темпами, но примерно по одинаковым причинам теряли свое население, отставали в своем социально-экономическом развитии. Главным фактором здесь, впрочем, как неоднократно было отмечено, выступал человеческий, а именно жестокая захватническая политика правителей, междоусобицы, отсутствие нормальной управленческой структуры и налоговой политики.

Многие города, такие как древний **Балх**, некогда процветавшие и разместившие большое число жителей, к XIX в. вовсе пришли в упадок. Эльфинстон пишет об области Балха и численность ее населения оценивает в один миллион человек¹³³, но он, скорее все-

¹²⁶ Adamec, L. W. Vol. III. P. 4.

¹²⁷ Conolly, A. Vol. II. P. 2–3.

¹²⁸ Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 95.

¹²⁹ Barrow, E. G. Part III... P. 27.

¹³⁰ Yate, A. C. England and Russia Face to Face in Asia; Travels with the Afghan Boundary Commission. William Blackwood. — Edinburgh and L., 1887. P. 140.

¹³¹ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. II. P. 331.

¹³² Гамильтон А. Указ. соч. С. 22.

¹³³ Elphinstone, M. Vol. II. P. 195.

го, включал еще некоторые другие, более дальние территории севера Афганистана, поскольку даже в сумме с пригородными районами и поселениями такого количества обитателей там тогда не имелось. Эти данные опровергаются сведениями последующих путешественников. Так, Изетт Улла сообщает, что в городе имелось 3 тыс. домов¹³⁴, согласно В. Муркрофту население Балха состояло из менее 1 тыс. семей¹³⁵, а по оценкам А. Бернса вовсе не более 2 тыс. человек. Основную их массу, по его сведениям, составляли *кабули*, а также остатки ополчения *кара-наукар* и несколько арабов. В качестве причины такого сильного сокращения числа обитателей авторы называют походы правителей Бухары и Кундуза, который увел большую часть населения и постоянно держал его в напряжении. Часть жителей покинула город и поселилась в соседних деревнях¹³⁶.

По оценкам Ферриера, в 40-е гг. население Балха состояло из 10 тыс. афганцев и 5 тыс. узбеков племени кипчак¹³⁷. Он, возможно, эту цифру либо получил у своих информантов, или же почерпнул из работ других авторов. Поскольку к концу 70-х гг. Н. И. Гродеков так охарактеризовал состояние города: «Балх в настоящее время ничтожное селение, не имеющее никакого значения»¹³⁸. К середине 80-х гг. от города остались лишь огромные развалины, а количество домов не превышало 500, жили в которых афганские поселенцы. Отмечается, что в городе было немного узбеков, большое отдельное поселение евреев, а также поселение индусов, занимавшихся торговлей¹³⁹. В частности, Мейендорф также сообщал о 30 домах, принадлежавших евреям¹⁴⁰.

Соседний город **Мазари-Шариф** при Бернсе имел около 500 домов¹⁴¹, но Гродеков оценил население города в 25 тыс. жите-

¹³⁴ Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah... P. 79.

¹³⁵ Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 494.

¹³⁶ Хрисанф, митрополит Новопатрасский... С. 9; Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 238.

¹³⁷ Ferrier, J. P. History... P. 207.

¹³⁸ Гродеков Н. И. Через Афганистан... С. 56.

¹³⁹ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 255–256.

¹⁴⁰ Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 95.

¹⁴¹ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 232.

лей¹⁴². С трудом верится, что на самом деле за такое время город мог настолько быстро подняться. К тому же данные середины 80-х гг. свидетельствуют в пользу точности оценки Бернса. То есть в г. Мазари-Шарифе и окрестностях в совокупности имелось 1805 постоянных семей¹⁴³, или около 10–12 тыс. жителей.

Кундуз был еще одним городом афганского севера, который постепенно начал терять свое значение. Эльфинстон называл Кундуз хорошим городом, превосходящим по размерам Ташкурган¹⁴⁴, а Бернс насчитывал там менее 1,5 тыс. человек¹⁴⁵. Даже его важность как торгового центра не могла удерживать в нем жителей. Здесь, в отличие от выше рассмотренных городов, решающим фактором сокращения численности населения стал нездоровый климат, из-за чего часть жителей погибла, другая была вынуждена переселиться в другие районы. Отсталость и тотальная безграмотность не давали возможности смотреть в корень проблемы и выявить причины происходившего. Правитель Кундуза Мухаммад Мурад-бег, не имея в своем арсенале рациональных методов решения вопроса, использовал исключительно традиционные инструменты исправления демографической ситуации столицы ханства: периодически совершая набеги и походы в соседние районы, он насильно переселял их жителей в Кундуз, но результаты были не совсем желаемыми. Он не только не смог восстановить нормальную жизнь в Кундузе, но и нанес непоправимый урон населению соседних княжеств. В середине 20-х гг. из Бадахшана туда в принудительном порядке было переселено 25 тыс. семей¹⁴⁶ или около 100 тыс. человек. Нездоровое эпидемиологическое состояние города и в целом непривычный для жителей высокогорных районов жаркий климат к 1832 г. привели к тому, что в живых здесь осталось только 6 тыс. человек¹⁴⁷. В результате Бадахшан почти опустел.

¹⁴² Гродеков Н. И. Через Афганистан... С. 56.

¹⁴³ Barrow, E. G. Part II... P. 26.

¹⁴⁴ Elphinstone, M. Vol. II. P. 184.

¹⁴⁵ Burnes A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 228.

¹⁴⁶ Возможно, здесь, как и во всех остальных случаях, имеют место преувеличения, но сама информация об этих походах свидетельствует о большом уроке, нанесенном Бадахшану.

¹⁴⁷ Нейманн К. Ф. Указ. соч. С. 57; 60–62.

Это был не единственный случай принудительного переселения жителей других регионов Мурад-бегом. В Кундуз он поселял жителей Хульма и других соседних районов, предпринял попытки вынудить к этому население Ташкургана, которому, однако, удалось спастись с помощью подкупа его офицеров. Муркрофт сообщает, что число хозяйств Ташкургана составляло 20 тыс. домов из числа таджиков, *кабули* и нескольких узбеков¹⁴⁸.

Как видно, на севере и западе правители при заселении территорий исходили исключительно из экономических соображений и не обращали внимания на этническую и племенную принадлежность поселенцев.

Однако подобные старания к каким-либо положительным результатам не могли привести, и несмотря на статус официальной столицы правителя, Кундуз внешне сильно отставал от других городов и состоял из «500–600 убогих глиняных домов»¹⁴⁹. Население города составляли узбеки, таджики, небольшое число афганцев и арабов.

Талукан относится к категории афганских населенных пунктов, формально называвшихся городом, но фактически не имевших каких-либо признаков городской жизни. Для Талукана была характерна высокая степень мобильности узбекского населения, проводившего летний сезон на соседних высокогорьях со своими стадами. В городе оставались оседлые земледельцы из числа таджиков, а также торговцы, представители разных этносов. Муркрофт отмечал, что количество домов в нем могло составлять около 1,5 тыс., но зимой к жилищам оседлого населения добавлялись многочисленные тростниковые хижины полукочевников¹⁵⁰. На момент пребывания Дж. Вуда город состоял из 300–400 домов¹⁵¹. Источники 80-х гг. называют Талукан большой деревней с населением в 2 тыс. человек¹⁵².

События в неменьшей степени коснулись и других населенных пунктов. В 40-х гг. в Шибиргане, например, проживали 12 тыс. че-

¹⁴⁸ Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 449–452.

¹⁴⁹ Wood, J. A Journey to the Source... P. 214.

¹⁵⁰ Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 482–483.

¹⁵¹ Wood, J. A Journey to the Source... P. 156.

¹⁵² Barrow, E. G. Part 1... P. 17.

людей из числа узбеков и таджиков¹⁵³, а по состоянию на 1886 г. во всей области Шибиргана находилось 3 тыс. семей, половина из которых были узбеки, 900 семей — туркмены. Через 40 лет в самом городе и его окрестностях жителей оказалось в три раза меньше — 4 тыс., большинство которых, как и раньше, составляли узбеки¹⁵⁴. Андхой в начале века имел около 4 тыс. домов¹⁵⁵, но к 80-м из себя представлял «не что иное, как сборище грязных руин» с 3 тыс. или даже меньше домов¹⁵⁶. Количество домов в Ханабаде, по оценкам Вуда, составляло 600¹⁵⁷, а по состоянию на 1886 г., примерно через полвека, там проживало не более 4 тыс. человек¹⁵⁸.

В северных владениях были и другие, менее известные и находившиеся на стороне от бурных событий и потрясений крупные центры, населенные пункты с достаточным количеством жителей и ресурсов. К числу таковых можно причислить Иста-лиф, имевший в сумме с окрестными деревнями 3 тыс. домов или 15–18 тыс. душ¹⁵⁹, а к началу XX в. — 5 тыс.¹⁶⁰ В Бамиане насчитывалось 20 тыс. человек¹⁶¹, Сари-Пуле — 18 тыс., а во всем ханстве в четыре раза больше¹⁶². В середине века более отчетливым было состояние области Хульма, которая, по сообщениям Ферриера, оказала определенное влияние на окружающие районы и по многим показателям не уступала Кабулу, Герату или даже Бухаре. Хотя подавляющее большинство жителей (700 тыс. человек, что вызывает сомнение) составляли таджики, а правителем был узбек¹⁶³.

Афганские эмиры постепенно покоряли богатые аграрными ресурсами северные районы страны. Эти завоевания оставляли

¹⁵³ Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 202.

¹⁵⁴ Barrow, E. G. Part II... P. 27.

¹⁵⁵ Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 83.

¹⁵⁶ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 235.

¹⁵⁷ Wood, J. A Journey to the Source... P. 151.

¹⁵⁸ Barrow, E. G. Part I. P. 17.

¹⁵⁹ Masson, Ch. Vol. III. P. 122.

¹⁶⁰ Gregorian, V. The Emergence... P. 148.

¹⁶¹ Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 81.

¹⁶² Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 225.

¹⁶³ Ferrier, J. P. History... P. 211.

след на этническом составе населения городов и целых владений. Мейендорф в **Маймане** насчитывал одну тысячу домов с узбекским населением¹⁶⁴. Гродеков причиной нападения и подчинения афганцами этого ханства называл «постоянные грабежи и пленение афганских подданных в Туркестане»¹⁶⁵.

Дж. Ли, ссылаясь на Ферриера, пишет, что к 1845 г. население всего ханства Майманы составляло 15–18 тыс. семей, или 75–90 тыс. человек¹⁶⁶, но сам автор первоисточника сообщает о 15–18 тыс. только узбекского населения и небольшого числа таджикских семей в самом городе¹⁶⁷. К 60-м гг. все еще в **Маймане** наряду с индусами продолжали жить до 50 семей евреев, которые наравне с другими жителями пользовались «равной свободой, и их немало» не беспокоили «религиозные и национальные различия». Относительная стабильность благоприятствовала тому, чтобы к 60-м гг. число жителей увеличилось до 100 тыс. человек¹⁶⁸.

Решение Шер Али-хана в 1876 г. взять Майману под полный контроль привело к повторению городом судьбы Герата. Правитель намеревался отстаивать независимость района, но в ходе продолжительного противостояния, закончившегося взятием в плен губернатора и членов его семьи, город пал, а население, вне зависимости от пола и возраста, подверглось самому жестокому истреблению. В результате по одним данным было убито 15 тыс. человек¹⁶⁹, а по другим — до 18 тыс. только из числа защитников города¹⁷⁰. К 80-м гг. в самом Маймане насчитывалось до 4 тыс. жилых домов, численность горожан — свыше 20 тыс. человек, а во всем регионе — 10 тыс. семей. Следует учитывать еще факт значительного сокращения территории района в ходе административных делений к этому времени. События 76-го года привели и к изменениям в этническом составе населения. Маймана

¹⁶⁴ Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 84

¹⁶⁵ Гродеков Н. И. Через Афганистан... С. 28.

¹⁶⁶ Lee, L. J. The History of Maimana... P. 113.

¹⁶⁷ Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 197.

¹⁶⁸ Вамбери А. Путешествие по... С. 184–185.

¹⁶⁹ Lee, L. J. The History of Maimana... P. 113–118.

¹⁷⁰ Гродеков Н. И. Через Афганистан... С. 28.

больше не остался узбекским городом и включал арабов, аймаков, белуджей, начала расти и численность афганцев¹⁷¹.

В дальнейшем Маймана не стал показывать признаков восстановления и развития, более того, впал в ту же фазу, что и остальные города, теряя свое торговое и экономическое значение. К концу 70-х гг., по описанию Гродекова, город, когда-то имевший 25 тыс. жителей, лежал «в развалинах и едва насчитывает в себе десятую часть прежнего населения»¹⁷². Такую же характеристику городу дает член афганской разграничительной комиссии из числа английских офицеров лейтенант Ч. Э. Иет. По его личным наблюдениям, ко второй половине 80-х гг. город лежал в руинах, пригодных к жизни зданий осталось мало, а часть обитателей жила в кибитках. На базаре наблюдались убогие торговые точки, а численность постоянных жителей не превышала 2,5 тыс. семей. Здесь, как и в некоторых других городах, семьи кочевников и полукочевников, проводившие летний сезон в горах, в период холодов спускались в Майману и окрестные деревни. С появлением постоянного афганского военного гарнизона в городе многие из жителей поселились за его пределы¹⁷³.

В восточной и южной частях Афганистана важно отметить еще два города — **Газни** и **Джелалабад**. Население первого изначально представляло собой людей разных и смешанных национальностей. Белью сообщал, что город населяли афганцы различных племен, таджики, кызылбаши, имелось большое число хазарейцев и «на самом деле больше, чем можно найти в любой другой части страны». Газни не имел особого экономического значения, а небольшая торговля традиционно контролировалась индусами. Их Белью описывает «как процветающее или единственное процветающее сообщество, монополизирующее всю торгово-денежную деятельность района»¹⁷⁴. Обстановка Газни отличается от северных районов. Отсталость или слабое развитие торговли объясняется совсем другими, различными от северных районов, географическими и климатическими обстоятельствами, благодаря

¹⁷¹ Lee, L. J. The History of Maimana... P. 113–118.

¹⁷² Гродеков Н. И. Через Афганистан... С. 76.

¹⁷³ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 339.

¹⁷⁴ Bellew, H. W. Journal of... P. 187.

которым он в течение нескольких месяцев года отрезан от связи с прилегающими территориями. К ним он добавляет еще отсутствие поддержки со стороны правителей страны (возможно, автор имел в виду развитие коммуникаций с основными торговыми маршрутами). В отличие от Кундуза, сильные морозы и обильные снегопады становились причиной разрушений Газни, гибели большого числа людей. Эльфинстон отмечает, что снег дважды разрушил город, превратив для жильцов их дома в могилы¹⁷⁵. По численности населения Газни был средним для Афганистана городом. В нем насчитывалось 900 жилых домов, или 4,5 тыс. человек. В расположенном здесь гарнизоне находилась тысяча солдат. 200 хазарейцев приезжали в город в поисках работы или занимались торговлей шерстью или шерстяной одежды. Имелось еще 150 семей индусов из числа местных ростовщиков и торговцев. Все остальные жители — таджики, переселившиеся из других разных мест¹⁷⁶.

Джелалабад, расположенный к востоку от Кабула, несмотря на выгодное расположение на внутренних торговых путях и главных коридорах с Индией, состоял только из более 300 домов. Муркрофт, описывая очень плохое снабжение товарами, городской рынок уподобил сельским рынкам Индии¹⁷⁷. А. Бернс вслед дал не совсем положительную оценку хозяйственной и эпидемиологической обстановке в городе. Джелалабад, по его сообщениям, небольшой, но с самыми скверными санитарными условиями на всем Востоке город, имеющий базар из 50 торговых точек и население около 2 тыс. человек постоянных жителей. В холодное время года, когда в высокогорных местах температура сильно падает, их численность увеличивается в десять раз, так как скотоводы на зимовку стекаются в город¹⁷⁸. Возможно, по этой причине оце-

¹⁷⁵ Elphinstone, M. Vol. I. P. 182.

¹⁷⁶ Reports on parts of the Ghilzi country and on some of the tribes in the neighbourhood of Ghazni; and on the route from Ghazni to Dera Ismail Khan by the Ghalari Pass. Royal Geographical Society, Supplementary papers. V.I. Pt. 3. — L., 1885. P. 353.

¹⁷⁷ Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 358.

¹⁷⁸ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 122–123. Такая тенденция была характерна многим другим городам и населенным пунктам. Н. Ханьков, например, следующим образом описывает Сабзевар: «Летом город пустеет,

ночные данные другого автора, Г. Хэвлока, сильно отличаются от приведенных А. Бернсом. Согласно им, число жителей в городе — примерно 10 тыс. человек. Большую часть населения составляли таджики, а также хазарейцы и афганцы¹⁷⁹. Город на протяжении всего столетия оставался неразвитым, следовательно, и число жителей было неизменным. Г. Мельсон писал, что с момента захвата города англичанами в 1841 г. его облик ничуть не изменился¹⁸⁰. К 1886 г. в нем, как и в начале века, находилось 300 домов с населением около 2 тыс. человек¹⁸¹.

Согласно Эльфинстону, в Ташкургане имелось около 8 тыс. домов¹⁸², Бернсу — 10 тыс.,¹⁸³ к 1868 г. отечественные источники во всем бекстве Хульма насчитывали 300 тыс. человек, а на конец столетия из них осталось 70 тыс. жителей. В Ташкургане из ранее имевшихся 12 тыс. дворов к этому времени осталось только 7 тыс. Физическое состояние города, точнее, «многочисленные развалины вместо еще недавно цветущих селений и заброшенные кишлаки северного Туркестана» свидетельствовали «о недовольстве жителей афганским режимом»¹⁸⁴. По другим, вероятно, более точным данным по состоянию на 1886 г. во всем районе осталось 5,6 тыс. семей, или 28 тыс. душ¹⁸⁵.

ПОЛИТИКА КОЛОНИЗАЦИИ АФГАНСКОГО СЕВЕРА

Вынужденная миграция населения в соседние государства при Абдуррахман-хане происходила по двум основным причинам — давление при поддержке властей на этнической почве и натиск

жители переселяются в горы, и делают они это скорее по привычке к кочевому образу жизни, чем по необходимости, ибо, как мне говорили, здесь никогда не бывает слишком сильной жары» (Ханыков Н. Указ. соч. С. 133).

¹⁷⁹ Havelock, H. Narrative... P. 185.

¹⁸⁰ Malleon, G. B. History of... P. 11–12.

¹⁸¹ Mason, A. H. The Military Geography... P. 7; Gregorian, V. The Emergence... P. 148.

¹⁸² Elphinstone, M. Vol. II. P. 184. Изетт Улла тоже указывает на цифру 8 тыс. (домов), но только относит их к г. Хульм (Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah... P. 80).

¹⁸³ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 205–206.

¹⁸⁴ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 142.

¹⁸⁵ Barrow, E. G. Part II... P. 24.

налоговой политики. Таджикское и узбекское население северных районов, а также хазарейцы испытывали влияние обоих факторов. Отток жителей в правобережье Пянджа, Амударьи и более дальние районы начался с первых годов прихода эмира к власти. Из Бадахшана только за первые три года его правления 700 семей бежали в Куляб, Ярканд и другие места, и это продолжилось до последних лет властвования эмира. На юге и востоке налоговая политика явилась негативным явлением, приведшим к бегству, например, каждого десятого жителя Джелалабада. Она заставила покинуть страну не только малоимущих крестьян, но и более состоятельную группу населения из числа богатых земледельцев, кочевых племен, которые в большинстве случаев поселялись в приграничных районах Индии¹⁸⁶.

События, оказавшие не меньшее влияние на демографические процессы, начались в период правления эмира Абдурахман-хана (1880–1901 гг.) в результате проведенных им социально-экономических и политических реформ. Восстания и мятежи, особенно пуштунских племен, имевшие место в период его правления, являлись выражением недовольства налоговой и военной политикой власти. Эмир использовал любые силы и средства для подавления всех восстаний, в частности, были использованы силы регулярной армии, привлечены добровольцы. Мероприятия Абдурахман-хана, критиковавшего бухарского эмира за жестокое обращение с собственными подданными¹⁸⁷, сопровождались многочисленными человеческими жертвами, особенно мужской части населения. По его приказу были казнены тысячи человек из племени *андари*, а из их голов в Кабуле построили башню¹⁸⁸.

О заселении севера пуштунскими племенами районов юга и юго-востока Афганистана эмир размышлял с первых дней возвращения из Самарканда (1880 г.), но здесь важно отметить, что дальнейшее формирование характера его переселенческой политики подверглось определенному воздействию рекомендаций и советов английских офицеров из числа членов разграничительной комиссии.

¹⁸⁶ Kakar, M. H. Government and Society... P. 87–88.

¹⁸⁷ Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 192–193.

¹⁸⁸ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 660; 664.

Экономическая отсталость, неравномерное распределение населения, нехватка сельскохозяйственных угодий в одних регионах и переизбыток в других, продолжавшаяся политика номинальных правителей, отсутствие единого механизма государственного аппарата, недовольство пуштунских племен, ведущих самостоятельную жизнь, были теми главными вопросами, которые понадобилось решать. Эмир частично занимался вопросами хозяйственного значения, но главным образом был занят формированием сильной военной машины, созданием собственных оружейных предприятий, подсобной инфраструктуры для их обслуживания, на что направил значительную часть имевшихся в распоряжении небольших финансовых ресурсов.

Завоевания на уровне полунезависимых княжеств и правителей за рассматриваемый отрезок времени в конечном счете были нацелены на расширение источников поступления доходов правителей, точнее, численности налогоплательщиков. Никто из числа правителей не задумался об интенсивных методах развития подконтрольных территорий, изучении и внедрении опыта соседних стран.

Набеги одних племен на другие в пределах северного региона разрушали хозяйственные основы жителей, вынуждали их менять основное занятие, приносившее доходы. В результате набега (1877 г.) группы *фирузкухи* 250 узбекских хозяйств лишились всего имевшегося стада, а именно 3,5 тыс. голов мелкого и 300 крупного рогатого скота. Такая ситуация привела к отказу ими в дальнейшем от разведения домашнего скота¹⁸⁹. Важно отметить, что другими чуждыми для них промыслами, в частности, земледелием им сложно было заниматься. Таких примеров можно привести много, поскольку безвластие и анархия воцарились везде и повсюду.

Пожалуй, самым ярким примером после восстания хазарейцев (подробнее об этом ниже) служит продолжительный мятеж гильзаев, превратившийся в противостояние с войсками Абдулрахман-хана. Эмир максимально жестоко их умиротворил, многих лидеров, в частности из числа национальных героев второй

¹⁸⁹ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 136.

англо-афганской войны, казнили или посадили в тюрьму. По итогам людские потери племени гильзаев достигли 24 тыс. человек. О потерях армии и ополчений нет данных в источниках, но они, несомненно, были высокими. Человеческие жертвы сопровождались подрывом экономической основы племени. Гильзаи до такой степени были разорены, что им не хватило сил для дальнейшего противостояния¹⁹⁰.

Более масштабные мероприятия, изменившие этнический облик отдельных районов, связаны с переселением кочевых племен во второй половине 80-х гг. и названы в научной литературе политикой пуштунизации северных регионов Афганистана. Абдуррахман-хан был озабочен вопросом обеспечения и укрепления безопасности северных рубежей своих владений, расширения экономических возможностей государства. Для этого он решил из более густонаселенных и менее обеспеченных земельными ресурсами районов переселять жителей в менее заселенные, но более богатые плодородными угодьями приграничные с русским Туркестаном афганские районы. Изначально переселенческая политика коснулась непуштунских народов самого севера Афганистана и носила более мягкий характер. Эмир прислушивался к недовольствам, претензиям и просьбам коренных жителей, отменял решения или оставлял их на усмотрение местным властям. Позже, когда с воззванием обратился к пуштунским племенам переселяться в обозначенные им территории, тон постепенно начал меняться, особенно после возникновения время от времени конфликтов между переселенцами и местными жителями. Процесс переселения на свободные земли превратился в открытый захват земель северян. В то время как жители этих районов платили большие суммы в виде различных налогов государству, племена продолжали пользоваться льготами и привилегиями. Все это создало почву для роста ненависти и вражды между афганскими народами.

Абдуррахман-хан впервые в 1883 г. принял решение переселять в Бала-Мургаб хазарейцев, но столкнулся с негативной реакцией коренных жителей этих районов. Практика показала, что местное

¹⁹⁰ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 136.

население не было готово принимать даже тех, с кем давно обитало в одном регионе. Главы джамшидов, населявших район, написали письмо на имя губернатора Герата, в состав которого к тому времени входил Бала-Мургаб, и попросили пересмотреть данное решение. Джамшиды считали, что два разных народа, исповедующие два разных течения ислама и соперничающие друг с другом, даже в течение дня не смогут жить бок о бок в одном месте. Предупредили об опасениях роста в результате этого враждебных отношений между двумя народами, что в свою очередь могло бы привести к обратному нежелательному процессу, нежели развитие и процветанию района. В итоге эмир уполномочил губернатора на свое усмотрение заниматься решением этого вопроса. И вместо хазарейцев переселили тысячу хозяйств джамшидов¹⁹¹.

В начале 1885 г. Бала-Мургаб заселили 2 тыс. семей из числа джамшидов, хазарейцев, фирузкухи и сарыков¹⁹². В пределах гератской провинции, в состав которой входили эти районы, к 1886 г. в следующем количестве были представлены эти племена: джамшиды и хазарейцы Калаи-нау — по 4 тыс. семей, фирузкухи — 10,8 тыс., таймани — 20,2 тыс. семей¹⁹³. Но отложение решения относительно переселенцев из более отдаленных районов было лишь вопросом времени, и постепенно начали поселять туда представителей разных народов и племен. По оценкам Ханыкова, на этих территориях обитали 100 тыс. семей кипчаков, 12 тыс. — джамшидов, 60 тыс. — теймури и до 12 тыс. семей фирузкухи¹⁹⁴, что как в целом, так и по части первой группы кажется завышенным, но так или иначе говорит о колоритности этнической картины региона.

По другим данным, в первой половине XIX в. только в Бадгисе проживало 80 тыс. семей джамшидов, но после событий 1844 г., связанных с походом Яр Мухаммад-хана на эти области, 12 тыс. вместе с вождем племени переселились в Хиву и позже

¹⁹¹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 422.

¹⁹² Tapper, N. The Advent of Pashtūn Māldārs in North-Western Afghanistan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 36. No. 1 (1973). P. 55; 58; Kakar, M. H. Government and Society... P. 131–132.

¹⁹³ Barrow, E. G. Part III... P. 4.

¹⁹⁴ Ханыков Н. Указ. соч. С. 128.

вернулись обратно. В первые годы правления Абдурахман-хана в Бала-Мургабе расселились 30 тыс. семей джамшидов во главе с вождем Ялангтуш-ханом. Позже «во время работы англо-русской разграничительной комиссии по определению границы между русскими владениями и Афганистаном Ялангтуш-хан был заподозрен эмиром Абдурахман-ханом в сепаратных сношениях с русскими», что изменило дельнейшую судьбу его народа¹⁹⁵.

Эмир Абдурахман-хан был известен жестоким нравом, но, как показывают материалы источников, характер его переселенческой политики в определенной степени радикализировался под влиянием рекомендаций и советов членов английской разграничительной комиссии, по всей видимости, параллельно с демаркацией, выполнявшей и другие задачи. Как следует из доступных материалов членов комиссии, их внимание было сосредоточено на изучении этнических особенностей жителей афганского Туркестана. Ими допускались различные варианты укрепления северных границ Афганистана, вплоть до полного исключения наличия там коренных жителей из числа таджиков, узбеков, хазарейцев, джамшидов, туркменских племен, других народов. Ч. Э. Иет, один из вдохновителей этой идеи, в 1884 г. посоветовал эмиру заменить местные племена и народы пуштунами, чтобы обеспечить безопасность северных рубежей Афганистана в случае попыток проникновений со стороны России. Он порекомендовал заменить джамшидов пуштунскими племенами гильзаев, которые «вряд ли поддаются русскому влиянию». В результате афганский эмир к концу 1885 г. принял решение переселить местных жителей приграничной территории вглубь страны, а вместо них поселил туда 18 тыс. семей, большая часть которых были пуштунами¹⁹⁶.

Англичанам в двух англо-афганских войнах не удалось превратить Афганистан в полного вассала, и «угрозу» с севера решили сдерживать созданием буфера между Индией и русскими владениями. Укрепление границ для них было жизненно важным вопро-

¹⁹⁵ Народы Передней Азии (под редакцией Н. А. Кислякова, А. И. Першица). М., 1957. С. 125; Kakar, M. H. Government and Society... P. 132.

¹⁹⁶ Tapper, N. The Advent... P. 59–60.

сом¹⁹⁷, и в этом свете переселенческая политика Абдуррахман-хана вполне соответствовала интересам британской Индии. Во-первых, этим решили укрепить границы буферного государства с Россией, при необходимости используя их для решения поставленных задач, во-вторых, это послужило хорошим способом снижения напряженности в районах ближе к афгано-индийским рубежам, ослабления сопротивления на своем пути в случае очередного похода на Кабул. Англичане давно «положили глаз» на храбрых гильзаев и искали пути их использования в своих интересах¹⁹⁸.

Кочевников из племени *гильзаи* хотели расселять не только в разрушенных и опустошенных войной местах и районах, особенно вдоль северных границ, но и там, где жизнь была налажена. Выдвигались разные комбинации по отношению к местному населению для усиления северных афганских рубежей, чтобы противостоять и сдерживать Россию, но эмир вначале одобрял не все предложенные англичанами идеи, согласно которым коренное население, имевшее расположенность и хорошее отношение к русским, не должно было находиться у границ. Хорошим примером послужил район Пандждех (Panjdeh, Пендинский оазис), где к середине 80-х был расквартирован афганский военный гарнизон. По одним данным район насчитывал 16 тыс. человек (или 4 тыс. тентов)¹⁹⁹, по другим — 8 тыс.²⁰⁰ с ограниченными земель-

¹⁹⁷ «Любая великая держава, неспособная защитить свои границы, перестает быть великой; любая империя, которая пренебрегает этой важной обязанностью самосохранения, в конечном итоге будет свергнута. Индия, без охраны, с незащищенными горными перевалами на северо-западе, стала добычей азиатских грабителей; Рим пал, потому что его рвы не были достаточно сильны, чтобы сдерживать поток варварских набегов». Davies, C. C. The Problem of the North-West Frontier, 1890–1908: With A Survey of Policy Since 1849. — L.: Cambridge University Press, 1932. P. 2.

¹⁹⁸ Про гильзаев, например, один из английских военных специалистов пишет: «Гильзаи признаны самыми выносливыми и храбрыми в своей расе. С таким кланом и захватом одной части племени ... было бы вполне возможно, что английское правительство ... возглавило бы этих людей немногими избранными офицерами и свергло бы Шер Али с его трона, не применяя британские войска... Любые интриги, предпринимаемые Россией для втягивания англичан в Афганистан, будут полностью тщетными, когда мы для урегулирования своих планов за пределами нашей границы будем держать на службе войска или племена» (Messurier, A. Kandahar... P. 100).

¹⁹⁹ Russia's March towards India: By "an Indian Officer". Vol. II. — L., 1894. P. 209.

²⁰⁰ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 189.

ными ресурсами, не способными в полном объеме удовлетворять спрос местного населения на зерновые. Поэтому многие жители добровольно покидали район, переселяясь в другие места. Подозревая их в дружеских отношениях с русскими, генерал Ламсен в период работы разграничительной комиссии посоветовал эмиру изгнать сарыков в русский Туркестан, а вместо них заселять район представителями других этносов. Абдуррахман-хан отклонил такое предложение, назвав это нецелесообразным и вредным решением, и заявил в ответ, что об изгнании сарыков из Пандждеха не может быть и речи²⁰¹.

Разграничительную комиссию, с одной стороны, обеспокоили контакты, имевшие место между родственными этносами, проживавшими по обоим берегам реки Амударьи, с другой — восхитила ненависть, испытанная к иноверцам представителями пуштунских племен, готовность воевать против других, в данном случае России. Следовательно, правильным решением в такой ситуации считалось заселение кочевыми племенами всей протяженности северной границы, ибо «только неафганские племена, такие как узбеки Майманы, гератские хазарейцы и джамшиды и т. д., имеют разного рода связи с туркменами или русскими и общаются с ними, но будучи окруженными афганцами, они становятся безопасными»²⁰².

Ранее Эльфинстон и другие эмиссары дали характеристику как пуштунскими племенам, так и непуштунским народам, и среди последних нашли много положительных качеств с точки зрения военной науки. Велика была роль таджикского и узбекского населения в двух англо-афганских войнах, но в 80-х гг. подход стал односторонним и предвзятым из-за наблюдавшихся симпатий местного населения к «северному соседу», т. е. к России. Коренные непуштунские народы, кроме отношений к русским, не воспринимались еще наличием, в отличие от кочевых племен, спокойного и не совсем воинственного характера. В связи с этим старались максимально понизить их роль и важность в глазах как самих афганцев, так и английских военных руководителей. Узбеков севера

²⁰¹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 454.

²⁰² Lee, L. J. The 'Ancient Supremacy'... P. 483.

Афганистана, например, охарактеризовали не самыми хорошими качествами и считали неинтересными лишь по той причине, что среди них «не видел ни одного человека, носящего оружия, и они выглядят кем угодно, но только не воинами»²⁰³, хотя оценки других западных путешественников говорили об обратном²⁰⁴. В другом исследовании по поводу национального состава жителей афганского Туркестана писали, что «действительно, можно сказать, что все население — это узбеки, и они с радостью приветствовали бы русскую оккупацию»²⁰⁵.

Для более четкого описания характера этих народов сравнивали их с пуштунами. Например, Ч. Иет пишет, что «ничто не может быть более заметным, чем разница между гератцем и афганцем. Первый гораздо спокойнее и покорнее — совершенствующийся, как правило, чистый и простой, редко или никогда не вооруженный, и явно не обученный использованию оружия. Даже у местных всадников во время дежурства едва ли есть оружие при них, а если имеется, то оно имеет самое старое и гнилое описание»²⁰⁶.

После убийства английского посланника Н. Каваньяри в сентябре 1879 г. по всей стране начались волнения, в частности

²⁰³ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 130.

²⁰⁴ Следующую характеристику узбекам афганского севера дает А. Вамбери: «Что касается Майманы как крепости, то ни в простых городских стенах и рвах, ни в цитадели, находящейся в западной части города, мне не удалось увидеть ту исполинскую твердыню, которая смогла противостоять обученной по английскому образцу афганской артиллерии и всей мощи Дост Мухаммад-хана. ... Поэтому весьма вероятно, что прославленная сила Маймане заключается не в его стенах и рвах, а скорее в храбрости его защитников. В узбеке из Маймане с первого взгляда можно распознать бесстрашного наездника, и поспорить с ним мог бы только узбек из Шахрисабза. Решительный, воинственный характер жителей этого маленького ханства, да к тому же еще горный перевал у реки Мургаб всегда будут доставлять немало трудностей афганцам и прочим завоевателям, которым вздумалось бы подойти к Оксусу с юга» (Вамбери А. Путешествие по... С. 185).

²⁰⁵ Barrow, E. G. Part II... P. 37.

²⁰⁶ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 21. Такую же характеристику гератцам дал А. Гамильтон: «герати по природе не воинственны и мало интересуются военными атрибутами. Конечно, если бы выбор был предоставлен жителям Герата, они скорее покорились бы России, чем стали бы подвергать себя опасности и невзгодам войны... Разница между герати и афганским солдатом огромна. Солдат *герати* простой крестьянин, мало имеющий общего с военным делом, хотя его нелегко увидеть без навешанного на нем разнообразного оружия» (Гамильтон А. Указ. соч. С. 18).

Маймана намеревалась отойти к Бухаре. Англию сильно волновали происходившие в северных районах Афганистана события во время их повторного вторжения в эту страну²⁰⁷. Однако следует отметить, что население региона, искавшее всевозможные пути восстановления своей независимости от Кабула, действительно вынашивало сепаратистские замыслы, но предложения (местами ожидания) отдельных племен и народов по поводу вступления в союз против Кабула в разные годы поступали и англичанам²⁰⁸.

С завоеванием афганского Туркестана и вхождением его в состав единого Афганистана все местные правители регионов были Кабулом заменены на новых из числа пуштунов. Элиас в 1885 г. писал следующее о складывавшихся отношениях коренных жителей севера с покорителями региона: «мне кажется, что прежде всего необходимо, чтобы афганцы укрепили территорию, которую они теперь занимают в этих регионах. Для этого необходимо предпринять три основных шага: (1) определить границы в каждом направлении; (2) или примирить, или полностью держать в страхе недовольных жителей; (3) не предъявлять неловких притязаний на расширение территории, а скорее отказаться

²⁰⁷ Английские источники, в частности, писали: «Едва ли можно сомневаться в том, что афганский Туркестан отделится от Кабула и делается или одним самостоятельным государством, или, что вероятнее, группой отдельных ханств, причем, быть может, Маймана достанется Бухарскому эмиру. Едва ли можно сомневаться также в том, что весь Северный Афганистан, от Амударьи и вплоть до Гиндукуша, силою обстоятельств будет включен в сферу непосредственного влияния России. Сама Англия создала положение дел, в силу которого Россия получит в Средней Азии действительно «научную границу» (Соболев Л. Н. Страница из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря. Выпуск I. СПб.: Типография доктора М. А. Хана, 1880. С. 44–46; Арандаренко Г. А. Указ. соч. С. 502–511).

²⁰⁸ Мехди Кули-хан, вождь племени джамшидов, в адресованном английским властям в Индии письме от 20 декабря 1868 г. написал: «Мы не ладим с афганцами, и мы ждали, пока вы покончите с Шер Али-ханом, афганцем, чтобы потом мы могли похвастаться службой вам. Сэр, мы теперь слышали, что ваше правительство недружелюбно к Шер Али-хану и что он вернулся разочарованным после встречи с вице-королем и не смог уладить свои дела; поэтому мы, услышав такую новость, побеспокоили вас этим письмом. Если вам потребуется, напишите две строки нам — племени джамшиди и туркменам Мерва из Пандждеха, чтобы они могли стать источником доверия для этого лишенного друзей сообщества» (Narrative of recent events... P. 75). Также см.: Barrow, E. G. Part II. P. 5; Kakar, M. H. A political and diplomatic... P. 132.

от старых претензий... У них большой участок пустыни в горной области, разделенной на ряд мелких провинций... В этих провинциях живут люди, которые имеют мало или совсем ничего общего с афганцами и которые ненавидят их по двум причинам, составляющим вместе, возможно, самую сильную из форм вражды. Они, и таджики, и турки ненавидят их с позиции расовой принадлежности; и они ненавидят их как завоевателей. Опасный враг угрожает границе с одной стороны и держит в качестве гостей членов семей, готовых при появлении возможности пересечь границу и подстрекать своих недовольных соотечественников к мятежу»²⁰⁹.

Побуждение эмира переселять к границам подданных, испытывавших крайнюю ненависть и жаждавших войны с русскими, было для британской Индии лучшим способом, не требовавшим материальных затрат. Ч. Иет с восторгом писал о встрече с переселенцем из племени *гильзаи* в Бала-Мургабе, который «не имел ни семьи, ни чего-либо другого, что могло бы держать его на этом свете, его жизнь ничего для него не значила и все, о чем он мечтал, — умереть на войне против России»²¹⁰. Критерии и личные качества потенциального бойца, которого нужно было в случае необходимости использовать на отдаленных от индо-афганской границы участках, нашли у пуштунского воина. Эти идеи были необходимы для обоснования той мысли, что в случае вероятного конфликта афганцы могут стать надежной опорой и союзником англичан. Отдельные афганские военачальники заверяли

²⁰⁹ Gazetteer of Afghanistan. Part I... P. III–IV.

²¹⁰ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 218. Эти суждения касались не только гражданских лиц, но и служащих регулярной афганской армии из числа племен. О качествах афганского солдата он, в частности, следующим образом отзывался: «За прошедший год я много видел афганского солдата, и должен сказать, что чем больше я его вижу, тем больше он мне нравится. Он очень независим, и его часто считают угрюмым и невежливым из-за его привычки никогда не приветствовать незнакомца; но стоит однажды познакомиться с ним и увидеть, как он раскрывается под влиянием нескольких добрых слов... Хотелось бы, чтобы в наших рядах их было еще несколько. Я слышал, что афганец — нехороший воин, и, конечно, насколько я знаю, афганские регулярные войска никогда не выступали против нас... Посмотрите, как храбро время от времени против нас воевали нерегулярные войска. И почему бы эти люди не могли так же храбро сражаться за нас, как против нас?» (Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 225).

о готовности «сражаться бок о бок» против русских, а английские офицеры верили в искренность их слов²¹¹.

Пуштуны, жившие на приличном расстоянии от северных границ, имели скудные представления о России, и в этих условиях ненависть к совсем не знакомому им северному соседу является интересным моментом. Тем более готовность быть с теми, кто два раза попытался колонизировать Афганистан, подверг казни жителей Кабула и других мест, встать в один ряд против России, ни разу не совершавшей нападения на афганские земли. Не исключено, что это могло быть результатом антироссийской пропаганды британской Индии в пуштунских ареалах. С другой стороны, пуштунские кочевые племена имели такие же родственные и торговые отношения с индийской стороной, как таджики, узбеки и туркмены Афганистана с русскими владениями, положительно отзывавшимися о присутствии России в Центральной Азии.

Исторически значительная часть таджиков, узбеков и туркмен заселяла правый берег Амударьи, и жители левобережья, попавшие в Афганистане в положение нацменьшинств, тяготели к первым. Население афганского севера не скрывало свою симпатию и надеялось, «что движение русских Самаркандом не окончится и что рано или поздно они перейдут Аму и утвердятся на левом берегу этой реки». Сравнительно умеренная и спокойная жизнь, складывавшаяся на правобережье, выглядела заманчиво для населения афганского Туркестана: «слыша из тысячи уст русских мусульман, ежегодно приходивших в апреле месяце в Мазари-Шариф на поклонение могиле Али, о русских порядках и русской правде, о человеческом отношении к покоренным народам, узбеки не только не питают к нам никакого страха, но желают нас... Афганцам хорошо известно настроение покоренных и они крайне ревниво относятся ко всем людям, приходящим из русского Туркестана»²¹².

Переселенческая политика эмира образовала большие трудности как для переселенцев, так и для коренных жителей, сильно изменила численное соотношение народов региона, усилила на-

²¹¹ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 303.

²¹² Гродеков Н. И. Через Афганистан... С. 31–32.

пряженность между пуштунами и непуштунами²¹³. Абдуррахман-хан заключил, что «поскольку король афганец, то его соплеменники афганцы должны охранять рубежи»²¹⁴.

Действия, направленные на восстановление хозяйственной жизни, как было отмечено, изначально предпринимали в пределах самого региона. Ввиду того, что туркменские племена часто совершали набеги на афганские земли, в 1883 г. Абдуррахман-хан поручил губернатору Герата усилить гарнизон Бала-Мургаба дополнительными отрядами, стрелковым оружием, чтобы обеспечить безопасное проживание в этом районе. Переселять на окрестные свободные земли решили джамшидов и хазарейцев-шиитов, но наличие непростых этноконфессиональных отношений вызвало недовольство вождей племен фирузкухи, подстрекавших в свою очередь джамшидов против хазарейцев. Власти пошли на уступки и ограничились переселением только джамшидов²¹⁵. Обычно «железный эмир» на подобное поведение подданных реагировал жестко, но здесь он принял во внимание заслуги вождей джамшидов при взятии Герата и решил вопрос в их пользу. Кроме того, в этом случае разногласия имели место между двумя непуштунскими группами и, возможно, это тоже в некоторой степени сыграло свою роль, поскольку в случае с переселенцами с юга эмир мог поступить иначе.

Таким образом, началось постепенное перемещение населения относительно небольшими группами из разных областей Афганистана. Принудительное привлечение жителей более отдаленных районов в больших масштабах было вопросом времени, и в дальнейшем ускорился процесс заселения северных районов кочевыми скотоводами афганского юга и центрального региона. Внимание эмира, в отличие от англичан, главным образом было обращено на представителей его племени (дуррани). Обращаясь с воззванием к своим соплеменникам, он постарался убедить их в правильности решения выбрать в качестве постоянного ме-

²¹³ Окимбеков У. В. Колонизация Северного Афганистана и английская Разграничительная комиссия // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1(19). С. 25–33.

²¹⁴ Tapper, N. The Advent... P. 67.

²¹⁵ Катиб, Файз Мухаммад... С. 421–422.

ста проживания районы Бала-Мургаба и Бадгиса²¹⁶. На красочное и привлекательное обращение эмира из племен по собственному желанию никто не откликнулся, и в ход был пущен метод давления. Первую волну переселенцев из 1363 хозяйств племени ис-хакзай района Пушти-Руда отправили в принудительном порядке в сопровождении солдат.

Пушти-Руд действительно на первый взгляд казалась относительно густонаселенной областью афганского юга, включавшей четыре района с общим числом хозяйств в 83,86 тыс., большую часть которых составляли соплеменники эмира. В восточной части района Наузад имелось 15,95 тыс. семей, Заминдавара — 29,66, Гиришка — 18,25 и Гармсела — 20 тыс. семей. Чуть больше половины (43,31 тыс.) из них составляли оседлые земледельцы, остальные (40,55 тыс.) — кочевые скотоводы²¹⁷. Эмир желал видеть эти племена в афганском Туркестане, но те совсем не хотели покидать прежние места проживания²¹⁸. Проблема в этих и других районах заключалась не в перенаселенности, а в отсталости и неразвитости инфраструктуры, в первую очередь отсутствии оросительных

²¹⁶ Следующим образом Абдурахман-хан аргументирует собственное решение относительно переселения скотоводов в северные регионы страны: «В настоящее время идея, которая в течение семи лет была у меня на уме и принесла бы пользу и благо моим соплеменникам, заключается в следующем: я хочу наполнить Мургаб и Бадгис, входящие в состав Герата, моим народом и сделать их процветающими, чтобы, преодолевая трудности жизни, они могли добиться успеха. Поэтому места, на которые туркмены совершали набеги и грабили и, следовательно, разрушали и оставили без воды, теперь ... являются прекрасными пастбищами для скота ... и привлекательными местами для проживания людей... Для скотоводов (малдар) и земледельцев это и прекрасная луга, привлекательная с достаточной кормовой базой, и душераздирающая и ошеломляющая гавань для безземельных людей, райское место для заработка. Для владельцев скота это пастбище, полное трав и большого разнообразия цветов, которые Господь из-за своей безграничной заботы подарил нам. Следовательно, вас, кочевых скотоводов Пушти-Руда и Кандагара, уведомляем, что вам следует отправиться туда в поисках прибыли, остаться и жить там. Правительством будет вам предоставлен денежный аванс на такие расходы как приобретение крупного рогатого скота, семена, дорожные расходы, расходы на аренду вьючных животных. Начиная с третьего года, вы будете возвращать аванс, а затем, начиная с четвертого года, платить земельные налоги год за годом в соответствии с выдаваемыми налоговыми счетами, из расчета 25% на доходы от орошаемых и 10% от богарных земель» (Катиб, Файз Мухаммад... С. 511).

²¹⁷ Elles, E. R. The Military Geography... P. 13–14; Ap. A. P. 1.

²¹⁸ Tapper, N. The Advent... P. 67.

каналов, способных обеспечить растущие потребности в поливном земледелии, неиспользовании имевшихся земельно-водных ресурсов.

Принимающий регион в рамках заранее предусмотренных условий обязался предоставлять новым жильцам налоговые льготы и отсрочки на первые три года, необходимые средства на безвозмездной основе для ведения хозяйства. Все это в итоге ложилось тяжелым бременем на плечи местного бюджета: повышались размеры действовавших налогов, вводились новые поборы, что положило начало политике дискриминации в отношении коренного населения. Размеры земельного налога в регионе колебались «в зависимости от количества воды, употребляемой при орошении почвы, а также в зависимости от расы»²¹⁹.

Местное население, изначально негативно настроенное против такого решения, как и следовало ожидать, быстро приступило к действиям. Реакция проявлялась в том, что, несмотря на сопровождавшую кочевников охрану из 110 кавалеристов, в том же году в Бадгисе фирузкухи восстали и совершили организованный набег, закончившийся нанесением значительного материального ущерба хозяйству переселенцев. Атака совершалась 500 всадниками, в результате которой убитыми оставили 8 членов племени, а также унесли 9 тыс. овец, 150 верблюдов, 6 верховых лошадей и похитили одну молодую девушку. Еще 1,2 тыс. голов овец потеряли при пересечении реки, затем обосновались в окрестностях Шахрака и района Таймани. Не успокоившись этим, фирузкухи преследовали переселенцев и унесли еще два стада. События показывают, что это не было нападение отдельных групп, занимающихся разбоем, а реакция на появление переселенцев. Когда провинциальные власти для наказания отправили в Бадгис дополнительные 200 кавалеристов из числа афганцев и хазарейцев, к мятежникам присоединились еще другие племена фирузкухи. В итоге стягиванием дополнительных сил мятеж был подавлен²²⁰.

Реакция эмира на эти события отразилась в ответном письме вождю племени исхакзаев, в котором Абдурахман-хан, в частно-

²¹⁹ Рейснер И. М. Афганистан... С. 101.

²²⁰ Катиб, Файз Мухаммад... С. 562–564.

сти, писал: «если кочевники не могут на поле битвы противостоять четырем бродягам фирузкухи, как они собираются защитить регион в случае вторжения российского государства?»²²¹.

Принудительный процесс переселения пуштунов стал болезненным для них. Во-первых, климат северных районов не был привычен для выходцев из южных регионов Афганистана, что привело к гибели множества людей. Во-вторых, не все переселенцы были земледельцами, и многим не хватило навыков и желания заниматься новым для них видом хозяйствования²²².

Переселенцы, как и было обещано, на определенный срок освобождались от налогов, бесплатно получали основные жизненно важные средства и орудия труда для ведения сельскохозяйственных работ. Наряду с ними из числа коренных жителей исключением стали только туркмены, все остальные ощущали нагрузку повышения налоговых ставок и пошлин²²³. Такая политика в отношении туркмен была связана с их привлечением и удерживанием в Афганистане. Власти в этой связи начали снабжать их «некоторыми привилегиями. Так при первоначальном поселении на афганской территории с туркмена в течение трех лет почти не берется никаких пошлин; тяжёлые его дела решают в большинстве случаев в его пользу или совсем не разбирают, и, кроме того, ему же выдают семена для посева на отведенной земле»²²⁴.

В эти годы параллельно с внутренними процессами фиксировались случаи эмиграции на афганский север жителей Центральной Азии, которым эмир всячески старался оказывать почести и поддержку. В марте 1894 г. 500 семей казахов эмигрировали из Урганджа в афганский Гур, затем к ним присоединились еще 30

²²¹ Там же. С. 567.

²²² Массон В.М., Ромодин В.А. Указ. соч. Т. II. М., 1965. С. 279–280.

²²³ «Афганские туркмены гораздо зажиточнее бухарских. Они уже более 10 лет заселяют левый берег Аму и число их с каждым годом увеличивается. Афганское правительство ничего не жалеет, чтобы только приучить переселившихся на Амударью туркмен к оседлой жизни и, пользуясь их воинственными наклонностями, образовало из них род военных поселян, обязанных являться вооруженными на службу по первому призыву» (Мазов С. Восточная Бухара, Бадахшан и северный Афганистан (по чужим и своим наблюдениям и заметкам) // Русское дело. 1886. № 18).

²²⁴ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 144.

семей. Эмир приказал губернатору выделить от имени афганского правительства всем домохозяйствам суточные, деньги на семена, а также землю для обработки и ведения хозяйства. Но в итоге, как отмечает М. Катиб, эти люди в ответ на милость эмира демонстрировали неблагодарность «и вернулись в свои родные дома из-за верности российским властям»²²⁵.

Как частично отмечалось, афганские правители в разные периоды проводили подобную переселенческую политику, но масштабы 80-х гг. были беспрецедентными, существенно изменили этническую картину региона, оказывали негативное влияние на социально-экономическую и политическую жизнь местных племен и народов, многие из которых потеряли не только свои земли, но вынуждались массами уехать в другие места и территории. Ч. Иет, в частности, писал: «Я видел, как из Бала-Мургаба джамшиды массами возвращались в Кушку, а их места собирались занять афганские кочевники, которые в количестве до 2 тыс. семей находились в ожидании на той стороне реки... По возвращению через неделю в Бала-Мургаб я не обнаружил там ни одного человека из числа джамшидов»²²⁶.

В источниках встречаются разные данные относительно численности переселенных на север хозяйств²²⁷. Также отметим, что этот процесс коснулся не только жителей юга и юго-востока, но и столичного региона. В частности, из Кабула осенью 1885 г. около 7 тыс. семей были отправлены в Майману²²⁸, численность хозяйств которого в этот момент составляла 10 тыс. семей (половина из них — узбеки)²²⁹. Таджики и узбеки, как уже было отмечено, все еще преобладали в большинстве других районов. В Сари-Пуле из 9,7 тыс. семей или 50 тыс. душ одна половина пришлась на долю узбеков, значительная часть второй половины — таджиков²³⁰. В 1884 г. Мургаб населяли около 2 тыс. хозяйств джамшидов, фирзукухи и хазарейцев, а к 90-м гг. их численность существенно

²²⁵ Катиб, Файз Мухаммад... С. 968.

²²⁶ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 216–217.

²²⁷ Lee, L. J. The 'Ancient Supremacy'... P. 480–490.

²²⁸ Tapper, N. The Advent... P. 61.

²²⁹ Barrow, E. G. Part II... P. 24.

²³⁰ Ibid. P. 36.

сократилась, и большинство жителей составляли представители племени *гильзаи*, гератские пуштуны²³¹.

Политика колонизации началась с призывов к решению экономических и политических задач национального масштаба, но в итоге в большей степени сосредоточилась на внутривнутриполитических и имущественных вопросах регионального уровня. На практике процесс характеризовался экспроприацией собственности таджиков, узбеков и других народов пуштунами. Произошло принудительное отчуждение наиболее плодородных земель местного населения, «которые раздавались афганским *сардарам* и офицерам. Этим эмир преследовал две цели: с одной стороны, он покупал себе сторонников среди влиятельных *сардаров*, а с другой стороны, на севере создавалось ядро афганских колонистов, могущих послужить кабульскому правительству надежной опорой в случае волнений»²³².

В результате «значительное количество узбекского населения бросило обжитые места и ушло либо на правый берег Амударьи, либо в горы Гиндукуша. Позднее в результате резкого повышения земельного налога бегство узбеков приняло еще большие размеры»²³³. Миграция населения не ограничивалась пределами Афганистана, «поборы с населения в афганском Туркестане ложатся тяжким бременем на население, которое недовольно существующими порядками и ропщет на свое правительство. Эмиграция как отдельных лиц, так целых семейств и кишлаков в Бухару — явление не редкое. Вообще со времени появления в стране афганцев население ее сильно поредело»²³⁴. Из числа жителей Талукана 658 семей убежали в русские владения из-за налоговой задолженности. Эмир просил успокоить всех и дал обещания, но несмотря на все усилия, из-за испытанных трудностей никто обратно не вернулся²³⁵. Часть джамшидов, заподозренных в сношениях с русскими, в свою очередь принудили

²³¹ Barrow, E. G. Part III. P. 11.

²³² Станишевский А. Афганистан. — М.: Государственное военное издательство наркомата обороны союза ССР, 1940. С. 35.

²³³ Народы передней Азии... С. 156.

²³⁴ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 141.

²³⁵ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1062.

массой покинуть Бала-Мургаб, а их места предоставили кочевым скотоводам²³⁶.

Численность джамшидов сильно уменьшилась не только в Бадгисе, но и по всей стране. К 90-м гг. их число оценивалось в 15 тыс. человек, из которых только четвертая часть жила на прежних территориях. На убыль пошли также другие районы и племена. В 1884 г. только в Калаи-Нау имелось 4 тыс. семей хазарейцев (ча-раймака), в Мургабе 2 тыс. семей (смешанное население из числа джамшидов, хазарейцев и фирузкухи). Впоследствии большая их часть либо сама переселилась в другие места, либо была вытеснена афганцами²³⁷.

Интенсивность проведенного процесса пуштунизации севера и северо-запада страны несколько встревожила даже вице-короля британской Индии, опасавшегося, что такая стремительность событий могла бы стать предлогом для вторжения русских. Эмир в ответе от 1887 г. писал, что «хотел бы увидеть границы Герата укомплектованными и расставленными не только регулярной армией, но также и своими соплеменниками из числа дуррани» и добавлял, что только в течение того же года с той стороны Гильменда были переселены 8 тыс. семей, однако позже он был разочарован, узнав, что фактическое число составляло 3 тыс., из которых только 500 семей были дуррани, все остальные — пуштуны других племен, представители других народов²³⁸.

Часть пуштунских племен, не выносившая непривычный жаркий и нездоровый климат севера, вернулась в прежние места обитания, а другая искала выход из ситуации путем обращения к самому эмиру. В 1887 г. вождь племени исхакзаи, поселенного в Бадгис и Герат, в своем письме на имя эмира перечислил имевшие место для скотоводов проблемы. Первым делом в Бадгисе речь шла о нехватке питьевой воды в весенний и летний период, ограниченности естественных кормовых угодий. Другой, более серьезной проблемой указали насекомых-распространителей инфекционных заболеваний, ставших не только причиной роста смертности среди жителей, но и падежа скота, особенно вьюч-

²³⁶ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 216–217.

²³⁷ Barrow E. G. Part III. P. 10–11.

²³⁸ Tapper, N. The Advent... P. 67.

ного. Кроме того, районы, пригодные для нормальной жизни и ведения хозяйства, имели ограниченный потенциал — обладали хорошей, но недостаточной кормовой базой (были способны содержать только более 200 домохозяйств). Исходя из этих аргументов, вождь предложил предоставить это место хозяйствам, не занимавшимся отгонным скотоводством, а имевшим только домашний скот²³⁹.

Очередное обращение к жителям Афганистана Абдуррахман-хан издал в 1890 г., в котором выразил желание поселить в афганский Туркестан до 30 тыс. семей. Примечательно, что к этому времени началась новая фаза процесса: племена добровольно начали направляться на север. Такая тенденция была вызвана несколькими факторами: «многие скотоводы, сбжавшие в 1887 г. обратно в Пушти-Руд и Фарах, теперь постепенно по собственному желанию начали возвращаться в пограничные районы. Различные факторы склонили их к этому: угнетение на родной земле, продолжавшаяся и громко заявленная заинтересованность эмира сделать доступным северо-запад, и тот факт, что им уже были обозначены готовые места в приграничных регионах... Действительно, многие скотоводы, прибывшие на север, констатировали наличие потенциала богатых пастбищ по сравнению с теми, что имелись в их родных землях» и, несомненно, привлекала их близость рынков российской территории, особенно в Пандждехе, где спешно начали торговать зерном, скотом и скотоводческой продукцией. В этом они косвенно поощрялись налогами и транзитными пошлинами на торговлю внутри Афганистана²⁴⁰.

Эмир стремился максимально использовать все доступные средства и возможности колонизировать регион. Потенциальных кандидатов на переселение искал не только среди пуштунов Афганистана, но и племен за его пределами. В прокламации на имя вождей племени *насер*, проживавших в английских владениях и часто совершавших набеги на афганскую территорию, условием их возвращения называлось согласие на отправку каждого десятого хозяйства в Каттаган. И в этом случае наряду с ма-

²³⁹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 567.

²⁴⁰ Tapper, N. The Advent... P. 71.

териальной пользой заметно стремление укрепить границы более сильными племенами, которые, в отличие от слабых, не приносили бы проблем²⁴¹.

Процесс пуштунизации севера Афганистана постепенно ограничил доступ к земельным ресурсам местному населению, следовательно, привел к сокращению его численности, доведению жителей до крайней нищеты, опустошению целых населенных пунктов. Переселение 16 тыс. семей из числа представителей племени дуррани и ахмадзаи по приказу эмира привело к тому, что хазарейцы Малистана, Дай-Занги, Аджристана и Урузгана массово покидали свои дома, эмигрировав в Мешхед и Кветту. Эмир на эти процессы смотрел спокойно, и более того — предложил желающим поселиться на освобожденные земли, обещал налоговые льготы, а в первый год полное освобождение от подоходного налога²⁴². Только в бухарский Дарваз на протяжении 80–90-х гг. перешли около 30 тыс. семей афганских таджиков, продолжались восстания и недовольства²⁴³.

Влияние восстаний на национальные отношения и динамику численности населения регионов

Афганские правители часто применяли силу для подавления мятежей, за что Абдурахман-ханом периодически подвергались критике его предшественники. Он, например, утверждал, что при эмире Шер Али-хане введенная система штрафов за убийство человека могла только поощрять и способствовать, нежели препятствовать росту преступности²⁴⁴.

²⁴¹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 671–673.

²⁴² Kakar, M. H. *Afghanistan: A Study*... P. 174.

²⁴³ Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века). — М.: Восточная литература, 1958. С. 93–94.

²⁴⁴ Абдурахман-хан, в частности, отмечает: «отчеты правителя, которые теперь в руках моих чиновников, указывают, что за убийство человека назначался штраф всего только в 50 рупий, так что жизнь мужчины или женщины была дешевле, чем жизнь овцы или коровы. Вследствие такой распушенности от одной маленькой области Наджраб, в которой всего лишь 20000 семейств, штрафы, поступавшие тогда в руки правителя, доходили ежегодно до 50000 рупий, т. е. в год совершалось 1000 убийств» (Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 303).

В этом разделе особо отметим ситуацию вокруг хазарейских племен, у которых сложилась крайне тяжелая судьба вследствие походов Абдуррахман-хана в районы их компактного проживания²⁴⁵. Отношение к центральной власти у хазарейцев изначально было негативным, что возможно, было связано с притеснениями в Кандагаре и других местах. Следовательно, при удобном случае они наносили материальный урон, уничтожая или унося имущество пуштунов. При первой англо-афганской войне они в отдельных случаях активно помогали англичанам, занимались грабежами и продажей скота по предельно низким ценам солдатам английской армии²⁴⁶.

Военные конфликты в разные годы рассматриваемого столетия привели к большим прямым или косвенным потерям среди мужского населения Афганистана. До 25% афганских военнослужащих либо погибло в ходе всяких войн, либо выбрало службу в Персии и Индии²⁴⁷. Но война против хазарейцев отличалась жестокостью, кровопролитием и негативно сказывалась на демографии этого народа, а также национальных отношениях²⁴⁸.

География расселения хазарейцев была обширной, охватывая многие большие города и районы, местами они компактно заселяли центральные области. Район проживания этого народа занял восточную часть треугольного пространства между Гератом, Кандагаром и Газни, плотно занятого горами²⁴⁹. В одних местах они составляли все население, в других — жили по соседству с другими народами и племенами. По некоторым населенным пунктам

²⁴⁵ О взаимоотношениях хазарейцев с центральной властью подробнее см.: Темирханов Л. Хазарейцы (очерки новой истории). — М.: Наука, 1972. С. 70–83.

²⁴⁶ Stacy, L. R. The narrative of Lieutenant Colonel L. R. Stacy, C.B., Bengal Native Infantry, whilst in the Brahooe Camp, inducing the submission of Nasseer Khan, only son of the late Meer Meerab Khan, khan of Khelat; and in the subsequent operations of General Nott's army in its march to and its return from Kabul. — From the Serampore Press, 1844. P. 125.

²⁴⁷ Ferrier, J. P. History... P. 300.

²⁴⁸ М. Катиб, написавший свою работу под пристальным наблюдением и редакцией придворных чиновников, в частности, самого эмира Хабибуллы-хана, не смог местами скрывать свое сочувствие к представителям своего народа. Афганский историк М. Губар писал, что «жестокость эмира в отношении Хазараджата была беспрецедентной в истории страны, если не считать нападение Чингисхана» (Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 670).

²⁴⁹ Reports on parts of the Ghilzi country... P. 344.

по состоянию на середину 80-х гг. имеются следующие данные: Чарикар — 3 тыс. семей таджиков, узбеков, хазарейцев, кзылба-шев и сикхов (последние состоят из 150 семей), Гурбанд — 5 тыс. семей (хазарейцы Шейх-Али), 2 тыс. афганцев, Бамиан — 4310 семей (4\5 населения хазарейцы), Якауланг — 3 тыс. семей (все хазарейцы племени сеид), Дай-Занги — 11 тыс. семей (все хазарейцы), Бехсуд — 15 тыс. семей, или около 50 тыс. человек (все хазарейцы), Хазараджат (за исключением Бехсуд и Дай-Занги) — 77,5 тыс. семей, а именно 11 тыс. — Дай-Кунди, 44,5 тыс. — независимые хазарейцы, 22 тыс. — хазарейцы Газни²⁵⁰.

Первый этап подчинения хазарейцев посредством создания на местах структур центральной власти принес определенные плоды, однако не все племена приняли новые условия, включавшие прежде всего социально-экономические мероприятия, направленные на предоставление местным правителям пособий, должностей и титулов. В основном они затрагивали жителей Бехсуда и Дайзанги. Уже к 1886 г. хазарейские племена платили все виды взимаемых налогов (земельный налог, налог с домашнего скота, брачные сборы). Ставки отличались в зависимости от ареала проживания того или иного племени. В Бехсуде (по другим данным 13 тыс. семей), Даймардаде (4370 семей) и Шейх-Али она составила 1/10 от сельскохозяйственной продукции. Жители других местностей, таких как Мухаммад-хаджа (3330 семей), Балхаб (10,4 тыс.), Дайзанги и Дайкунди (по данным другого источника — 11010 семей) платили фиксированную сумму либо на землю, либо на семью. Оставшаяся часть племен, проживавших в Паси-кух (за горами) Урузгана (44 тыс. семей), игнорировали центральную власть и отказались платить налоги²⁵¹.

Из писем Абдуррахман-хана в адрес хазарейцев следует, что изначально переговоры велись языком дипломатии с призывом признать и принять центральную власть, платить налоги, исполнять указания. Присвоение титулов хазарейским *мирам*, назначения официальными представителями власти в местах компактного проживания — вот некоторые меры, предприня-

²⁵⁰ Mason, A. H. The Military Geography... P. 18; 19; 20; 22; 24.

²⁵¹ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 163.

тые эмиром с целью получения полной покорности всего населения районов²⁵².

Ускорение негативных тенденций в двусторонних отношениях произошло с размещением в Бехсуде военного гарнизона, вследствие чего участился со стороны назначенных центром чиновников и офицеров произвол, приведший к столкновениям с местным населением. Эмир особо не стал разбираться в деталях произошедшего и возложил всю полноту ответственности на местное население, что показывает намеренность в действиях властей спровоцировать и подтолкнуть хазарейцев к восстанию²⁵³. Со стороны Абдурахман-хана в адрес хазарейцев несколько раз поступали предупреждения, но в отношении представителей власти, кроме отдельных случаев, носивших чисто формальный характер, а также фиксации иного характера нарушений и преступлений никаких серьезных мер не предпринималось. поэтапно эмир менял тон речи в фирманах и в итоге заговорил о серьезных последствиях для жителей региона²⁵⁴.

²⁵² Катиб, Файз Мухаммад... С. 543.

²⁵³ Это косвенно подтверждается словами Абдурахман-хана, сформулировавшего значение для его государства, а также причины войны против хазарейцев: «Я полагаю, что после этой войны государство выиграло в отношении престижа, силы и власти больше, чем от какой-нибудь другой войны по следующим причинам: 1) в течение многих веков хазарейцы были ужасом для кабульских правителей; даже великий Надир, покоритель Афганистана, Индии и Персии, не был в состоянии управиться с этими смутьянами. 2) Хазарейцы всегда тревожили путешественников в северных, южных и западных областях Афганистана, и когда разбоям положен был конец, то в стране водворились мир и порядок. 3) Хазарейцы всегда готовы были присоединиться ко всякому иноземному завоевателю, потому что они считают афганцев неверными: хазарейцы шииты, а афганцы сунниты.» (Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 364–365).

²⁵⁴ В начале 1888 г. эмир написал в адрес всех хазарейцев письмо с призывом проявить покорность власти: «...Верховный обладатель власти предоставил нам положение превосходства и звание падишаха только для управления страной, обеспечения спокойствия молящихся, улучшения состояния подданных и жизни людей. Следовательно, мы приняли в качестве нашего торжественного обязательства относиться ко всем людям, живущим в королевстве Афганистана — афганцам, хазарейцам, кызылбашам, таджикам и индуистам — с добротой и любовью, чтобы заботиться о жизни всех людей, наставлять их в повседневной работе, навести порядок во всех делах ближних и дальних. Если бы мы допустили различие между афганцами и хазарейцами, имеющими одну и ту же киблу, являющимися уммой одного пророка (мир ему) и последователями одной и той же книги, конеч-

Встречается разного рода информация в официальных источниках о причинах обострения ситуации. Абдуррахман-хан обвинял хазарейцев в возобновлении набегов на караваны и путников, и действительно такие случаи на протяжении 80-х гг. продолжали иметь место²⁵⁵, о чем свидетельствуют материалы переписки английского агента, сообщавшего о фактах грабежей в районах проживания хазарейцев, столкновениях между племенами или районами проживания народа. Сам эмир сообщает о случаях, допущенных весной 1891 г. со стороны хазарейцев и последовавших предупреждений официальным письмом военачальника гарнизона Газни. Здесь интересным фактом, если верить словам эмира, является реакция хазарейцев на призыв афганских чиновников сохранить имидж порядочных людей в глазах четырех соседних Афганистану государств, на что якобы был получен ответ, в котором первые

но, в день расплаты перед владыкой религии и книги мы постыдимся и не сможем ответить (за свои поступки). Следовательно, мы действительно не ставим различие между вами ... и афганцами и подобно афганцам считаем вас собственным народом, племенем, друзьями и подданными. Также заботу о вас считаем обязательством перед Богом и Его пророком. Считаем обязательством право сбора *закята* с вашего имущества и денег, что причитается Богу и пророку и вносится в байт-аль-мал мусульман, дабы использовать на развитие и прославление религии, общины и правительства ислама. Мы не можем пренебрегать нашим торжественным и необходимым долгом. До этого момента я ссылался на слова Священного закона и книги и хочу, чтобы вы также знали законы политики, норм и правил царей и царства. Существует ли какой-нибудь султан или падишах в какой-нибудь стране или королевстве, где горсть немощных домохозяйств объявили бы себя непокорными и обладали бы силой, чтобы поднять голову, а падишах проявлял бы небрежность и не проявлял бы гордость, был бы неспособен сделать их покорными подданными и тем самым не смог бы стереть это дурное имя со страниц своего царства? Поскольку такого никогда не было и не будет, в соответствии с желанием и идеей, которые у нас есть, сначала путем доброты, благосклонности и примирения призываем вас, вашу родословную и племя к послушанию и на правильный путь. Если это не сработает, мы обрушимся на вас с силой, жестокостью и карательной армией протрем вам уши и насильно сделаем вас покорными... Мы прикажем мобилизовать могучие полки по всей стране и будем следить за тем, что вы делаете. Либо вы дадите себе доброе имя перед Богом и Его пророком, гордитесь властью и народом ислама, либо, вступив на путь подстрекательства и заблуждения, вы восстанете. В любом случае, какой бы путь вы ни выбрали, я тоже готов» (Катиб, Файз Мухаммад... С. 583).

²⁵⁵ Темирханов Л. Указ. соч. С. 84–88.

подчеркнули свое религиозное отличие и прямо заявили о себе как о соседнем государстве²⁵⁶.

Абдурахман-хан, озабоченный политикой экспансии соседних держав, резко реагировал на малейшие сепаратистские настроения в пределах собственного государства. Следовательно, демонстрация силы с целью подчинения всех территорий могла стать другим мотивом жесткого подавления хазарейцев²⁵⁷. Ареалы проживания хазарейцев находились на приличном расстоянии от приграничных районов и никак, в отличие, скажем, от афганского Туркестана, не могли позволить им претендовать на независимость от Кабула, но их неповиновение могло служить не совсем хорошим примером для других народов Афганистана.

Таким образом, компактное проживание конкретного народа в конкретно взятом регионе, особенно приграничном, рассматривалось эмиром как угроза безопасности центральной власти. Следовательно, походы под предлогом подавления восстаний, а впоследствии за ними переселение и высылка народов в разные уголки страны выступали лишь методами снижения влияния на местах, ослабления позиции недовольных центром этносов и племен.

На уровне двора, по мнению М. Катиба, чиновниками скрывались масштабы набиравших обороты бесчинств и произвола в отношении хазарейцев, особенно солдатами регулярной

²⁵⁶ По утверждению эмира, под печатью нескольких десятков хазарейских вождей поступило письмо следующего содержания: «Если вы, афганцы, горды поддержкой вашего временного эмира, то мы еще больше горды поддержкой нашего духовного эмира, который является хозяином меча Зульфикара. ... И почему вы, афганцы, говорите в вашем письме про „четыре соседние державы“, а не про пять, чтобы включить и нас? Советуем вам ... убраться от нас» (Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 369).

²⁵⁷ «Главным мотивом, побудившим Его Высочество к покорению хазарейцев Урузгана, было продолжающееся расширение территории Великобритании и России с обеих сторон Афганистана. Его Высочество настоятельно призвал, что, если хазарейцы Урузгана не будут покорены, эти иностранные правительства решат, что афганское правительство не способно подчинить обычное племя хазарейцев, следовательно, они могут оказать лишь незначительное сопротивление таким могущественным правительствам, как британское и русское» (*"Diaries of Kandahar"* (1884–1905) / Hazars In the View of British Diaries. P. 15. <https://www.hazarainternational.com/2010/07/01/diaries-of-kandahar-1884-%E2%80%931905-hazaras-in-the-view-of-british-diaries/> (дата обращения: 18.06.2023)).

армии²⁵⁸, что все больше нагнетало обстановку. Сардар Абдул Куддус-хан, родственник эмира и близкий ему человек играл непосредственную роль в этом вопросе. С одной стороны националистические, с другой радикальные религиозные взгляды в сумме превратили хазарейцев-шиитов и непуштунов в идеальную жертву²⁵⁹. Кровные связи с эмиром, верность, преданность и заслуги в период прихода к власти дали возможность завоевать доверие Абдуллахман-хана и усилить ненависть к хазарейцам²⁶⁰. Не исключено, что эмир целенаправленно выбрал именно такого человека, чтобы создать прецедент для полномасштабного вторжения и окончательного покорения хазарейцев.

Эмир, заручившись поддержкой клерков и *улемов*, в 1892 г. узаконил свое решение с точки зрения религии и, издав *фетву*, объявил хазарейцев «неверными», заслуживающими смерти. Началась кампания по работе над формированием общественного мнения, в частности настроя регулярной армии, привлечения дополнительных сил для похода в Хазараджат. Кроме придачи войне религиозного оттенка, солдатам регулярной армии и ополчениям из числа племен дуррани и гильзаев предоставлялась свобода действий в отношении имущества и земель хазарейцев. Задача перед ними была поставлена эмиром ясно: «головы мне, все имущество — ваше»²⁶¹. В итоге было собрано самое большое число за

²⁵⁸ М. Катиб по этому поводу пишет: «что касается тирании и притеснения со стороны солдат армии, то не было издано ни одного фирмана, приказывающего им прекратить и воздерживаться (от своих действий). Это произошло из-за халатности со стороны придворных писцов. Сардар никогда никому не говорил о притеснениях, поэтому они стали еще более жестокими и агрессивными» (Катиб, Файз Мухаммад... С. 760–761).

²⁵⁹ Lee, L. J. Afghanistan: A History... P. 397.

²⁶⁰ Абдул Куддус-хан был сыном Сардара Султана Мухаммада-хана, брата эмира Дост Мухаммада-хана. Родился около 1845 г. Находился в изгнании с Абдуллахман-ханом и по его возвращении был назначен помощником в правительстве *сардара* Мухаммада Исхак-хана, губернатора Туркестана. Играл большую роль при захвате Герата у Айюб-хана в 1881 г. Англичане дали ему прозвище «Тор в политике». Был сторонником идеи Афганистан для афганцев. В 1919 г. стал премьер-министром Афганистана. В марте 1920 г. вернулся в Кандагар, а после выхода на пенсию сохранил за собой почетное звание *садри-аъзам* (премьер-министр). Adamec, L. W. Historical and Political Who's Who of Afghanistan. — Graz, 1975. P. 100–101.

²⁶¹ Ferdinand, K. Nomad Expansion and Commerce in Central Afghanistan: A Sketch of Some Modern Trends // FOLK-Dansk etnografisk tidsskrift. 1962. No. 4. P. 128.

весь период правления Абдуррахман-хана солдат и ополченцев — до 100 тыс. человек²⁶², в частности, около 40 тыс. рекрутов из числа племен²⁶³. М. Губар сообщает, что дополнительные силы в принудительной форме привлекались из числа жителей разных регионов, что усилило вражду и ненависть между этническими народами и племенами.

Пример покорения Хазараджата и других регионов показывает намеренность использования Абдуррахман-ханом представителей разных этносов и племен друг против друга в подавлении восстаний, что усилило взаимную ненависть и позволило управлять страной по принципу разделяй и властвуй. Максимальное давление применялось для окончательного лишения сил, средств, иных возможностей, желания впредь оказывать сопротивление, в конечном счете смешивать подданных, а по возможности ассимилировать, что негативным образом сказывалось на динамике численности как отдельно взятых этносов, так и всего афганского населения.

В Хазараджате и раньше практиковалась племенными *мирами* торговля собственными жителями, но в рассматриваемом отрезке времени местная власть и офицеры, представители других народов, прежде всего пуштунов, загоняли хазарейцев в положение, при котором ничего другого не оставалось, кроме как пойти на такой крайний шаг, предлагать членов семей²⁶⁴.

²⁶² Kakar, M.H. A political and diplomatic... P. 132; 135.

²⁶³ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 165.

²⁶⁴ Армия целенаправленно лишала жителей всех оставшихся в наличии средств к существованию, даже тех, кто после заверения и прокламации эмира вернулись обратно в свои места постоянного жительства. Автор «Сирадж-ут-таварих», в частности, по этому поводу пишет: «Также в это время комендант Фатх Мухаммад-хан Панджшири, командовавший полком укрепления Даях в Хаджаристане, распускав руки, начал преследовать и терзать хазарейцев, которые возвращались в свои дома и снова устраивались после королевских заверений и издания прокламаций, и выживали благодаря сбору семян из лошадиного помета. Он начал вырубать деревья, пережившие нападения армии, используя в качестве дров для нужд армейского лагеря, а также снял двери и дерево с крыш некоторых домов, которые не были повреждены огнем, и таким образом уничтожил их. Несмотря на то, что эти люди были полностью обездолены, он также возложил на них обязанность обеспечить *харвары* масла, сотни овец, ячмень, солому и другие вещи в качестве реквизиций для армии. Он назначил сборщиков, полагая, что, возможно, хазарейцы, лишившиеся абсолютно всех видов средств, отдадут своих жен и дочерей солдатам вместо того, что было реквизировано. Хазарейцы не видели иного выхода, кроме как отдать своих жен и дочерей, и рынок купли-продажи человеческой плоти стал активным» (Катиб, Файз Мухаммад... С. 855).

Следует отметить, что методы подавления восстаний регулярной армией, примененные по отношению к хазарейцам, не отличались своей жестокостью от тех, что использовались в других местах. После поражения Исхак-хана, например, его сторонники и родственники преследовались и истреблялись не только внутри Афганистана, но и за пределами страны. Восстание жителей Дарваза 1897 г. против войск привело к потерям 500 человек из числа населения и 40 военных. Кроме людских потерь, в ходе жестокого подавления местное население полностью лишалось домашнего скота, включая вьючных животных, вынуждалось платить контрибуцию²⁶⁵. У мятежников племен *андари*, *харрути* и *лохани* в Карабаге конфисковывались земли в пользу хазарейцев, принимавших участие в походе. При закупке пшеницы у населения для государственных нужд у пуштунского племени *андари* и у таджиков приобреталось на половину четверти больше за каждую рупию²⁶⁶.

Хотя на официальном уровне поход в Хазараджат объявлялся эмиром священной войной, не все афганское население, в том числе представители суннитского течения ислама, поддержало ее. К рядам хазарейцев для борьбы против правительственных войск присоединились и представители пуштунских племен²⁶⁷. Другая часть, заинтересованная в получении добычи и трофеев, преследовала чисто материальные цели, третья группа, в частности, из числа племен (в походах против которых принимали участие хазарейцы) видела в этом возможность для мести.

Кызылбаши, исповедовавшие шиизм, своим сочувствием подстрекали хазарейцев, говоря, что «... англичане собирались положить конец эмирату, и теперь настало время утверждать независимость Хазараджата от молодого правительства эмира». Затем правительство обвинило кызылбашев²⁶⁸.

²⁶⁵ Искандаров Б. И. Указ. соч. С. 93–94.

²⁶⁶ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 660; 664.

²⁶⁷ Сообщалось, что около 27 тыс. «афганцев присоединились к ним против эмира. Жители Кухистана также всячески стимулировали и выражали слова поддержки лидерам повстанцев в их борьбе против эмира. На севере правитель Майманы обещал им свою поддержку» (Kakar, M.H. A political and diplomatic... P. 133).

²⁶⁸ Kakar, M.H. A political and diplomatic... P. 137.

В 1893 г. хазарейцы написали письмо на имя эмира и подробно описали притеснения, которым подвергались без разбора все жители, включая покорных эмиру, факты купли-продажи детей, что ранее запрещалось приказом эмира, но в ответ из Кабула для крупного наступления были стянуты дополнительные силы²⁶⁹.

Многие хазарейцы в этих условиях искали пути побега в другие районы и за пределы Афганистана. Власть начала терять потенциальных налогоплательщиков. Летом 1894 г. эмиру сообщили, что из 20 тыс. домохозяйств Бехсуда только бегство 6,4 тыс. удалось предотвратить. Остальные 13,6, конечно, предприняли попытки, но все они закончились тем, что перебежчики были схвачены и убиты, а их имущество разграблено²⁷⁰. Жители Хазараджата искали разные пути, чтобы избежать насилия. В январе 1894 г. 54 человека из Дай-Занги заплатили клерку Якауланга по 20 рупий и один рулон ткани каждый, чтобы получить разрешение на выезд в Андхой, откуда намеревались проникнуть на территорию русского Туркестана. В итоге все были захвачены и отправлены в Кабул, но чиновник, получивший у них взятку, о чем узнал сам эмир, не был наказан²⁷¹. Под натиском налоговых задолженностей и насилия 1,4 тыс. домохозяйств Баласара и 14 тыс. домохозяйств из Бехсуда убежали в другие районы. Эмир приказал губернаторам соответствующих провинций предоставить им землю и место для поселения, но никто не стал помогать им²⁷².

В противостоянии хазарейцев сильно пострадали представители духовенства и их племена, меньше феодалы, поскольку многие из них перешли на сторону правительства, за что им были назначены жалование и награды. Возможно, это было связано с непосредственным их участием в организации сопротивления регулярным войскам. Эта борьба была объявлена священной войной, и здесь духовенство хазарейцев могло играть ключевую роль²⁷³.

²⁶⁹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 891–892.

²⁷⁰ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1031; Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 670.

²⁷¹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 961.

²⁷² Там же. С. 1153.

²⁷³ Kakar, M.H. A political and diplomatic... P. 133.

Эмир в одном случае назначил хазарейскому *миру* ежегодное жалование в размере 4300 рупий и 54 *харваров* пшеницы²⁷⁴.

Когда все материальные ресурсы населения были исчерпаны, наступил момент подъема другой фазы в деле хазарейцев. Купля-продажа заложников имела и раньше место, но теперь насильственные меры совершались в отношении девушек, незамужних и замужних женщин. Сначала, кроме взятия в наложницы, часть солдат вступала в брак с хазарейками, но эмир в прокламации, адресованной солдатам и офицерам гарнизона, категорически запретил жениться на местных девушках — разрешалась только официальная купля-продажа, которую облагали 10% налогом²⁷⁵. Таким образом, с хазарейцами нельзя было иметь дело или отношение иными способами, кроме как покупать или продавать.

Служащие афганской армии покупали детей по цене в 5–10 рупий и продавали работоторговцам из Герата, Кабула, Калата, Кандагара, Туркестана и других уголков Афганистана в 10–20 раз дороже. Безнаказанность и допуск произвола в отношении хазарейцев позволяли насильно забрать замужних женщин, но отсутствие подтверждающих официальных документов фиксирования фактов покупки вынуждали освободить оказавшихся в заложниках женщин, что впредь привело к прекращению подобной практики²⁷⁶.

²⁷⁴ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 669.

²⁷⁵ К этому времени созданная вокруг хазарейцев ситуация довела регион до состояния острого продовольственного кризиса. В этих условиях семьи, лишённые всяких источников дохода, массами предлагали женщин и детей в обмен на ячмень, кукурузу и пшеницу объемом от 2 до 10 *сир*. Этим способом намеревались, во-первых, спасти их от голодной смерти, во-вторых, снять с себя нагрузку. Эмир своим приказом открыл самый большой рынок торговли людьми в стране. После демобилизации каждый солдат увез с собой по несколько рабов и рабынь для последующей продажи. Эмир в адресованной служащим армии прокламации подчеркнул, что «любой, кто вступит в брак с женщиной или девушкой-хазарейкой, должен быть уволенным, лишённым государственной службы и обязанным выплатить в качестве штрафа трехлетнюю зарплату. Если сами хазарейцы изъявляют желание продать своих женщин, девочек и мальчиков, то они (солдаты) могут купить любое число рабов и рабынь, но фиксировать (покупку) печатью кады и губернатора, а также выплачивать правительству 10% налог с покупки» (Катиб, Файз Мухаммад... С. 863).

²⁷⁶ Катиб, Файз Мухаммад... С. 918; 937.

Очередная прокламация Абдуррахман-хана относительно порядка и размера взимания налога, установленного на куплю-продажу хазарейцев обеих полов, издана 11 марта 1894 г. О масштабах рынка работорговли говорят объемы поступлений в государственную казну. Только в провинции Кандагар, где цена рабынь колебалась от 60 до 120 рупий, налоговые поступления составляли 70 тыс. рупий²⁷⁷. Превращением хазарейцев в живой товар и установлением налога с их продаж эмир не преследовал цели пополнения бюджета, а старался максимально наказать, унижить и сломать их, чтобы это послужило уроком на долгие годы²⁷⁸. Рабство в Афганистане Абдуррахман-хан официально отменил в 1895 г.,²⁷⁹ но народ к исходному состоянию возвращался десятилетиями, так как притеснения на этом не закончились и по инерции продолжались еще несколько лет. О масштабах ущерба, нанесенного хазарейцам, говорит то, что целое поколение было продано в рабство, погибло в гонениях, от голода, а военные действия унесли жизни свыше половины мужского населения²⁸⁰.

Параллельно возникли проблемы у оставшихся местных жителей с кочевыми пуштунскими племенами, останавливавшимися в этих районах и уничтожавшими часть посевов жителей Дайкунди. Кочевники, возможно, воспользовались сложившейся обстановкой и вели себя достаточно самовольно, что привело в итоге к жертвам среди хазарейцев, намеревавшихся просить первых по-

²⁷⁷ Там же. С. 969.

²⁷⁸ Это исходит из его ответа от 27 июля 1896 г. на письмо главного финансового чиновника Кандагара, выразившего недовольство поведением губернатора провинции Мухаммада Алам-хана, отменившего куплю-продажу хазарейцев и, по его же мнению, лишившего бюджет ежегодной суммы доходов в размере 60–70 тыс. кандагарских рупий. Эмир в ответ на это написал: «... Мухаммад Алам-Хан не запрещал, прощал или освобождал (людей) от каких-либо долгосрочных перманентных платежей по доходам. Хазарейцы в те времена, когда восстали и подняли мятеж, заслужили наказания и мучения, и были либо убиты, либо заключены в тюрьму, а их жены, дочери и сыновья распроданы. Впоследствии, будучи надлежащим образом наказанными и измученными, они пожинали справедливые плоды своих действий. Никто больше не будет куплен и продан...» (Катиб, Файз Мухаммад... С. 1226–1227).

²⁷⁹ Gregorian, V. The Emergence... P. 139.

²⁸⁰ Lee, L. J. Afghanistan: A History... P. 399.

кинуть район. Хотя дело дошло до эмира, который своим письмом на имя правителя Дайзанги и Дайкунди приказывал привлечь кочевников к ответственности и наказывать, но расследования не проводились, никто не был наказан²⁸¹. Эти примеры показывают, насколько решение эмира максимально жестко преследовать хазарейцев негативно сказывались на межнациональных отношениях. Оно развязало руки одним для жестокого обращения с другими. Корни некоторых сегодняшних межнациональных вопросов Афганистана уходят именно к этим годам.

Хазарейцы за период похода понесли ощутимые людские, материальные и моральные потери. Кроме продажи в рабство, лишения жизни, движимого имущества население лишалось права на принадлежавшие ему ранее земельные угодья. Правительство объявило пастбища всего Хазараджата государственной собственностью с последующей продажей кочевым племенам, содействовавшим военным во время похода с транспортировкой припасов. У скотоводов раньше доступ ограничивался пределами Бехсуда, Нахура и Сайдаста (район Джагури), но теперь они получили право пользования пастбищами Дай-Занги, Дай-Кунди, Малистана и других населенных пунктов в пределах ареала хазарейцев²⁸². Позже для восстановления и нормализации отношений эмир издал указ, позволявший беженцам вернуться в места постоянного жительства, предоставлять земледельцам семена в кредит, продовольственную помощь там, где ощущалась нехватка пищи, устанавливать границы между пастбищами хазарейцев и кочевых племен²⁸³.

В целом войны и походы Абдуллах-хана изменили гендерное соотношение населения, поскольку первым делом пострадала мужская его часть. Во многих районах и городах мужчин оставалось намного меньше, чем женщин. Хотя по оценкам эмира по численному составу одна половина афганского населения приходилась на долю мужского²⁸⁴, в реальности оно было заметно нарушено войнами и конфликтами.

²⁸¹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1021.

²⁸² Kakar, M. H. A political and diplomatic... P. 137.

²⁸³ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 670.

²⁸⁴ Kakar, M. H. Government and Society... P. 185

Последний поход Абдуррахман-хана связан с завоеванием Кафиристана, региона с небольшим числом населения, жившего до начала последнего десятилетия изолированно от остальной части Афганистана. Относительно численности кафиристов имеются разные данные: в 1883 г. она оценивалась в 35 тыс., в 1891 г. по данным С. Робертсона — 52,5, а агента эмира по состоянию на тот же год — 44 тыс. человек. В отличие от жителей других регионов кафиры сами по себе не представляли серьезной угрозы для Кабула. Поход в этот район прежде всего связывался с приближением к северным границам царской России, с одной стороны, и Англии к районам Читрала и Хунзы, с другой. С момента появления в 1886 г. опасений аннексии и присоединения Кафиристана к владениям британской Индии эмир начал размышлять над полным включением в орбиту собственной власти этого труднодоступного и изолированного во всех смыслах района. Вожди кафиристов и раньше во избежание военизированного похода многократно контактировали с Кабулом, одна часть согласилась выразить покорность эмиру взамен на выплату налогов²⁸⁵.

Поскольку данный поход существенно отличался своими последствиями, здесь ограничимся лишь тем, что завоеванием Кафиристана Абдуррахман-хан завершил процесс объединения территорий Афганистана под единой властью с центром в Кабуле. Коренных народов Кафиристана, придерживавшихся, в отличие от остальной части страны, иных обычаев и веры, по традиции переселяли в другие районы, но процесс существенно отличался мягкостью. К пленникам-кафирам по сравнению с хазарейцами, которые были мусульманами, относились по-другому: не только запрещалась купля-продажа, порабощение, но также строго предупреждали всех подданных о последствиях такового поведения, в частности, штрафе в размере 7 тыс. рупий. Возможно, такое отношение было следствием того, что поход в Кафиристан не был спровоцирован жителями на почве каких-нибудь социально-экономических или политических причин. Кроме того, эмир таким образом хотел обратить всех в ислам и выступить в качестве защитника и распространителя веры.

²⁸⁵ Kakar, M. H. *Afghanistan: A Study...* P. 182.

М. Х. Какар также выдвигает мнение, что, возможно, географическая близость Кафиристана к Читралу, который был завоеван англичанами, повлияла на снисходительное отношение эмира к кафирам²⁸⁶. С этим, конечно, трудно согласиться, поскольку районы севера также граничили с Центральной Азией и причем, в отличие от труднопроходимых и высокогорных районов Кафиристана, имели преимущество как по численности населения, так и прямой, удобной для пересечения границе, но к этим жителям не наблюдалось подобное отношение. Однако эмир никого из числа подданных Афганистана так не стал беречь, как кафи́ров²⁸⁷.

Всего из Кафиристана в другие районы Афганистана было отправлено 25 тыс. человек из числа мужчин, женщин и детей. Цель этой переселенческой политики заключалась в их распределении среди жителей других районов, обучении основам ислама, нравам мусульман. Часть кафи́ров отправили в Лагман (3 тыс. человек), окрестности Кабула (4 тыс.), Кухистан (5 тыс.), Пагман (1,7 тыс.) и некоторых в Туркестан. Из других регионов, в свою очередь, жителей переселяли в районы Кафиристана. По одной тыс. семей из Тагаба (кочевников), Лагмана и Панджшера получили приказ поселиться туда. Также частично район был заселен отставными солдатами²⁸⁸.

Эти и другие примеры показывают намерения Абдуррахман-хана всеми способами максимально смешивать население страны. Не только повстанцев, но и другие категории заключенных выслали в другие регионы, даже из отдаленных и труднодоступных районов севера на юг страны и наоборот²⁸⁹.

²⁸⁶ Ibid. P. 188–192; P. 202–203.

²⁸⁷ Помимо того, что Абдуррахман-хан официально был объявлен повелителем правоверных, сам он тоже в своих письмах называл себя «эмиром ислама, наставником народа и защитником религии и священного закона пророка». Катиб, Файз Мухаммад... С. 543.

²⁸⁸ Kakar, M. H. *Afghanistan: A Study...* P. 204–205.

²⁸⁹ Из Шугнана и Чардара на юг депортировали 1235 заключенных, 7 тыс. хазарейцев племени Шейх-Али отправили в Логар, Чарх, Вардак и Кухдаман, 1,3 тыс. — распределили среди племени дуррани Кандагара в качестве рабов, а из Кандагара и Герата заключенных отправили в Кундуз. Kakar, M. H. *Government and...* P. 39.

НАБЕГИ, РАБОТОРГОВЛЯ И ЭПИДЕМИИ КАК ФАКТОРЫ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Приведенные выше материалы свидетельствуют о неизменном сокращении численности населения Афганистана на протяжении всего XIX в. Хотя такая тенденция являлась общеафганской, в северных и северо-восточных районах, однако, темпы были выше, чем в целом по стране. Это происходило под воздействием не только военно-политической нестабильности, но и ряда других негативных явлений и факторов. Периодические конфликты и войны вынуждали жителей городов искать более безопасные места постоянного жительства, находиться на расстоянии от эпицентров противоборств. Заметно на демографии сельского населения сказывались междоусобицы и набеги извне, в результате которых часть жителей селений и районов (местами и городов) была истреблена, другая продана в рабство. Негативно сказывалась на Афганистане развитость рынка работорговли в Бухаре²⁹⁰. Население Афганистана непропорционально распределялось по территории, и условия, регулировавшие этот вопрос, в значительной степени способствовали сдерживанию роста, вызывали существенное сокращение его численности.

Работорговля была сильно распространена в северных районах Афганистана. М. Лал писал, что кызылбаши Кабула называли афганский Туркестан «Кафиристаном» по причине развитости рынка торговли людьми²⁹¹. Детей из Бадахшана продавали в рабство в Ярканд по цене от 200 до 500 рупий и в большинстве случаев в обмен на товары первой необходимости для последующей перепродажи на локальных рынках северного региона²⁹².

Рынок работорговли главным образом функционировал преимущественно за счет набегов на другие земли и народы, но имели

²⁹⁰ Подробнее см.: Гулишамбаров С. И. К сорокалетию уничтожения невольничества в Средней Азии (12 июня 1873 г. — 12 июня 1913 г.). — Ашхабад, 1913.

²⁹¹ Он, исходя из собственных наблюдений, отметил высокий уровень жестокости в этом регионе, чуждости его жителям таких человеческих качеств, как «жалость, справедливость, мудрость и благоразумие. Люди, как выше-го, так и низшего ранга очень жестоки, грабеж считают безукоризненной профессией и любят рабство» (Lal, M. Travels in the Punjab... P. 98–99).

²⁹² Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 479.

место и случаи продажи в виде наказания собственных подданных на рынках запредельных территорий. Регулярность подобных действий сделала их обычным занятием в глазах подданных, что не вызывало возмущений или волнений. Подобное отношение к собственному народу наблюдалось у миров хазарейцев, правителя Майманы. Последний ежемесячно в Бухару отправлял несколько человек из числа населения подвластных территорий на рынок работорговли²⁹³.

Набеги и грабежи считались официальным ремеслом, особенно в районах проживания сарыков, превратились в отдельную индустрию, приносящую немалую материальную выгоду. На продажу выставлялось все захваченное в ходе операций — имущество, скот, люди. Эти действия не только нанесли материальный урон жителям севера Афганистана, но и поставили под вопрос само существование больших городов и поселков, этнических групп²⁹⁴. В Бадгисе, например, изначально было много арабов, но под воздействием туркменских набегов их численность снизилась до 1 тыс. семей, живших к 80-х гг. разбросанно по разным районам²⁹⁵. Выше было сказано, что правитель Герата Яр Мухаммад в принудительной форме поселил в г. Герат половину из 10 тыс.

²⁹³ Вамбери А. Путешествие по... С. 184–185.

²⁹⁴ Члены английской разграничительной комиссии, обнаружившие в северных регионах заброшенные селения и необитаемые территории, изначально «думали, что вся область между Маричуком, Майманой и Андхоем состоит из одной огромной пустыни, но каждый день опыта» показывал, «насколько ошибочными были наши представления. Капитан Пикок, только что вернувшийся из исследовательской поездки в направлении к северу и западу от Майманы, говорит нам, что концы всех долин стекаются к Аби-Кайсар и раньше, то есть примерно в течение последних 20 лет или около того, в среднем на расстоянии около 20–25 миль к северу от этого ручья были хорошо населены и что страна покрыта старыми колодцами и бывшими местами кишлаков или жилищ для зимовки. Они один за другим постепенно стали жертвами атак туркменов, причем во многих случаях были полностью уничтожены, а люди — мужчины, женщины и дети — унесены в рабство, и в результате никто с тех пор не осмелился пойти в те места. Не только население этих отдаленных от центра районов было унесено, но даже те, из более оседлых районов вдоль главной дороги, частично пострадали» (Yate, C. E. *Northern Afghanistan...* P. 135). Отметим, что в середине 40-х гг. в деревне Чаршанбе, входившей в состав Майманы, насчитывалось 300 домов, но к 80-м население, сильно пострадавшее от рук туркменских племен, существенно сократилось (Ferrier, J. P. *Caravan journeys...* P. 197).

²⁹⁵ Yate, C. E. *Northern Afghanistan...* P. 4.

семей джамшидов, а другая половина попала в плен к хивинцам, которые, совершив через несколько дней набег, продали в рабство в Мерве всех мужчин, женщин и детей²⁹⁶.

Правителями независимых и полунезависимых княжеств не предпринимались усилия по обеспечению безопасности подданных и только в отдельных случаях постфактум велись поиски путей освобождения похищенных путем переговоров и выкупа. Структура власти не имела ресурсов, чтобы защитить население, точнее, не выделяла средств на эти цели. Поэтому на одну и ту же местность в течение нескольких лет могли совершать по несколько раз набеги, что приводило к образованию многочисленных заброшенных населенных пунктов, а, следовательно, к сокращению численности населения. Так, в 1846 г. 500 сарыкских туркменских всадников напали на деревню и увели всех мужчин, женщин и детей вместе с мелким и крупным рогатым скотом, всем движимым имуществом. Правителю Майманы удалось при посредничестве духовенства и вождей выкупить большинство жителей²⁹⁷.

Источниками купли-продажи живого товара выступали центральные и северные районы Афганистана, а также Иран, откуда людей увозили с последующей продажей в другие районы страны, в частности в Кандагар. Большая часть попавших в рабство состояла из похищенных жителей Ирана и северных афганских районов. Одна часть покупалась у туркмен и перепродавалась на рынке Кандагара, другая, составлявшая большую порцию, предоставлялась местными правителями из числа хазарейских *миров* взамен задолженностей по налогам и доходам или решения каких-либо других задач перед властями²⁹⁸. Это были редкие слу-

²⁹⁶ Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 194.

²⁹⁷ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 135.

²⁹⁸ Г. Ламсден отмечает, что цена на рынке работорговли не была фиксированной и колебалась в зависимости от амплитуды цен на продовольственные товары. В период продовольственного изобилия могла многократно повышаться и наоборот. В период сильного голода он, например, стал свидетелем факта продажи в Кандагаре двух женщин и одного мальчика за 120 рупий. В Кандагаре на рынке продавались также африканцы, привезенные паломниками и торговцами из других стран. Цена также зависела от этнического происхождения и внешних данных раба. Более ценными считались рабы-кафиры из-за своей храбрости и верности, в частности, они находились повсюду на службе у королевской семьи, особенно в числе преданных тай-

чаи подобного отношения к соплеменникам со стороны вождей племен и правителей²⁹⁹. Однако подавляющая часть рынка приходилась на долю туркменских племен, поставивших работорговлю на поток. Среди них только в племени *текке* к 60-м гг. насчитывалось до 15 тыс. всадников, круглосуточно находившихся организованными группами в походах³⁰⁰.

Работорговля выступала официальным источником дохода для отдельных правителей, из числа которых главным можно назвать упомянутого выше правителя Кундуза Мурад-бега. Его действия, направленные на ограбление и торговлю людьми, привели к опустошению многих населенных пунктов, превращению небольших городов в руины³⁰¹. К 80-м гг. торговля людьми практиковалась, но преимущественно преобладала в таких местах как Бадахшан, многих районах афганского Туркестана. Марвин пишет, что на правом берегу реки Амударьи «Россия настаивает на наказании виновных в каждом случае ... и после завоевания Россией текков работорговля в Центральной Азии практически прекратила свое существование»³⁰². Возможно, изменения, произошедшие в регионе после утверждения власти царской России, заставляли *сарыков*, по крайней мере, их лидеров, изменить свое отношение к этому занятию³⁰³.

ных агентов. Девочек-кафиров, воспитывавшихся в богатых семьях в качестве рабынь, в зависимости от внешности предлагали в десятки раз дороже, чем других (Lumsden H. B. The Mission to Kandahar... P. 108–109; 122).

²⁹⁹ Темирганов Л. Указ. соч. С. 64–66.

³⁰⁰ Marvin, Ch. Merv, the Queen of the world. P. 244.

³⁰¹ Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 411.

³⁰² Marvin, Ch. Merv, the Queen of the world. P. 250.

³⁰³ История одного набега от 1877 г., приведенного Ч. Э. Иет, с одной стороны, подробно описывает метод работы этих групп, с другой — подход вождей сарыков к набегам, когда, напав на две узбекские деревни, увезли всех жителей вместе с имуществом. Жертвами грабежей могли стать и другие неродственные туркменские племена. Автором приводится подробный рассказ из уст одного из организаторов подобных набегов. Группа из 500 всадников и 200 путеводителей на верблюдах сначала напала на поселение племени кара-туркмен из 50 семей, которых сначала увезли, но позже мужчины были отпущены. Затем в другом месте захватили 50 семей узбеков, третьем — 25 семей. Ч. Иет сообщал, что с тех пор эти деревни пустовали. Позже захватили еще две деревни с жителями в 40 семей, но и тут тоже мужчин отпустили. Как видно, в совокупности в плен к сарыкам попали женщины и дети из 165 семей, которых вместе с крупным рогатым скотом по

Постепенно с распространением власти Кабула афганская сторона начала применять меры по отношению к *сарыкам*, проникавшим время от времени в глубинные районы Афганистана и вывозившим оттуда людей для продажи в рабство. Включение северных регионов в подчинение Кабула принесло в этом плане выгоды. Центральная власть начала защищать своих подданных от подобного рода действий. В 1877 г. сарыки организовали широкомасштабный набег на Майману, но вмешательство афганской армии не только разрушило их планы, но и нанесло значительный удар по численному составу³⁰⁴. Набеги племени *сарык* в конечном счете прекратились, а *эрсары*³⁰⁵ время от времени продолжали совершать нападения на разные населенные пункты Майманы. Даже в середине 80-х гг. в течение 5 месяцев фиксировались не менее четырех подобного рода случаев, в каждом из которых было унесено 1–1,2 тыс. голов овец³⁰⁶. Важно отметить, что нападения совершались без разбора, то есть грабители не разделяли жертв на «своих» и «чужих», поэтому сами туркменские племена, перешедшие в оседлость и занимавшиеся земледелием, становились объектом нападения других³⁰⁷.

Наряду с туркменскими племенами практика разбоя и грабежей в разные годы отмечалась и у представителей других коренных жителей региона, в частности хазарейцев, от действий ко-

жребию разделили между лидерами. Под лидерами здесь имеются в виду отдельные главари, которые со своими людьми формировали указанную выше группу грабителей. То есть группа из 500 человек в свою очередь состояла из различных мелких подгрупп, имевших собственных лидеров. Собеседник Ч. Йета командовал 10 всадниками, с которыми ему пришлось делиться доставшейся добычей. Из его слов, им досталось «три женщины, один ребенок, четыре коровы, две лошади и некоторые личные вещи. Женщина была красивой, ее можно было бы продать за 35 или 40 тенге (в среднем 200 рупий); но когда мы вернулись в Юлатан, вожди племени на собрании приняли решение освободить женщин и детей» (Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 232–233).

³⁰⁴ Marvin Ch. Merv, the Queen of the world. P. 318.

³⁰⁵ Подробнее о социально-экономической жизни и структуре этого туркменской племени см: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск XXV. — СПб.: Военная типография, 1887. С. 66–80.

³⁰⁶ Yate, C. E. Northern Afghanistan... P. 142–143.

³⁰⁷ Ibid. P. 176–177.

торых страдали жители как афганских владений, так и соседних государств. Практика показывает, что вмешательство официальных властей, относительно сильных местных правителей могло останавливать или даже окончательно сводить на нет подобные методы извлечения доходов, вынуждать заниматься традиционными видами хозяйственной деятельности³⁰⁸, но до полного подчинения всех регионов Кабулу, создания постоянно действующих гарнизонов и размещения регулярных войск ситуация оставалась неизменной.

Параллельно имели место другие события, являвшиеся следствием перемен климатических условий, природных стихий и способствовавшие сокращению численности населения. К ним относятся землетрясения, катастрофические засухи, приводившие к голоду, возникновению и распространению инфекционных заболеваний (эпидемии холеры, малярии и т. д.), материальным и человеческим потерям. Отсутствие сведений не позволяет говорить о степени людских и материальных потерь на протяжении столетия, но фиксированные в 1874 г. последствия землетрясения показывают масштабы. Только между Панджшером, Парваном, Кухдаманом и Карабагом погибло 7052 человека, около 3,9 тыс. пострадали. В частности, в одном Парване погибло 1,3 тыс., Наджрабе и Тагабе выявились 3234 человека погибших и раненых³⁰⁹.

Инфекционные заболевания, периодически поражавшие разные уголки страны, особенно города, в частности столичный регион, возникали по разным причинам. Почти все авторы, посетившие в рассматриваемый период основные города

³⁰⁸ По сведениям Ферриера, вождь племени зейднат Сардар Каримдад-хан имел на подконтрольной территории 28 тыс. палаток кочевых хазарейцев. В 40-х гг. по его одобрению совершались набеги на караваны, соседние районы, включая территории Ирана, откуда несколько раз после походов взяли в плен людей и продавали узбекам в рабство. Иранские власти обратились к правителю Герата, предупредив, что в случае неприятия с его стороны мер они в одностороннем порядке оставят за собой право задействовать регулярные войска. Во избежание вторжения со стороны Ирана он был вынужден организовать поход против Каримдад-хана и превратить его в вассала, и тот впредь занимался исключительно разведением жеребцов и производством ткани (Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 191–192).

³⁰⁹ Шамс-ан-нахар. 1291. № 31; 32; 33.

Афганистана, отмечали высокий уровень антисанитарии даже на центральных улицах³¹⁰. Отсутствие элементарных представлений о медицине, лечебных препаратах, попавших в Афганистан местами из Индии, увеличило уровень смертности населения, делало жителей беспомощными перед самыми обычными болезнями³¹¹.

Инфекционные заболевания, наряду с войнами и работоторговлей, не только существенно сказывались на демографии городов и районов, но и опустошали населенные пункты. Только в Кабуле и прилегающих районах в середине 70-х от оспы погибли до 2 тыс. детей, до 5 человек в каждой семье болели лихорадкой³¹², в 1892 г. в двух деревнях на севере страны от дизентерии скончались все жители из 300 семей³¹³.

Данные о смертности среди населения в период эпидемий главным образом имеются по Кабулу, разрозненно встречаются цифры и по другим городам. В 1833 г. от тифа в самом г. Герате погибли 8 тыс. человек, а в окрестных районах от эпидемии и голода — 25 тыс.³¹⁴ Заболевание, которое поразило все возрастные группы в больших количествах, происходило с частыми интервалами и резко сократило население, было эпидемической холерой. Во время большого персидского голода (1870–1872 гг.), насту-

³¹⁰ Абдурахман-хан, поразмышлявший над этой проблемой, анализировал высказывания тех, кто причиной эпидемий считал только большое скопление людей, но, развивая свои мысли, привел в пример большие европейские города, где число жителей намного больше, но там отсутствуют эти болезни. Однако, будучи в отличие от многих других осведомленным, он понимал, что причина крылась в несоблюдении санитарных норм и чистоты (Автобиография Абдурахман-хана. Т. II. С. 272–273).

³¹¹ Афганцы, имея общую информацию о развитии медицины в европейских странах, охотно могли обращаться к любому чужеземцу за медицинской помощью, поскольку на каждого европейца смотрели как на врача, без всякой причины принимали любое лекарство, которое попало им в руки. Незнание и отсутствие информации дало возможность категории людей, которых афганцы называли лекарями, закупать в Индии различные европейские лекарства, о свойствах которых они совершенно не знали, и без различия их природы или дозы, а также вида заболевания назначать афганцам. В подобных ситуациях могли погибнуть до половины обратившихся к ним за помощью. Vigne, G. Th. A personal narrative... P. 294–295.

³¹² Шамс-ан-нахар. 1292. № 45; 1291. № 30.

³¹³ Катиб, Файз Мухаммад... С. 812.

³¹⁴ Lee L. J. The "Ancient Supremacy"... P. 135.

пившего вследствие засухи³¹⁵, холера опустошала целые районы в Герате и Туркестане³¹⁶.

В отдельных случаях даже члены королевской семьи не смогли избежать эпидемии. Отец Абдурахман-хана, Мухаммад Афзаль-хан, заразился холерой, и в условиях отсутствия нормальной медицины «невежественные лекари страны известными им лекарствами экспериментировали над ним», пока он окончательно не заболел лихорадкой³¹⁷. Единственные меры, предпринятые знатью, — это объявление карантина в Бала-Хисаре или отъезд на время эпидемии в загородную резиденцию Пагмана, а при вспышке в соседних государствах эпидемий, прежде всего холеры, закрытие границы для въезда и выезда населения. Эмиры, начиная с Шер Али-хана, время от времени пользовались услугами русских и английских медиков.

Русский врач Яворский, посетивший Афганистан в составе миссии генерала Столетова, пишет об обследовании пациентов в момент своего пребывания в этой стране. Только в Мазари-Шарифе за несколько дней им было осмотрено около 100 человек, хотя желающих пройти обследование было гораздо больше. За помощью охотно обращались представители обоих полов. Ухудшение состояния большей части членов миссии говорило о наличии нездорового климата в стране³¹⁸. Также услугами амбулатории английских военных медиков в период работы английской разграничительной комиссии часто пользовались афганцы. Англичане не отказывали и принимали пациентов, занимались лечением, проводили хирургические операции. Местные сельские жители северных районов ходили на обследование и лечение в амбулаторию, но пуштуны останавливали многих, а сами при необходимости регулярно обращались к иностранным медикам³¹⁹.

³¹⁵ Кавказъ (политическая и литературная газета). № 49. 30 Апреля (12 Мая). Тифлис, 1872.

³¹⁶ Imperial Gazetteer... Р. 83.

³¹⁷ Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 121–122.

³¹⁸ Яворский И.Л. Т. I. С. 144–146; он же. Т. II. С. 178–183; 188–189.

³¹⁹ Далее он приводит следующие данные о деятельности амбулатории по лечению местных жителей: «в течение прошедшего года в диспансере прошло лечение не менее 22633 пациентов, включая проведение 80 сложных и 371 обычных хирургических операций... В прошлом году число пациентов

Смертность среди всех возрастных групп населения от разных видов заболеваний была высокой, но в источниках больше всего информации встречается о холере и ее последствиях. Только в период правления Абдуррахман-хана она пять раз охватывала страну, особенно столичный регион (1885, 1889, 1891, 1892 и 1899 гг.). Поскольку по регионам информация отсутствует, то об ее масштабах можно судить по данным Кабула. Самой болезненной считается эпидемия 1892 г., от которой только в Кабуле умерли 14 тыс. человек, в частности погибли все жители 150 домов одного пригородного села. Если исходить из переписи 1876 г., то получается, что город потерял 10% своего населения. Общее число жертв эпидемии эмир оценил в 100 тыс.³²⁰

* * *

Анализ динамики численности афганского населения рассматриваемого столетия затрудняется: а) отсутствием более полных и точных сведений в источниках, б) недостоверностью встречающихся в афганских источниках сведений. Из всех оценок на последние десятилетия XIX в. более надежными являются результаты единственной незаконченной переписи 1876 г. Это подтверждают оценочные материалы разграничительной комиссии по отдельным районам и провинциям. Доля пуштунов в разные периоды по различным оценкам колебалась от 40 до 48% от общего числа населения страны. Темпы убыли были высокими у давно перешедшей на оседлый образ жизни части населения, в первую очередь таджиков. С другой стороны, привязывание самоназвания к месту обитания затрудняло исследователям оценку общей численности разных этнических групп.

Племенной образ жизни гарантировал более безопасное и стабильное существование, следовательно, в городах и на территориях со смешанным оседлым земледельческим населением (преимущественно на севере и западе) интенсивность захватов и набегов оказалась гораздо выше, что негативно сказалось на де-

составило всего около 13 тыс. человек... В июне этого года, когда мы добрались до Амударьи ... в течение месяца было обследовано не менее 4521 пациента» (Yate, C. E. Northern Afghanistan...P. 284–285).

³²⁰ Kakar, M. H. Government and... P. 184.

мографии. Восточные и южные районы Афганистана были более заселенными, с относительно высоким показателем роста численности населения, чем в других районах. Население северных регионов, с одной стороны, испытывало давление местных правителей и внешних вторжений, а с началом процесса присоединения к Кабулу попало под натиск политики чиновников центральной власти и армии. В крупных городах и населенных пунктах по всей стране к концу века жителей стало гораздо меньше, чем в начале, за исключением Кабула, который сохранил рост за счет внутренней миграции, прежде всего бедноты из регионов в поисках лучшей жизни и работы.

Переселенческая политика 80-х гг. в большой степени изменила этническую картину северных районов и положительно не сказалась на общем числе жителей страны, поскольку высоким был уровень миграции и вынужденного ухода коренного населения в другие районы и за пределы страны. Пик обострения межнациональных отношений пришелся на правление Абдурахман-хана и оставил след на долгие годы. Причиной обострения была политика применения добровольческих военизированных формирований при подавлении мятежей и восстаний, натравливавшая этносы и племена друг на друга.

По мере распространения и укрепления позиций центральной власти по всей территории государства в регионах росла численность пуштунов, а переселенческая политика превратила их в большинство населения в отдельно взятых районах. Городское население наряду с сельским было лишено доступа к образованию, но благодаря близости к центральным рынкам и контактам с представителями торговли имело относительно широкий кругозор.

Глава III. Налоги и налоговая политика Афганистана в XIX в.

Народные восстания и мятежи в Афганистане XIX в., как было показано, по большей части возникали на социально-экономической почве с частотой введения властями изменений в налоговой политике (внедрения новых налогов, повышения действовавших тарифов и ставок), усиления материального давления государственными служащими на жителей, и только в редких случаях носили политический характер. Рядовое население находилось на расстоянии от политических перемен, интриг и переворотов, происходивших на уровне верховной власти, особенно когда это касалось отношений между представителями правивших династий, легитимность которых ни у кого не могла вызвать сомнений¹. Односторонние обязательства между населением и властями выражались в исполнении первыми прямых обязательств своевременного сбора налогов, податей и не предусматривали каких-либо встречных действий со стороны последних по обеспечению защиты и безопасности налогоплательщиков от внешних и внутренних факторов и явлений. Налоги и сборы выступают, пожалуй, более ярким показателем уровня отношений между центром и периферией, власть имущими и населением.

Роли налоговой системы и политики в социально-экономическом и политическом развитии Афганистана рассма-

¹ М.Г. Губар, описывая события начала первой англо-афганской войны, пишет, что в 1839 г. афганскому народу было известно только то, что «*истинный наследник (курсив мой) афганского престола Шах Шуджа* вернулся из Индии в Афганистан в сопровождении своих друзей из числа европейских солдат, которые после непродолжительного отдыха намерены обратно вернуться в Индию» (Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 538).

триваемого периода даются разные оценки. Американский исследователь В. Григорян считает, что именно «хаотичная налоговая и таможенная системы усилили тенденции к регионализму, экономической ограниченности и натуральному хозяйству»². На самом деле, как будет ниже показано, по части внутренней политики налоговая система в большей степени выступала следствием, чем фактором, приводившим к таким результатам. Не хаотичная налоговая система, а избирательное отношение властей к подданным по этническим и племенным признакам выступало одним из основных факторов усиления национализма, регионализма, сепаратистских настроений. Строение такой политики являлось результатом отсутствия сильной централизованной власти, способной обеспечить гарантию безопасности хозяйствовавших субъектов, а тотальная экономическая отсталость, в первую очередь в сельском хозяйстве и торговой сфере, порождалась комплексом проблем, к каковым относится и жесткая налоговая политика.

Об актуальности налогового вопроса в Афганистане в отношениях между субъектами налогообложения и властями свидетельствует поведение населения в период между двумя англо-афганскими войнами, когда, несмотря на последствия первой войны, отношение части афганцев к англичанам в целом не только оставалось положительным, но и местами с надеждой воспринимался любой слух о прибытии в страну иностранцев, что было связано с еще больше ухудшившимся экономическим положением жителей после повторного восстановления власти эмира Дост Мухаммада с многочисленными близкими родственниками³. Это

² Gregorian, V. The Emergence... Р. 60.

³ Налоговые инструменты настолько осложнили экономическую жизнь населения, что информация о прибытии в Кандагар английской военной миссии в середине 50-х гг., например, была воспринята как возвращение последних и начало скорых перемен в сторону улучшения. Такое же отношение наблюдалось и в 1879 г. Прибытие английского посланника в Кабул после подписания Гандамакского соглашения, с одной стороны, вызвало ненависть части населения, с другой, — вселило надежду на решение материальных проблем. В Кабуле ожидали разрешения английской миссией вопроса задолженности по зарплатам афганским войскам, снятия принудительных наборов в армию, отмены тяжелых налогов и поборов со всех субъектов, однако разочарование привело к многократному росту ненависти к самим «источникам надежды» (Duke, J. Recollections of the Kabul Campaign 1879 & 1880. — L.: W. H. Allen & Co., 1883. Р. 83–84).

еще раз показывает, что народ, сосредоточенный на поисках решения существовавших хозяйственных проблем, в первую очередь снижения налоговой нагрузки, освобождения от притеснений со стороны собственных властей, до некоторой степени не испытывал особой озабоченности оккупацией собственной страны иностранными силами.

Фискальная политика афганских правителей на протяжении всего столетия помимо всего прочего выступала фактором социально-экономической отсталости и неразвитости страны. Междоусобные войны и борьба за центральную власть, захват соседних областей, приведшие к новым потерям для экономики при параллельном сокращении численности населения, происходили с целью расширения границ налоговой юрисдикции. Каждый раз с приходом к власти в Кабуле нового правителя в зависимости от проводимой им внутренней политики применялись самые разные методы увеличения доходов казны, что способствовало только видоизменению, но далеко не усовершенствованию афганской налоговой системы.

До заката эпохи династии садозаев (1818 г.) периодически продолжались попытки отправить военизированные экспедиции для сбора налогов в области южного направления — Пешавар, Кашмир и другие территории как главные источники доходов казны. Налоговая система во внутриафганских владениях — Кандагаре, Кабуле, Герате и прочих местах служила источником покрытия затрат на завоевание расположения верхней прослойки общества, в первую очередь вождей племен, предоставлявших войска для обеспечения материальных поступлений из вышеназванных областей. По мере ослабления влияния центральной власти дальние области могли вовсе прекращать налоговые перечисления⁴. Налоговыми преференциями за оказание услуг, а местами в зависимости от национальной или племенной принадлежности пользовались определенные этнические и племенные группы. Следовательно, относительно небогатые афганские территории, где налогом в большей степени облагалось непустунское насе-

⁴ Pottinger, H. *Travels in Beloochistan and Sind; accompanied by a geographical and historical account of those countries.* — L.: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1816. P. 316.

ление, принесли казне незначительные суммы⁵, большая часть ушла ханам и *джагирдарам*. В результате внутри страны источники налоговых поступлений фактически контролировались знатью и вождями племен, а шах в этом отношении занимал номинальное положение⁶. Иными словами, «не платили налогов *джагирдары* (держатели привилегированных земельных пожалований, обладавшие полным налоговым иммунитетом). Не взимался налог со многих земель, пожалованных различным религиозным учреждениям шахом или частными лицами. От уплаты налогов были освобождены многие афганские (пуштунские) племена при условии несения ими военной службы. В особо привилегированное положение было поставлено племя дуррани, к которому принадлежал сам шах. Оно было освобождено от поземельного налога, налогов со скота, садов, виноградников и многих единовременных сборов»⁷.

Хакиму — государственному чиновнику, отвечавшему за сбор налогов, назначалась официальная заработная плата, кроме которой он получал законным и незаконными способами доходы от других источников. К примеру, на службе в качестве ответственных по ведению налогового учета находились три человека, с которыми он делил 1/10 часть всех поступлений за счет штрафов и конфискаций имущества. Хакиму из этой части доставались три четверти. Налоговый учет во многих местах вели индусы, называвшиеся *диванами*, а также мусульмане — *дафтари*. Эти служащие обычно получали доход от *русум-и дафтар*, однако этот вид налога направлялся напрямую в казну, а им назначали фиксированное жалование. Хакимы также часто выступали в качестве откупщиков и могли забрать целые деревни в откуп на территориях, входивших в их налоговую юрисдикцию. Откупщикам приходи-

⁵ Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 108–114.

⁶ Точное описание экономической ситуации афганского шаха дал митрополит Хрисанф, посетивший Кабул в 1793 г.: «Государь сего владения чрезмерно богат дорогими камнями и жемчугами, денег же не имеет, едва может содержать себя своими доходами... Министры его, однако же, весьма богаты, как в деньгах, так и в драгоценностях. Когда выступает он на войну, они снабжают его людьми, войсками и всем нужным, ибо власть их в правлении далеко распространяется» (Хрисанф, митрополит Новопатрасский... С. 11).

⁷ История Афганистана с... С. 132; Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 97.

лось строго отвечать перед властями за доходы от территорий, поскольку при любом исходе дел правительство требовало уплаты и взыскивало с суммы, на которую заключался контракт. В случае банкротства откупщика власти требовали деньги от лиц, выступавших в качестве поручителей (такowymi выступали родственники, в крайнем случае представители племени). Должника могли отправить на принудительные работы в кабульских мастерских до полного погашения задолженности перед казной. Следовательно, откупщик был заинтересован всеми способами заполучить необходимую сумму. Часто при поддержке правительственной армии с населения собирали то, на что в рамках своих формальных полномочий не имели права. Все это происходило с одобрения правительства⁸.

В северных районах во второй половине столетия сбор налогов поручался местным старейшинам, называвшимся в туркменских ареалах *аксакалами*, а в узбекских — *арбабами*. За свои услуги они получали 50 *танга* наличными и 10 *манн* зерна в год⁹.

Условно налоги и сборы можно разделить на центральные и местные. Первые взымались по установленным ставкам и вносились в казну центральной власти, а вторые считались доходом вождей племени или шли на покрытие расходов на местном уровне¹⁰. На протяжении рассматриваемого столетия разные виды налогов и пошлин действовали не только на территориях независимых и полузависимых районов и областей, но и в пределах

⁸ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 292–293; Kakar, M. H. Government and Society... P. 85–86.

⁹ Adamec, L. W. Historical and political gazetteer of Afghanistan. Vol. IV. Mazar-i-Sharif and North-central Afghanistan. — Akademische Drucku. Verlagsanstalt, Graz-Austria, 1979. P. 259.

¹⁰ Каждый из двенадцати кланов племени *джаджи* платил налоги по 680 рупий (за исключением *хасан-хелей*, вносивших 500 рупий), а также один *харвар* и 80 *манн* зерновых. Кроме этого, 32 тыс. рупий платили маликам (главам деревень), *инамдарам* (людям, удерживающим земли даров) и муллам (священникам), а также в государственную казну перечисляли 35 тыс. рупий, что в сумме составляло 67 тыс. рупий. В натуральной форме из 35 *харваров* зерна 12 *харваров* 52 *манн* предназначались маликам, оставшиеся 22 *харвара* 28 *манн* — центральному правительству. Все виды деятельности, будь то ремесло или что-либо другое, настолько чувствовали тягость налогов, что не оставляли возможности для дальнейшего расширения и развития собственного хозяйства (Martin, G. Survey operations... P. 642).

владений отдельно взятого правителя. Такими способами последние давали возможность мелким ханам и мирам зарабатывать и обеспечивать жизнеспособность собственной власти. Не все регионы, входящие в состав нынешнего Афганистана, находились в полном подчинении Кабула, в силу чего доходами располагали сами эти регионы, и в отдельных случаях они ограничивались отправлением в центр подношений или дани. Действовавшие на протяжении рассматриваемого века налоги, поборы и пошлины по видам можно условно разделить на три группы:

- Налоги на землю, земледельческую и скотоводческую продукцию, на водные источники;
- Налоги и пошлины на внутреннюю, внешнюю и транзитную торговлю;
- Налоги с домашних хозяйств.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАЛОГ

Ниже приведем более распространенные виды налогов, которые часто встречались в стране и не ограничивались территориями отдельных районов и городов. Налоги и сборы с сельскохозяйственной продукции взимались натурой и деньгами.

К натуральным налогам относились:

Закят. В исламе в целом *закят* является ежегодным обязательным налогом с движимого и недвижимого имущества, различного рода доходов мусульман, но в Афганистане он получил более узкий смысл, и под таковым понимался только налог на домашний скот. Размер *закята* в различных частях и разные периоды истории страны отличался, но более точной и часто встречавшейся была ставка, установленная на мелкий рогатый скот в 2,5%. В литературе и источниках она еще встречается под названием *чехел-яки*, что в дословном переводе означает «сорок первая», то есть каждая 41 голова мелкого рогатого скота (овцы, козы, бараны) подлежала взиманию в качестве налога, хотя на практике преобладала денежная форма. Наряду с этой формой существовало еще множество других ставок, введенных правителями в зависимости от региона и вида хозяйствования (оседлое хозяйство, кочевое, полукочевое).

Ушр, традиционный наряду с *закятом* канонический налог, теоретически распространялся на земледельческую продукцию в размере 10% или 1/10 части полученного урожая, но на практике ставки различались в зависимости от вида земледелия — орошаемое, кярезно-родниковое или богарное. Наряду с этим, однако, применялись еще несколько видов налогов, которые по своим ставкам и методам взимания существенно отличались. В целом налоговые ставки на земледельческую продукцию в большей степени зависели от видов хозяйственных отношений между арендаторами и собственниками земельных участков, отношений правителей к отдельно взятым племенам и этносам. К основным действовавшим ставкам относились:

Се-кот («одна третья часть»). Само название говорит о взимании государством в районах функционирования этой ставки 1/3 части урожая земледельческой продукции, 2/3 считались долей земледельца. Необходимо отметить и дополнительные издержки землепользователя, связанные с предоставлением за собственный счет всего необходимого для обеспечения производственного процесса, а именно орудий труда, рабочей силы, семян и скота. Ставка *се-кот* обычно устанавливалась на землях, орошавшихся водами рек или ручьев.

Чор-кот («одна четвертая часть»). Все то же самое, что и при указанном выше виде, но только с той разницей, что размер ставки составлял 1/4 части продукции, или 25% от полученного урожая. Данная ставка практиковалась только в одном из районов Джелалабада (Руди-Кухат) и была введена Тимур-шахом в знак благодарности жителям за оказанные услуги при одной из его военных экспедиций.

Дах-кот («одна десятая часть»). По такой ставке налог на урожай зерновых устанавливался с земель, орошавшихся водами из *кяризов*, и богарных земель.

Халиса взимался с государственных земель, сдававшихся в пользование земледельцам при условии выделения властям 1/2 части полученного урожая. Государство при этом не обязывалось взять на себя какие-либо издержки, следовательно, вся ответственность и производственные расходы лежали на землепользователе.

Джама-и-Каландар-хани. Фиксированная ставка на сельскохозяйственную продукцию, связанная с именем Каландар-хана, некоего должностного лица при Ахмад-шахе Дуррани. В источниках в большинстве случаев она встречается под названием *джамбаст* и взималась по установленной ставке, не зависящей от урожайности, размера посевной площади, категории земли. *Джама-и-Каландар-хани* или *джамбаст* распространялась в ареалах проживания пуштунских племен и устанавливалась на конкретный населенный пункт или земельный участок.

Кахбаха (дословно «цена соломы») подразумевал предоставление жителями фуража коннице и вьючному скоту правительственной армии. При Ахмад-шахе этот вид сбора устанавливался только в случаях прохождения армии при походах через территории конкретных районов и носил временный характер, но затем подвергся изменениям, о которых подробно будет сказано ниже. Макгрегор, описывая виды налогов Джелалабада, отмечает предоставление государству 1/3 полученной земледельцами соломы, излишняя часть которой возвращалась последним, но по более высокой цене — 2 рупии за *харвар*¹¹.

Асеяб (мельница). Распространенный по всему Афганистану вид налога с мельниц, взывавшийся натурой и не имевший фиксированной ставки.

Налоги на орошаемые земли в свою очередь разделялись на орошаемые речной водой, кяризами и родниковой водой и различались в ставках.

НАЛОГИ, ВЗИМАВШИЕСЯ В ДЕНЕЖНОЙ ФОРМЕ

Ангури (дословно «виноградный») — разновидность налога, принесенного в Афганистан Надир-шахом Афшаром. Несмотря на название, он распространялся не только на виноградники, но и все остальные плодовые деревья. Ангури взимался с каждого дерева или нескольких деревьев по фиксированной ставке, различавшейся по районам и провинциям.

¹¹ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 408–409.

Встречались некоторые другие виды местных налогов на садоводческую продукцию с подобными названиями. Например, в Джелалабаде *анари баг-и шах* (дословно «гранат шахского сада») — налог на королевские сады (Чар-баг, Бала-баг, Ишпан и другие, упоминающиеся в источниках). Его суть заключалась в принудительном распределении между населением по фиксированной цене полученного урожая садов, превышавшего необходимые нужды шахского двора. Здесь, как и в некоторых других случаях, интересным моментом является то, что после выхода из оборота королевских садов население обязывали платить *анари баг-и шах*¹². В Джелалабаде существовал еще один вид налога под названием *махсул-и-баг* (дослов. «садовый урожай») — налог на сады с различными видами фруктовых деревьев — вишней, сливой, айвой, гранатами, яблоками и абрикосами. Ставка составляла 1/3 продукции.

Джариби — денежный налог на садоводство/огородничество, в отличие от *ангури*, рассчитывался исходя из площади в один *джариб* (0,2 га). Ставки варьировались в зависимости от видов выращивавшихся фруктов и овощей.

Малаят — налог с сельскохозяйственной продукции в северных районах Афганистана. Его ставка различалась в зависимости от вида культуры и категории земли. Для зерновых, таких как ячмень и пшеница, она составляла 1/4 урожая с поливных и 1/10 — с богарных земель. С хлопка, бахчевых и огородных растений взималась 1/3 урожая. В садоводстве также действовали разные ставки, исходя из площади и видов фруктовых деревьев. К примеру, площадь размером в один *танап* (60 ярдов) виноградника облагалась в 25 *танга*, фруктового сада — 18–29 *танга*¹³.

Сари-кульба — налог, взимавшийся в северных районах исключительно с земледельцев как в денежной форме, так и натурой. Первая форма включала две разные ставки — с пары быков и с одного быка. При второй власти получали установленную долю сельскохозяйственной продукции после сбора урожая.

¹² Ibid. P. 409.

¹³ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 143.

*Саргала*¹⁴ — налог на скот, введенный Ахмад-шахом и действовавший в XIX в., изначально не распространялся на постоянное население Кандагара и взимался исключительно с приезжих, переселившихся в область из других мест. Что касается ставки, то она различалась и, например, в районе Килат-и *гильзаи* на мелкий рогатый скот составляла 1 кабульскую рупию с 9–10 голов.

Шах-шумари — налог на крупный рогатый скот, а именно буйволов по ставке 1 рупия с поголовья скота. Данный вид налога на коров не распространялся¹⁵.

РЕФОРМЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ САДОЗАЯХ И В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ БАРАКЗАЕВ

Последние правители династии садозаев, правившие Афганистаном, в налоговой сфере придерживались норм, введенных Ахмад-шахом Дуррани, не нарушая традиции предшественников. Следовательно, в основе налоговой политики династии лежали введенные во второй половине XVIII в. виды и ставки. Это, в частности, касалось и главного источника поступлений доходов казны — налога с земли. Такая преемственность, во-первых, объяснялась наличием мощного источника поступлений с богатых индийских областей, во-вторых, отсутствием каких-либо существенных изменений в самой системе управления страной, перманентностью расходных статей казны, отсутствием признаков социально-экономического изменения, архаичностью механизмов функционирования государственного аппарата. Неизменность системы управления государством ограничивала и тормозила финансовые возможности на фоне растущих потребностей. Правители центральной власти довольствовались положением, при котором легитимность обеспечивалась предоставлением налоговых льгот и субсидий номинально подчиненным ханам, вождям племен, духовенству и прочим влиятельным лицам, в рамках чего казна ограничивалась лишь расходами, связанными с содержанием войск. Налоговые ставки, как уже было

¹⁴ У Г. Роулинстона «Sirgulla» — букв. поголовье скота (Rawlinson, H. C. Report on... P. 827).

¹⁵ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 409; Adamec, L. W. Vol. VI. P. 291.

отмечено, для подданных в одних и тех же территориях могли различаться в зависимости от этно-конфессиональной принадлежности налогоплательщиков. Корни такой политики уходили во времена Ахмад-шаха. Например, унаследованный от Надир-шаха Афшара 10% налог (*ушр*) на валовой урожай сельского хозяйства в своей прежней форме сохранился только для непустунов. Представители племени дуррани, получившие в *джагир* земли в Кандагаре и пользовавшиеся значительными привилегиями, взамен воинской повинности были вовсе освобождены от основных видов налогов и податей.

Изменения в налоговой системе отмечаются в последние годы правления садозаев (при Махмуд-шахе), но и те были направлены не на усовершенствование фискальной политики, а лишь на ограничение прав и льгот привилегированной части пуштунов. Точнее, введенные реформы в этой сфере ограничивались пределами Кандагара и непосредственно затрагивали экономические интересы и социальный статус племени дуррани. В других частях, а именно Кабуле, Герате, северных областях, не отличавшихся суровостью материального давления на жителей, нововведения не фиксировались в тех масштабах, какие имели место здесь. К тому времени дуррани не облагались такими видами налогов, как *ханадуди*, *саргала*, *харадж* и *ангури*, однако на них ежегодно распространялись налоги с мельниц в размере $\frac{1}{2}$ *харвара* зерна или 4 рупии с каждой мельницы в год, сбор на содержание старосты в размере 1 *аббаси*, а также *мираби* — 12 *манн* зерна с поливных земель¹⁶. Дискриминация имелась и на уровне самих пуштунских племен, когда одни пользовались большими привилегиями, другие меньшими. О высоком положении и статусе дуррани говорит факт распределения между его знатью части налоговых поступлений от других пуштунских племен, среди которых имелись те, кто одновременно с предоставлением воинов вносили налоги¹⁷. Тем не менее для них, в отличие от непуштунского населения, таких как таджики, вводились относительно низкие ставки¹⁸. Политика налоговой дискриминации привела к посте-

¹⁶ Рейснер И. М. Развитие феодализма... С. 348.

¹⁷ Elphinstone, M. Vol. II. P. 157–158.

¹⁸ Ibid. P. 407–408.

пенному сокращению объемов поступлений в центральную казну. Не все племена, особенно жившие в отдаленных от центра районах, вносили налоги согласно установленным ставкам, а некоторые другие, по сведениям Эльфинстона, ежегодно выплачивали фиксированную сумму¹⁹. Здесь автор, по всей видимости, подразумевает систему *джамбаст*.

Обстоятельства, вынудившие садозаев пересмотреть отношение к дуррани, связывались с материальным положением племени. На протяжении всего периода вожди племени дуррани Кандагара, нарастив богатство, превратились в крупных землевладельцев, что отчасти произошло за счет захвата районов проживания неафганцев, отчуждения их земельной собственности. Такая ситуация привела к сокращению числа потенциальных налогоплательщиков, вносивших ранее намного большие суммы с завоеванных земель²⁰.

Стоит также отметить, что непущуны в пределах юга, востока, запада и центральных районов платили налоги по ставке выше, чем в местах компактного проживания, где установленные нормы соблюдались частично или вовсе игнорировались. В начале века население районов к северу от Кабула во всех отношениях вело независимую жизнь, подчинялось только местным правителям²¹, а на территориях проживания аймаков власть шаха действовала номинально, доходами от налогов распоряжались племенные вожди. Между тем политическая власть правителя Герата распространялась и на них, так как при необходимости они предоставляли войска, а на службе при дворе на-

¹⁹ Elphinstone, M. Vol. II. P. 258–259.

²⁰ При Ахмад-шахе иные коренные жители района Кандагара получали равные с пуштунами права, но со временем по мере роста материального благосостояния дуррани отношение к ним изменилось. Основная причина заключалась в принадлежавших им, в частности хазарейцам, территориях с плодородной землей. Прессинг непущунов в некоторой мере произошел с одобрения властей, заботившихся об интересах собственных соплеменников, но, возможно, не думавших о последующих негативных материальных последствиях. Иными словами, по мере расширения территорий дуррани уменьшились доходы казны, итогом чего стало столкновение интересов властей с новыми хозяевами обрабатываемых земель.

²¹ Elphinstone, M. Vol. II. P. 409.

ходились либо сами, либо оставляли близких родственников²². Следовательно, чем ближе к зонам досягаемости центральных правителей находилось население, тем сильнее оно попадало под налоговый гнет.

Политика освобождения дуррани от всех обязательств и предоставления налоговых льгот прочим племенам превратилась в неэффективный инструмент, приведший со временем к постепенному снижению поступлений в казну. По мере захвата племенами все большей части земельной собственности таджиков и хазарейцев, ежегодно вносивших определенную налоговую сумму, поступления в казну начали сокращаться. Вопрос заключался в требовании властей к новым владельцам земельной собственности внести налоги по прежним традиционным ставкам — 1/3 части произведенной сельскохозяйственной продукции, а это их не совсем устраивало. Племена справедливым по отношению к себе видели распространение на новых земельных площадях условий, имевших ранее место при Ахмад-шахе, поскольку считали себя непосредственными участниками завоевательных походов и соглашались на передачу в казну только 1/10 части продукции²³. Такое положение не удовлетворяло власти и привело к постепенному изменению отношений между сторонами²⁴.

Наряду с землей и земледельческой продукцией²⁵ в аграрном секторе объектом налогообложения выступали также во-

²² Ibid. P. 205; 207.

²³ Rawlinson, H. C. Report on... P. 829.

²⁴ На начало столетия в целом существовали относительно подъемные ставки на земледельческую продукцию налогоплательщиков, на долю которых приходилась основная часть доходов государства. Формально со стороны властей был введен земельный налог, величина которого «варьировалась в зависимости от местных условий и обычно составляла от одной десятой до одной трети урожая; налог собирался преимущественно в натуральной форме; при этом зерно, необходимое для будущего посева, как правило, вычиталось из урожая до уплаты налогов» (Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 97).

²⁵ Имеющиеся данные свидетельствуют о главенствующей роли сельскохозяйственного производства в формировании налоговых доходов. В Газни и окрестных районах, к примеру, они несколько превышали 404 тыс. рупий, из которых около 62% (250 тыс. рупий) приходилось на долю налоговых поступлений с земледельческой продукции. Если рассматривать по районам проживания отдельных этносов, то по 90 тыс. рупий приносили Вардак и афганские племена других мест, 70 тыс. — земли, принадлежавшие таджикам.

дные источники, обеспечивавшие развитие орошаемого земледелия²⁶.

В связи с указанными обстоятельствами реформирование налоговой политики предпринималось во втором десятилетии сыном Махмуд-шаха — принцем Камраном, при котором экономические интересы государства взяли верх над этнополитическими и племенными. Немаловажная роль в этом деле принадлежала визирю Фатх-хану. Изменения касались пересмотра налоговой политики, а именно расширения перечня видов хозяйственной деятельности, подлежащих обложению налогом, повышения размеров действовавших ставок, пересмотра некоторых преференций для отдельных групп населения, что положило начало ограничению материальных интересов пуштунов Кандагара. Это непосредственно было направлено на обложение налогами племен, в первую очередь дуррани, в руках которых сосредоточилась важнейшая часть источников доходов. Такой подход был продиктован финансовыми обстоятельствами, поскольку сокращение доходов садозаев за счет военных экспедиций в отдельные территории вынудило искать другие источники, что и привело к постепенному изменению внутренней социально-экономической политики, перераспределению собственности, прежде всего земельной, внутри подвластных областей.

Среди прочих главных особенностей нововведений выделялись переход по некоторым видам налогов и податей от натуральной формы к денежной. Перечень расширился за счет перевода многих действовавших временных натуральных податей в постоянные сборы с установлением фиксированных ставок в денежном выражении, отмены трудовой и воинской повинностей в пользу постоянных налогов. Они, в частности, затрагивали интересы племени дуррани, которых теперь обязывали платить отдельные виды налогов наравне с другими подданными. На них начал распространяться введенный денежный налог *кахбаха* в размере

жикам. Хазарейцы Карабага, Джагури и Малистана вносили 89 тыс. рупий, хотя не указывается источник формирования этих доходов, но скорее всего это тоже продукция сельского хозяйства, возможно, животноводческая (Masson, Ch. Vol. II. P. 222).

²⁶ Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 99.

8 рупий с каждого *джагир-кульба* (1 *кульба* = 74,5 акра)²⁷ на землях, зависевших от г. Кандагара. Отметим, что изначально *ках-баха* подразумевал поставки соломы исключительно в случаях нехватки фуража для королевской кавалерии, но теперь он превратился в разновидность постоянного налога. Также была отменена ранее существовавшая обязанность предоставления племенами пяти крестьян в течение пяти дней на ремонтные работы оросительного канала и введен сбор в размере 3 рупий с каждого *кульба* земли. Роулинсон отмечал, что такой подход по отношению к племени дуррани со стороны принца Камрана «был продиктован здоровой и продуманной политикой»²⁸. Для направления всех денежных потоков в казну он последовательно шел к подрыву финансового положения дуррани, но при этом использовал и политические методы достижения поставленных целей. Параллельно ликвидировал влиятельных представителей племени, что лишило их единства и порядка и привело к возникновению внутриплеменных разбоев и грабежей²⁹. Такая тактика была не новой и ранее со стороны принца при поддержке визиря эффективно использовалась не только в Кандагаре, но и других местах³⁰.

Закат власти Махмуд-шаха и фактический распад государства на несколько независимых территорий под властью многочисленных братьев, назначенных при жизни Фатх-ханом правителями провинций и городов, стал началом нового, более сложного периода как для пуштунских племен, так и других этносов. Братья баракзаи не только в Кандагаре, но и соседних владениях значительно увеличили собственное состояние за счет внутренних поступлений. Имущество Мухаммада Азим-хана, первого правителя Кабула из новой династии, например, оценивалось в 30 млн рупий, или 3 млн фунтов стерлингов, что после его смерти превратилось в предмет разногласия между братьями³¹. Газни

²⁷ Tate, G. P. The Kingdom of Afghanistan... P. 63.

²⁸ Rawlinson, H. C. Report on... P. 833–834.

²⁹ Ibid.

³⁰ Для покорения района Кухистана и включения в налоговую юрисдикцию Махмуд-шаха Дост Мухаммад первым делом в течение двух месяцев физически устранил всех видных представителей региона (Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 94–99).

³¹ Tate, G. P. The Kingdom of Afghanistan... P. 132.

при прежних королях приносил доход в 200 тыс. рупий, но Амир Мухаммад-хан помимо этой суммы еще получал 80 тыс. рупий от области Вардак, 40 тыс. рупий из Логара³².

Известные в англоязычной литературе как «кандагарские братья» (Шердил-хан, Пурдил-хан, Мехрдил-хан, Кохандил-хан и Рахмдил-хан), правители Кандагара продолжили начатую Камраном политику и пошли еще дальше в деле реформирования фискальной системы. Не только здесь, но и на других подвластных территориях велась самостоятельная, независимая от Кабула и друг от друга налоговая политика и своя финансово-хозяйственная деятельность. Нагрузка на население везде стала ощутимой, но ситуация в Кандагаре отличалась особой жестокостью. С одной стороны, продолжая линию предшественников, налоговыми инструментами лишали сверхдоходов верхушку дуррани, обладавших крупными земельными участками, с другой по всей области распространяли систему, от которой, по сведениям источников, не осталось свободной жизнедеятельности³³.

Политику Камрана, а позже правителей Кандагара в деле понижения социально-экономического и политического статуса племен дуррани следует интерпретировать не как попытку борьбы за справедливость в налоговой сфере, а, как уже отмечалось, как возвращение в русло бюджета недополученных средств. Следовательно, эти реформы были нацелены на полную ликвидацию основ финансовой независимости дуррани, контролировавших подавляющую часть плодородных земель вблизи города и его окрестностей. Новые условия воспринимались негативно не только дуррани, но и другими племенами, поскольку большая их часть, получавшая налоговые льготы взамен воинской повинности, привыкла к автономности и отрицательно реагировала на любое решение властей относительно этого вопроса. Более того,

³² Masson, Ch. Vol. I. P. 254–255.

³³ Лич пишет, что система налогообложения охватывала все — от налогов на убийство гражданина до продажи обуви, и особым отличием являлось ежедневное взимание налогов, что ни в одной другой стране мира не практиковалось (Leech, R. Notice on the affairs of Candahar in 1838, with sketch of the preceding Dooranee history. № X // Report and papers. Political, Geographycal and Commercial. submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttmann, Bengal Military Orphan Press. 1839. P. 51).

пуштунские племена, в силу привилегированного социального положения, в отличие от других этнических групп имели возможность разными способами уклоняться от уплаты части налогов, выражать недовольство относительно решений властей³⁴. Хотя и на льготных условиях и постепенно, власти повсеместно пытались облагать налогом все пуштунские племена, включая дуррани. Как потенциальная военная сила дуррани при баракзаях не были востребованы, так как в новых условиях функция армии ограничивалась исключительно сбором налогов и подавлением восстаний. Следовательно, привилегированное положение дуррани только отрицательно сказывалось на доходах властей и ничем не компенсировалось.

В первые годы прихода к власти, не имея потенциала и ресурсов, как в былые времена, для организации внешних походов, братья-баракзай, за исключением Дост Мухаммада, питавшего надежду возвратить Пешавар, сконцентрировали свою энергию и силу на внутренних источниках доходов, а инструментом выступала налоговая политика. Интересы кандагарских правителей, если не считать поход в Герат (1824 г.), где обосновался Махмудшах со своим сыном принцем Камраном, в основном ограничились пределами подконтрольной области и, следовательно, для решения внутренних задач услуги воинов дуррани, находящихся в положении *джагирдаров*, обошлись бы им слишком дорого. Поэтому имевшаяся на службе сравнительно немногочисленная армия из числа других племен и народностей была достаточна для продвижения налоговых реформ, а также принуждения дуррани к принятию новых условий.

Положение налогоплательщиков в Кабуле, а также в Герате, где правил принц Камран, было одинаково непростым, но особой сложностью ситуация отличалась в Кандагаре, где жителей разорили в прямом смысле этого слова, а сам регион довели до крайней нищеты. Такая ситуация в некоторой степени была связана с внутривластной обстановкой на уровне верховной власти. Между пятью братьями-правителями Кандагара велась скрытая борьба, в которой каждый стремился максимально укрепить свою

³⁴ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 63; Ferrier, J. P. History... P. 322–325.

мощь путем усиления материального положения, увеличения налоговой нагрузки. Это привело к разрушению основ экономики области, снижению численности населения. Жители, не справившиеся с завышенными ставками, в целях минимизации налоговых затрат решили ограничить или полностью отказаться от обработки земельных участков, занятия садоводством, особенно выращивания винограда. Схожие процессы, отличавшиеся своими методами, происходили и в других регионах³⁵.

Реформы в большей степени коснулись воинской повинности, а именно введения фиксированного денежного налога взамен ряда форм предоставления племенами контингента. В частности, изменениям подверглись существовавшие со времен Ахмад-шаха формы предоставления вместо поземельного налога таджикским населением солдат, которых называли гулями-шахи (дословно «шахские рабы»), и обеспечения племенами служащих легкой артиллерии на верблюдах — *шахинчи* (верблюжий фальконет) и т. д. Обе эти формы были отменены, а вместо них установлены денежные налоги³⁶. *Мираби*, введенный Ахмад-шахом на *джагир-кульба* в виде предоставления племенами рабочей силы для обеспечения работоспособности водного канала из р. Аргандаб, переведен в прямой налог со значительно повышенной ставкой, хотя соответствующие обязательства, как и раньше, продолжали действовать. Сборы *кедходаи*, взимавшиеся вождями племени дуррани с соплеменников в пользу офицеров низшего ранга, теперь действовали как постоянные денежные налоги, шедшие в казну. Налог с мельниц устанавливали без какого-либо различия между всеми земледельцами, а на плодородные участки в окрестностях города, в основном возделывавшихся дуррани, введен денежный налог в зависимости от плодородности почвы³⁷.

³⁵ Наглядным примером служат северные районы, где в эти годы в целях увеличения численности налогоплательщиков Мурад-бег в принудительной форме переселял население других мест в нездоровые районы Кундуза. В Кандагаре проблемы возникли с удерживанием коренного населения, которое единственный выход спасения от непосильного экономического давления видело в бегстве и переселении в более отдаленные места.

³⁶ Elphinstone, M. Vol. II. P. 267; Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 127–129; Rawlinson, H. C. Report on... P. 835.

³⁷ Rawlinson, H. C. Report on... P. 838.

Подушный налог *ханадуди* (подробнее об этом ниже), ставка которого со времен Ахмад-шаха устанавливалась в размере 2 рупий с одного хозяйства приезжих, не распространялась на представителей племени дуррани и персов. При этом само название заменилось на *ханавари*, ставка повысилась и составила от 3 до 15 рупий на семью; исключением остались только дуррани³⁸.

Изменение претерпел и налог *ангури*, до этого продолжавший взиматься только с садов, принадлежавших *райяту*³⁹. Теперь он с относительно высокой ставкой распространился на все сельские земли, вне зависимости от принадлежности⁴⁰.

Нововведения по части налога на домашний скот затронули только непущтунские группы населения Кандагара. *Саргала*, взимавшийся раньше с поголовья скота приезжих из расчета 1 *шахи* с мелкого рогатого скота, 4 — с коровы, 5 — с кобылы и 6 *шахи* с верблюда, после реформы, во-первых, действовал по новой, в несколько раз выше прежней, ставке (4 *шахи* за овцу, 12 за корову или кобылу и 14 — за верблюда). Он распространялся на ранее освобожденных от него таджиков, прочие племена и народности. Примечательно, что наряду с пуштунами *саргала* по-прежнему не охватывал и *белуджей*, пользовавшихся особыми льготами⁴¹.

Эти и другие примеры показывают последовательность ужесточения налоговой политики Кандагара для всех без исключения жителей. Некоторые преференции, допускавшиеся в отношении племен, особо не облегчали им материальное положение. Действия властей, как было отмечено, направлялись на выравнивание социального и экономического статуса населения, в частности дуррани с другими пуштунскими племенами и этническими группами. Новые власти допускали в отношении дуррани действия, ранее применявшиеся только к прочим жителям, стремясь максимально забрать излишек урожая и оставить лишь необходимое количество для пропитания и посевов следующего года. Более наглядно это видно из практики установления земельного нало-

³⁸ Ibid. P. 827; 835.

³⁹ Под райятами подразумевалось в основном непущтунское земледельческое население сельских районов.

⁴⁰ Rawlinson, H. C. Report on... P. 835.

⁴¹ Ibid. P. 827; 835–836.

га и методов его сбора. В случае выражения недовольства власти могли поставить дуррани перед выбором: либо платить налоги, либо же освободить земли, которые были в большинстве случаев ими узурпированы. Создавались искусственные условия, при которых земледельцы из числа дуррани, жившие на расстоянии от города, вынуждались продавать правительству зерно по цене в 2,5 раза ниже, чем в столице, а правительственные агенты при взвешивании урожая использовали неисправные весы для оценки объема продукции и приема ее на правительственный склад⁴².

Характер отношений между правителями и землевладельцами дуррани нельзя назвать чем-то новым, поскольку они формировались в рамках общих тенденций, происходивших на более низком, внутриплеменном уровне процессов. Превращение бывших скотоводов в крупных земледельцев изменило отношения внутри общины. То есть при переходе к оседлости изменился и социальный статус ранее бедных, но свободных членов племени. Теперь, обрабатывая земли богатых соплеменников, они переходили «в разряд зависимых и формально и фактически превращаясь в бесправных райятов, обрабатывавших земли дурранийских ханов, ставших крупными феодальными землевладельцами»⁴³. Этот процесс постепенно поднялся до национального уровня, и в итоге крупные землевладельцы и верхушка дуррани, эксплуатировавшие более бедных соплеменников, теперь попали под гнет самих властей, с которыми имели общие корни.

Отказавшись от услуг дуррани в качестве военной опоры, власти сформировали 3-тысячную конницу, основная задача которой заключалась в обеспечении своевременного и полного сбора налогов. В качестве военной силы власти опирались на представителей разных племен и этносов, среди которых дуррани не встречались. На службе при дворе правителей преимущественно находились представители племени *гильзаи*, обеспечивавшие силовое крыло и имевшие негативные отношения с дуррани, которых они считали узурпаторами власти. Например, Тадж Мухаммад-хан Какар, получавший ежегодное

⁴² Rawlinson, H. C. Report on... P. 836.

⁴³ Рейснер И. М. Развитие феодализма... С 352.

жалование от Рахмдил-хана в 60 тыс. рупий, мог предоставить 300 конных воинов. Худаназар-хан гильзаи, получавший 300 рупий в месяц, имел под своим командованием 300 человек, а при необходимости был способен собрать до 1 тыс. Сохбат-хан гильзаи имел 2 тыс. рупий в месяц и 500 воинов, Рамзан-хан гильзаи получил *джагир* в 100 тыс. рупий и предоставил 100 всадников. Таджик Мирза Ахмад-хан командовал 100 всадниками. У Кохандил-хана на службе находился Аминаллах-хан — перс по происхождению, получавший 300 тыс. рупий в год и предоставивший 100 всадников. Мулла Юнус гильзаи имел под командованием 100 всадников и был готов предоставить до 500 человек из числа соплеменников для поддержки правителя⁴⁴. Гильзаи и до этого, в отличие от других, находились в более благоприятном положении. Помимо воинственного характера племени, это еще было связано с географией их расселения, а именно компактном проживании в отдаленных от центра районах. В целом от налоговой политики больше всех пострадали жители города и прилегающих районов, подтверждением чему служит положение дурранийских племен, живших на солидном расстоянии от ставки правителей Кандагара и плативших меньше налогов, чем те, кто проживал на земле, привязанной непосредственно к городу и окрестным районам.

Гильзаи при садозаях взамен земельных налогов предоставляли шаху до 2 тыс. всадников. Примечательно, что дополнительно к этому солдаты всегда поставлялись на условиях оплаты, а вожди племени кроме получения жалования от правительства имели в Панджабе обширные территории как *джагир*. Им предоставлялось право взимания пошлин и сборов с караванов. Правители Кандагара претендовали на годовой доход от налогов с гильзаев в 200 тыс. кандагарских рупий, однако на практике получение такой суммы с последних не представлялось возможным⁴⁵. Тем не менее в отдельных случаях, находясь за пределами территорий компактного проживания, им приходилось выплачивать налоги строго по требованиям. Также кочевые гильзаи-скотоводы

⁴⁴ Leech, R. Notice on the affairs of Candahar in 1838... P. 59–60.

⁴⁵ Yapp, M. E. Disturbances in Western Afghanistan... P. 298.

в период миграции в соседние провинции в целях зимовки платили натуральные налоги местным правителям⁴⁶.

Для дуррани еще более серьезной проблемой при сборе налогов стал сам процесс, выступавший инструментом всестороннего давления. К этой работе привлекались агенты из числа таджиков, в частности, лица, имевшие личные счета с дуррани, т. е. пострадавшие от их рук в прошлом. Это обостряло отношения между двумя сторонами. Приход к власти Шаха Шуджы, вопреки ожиданиям племени дуррани, не внес изменений в области налоговой политики, особенно по части методов сбора, так как этой работой по-прежнему продолжали заниматься нанятые баракзаями лица⁴⁷.

Впоследствии в рамках политики максимизации доходов за счет налоговых поступлений отменялись принудительная поставка зерна, начисление *кахбаха* и пятидневный принудительный труд (*ширана-панджуза*). Им на замену пришел налог на зерно из расчета 3 *харвара* на каждый *джагир-кульба* на землях, прикрепленных к городу, и 2 *харвара* — с земель других районов. Правители Кандагара на этом, однако, не остановились и продолжили дальше поднимать ставки по земельным налогам, что явно указывает на испытание терпения дуррани. Например, по мере стабильного внесения в течение нескольких лет причитавшегося налога по указанной ставке власти усилили давление, требуя с каждого *кульба* по 30 *манн* зерна. Из этой части одна половина взымалась под названием *амбардари* (хранение), изначально преподносившаяся как плата правительственным агентам, занимавшимся реализацией зерна, но затем превратилась в собственный доход правителей, а другая — побор в размере 5%, получивший название *тафавут-и санг* («разница в весе»), который взимался под предлогом внедрения учрежденной правительством новой меры весов⁴⁸.

⁴⁶ За пользование пастбищами Кунара, например, с каждой отары из 300 голов правитель получал 7 овец, 1 *сур* масла и молока, одно шерстяное покрывало. Кроме того, за каждого верблюда гильзаи обязаны были поставлять один верблюжий груз дров (MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 558).

⁴⁷ Yapp, M. E. Disturbances in Western Afghanistan... P. 308.

⁴⁸ Другую разновидность сборов в размере 4 *аббаси* или 16 *шахи* (5 *аббаси* составляли 1 рупию) стали требовать с каждого *джагир-кульба*, зависевших от

Следовательно, многие изменения в налоговой сфере принимались для прямого перенаправления в казну поступлений, шедших раньше по другим каналам. Иными словами, доходы от всяких нововведений, неважно под каким названием преподносились они землевладельцам, в конечном счете присваивались правителями.

Таким образом, дуррани как налоговые субъекты в Кандагаре получили примерно такие же права, какие имелись у райятов. При этом повысился статус представителей клана баракзаев, начавших пользоваться «большими преимуществами, превосходящими все те, которые были предоставлены племени дуррани с момента их основания в этом регионе»⁴⁹.

Для сравнения с Кандагаром следует отметить расходы, связанные со сбором земельного налога в Джелалабаде. Главными сборщиками, как правило, выступали *малики*, передававшие право взимания хакимам, либо от его имени, в свою очередь, сбором налогов занимались агенты. Непосредственными лицами, осуществлявшими в каждой деревне прямой контроль регистрации, взвешивания, распределения, хранения полученного урожая и получавшими за свою работу вознаграждение, были *калам-зан*, с долей в 4 *сира* с каждого *харвара*, *забит-и дех* — 4, *чауки-дары* — 6 и *таразу-дар* — 4 *сира* соответственно⁵⁰.

Власти в итоге преуспели в своих реформах как в плане роста налоговых поступлений, так и лишения дуррани всех форм неприкосновенности, предоставленных им ранее государством. По сведениям одних источников, благодаря своим налоговым реформам и тотальному угнетению всего населения без исключения правителям удалось ежегодно собирать 100 тыс. золотых дукатов,

города земель, формально как плата министру, но, как и в других случаях, деньги поступали в казну. С этих земель также начали взимать 14 *шахи* (20 *шахи* = 1 рупий) с 400 *джагир-кульба*, якобы предназначенные на покрытые расходов, связанных с предоставлением рабочих для наблюдения за ледниками. Наряду с этим заново был восстановлен *кахбаха* в двух формах: натуральной из расчета 3 *харвара* соломы, или в денежном выражении 9 рупий на каждый *джагир-кульба*. Еще один пункт в размере 10% под названием *мохассели* (комиссия агентов) установили на выручку от продажи зерна, впоследствии он был снижен до 6% (Rawlinson, H. C. Report on... P. 836–837).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 412.

что равнялось примерно 60 тыс. фунтам стерлингов⁵¹, а по другим, только за счет распространения земельного налога на племя дуррани размер собственных доходов правителей увеличился примерно на 300 тыс. кандагарских рупий⁵².

Как выше было отмечено, не на всей подконтрольной территории кандагарских правителей действовала такая налоговая система и политика, не все проживавшие под управлением братьев-баракзаев представители племени дуррани согласились или смирились с подобным отношением. Она применялась выборочно в зависимости от ситуации. Там, где дуррани имели силу и способность дать отпор, власти не стали особо вмешиваться в хозяйственную жизнь и были осторожны в своих действиях. К западу от Кандагара находились районы проживания племен *ватак*, *тохи*, *андар*, *насери* и *джелалзай*, ежегодный доход которых составлял 600 тыс. рупий. Эти мятежные племена вовсе не платили налоги центру. В западном направлении районы Пенджбаи, Кишк, Наход, Гармсель, Наузад, Над-Али, Гиришк, Тамири, Заминдавар находились в ведении Кохандиль-хана и ежегодно приносили ему 400 тыс. рупий. Рахмдиль-хан ежегодно получал с Тизин, включавшего 9 районов, 500 тыс. рупий. Районы, расположенные к югу, подчинялись Мехрдил-хану. Его ежегодный доход составлял 300 тыс. рупий⁵³. Это в первую очередь касалось жителей Заминдавара, для которых ставка налога была снижена с 10 *харваров* до 4 с одного *кульба*⁵⁴.

Налог на водные источники взимался по двум принципам: исходя из количества потребляемой воды для полива определенного участка и размеров самих источников поступления воды. Последний непосредственно подразумевал кяризные⁵⁵ и родниковые источники орошения. Небольшие ирригационные сооружения снабжали водой земли отдельных районов, следовательно,

⁵¹ Conolly, A. Vol. II. P. 106.

⁵² Rawlinson, H. C. Report on... P. 839.

⁵³ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 315–316.

⁵⁴ Rawlinson, H. C. Report on... P. 838.

⁵⁵ Налог на кяризы, судя по распространенности данного метода орошения, приносил неплохие доходы. Так, по сведениям М. Лала, Сабзевар охватывал 300 деревень с 300 кяризами (Lal, M. Travels in the Punjab... P. 283).

там, где полив осуществлялся оросительными каналами, построенными на основе вод р. Аргандаб, исходили из расхода воды. Точнее, использовался метод расчета, при котором нормой считалось количество воды, достаточное для полива раз в неделю площади размером в один *кульба*. К кяризному орошению данный вид не применялся. Здесь внимание обращалось на размеры самого водного источника, из-за чего ставка налога тоже различалась по населенным пунктам. Например, одни деревни, имевшие меньшие по размерам кяризы, платили 50 рупий, а другие в два раза больше. Лишенные водных источников земледельцы получали к ним доступ по высокой цене. Так, владельцы кяризов, снабжавшие водой чужие поля, претендовали на половину полученного урожая⁵⁶.

Социально-экономические последствия налоговой политики баракзаев в итоге негативным образом сказались как на производстве аграрного сектора, так и на демографии региона, поскольку привели к сокращению объемов сельскохозяйственного производства и численности населения. Помимо официальных налогов, вымогательства налоговых агентов произвол в отношении жителей, в частности земледельцев, нередко допускался со стороны служащих армии⁵⁷.

Не только в Кандагаре с его непрерывным изменением налогов и повышением ставок, но и там, где особые перемены в этой сфере не происходили, ситуация была схожей. В Джелалабаде 2/3 возделываемых земель не обрабатывались по той причине, что земледельцы из-за предельно завышенной налоговой нагрузки перестали заниматься производством, которое приносило лишь убытки. В результате местное население мигрировало в другие места, по большей части в Туркестан, Иран, Синд и прочие зару-

⁵⁶ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 29.

⁵⁷ По традиции солдаты не всегда своевременно или в полном объеме получали причитавшееся им жалование, что вынуждало их постоянно находиться в поисках источников возмещения своих затрат. Грабеж населения со стороны солдат, о чем было известно и правителям, стал обычным делом. Фактически налогоплательщики тратили столько же, а может, и больше, чем платили по официальным ставкам. В некоторых случаях посевы не доживали до сезона сбора урожая, так как раньше срока уходили на корм для скота солдат и офицеров, что вовсе лишало крестьян доходов.

бежные страны в поисках работы⁵⁸. Такая ситуация привела к сокращению налоговых поступлений, однако в Кандагаре власти продолжали взыскивать налоги в прежних объемах с оставшейся части населения, и по мере миграции жителей размер суммы на каждое оставшееся хозяйство увеличивался⁵⁹.

Схожие тенденции наблюдались в большинстве мест, где в эти годы к власти пришли представители нового поколения. В Герате Камран продолжил линию, которую вел в свое время в Кандагаре в отношении племени дуррани. Жестокие методы сбора налогов там ничем особо не отличались. Экономическая политика Камрана сводилась к тому, что кризисные ситуации, приводящие к снижению доходов населения и спаду экономики в целом, не должны были отразиться на поступлениях в казну. При сокращении объемов доходов применялся широкий набор инструментов их увеличения. Они начинались с введения дополнительных поборов, штрафов и заканчивались открытым вымогательством. Эти меры затрагивали все слои населения, но сравнительно большие притеснения и жесткое давление ощущали представители сферы торговли⁶⁰.

На севере наблюдались аналогичные процессы, но в относительно меньших масштабах. Первые три десятилетия фиксировались небольшие изменения в сторону усиления налоговой по-

⁵⁸ MacGregor, C. M. *Central Asia. Part II...* P. 410–411; Lumsden, H. B. *The Mission to Kandahar...* P. 30.

⁵⁹ Для пресечения попыток бегства и наведения страха применялись самые разные виды суровых наказаний. В случаях, когда хозяйство не могло внести налоговые выплаты, затраты возмещались путем продажи в рабство его членов. В итоге к 40-м гг. более 100 тыс. человек из числа жителей Кандагара эмигрировали в другие регионы Афганистана или соседние страны (Ferrier, J. P. *History...* P. 325; MacGregor, C. M. *Central Asia. Part II...* P. 64).

⁶⁰ Здесь для более наглядного отражения ситуации достаточно привести пару примеров применения принцем Камраном практики вымогательства средств у купцов. Для того, чтобы взыскать большую сумму штрафа с некоего богатого, но крайне предусмотрительного купца, путем подкупа танцовщицы, которой удалось прорваться в его дом, удалось взять его под стражу за «аморальное поведение». Он был отпущен после внесения требуемой выплаты. На городском базаре расположили изолятор для преступников, которым предоставили возможность обращаться за помощью к прохожим и просить, чтобы помогли с деньгами для своего освобождения. Эта схема тоже часто срабатывала. Камраном был установлен номинальный размер ежегодного дохода в 20288 гератских туманов, который необходимо было собрать, но в реальности за счет дополнительных поборов и взысканий сумма увеличивалась в два раза (Conolly, A. Vol. II. P. 10–12).

литики⁶¹. Изначально ставки, особенно для соплеменников, были невысокими. В целом на севере, если сравнивать с Кандагаром, действовали более приемлемые налоги, отличавшиеся размерами ставок. В частности, согласно Муркрофту, размер налога на мелкий рогатый скот в Талукане, взимавшийся Мурад-бегом, составлял один процент⁶², а в Балхе, по сведениям Эльфинстона, с населения взимался только *ушр*⁶³. Правитель Кундуза в пределах его территорий обладал всей полнотой власти над завоеванными землями, считался хозяином, имевшим единоличное право давать разрешение на обработку земель, поощрял расширение площади обрабатываемых наделов. Главная проблема региона, препятствовавшая расширению объемов производства продукции земледелия, на практике заключалась в наличии большой территории при остром дефиците человеческих ресурсов⁶⁴.

Налоги и ставки для населения самих владений Мурад-бега оставались невысокими в силу наличия доходов от периодических набегов на соседние области, грабежей. Такая ситуация обуславливалась, во-первых, ограничением походов правителей северных областей в пределах региона, отсутствием необходимых сил для захвата более далеких территорий, во-вторых, примитивностью властной структуры, не требовавшей больших

⁶¹ В Балхе, например, при правителе Килич Али-бек транзитная торговля освобождалась от пошлин, но после прихода к власти его сына были установлены тарифы.

⁶² По его сведениям, только с района Талукана правитель Кундуза ежегодно получал 35 тыс. голов овец из расчета 1%, что вызывает сомнение. Если верить этим цифрам, поголовье овец только в Талукане составляло 3,5 млн (Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 483).

⁶³ Elphinstone, M. Vol. II. P. 188.

⁶⁴ «Считается, что Мурад-бек, правивший на большей части этих территорий на правах завоевателя, держит в своих руках сборы за все земли, находящиеся под его властью, и без его согласия и санкции нельзя обрабатывать эти земли. ... На самом деле непропорционально малая в сравнении с его территориями численность населения, не превышающая 21 (человек) на квадратную милю, убедила его в необходимости всячески поощрять новых поселенцев, и земля предлагается тому, кто возьмет ее на легких условиях оплаты, если земледельцы — от одной десятой до одной восьмой части продукции; если овцеводы, то одна пятидесятая часть их поголовья ежегодно. Разница в стоимости земель регулируется в вышеуказанных пределах их близостью к воде или удаленностью от нее, а в Ростаке и Талукане, как я понимаю, есть большие обрабатываемые участки, которые не платят никакой платы, но они принадлежат старым слугам семьи, ближайшим родственникам и личным друзьям, которые оказывали помощь Амиру в его ранних трудностях» (Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 111).

материальных затрат. Следовательно, средства, поступающие от ограниченных видов официальных налогов, а также военные трофеи покрывали существующие потребности. Тем не менее не исключено, что неофициальные поборы, вымогательства, единовременные сборы по разнообразным причинам имели место повсюду.

Набеги на соседние территории сняли нагрузку с жителей Кундуза, поэтому многие виды налогов, существовавшие в других местах Афганистана, здесь просто не вводились. Это касалось как сельскохозяйственного производства, так и других видов хозяйственной деятельности, при условии, что некоторые виды продуктов не экспортировались за территорию ханства. Например, такие виды деятельности как ковроткачество, производство красителей, продажа лошадей, верблюдов, фруктов, не облагались налогом. От налога освобождался выращенный в домашних условиях шелк, в случае если он не предназначался для экспорта. Производство технических культур, в данном случае хлопчатника, наравне с зерновыми облагалось налогом⁶⁵.

Таблица 9

Доходы Мурад-бега по источникам

Источник налоговых поступлений	(Тыс. рупий).	В % от общего
Зерноводство	150	38
Мелкий рогатый скот	45	11
Налог на домашние хозяйства	96	24
Зерно с "земель мира"	28	7
Садоводство	5	1
Пошлины и транзит	40	10
Внутренние таможенные пошлины	2	0,4
Налог на добычу золота	5	1,3
Продажа рабов	25	6,3
Итого	396	100

Источник: Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 112

⁶⁵ Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 113.

Помимо официальных налогов имели место дополнительные поборы с населения. Расходы на содержание войск Мурад-бега не покрывались за счет налоговых поступлений⁶⁶. Жители обязывались обеспечивать как самих солдат, так и принадлежащий им выучный скот. Годовая норма на каждого служащего составляла 5 мешков пшеницы и столько же ячменя в качестве корма, а также денежный сбор в размере от 5 до 20 рупий⁶⁷.

Мир Кундуза при ведении налоговой политики в торговой сфере исходил из правил, предписанных религиозными нормами. Следовательно, в большинстве случаев применялся *чехел-як*, или одна рупия с 40 товаров⁶⁸. Благодаря концентрации внимания миром Мурад-бегом на внутренних источниках транзитная торговля была свободна от нагрузок. Во-первых, караваны имели возможность проходить через владения Кундуза без препятствий, во-вторых, вводились низкие пошлины, а отдельные виды статей, такие как шали, вовсе освобождались от тарифов. Это касалось и продажи шелка⁶⁹.

Относительно мелкие ханства северных районов, не способные на внешние вторжения или находившиеся в номинальной зависимости от более сильного соседа, взамен поднесения дани опирались только на внутренние ресурсы. В пределах этих ханств (Сари-Пуле, Шибиргане и Маймане) имелись одинаковые по размерам ставки. О них можно судить по имеющимся данным по Маймане, где главным источником выступала сельская местность, затем город. Одна десятая часть произведенной продукции аграрного сектора считалась долей правителя по следующим ставкам:

⁶⁶ Система предоставления воина работала по известной схеме, при которой определенные домохозяйства, количество которых разнилось в зависимости от национальной принадлежности, брали на себя расходы по содержанию одного человека. У узбеков это составляло 3 хозяйства, таджиков — 15, но в большинстве случаев у тех и других по 7 хозяйств. Представители обоих этносов испытывали удовлетворенность такой пропорцией, так как первые активнее принимали участие в походах и рассчитывали на получение большей доли трофеев, а вторые платили больше налог с целью освобождения от повинности (Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 113).

⁶⁷ Ibid. P. 115.

⁶⁸ Martin, G. Survey operations... P. 617–645.

⁶⁹ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 353.

1 *тилла* (равная 7 рупиям) с каждого сада, 2,5% на крупный рогатый скот, овец и с продажи товаров. Всего доходы оценивались в 50 тыс., но Поттингджер считал их недооцененными⁷⁰. Как видно из данных, налогообложение садов здесь по своему виду отличалось от введенного в практику в Кандагаре и Джелалабаде *ангури*, в большей степени следуя традиции Надир-шаха.

Кабул как главный город и центр торговли в отличие от других в основном получал доходы от тарифов и пошлин. В области земледелия правитель Кабула Дост Мухаммад распространял виды налогов и ставок, имевшие место на других территориях. Он, как предшественники, по старой традиции старался расширить границы собственной налоговой юрисдикции, намеревался вернуть в орбиту влияния потерянные богатые земли. Будучи эмиром Кабула, границы которого на западе ограничивались Майданом, на юге — провинцией Газни, к востоку — Джелалабадом и северу — подножиями Гиндукуша, Дост Мухаммад взимал налоги и с соседних районов. Доходы его владений, включая поступления с Газни, Лагмана и других областей, оценивались в 1,4 млн рупий. В рамках планов возвращения Пешавара им прилагались огромные усилия к тому, чтобы увеличить объем поступлений не только за счет собственных территорий, но и путем взимания дани с племен соседних владений. Ему удалось собрать налоги с пуштунских племен, не плативших до этого казне, принудить *джаджи* и *тури* Куррама и Хоста, *сулейман-хелей* Зурмата, хазарейцев Бехсуда, племени *сафи* Тагаба⁷¹.

Налоговая политика в пределах Кабула по своей сути мало отличалась, а методы сбора были примерно те же, что и в других местах. Дост Мухаммад, имевший практический опыт в вопросах завоеваний, в отличие от других братьев не скрывал намерения претендовать на пост правителя всего Афганистана. Следовательно, поступающие от всех источников доходы направлялись на формирование войск, усиление военной мощи, что, с одной стороны, сдерживало рост экономики, с другой, истощало имевшиеся ресурсы. Доходы росли как за счет поборов и пошлин, так

⁷⁰ Pottinger, E. Memoir on... P. 814–815.

⁷¹ Masson, Ch. Vol. I. P. 250–251.

и за счет поземельного налога, но основное внимание уделялось торговле. В области сельскохозяйственного производства вводились изменения в системе сборов и забиралась 1/3 части продукции всех обрабатываемых земель⁷².

Этносы в пределах Кабула наряду с пуштунами до первой англо-афганской войны (1838–1842 гг.) пользовались равными налоговыми правами. Таджики Кабула, например, в отличие от Кандагара, при Дост Мухаммаде оказались в гораздо лучшем положении. В частности, ими вносилось не более 2% со стад, 4% от полученной земледельческой продукции. Ситуация ухудшилась после возвращения эмира из Индии в Кабул, вовлечения в политическое и хозяйственное управление его многочисленных сыновей. Система управления в новых условиях в некоторой степени напоминала линию правителей Кандагара. Материальный ущерб всем существовавшим сферам от такой политики стал значительным⁷³.

Целью всех реформ являлась оптимизация налоговых поступлений, а не усовершенствование системы. Реформы происходили как по желанию правителей, так и в результате происходивших в социально-экономической жизни перемен. Так, отдельные изменения в Кандагаре происходили под воздействием новых обстоятельств, вызванных переходом землепользователей из одного сектора сельскохозяйственного производства в другой. В землях, где Ахмад-шахом устанавливался налог по ставке 4 рупии на *танан*, произошел переход с зерноводства и кормовых культур (люцерны) к садоводству и огородничеству. Одновременно с переориентацией земледельцев на новые виды производства с более высокой прибылью изменилась система взимания налогов,

⁷² Эти изменения сказывались и на уровне цен на рынке: «ничто не поступало в город без уплаты нескольких пенсов или полупенсов; с каждого поголовья мелкого рогатого скота платили по одному (пенсу), одна с каждых сорока голов была собственностью правителя; чиновник, действуя как маклер, снова облагал их налогом на рынке; еще одна пошлина была уплачена за марку, которая показывала, что налог с брокера был уплачен. Производитель кожаных курток — *постинов* платил половину *шахи*..., в зависимости от стоимости *постина*; таким образом покупатель скота на рынке должен был заплатить за поголовье две или три рупии» (Vigne, G. Th. A personal narrative... P. 376–377).

⁷³ Ferrier, J. P. History... P. 324–325; MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 64.

и вместо действовавшего *танан-и-мавуттат* был введен *ангури*⁷⁴. Последний отличался взиманием по разным ставкам в зависимости от вида фруктовых деревьев или выращиваемой культуры. Впоследствии фруктовые сады облагались по ставке 10 шиллингов, огороды — 12 шиллингов 6 пенсов за *танан*⁷⁵.

Налог на садоводство и огородничество в других местах отличался как по названию, так и ставкам. В Джелалабаде с овощеводства и бахчеводства взимался *джариби*, ставки которого различались в зависимости от вида выращиваемой культуры. Само название говорит о том, что в отличие от Кандагара здесь в качестве меры площади, подлежащей обложению, выступал не *танан*, а *джариб*. Как видно из данных нижеприведенной таблицы, ставка на сахарный тростник, составлявшая 10 рупий с площади в 1 *джариб*, превышала другие виды более чем 2,5–3 раза.

Таблица 10

СТАВКИ ДЖАРИБИ В ДЖЕЛАЛАБАДЕ

Вид культуры	Рупий
Сахарный тростник	10
Дыня	3
Табак	7
Огурцы	3
Хна	4
Арбуз	3
Шпинат	3
Морковь	3
Репа	3
Салат	3

Источник: MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 409

⁷⁴ Rawlinson, H. C. Report on... P. 839.

⁷⁵ Землевладельцы могли сдавать находившийся в собственности участок в аренду на конкретных условиях, зависевших от степени участия арендатора в производственном процессе. Если афганский собственник или крестьянин сдавал свою землю таджику с обеспечением семян и волов для обработки, первый забирал 4/5 урожая, а оставлял 1/5 арендатору, но когда таджик забирал только землю, ему причиталась 3/5, а 2/5 части урожая получал землевладелец (Ferrier, J. P. History... P. 323–324).

НАЛОГИ И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ ПЕРВОЙ АНГЛО-АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Оккупация англичанами Кандагара и возвращение в страну Шаха Шуджа рассматривались дуррани как возможность реставрировать прежнее положение. Произошедшие, однако, за время отсутствия шаха серьезные изменения в Афганистане и вокруг него осложняли принятие каких-либо резких кардинальных решений. К тому времени племени дуррани принадлежали крупные земельные площади, составлявшие основу экономики региона, что не позволило полностью вернуть им прежние льготы и статус. Доходы только города Кандагара к тому времени составляли 800 тыс. рупий⁷⁶.

Так или иначе, властями предпринимались некоторые шаги, носившие декоративный характер, как, например, частичное возвращение конфискованных прежними правителями земель, восстановление титулов, однако основные проблемы (установленные методы взимания земельных налогов, размеры ставок для дуррани) не претерпели существенных изменений. Отменялись отдельные виды сборов и комиссий, такие как *садир*, *мохассели*, но сама система сбора налогов с *джагир-кульба* осталась в силе и по сути являлась самой затратной. Новая власть по-прежнему в качестве налоговых сборщиков продолжила привлекать назначенных на эту работу братьями-баракзаями лиц из числа таджиков⁷⁷. Предоставление воинских контингентов взамен налоговых льгот не было восстановлено в прежних формах, а через год Шах Шуджа (август 1840 г.) под воздействием англичан принялся за введение в Кандагаре системы *джанбаз*, как это было сделано в Кабуле, что привело к снижению общей численности воинского контингента. С племени дуррани требовалось только по одному служащему с каждого *кульба*. Изначально планировалось использовать потенциал племени созданием отряда из лояльных и готовых платить налоги дуррани, но возникла сложность, связанная, во-первых,

⁷⁶ A Gazetteer of the Countries Adjacent to India on the North-West; including Sinde, Afghanistan, Beloochistan, the Punjab and the Neighbouring States, in II Vol. — L.: Wm. H. Allen and Co. 1844. Vol. I. P. 336.

⁷⁷ Rawlinson, H. C. Report on... P. 842–843.

с тем, что последние выступали против службы за пределами Кандагара, во-вторых, выразили неготовность в случае надобности воевать против представителей собственного племени⁷⁸.

Кабул в отличие от баракзайских братьев демонстрировал способность повлиять на население районов, не вносивших или лишь частично плативших до этого налоги в казну. Речь, прежде всего, идет о Заминдаваре, имевшем для Кандагара важное экономическое значение. Этот район имел возможность дать налоговых доходов больше всех остальных — свыше 55 тыс. кандагарских рупий, 709 *харваров* зерна, а также предоставить 300 конниц. Новые власти располагали большими ресурсами для подавления мятежей, наказания налоговых “уклонистов”, но при этом недовольные представители племен региона продолжали оказывать сопротивление. Приход к власти Шаха Шуджы показал, что смена власти не способствует облегчению хозяйственных вопросов отдельно взятой группы населения, поскольку при сокращающемся производственном потенциале ежегодно росли потребности властей. Новые реформы центральной власти вводились и контролировались англичанами, а методы сбора налогов практически не отличались от тех, что существовали при баракзаях: трехтысячная армия всадников из числа таджиков при новых властях продолжила выполнять работу по сбору и взысканию налоговых задолженностей. Власти заблаговременно отправляли в районы военизированные экспедиции, которые до сбора урожая довольствовались бесплатным пропитанием за счет жителей. Это привело к сокращению численности населения этих районов⁷⁹, а следовательно, и производства продукции, и налоговых поступлений.

Налоговой политикой, предложенной британцами и направленной на отмену субсидий и льгот племенам, выражали недовольство почти во всех крупных населенных пунктах: Джелалабаде, Кабуле, Кухистане и других местах⁸⁰. Мятежи зачастую

⁷⁸ Yapp, M. E. The Revolutions of 1841–2 in Afghanistan... P. 375–377.

⁷⁹ Yapp, M. E. Disturbances in Western Afghanistan... P. 299–308; Rawlinson, H. C. Report on... P. 844.

⁸⁰ Восстание в Джелалабаде (1840 г.) поднялось из-за налогов. Отряд милиции, отправленный шахом для подавления восстания при поддержке афганских военных, в ответ приступил к уничтожению посевов. Это происходило в условиях, когда цены на продовольствие выросли в несколько раз, а располо-

поднимались под религиозными лозунгами, но сама религия не играла значительной роли в восстании против англичан, она лишь выступала в качестве самого подходящего инструмента достижения поставленных целей, а именно давления на власть для получения налоговых привилегий.

Несколько изменилось и положение гильзаев, предоставлявших по старой традиции конницу (кавалерию) центральной власти. Эти обязательства отменялись, но вождей, которым передали долю государства с полученного урожая, старались особо не раздражать, точнее, отвлекать от другого важного источника доходов — транзитных пошлин на импорт по направлению Кабул–Кандагар. Английская администрация Кабула в целях увеличения объемов товарооборота и монополии Ост-индской компании на афганском рынке аннулировала пошлины на импорт на этом участке. Англичане помимо всего прочего в виде компенсаций выплачивали вождям племени пособия в размере более 100 тыс. кандагарских рупий в год, но в целом, несмотря на все это, вожди оказались в проигрыше. Во-первых, они лишились доходов от пошлин с караванов и транзитной торговли, во-вторых, пособия поступали не всегда и не всем вождям, и в-третьих, они столкнулись с большими проблемами при сборе налогов с соплеменников. Применение силы, как это делалось правительством, при сборе причитающейся части доходов не представлялось для вождей возможным, а добровольное внесение налогов оставалось непривычным для многих гильзаев: одни продолжали вовсе отказываться от этого, другие вносили 1/10 часть урожая. Это свидетельствует о том, что *гильзаи* придерживались прежних племенных традиций, и вожди племени в отличие от кандагарских дуррани не стали требовать от соплеменников, а лишь просили вносить налоги⁸¹.

Другой характерной особенностью политики всех без исключения правителей областей и регионов являлось назначение низкого жалования чиновникам и служащим государственной машины на всех уровнях. Она порождала системную коррупцию,

женный поблизости лагерь британских военных закупал продукты у местного населения (Yapp, M. E. Disturbances in Eastern Afghanistan... P. 506–507).

⁸¹ Yapp, M. E. Disturbances in Western Afghanistan... P. 298–299.

вымогательство, создавала атмосферу, при которой все властные структуры прибегали к нелегальным способам обогащения, превращаясь в дополнительную нагрузку на налогоплательщиков⁸². Англичане постарались исправить ситуацию, удвоив жалование государственным служащим. При этом в Кандагаре, если верить информации Ферриера, также наблюдался двукратный рост налоговых ставок. Кохандил-хан после поражения англичан вернул жалование на прежний уровень, но не изменил ставки налогов⁸³.

Другим, наряду с налогами, негативным фактором, в первую очередь для земледельцев, выступала система откупа. Ее проблема заключалась в многоступенчатости, в рамках которой сбор налогов на отдельно взятой территории отдавался верховной властью на откуп феодалам, региональной верхушке, а те, в свою очередь, — находившимся ниже по рангу лицам, и так до последнего звена⁸⁴. Сбор назначенной сверху фиксированной суммы происходил вне зависимости от социально-экономического положения населения, возникновения засухи, эпидемий, паводков и т. д. Размер откупа ежегодно прогрессировал, поскольку своевременный и удачный сбор средств с населения мог восприниматься откупщиками как сигнал увеличивать в следующем сезоне требуемую сумму. Сама система откупа служила удобным инструментом и гарантией стабильного поступления причитающейся суммы в казну центральных властей. Важно отметить, что доход средних и низших звеньев системы составлял небольшую долю от запрашиваемой суммы. Дост Мухаммад, например, в 1832 г. сдал Бехсуд на откуп за 40 тыс. рупий родственнику, который при поддержке местных вождей без лишних мероприятий собрал не только необходимую сумму, но и получил чистый доход (с учетом подношений и подарков), превышавший 30 тыс. рупий⁸⁵. Основная часть налогов взималась натурой, и следовательно, весь процесс сбора, хранения и транспортировки из от-

⁸² Например, в Герате командир гарнизона и губернатор целого округа получал всего 30 туманов, или 15 шекелей в год. Получая на откуп район, он на свое усмотрение взимал поземельный налог, что сильно сказывалось на состоянии жителей (Ferrier, J. P. Caravan Journeys... P. 141).

⁸³ Ferrier, J. P. Caravan Journeys... P. 477.

⁸⁴ Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 102–106.

⁸⁵ Masson, Ch. Vol. II. P. 371–373.

даленных районов в центр приводил к потере определенной части продукции. В редких случаях и отдельных местах удалось без привлечения армии осуществлять сбор налогов, а мобилизация нескольких сотен всадников для перевоза земледельческой продукции и живого скота требовала немалых затрат. Пользу от такой системы получали также офицеры и солдаты, покрывавшие текущие расходы за счет населения.

Процесс максимизации прибыли ханами и правителями, однако, не ограничился легальными и полунелегальными источниками через официально установленные налоги и поборы. Имели место иные пути получения средств в виде взыскания штрафов, конфискации по сфабрикованным обвинениям имуществ, послужившие, с одной стороны, источником дополнительных доходов, а с другой, инструментом наказания, физической ликвидации неудобных лиц. Не всегда полученная от штрафов сумма поступала наличными: она часто поставлялась в виде ковров, войлока, шерсти, медной утвари, свинца и домашнего скота. Во многих случаях именно наличие имущества и состояния превращало отдельных лиц в мишень для представителей власти⁸⁶. Такое отношение свело на нет мотивацию увеличивать объемы производства, расширять площади обрабатываемых земель, стремление улучшить материальное положение. Это касалось и пуштунов, плативших меньше казне в отличие от других народов, но тоже ощущавших налоговый гнет правителей, в частности из-за поборов чиновников разного ранга, в первую очередь налоговых агентов.

Имели место также иные материальные нагрузки, казавшиеся на первый взгляд ничтожными, но в реальности составлявшие немалую часть расходов домашних хозяйств. Это вошедшее в традицию «гостеприимство», которое в большинстве случаев предназначалось для государственных служащих, вождей и военных, визиты которых всегда ложились большим грузом на население, и эти расходы никогда ничем не компенсировались, а такие посещения населенных пунктов случались регулярно⁸⁷.

⁸⁶ Ibid. P. 424; 435.

⁸⁷ MacGregor, C. M. *Central Asia. Part II...* P. 63–64; Lumsden, H. B. *The Mission to Kandahar...* P. 30–31; Ferrier, J. P. *History...* P. 324.

Кроме того, осуществлялись разовые сборы для снабжения армии из нескольких тысяч человек. Ханы и племенные вожди, клерикалы, использовавшиеся государством, при этом служили эффективным инструментом. Абдурахман-хан в период междоусобной борьбы (60-е гг. XIX в.) за власть часто прибегал к подобному методу в целях получения необходимого количества пропитания для нужд своей армии, причем в больших объемах⁸⁸.

Ситуация при Шах Шудже отличалась тем, что, во-первых, авторами идей реформирования налоговой системы выступали далекие от реалий афганской жизни англичане, во-вторых, кроме афганских солдат для сбора налогов при необходимости привлекались и английские военные, порою для демонстрации силы. Эти реформы происходили на фоне падения курса кабульского рупия, многократного роста цен на зерновые в столичном регионе. Возникший экономический кризис, в большей степени связанный с наплывом большого объема наличных денег на небольшой хрупкий рынок Кабула, что впоследствии нарушило баланс рынка наемного труда, создал цепную реакцию, охватывавшую все сферы хозяйственной жизни. В одних случаях население путем протестов и восстаний потребовало снижения ставок, в других полностью отказалось от своих налоговых обязательств, и не всегда властям удавалось путем переговоров разрешить возникшие трудности.

Часть авторов и исследователей вину в провале экономической политики и недовольство афганского населения полностью возлагают на шахского министра Муллы Шукура, которого считают подстрекателем и антибританским пропагандистом, выступавшим против почти всех предложенных иностранными советниками планов. Он действительно отвергал почти все решения и предложения англичан, но здесь, однако, можно полагать, что в отличие от иностранных интервентов шахский министр мог себе представить последствия ускоренных реформ и нововведений и, возможно, по таким соображениям часто демонстрировал

⁸⁸ Останавливаясь в Бамиане, после подношения подарков мирам хазарейцев попросил предоставить солдатам 2 тыс. *харваров* пшеницы и ячменя, 1 тыс. — масла и 3 тыс. голов овец, что, разумеется, было собрано с населения (Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 98–99).

неудовлетворенность. С другой стороны, фактическое двоевластие, существовавшее в столице, стало проблемным для всех трех сторон: англичан, шаха и населения. Два правительства с двумя совершенно разными, неравными финансовыми возможностями и взглядами на ситуацию в стране вмешивались в хозяйственную жизнь Кабула и окрестных районов. Борьба между английской администрацией и афганской властью непосредственно сказывалась на экономическом положении населения. Самым простым примером, показывающим отношения между всеми сторонами, является привлечение рабочей силы для выполнения тех или иных работ. Шах по традиции на определенные работы, связанные с его личным интересом, привлекал крестьян на бесплатной основе и в принудительной форме (*бегари*), поскольку считал это своим законным правом. Англичане называли это недопустимым и старались вмешиваться, что не всегда нравилось окружению шаха⁸⁹.

Введенные изменения в налоговой сфере, связанные с именем министра, вызвали недовольство широких масс. Ужесточение заключалось в восстановлении правительством во главе с министром некоторых прежних налогов и пошлин, введении новых. В стране главной проблемой, однако, в большинстве случаев остались процессы сбора с населения, а не сама налоговая политика. Какой бы справедливой формально ни являлась политика, решающее значение для налогоплательщиков всегда имели механизмы ее работы. Провал налоговой политики шаха, в разработке которой непосредственное участие принимали англичане, таким образом, списывался на Муллу Шукура. Выше в случае Кандагара было описано, каким образом войска занимались сбором налогов, то же самое повторялось в Кабуле. Вместо выплаты жалования солдатам разрешалось жить в округах за счет населения, что крайне негативно воспринималось ими. Часть феодальной вер-

⁸⁹ Например, ранней весной на *бегари* привлекали крестьян для обустройства королевского сада, что вызвало недовольство А. Бернса, и после его непосредственного вмешательства министр шаха назначил крестьянам символическое жалование в 2 *пайсы* в день. Англичане в это время активно привлекали местное население на строительные работы собственного городка и платили в семь раз больше, чем местные власти — 14 *пайсов* в день (Nash, C. B. History... P. 255–256).

хушки, лишившаяся прежних привилегий и доходов, воспользовалась сложившейся ситуацией. Англичане в связи с таким исходом дел пришли к выводу, что министр осознанно и преднамеренно проводил курс на политику дискредитации правительства шаха и англичан в глазах афганского народа⁹⁰. В реальности ошибка британцев заключалась в навязывании афганцам в условиях традиционной системы во всех смыслах этого слова чужеродных законов, о которых представления не имели ни афганская знать, ни тем более простолюдыне.

Считается, что британцы переработали налоговую систему и создали более эффективный механизм, способствовавший росту налоговых поступлений. Только в Кабуле за один год фиксировался четырехкратный рост — с 225 тыс. до 900 тыс. рупий. Частично это было сделано за счет продажи налоговых прав на сельское хозяйство торговцами фруктов, которые поощряли замену экспортных товарных культур, таких как виноград, менее прибыльными культурами для натурального хозяйства⁹¹. Однако сам факт ежегодного роста поступлений в казну не говорит об эффективности созданной системы, поскольку афганские правители и до этого ежегодно повышали объем своих доходов.

За годы нахождения англичан в Кабуле правительство Шаха Шуджы занималось вопросами, касающимися только центральной части страны, а также Кандагара и некоторых других районов, находившихся на пути англичан из Индии в афганскую столицу. Периферийные области и районы вели относительно автономный, полунезависимый образ жизни, итогом которого стало возникновение некой самостоятельности в экономической области. Таким образом, после возвращения Дост Мухаммада эти территории намеревались продолжать, в частности, вести независимую налоговую политику, ограничиваясь небольшими подношениями и не собираясь возвращаться к положению, имевшему место до войны. Попытки центральной власти восстановить налоговый аппарат встречали сопротивление ханов и миров, на сторону которых встал и народ. Поддержка жителями обуславливалась огра-

⁹⁰ Forbes, A. The Afghan wars, 1839–42 and 1878–80. — L., 1892. P. 54; Nash, C. B. History... P. 255–257; Нейманн К. Ф. Указ. соч. С. 119–120.

⁹¹ Barfield, T. J. Afghanistan... P. 121.

ниченными потребностями местных правителей, а именно наличием на первых порах небольших поборов в виде предоставления домашнего скота и другой продукции вместо официальных налогов, что существенно снижало материальную нагрузку на них. Следовательно, заинтересованность в сохранении более приемлемых хозяйственных условий в отдельных местах способствовала поддержке народом местных правителей. Эмиру Дост Мухаммаду, однако, удалось жесткими мерами пересечь подобные случаи и вернуть районы в собственную налоговую юрисдикцию⁹².

После первой англо-афганской войны в Герате все жители платили ежегодный налог на домашний скот на равных условиях за каждую голову, имевшуюся в хозяйстве. Для верблюда и кобылы ставка составила 16 *джиндеков* или 5 шиллингов и 4 пенса, коровы — 3,5 *джиндека* (1 шиллинг); овцу или козу 20 аббаси (2 пенса). Налогом этим облагалась только воспроизводящая часть поголовья, при продаже на рынке без различия выплачивалась 1/10 часть от стоимости. В Кандагаре налог на домашний скот уплачивался только с овец по 6 пенсов с головы; налог *мейдани* взимался со всех остальных животных по ставке 5%. В Кандагаре и Герате налоги взимались только с возделываемых земель в сопоставимом посеянному семенам объеме, а также деньгами 8 *джиндеков* (2 шиллинга и 8 пенсов) с каждых 10 *баттеманов* (1 гератский *баттеман* равнялся 7 фунтам)⁹³.

Садоводство к середине 50-х гг. в местах, где жизнь развивалась относительно стабильно, приносило государственной казне доходы. Не только Кандагар и Джелалабад, но и районы, расположенные на западе, с преимущественно неафганским (непуштунским) населением, содержали фруктовые сады. В входившей в состав провинции Герат Анардаре, компактно населенной таджиками, все земли были заняты фруктовыми садами. За счет садоводства район ежегодно вносил в провинциальную казну 12 тыс. гератских рупий. Примечательно, что подавляющая часть продукции шла на экспорт. Кроме того, объектом налогообложения здесь выступали дикороссы, сбор которых с разрешения местных властей

⁹² Катиб, Файз Мухаммад... С. 200.

⁹³ Ferrier, J. P. History... P. 323–324.

практиковался жителями района. Источником доходов одной части населения Анардары издавна выступала асафетида. Этим ремеслом на больших территориях между Кандагаром и Гератом в основном занимались представители племени *какар*, которым прежде всего было необходимо на деятельность получить от губернатора провинции лицензию, уплачивая пошлину в размере 6 рупий с человека, а также внести дополнительный налог в 3 *анн* с каждого *манн* собранного урожая⁹⁴.

К середине 50-х гг., с утверждением власти Дост Мухаммада в большинстве провинций, вопросами управления, в частности фискальной политикой, занимались как принцы, так и несовершеннолетние наследники. Мухаммад Афзаль-хан, старший сын эмира, став губернатором Туркестана, назначил своего 13-летнего сына Абдуррахман-хана, будущего афганского эмира, ответственным в Ташкургане. Основная цель таких назначений сводилась к максимальному контролю налоговых поступлений, хода хозяйственной жизни населения⁹⁵.

Положение налогоплательщиков в Кандагаре, где продолжали править наследники кандагарских братьев, к тому времени оставалось неизменным. Налог на водные источники стал крайне болезненным инструментом в руках власти, эффективно использовавшей растущий спрос на поливную воду в сезон снижения ее уровня в реках. Угроза потери урожая на поливных землях заставляла крестьян идти на любые затраты, превышавшие порою доход от земледельческой деятельности. Это один из немногих сегментов экономики, где использовалась система аукциона в Афганистане. Поливная вода в пик сезона выставлялась на торги, и правитель Кандагара продавал ее по максимально высокой предложенной цене. Для иллюстрации картины достаточно привести цену на количество воды, необходимое в день для полива виноградника, достигшую 70 кандагарских рупий⁹⁶.

Откупная система во второй половине рассматриваемого века оставалась в той же форме, в которой имела место раньше. Еже-

⁹⁴ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 106–107; Bellew, H. W. Journal of... P. 270–271.

⁹⁵ Катиб, Файз Мухаммад... С. 226.

⁹⁶ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 29.

годно целые населенные пункты передавались откупщикам, традиционно использовавшим для сбора налогов солдат, которые, в свою очередь, отбирали у жителей все, что можно было взять. Другие деревни передавались знати и вождям вместо жалования, однако половина полученной продукции считалась долей государства. В случае найма рабочей силы для обработки земли при условии поставки быков и семени владелец участка получал 4/5 части урожая, а оставшаяся 1/5 считалась долей земледельца (называемого *бозгаиш*). Последний мог претендовать на 1/4 часть продукции, если предоставлял семена и рабочий инвентарь⁹⁷.

Налоговая политика удвоила тяжесть материальной жизни населения, которое не успело отойти от последствий англо-афганской войны. Через полтора десятка лет, в 1857 г., жители смотрели на прибывшую в Кандагар английскую военную миссию с надеждой на решение налоговых вопросов⁹⁸. Присоединение северных регионов к владениям Дост Мухаммада не привело к положительным изменениям, более того, наблюдались негативные тенденции. Проблема в целом заключалась в меркантильном отношении правителей, отсутствии на уровне верховной власти инициатив по улучшению, приведению в соответствие с современными нормами работы системы государственной власти в комплексе. Она не только снизила объемы поступлений в государственную казну, но вовсе стояла якорем на пути к экономическому росту и развитию⁹⁹.

В годы борьбы за престол между сыновьями Дост Мухаммада (1865–1866 гг.) региональные правители и население ощущали удары со всех сторон. Переход областей и провинций из подчинения одного брата к другому сопровождался новыми налоговыми сборами, податями и подношениями. Особую роль в этих вопросах играл Абдулрахман-хан, двигавшийся с воинским контингентом

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Bellew, H. W. Journal of... P. 275–276.

⁹⁹ «Неслыханные вымогательства, чинимые здесь купцу законным образом, препятствуют всяким торговым сношениям, и из-за ужасной тирании своих правителей жители не могут пользоваться произрастающими вокруг иной раз даже в диком виде дарами природы, доход от которых удовлетворил бы многие потребности их домашней жизни» (Вамбери. А. Путешествие по... С. 190).

том из одного места в другое¹⁰⁰. Вполне возможно, что будущий эмир намеренно планировал обанкротить регион и оставить своего противника без средств. Такое безвыходное положение вынуждало население встать на защиту собственных материальных интересов. В районе Доши крестьяне ликвидировали сборщиков налога, присланных Абдурахман-ханом, а правители региона старались использовать противоборство между наследниками кабульского престола, взяв чью-то сторону. Миры Шибиргана, Сарипуля и Андхоя написали письмо на имя Шер Али-хана и просили прислать небольшой отряд для выселения из региона Азим-хана и его племянника (то есть Абдурахман-хана)¹⁰¹.

Налоги и налоговая политика Шер Али-хана

После окончательного обоснования на престоле в качестве эмира Шер Али-хан приступил к разработке планов увеличения доходов, способных реализовать программы комплексной модернизации государства. Среди приоритетных направлений, подлежащих изменениям и реформам, находились налоги и налоговая система. Главным вопросом считался полный переход от натуральных налогов к денежным. Только половина поземельного налога, например, к тому времени вносилась наличными, а в отдельных провинциях денежная форма составляла одну треть податей. Перед властями ставилась задача окончательного отказа от натуральной формы налогов. Крестьяне обязывались продавать подлежащую государству часть продукции по рыночной цене и вносить полученные средств в счет налоговых выплат. Власть могла на этом сэкономить большие ресурсы, поскольку процесс сбора и хранения податей в натуральной форме требовал значительных материальных и временных затрат.

¹⁰⁰ После преследований правитель Каттагана поднес Абдурахман-хану в дар 500 лошадей, 200 верблюдов, 2 тыс. овец, 500 *харваров* пшеницы и ячменя, 40 тыс. рупий наличными и другие ценности. Провинция ежегодно вносила в казну Кабула Шер Али-хану 100 тыс. рупий, но фактические перечисления за 1865–66 год составили трехкратный размер. Согласно выводам правителя, это произошло с появлением в регионе Абдурахман-хана (Катиб, Файз Мухаммад... С. 281).

¹⁰¹ Narrative of recent events... P. 59–60.

Производителями сельскохозяйственной продукции этот метод не воспринимался положительно в силу неразвитости внутреннего рынка даже в близлежащих от главных городов и районов населенных пунктах, что делало невозможным или, по крайней мере, затрудняло своевременно и по доступной цене сбыть продукцию. Другим возникшим вопросом являлось ценообразование, в котором власти искали собственную выгоду. Изначально казна получала от земледельцев переведенную в денежную форму продукцию по цене в 41 рупию за *харвар* зерновых (примерно 560 кг), но ссылаясь на якобы высокие расходы, связанные с транспортировкой, власти стали требовать вносить налог по текущим ценам в 52 рупии за *харвар*¹⁰².

Формально в рамках реформаторских идей эмира предлагались идеальные в тех условиях планы улучшения работы налоговой системы¹⁰³, но на практике его период по всем параметрам мало отличался от правления предшественников. Растущие требования в рамках оборонной статьи расходов вынудили внести изменения в налоговую систему. Земельный налог взимался ставкой *се-кот* (1/3), а более высокая ставка вводилась для государственных земель (*халиса*). В целях получения налога районы разделились по этническому признаку¹⁰⁴. Кроме этого, в первые же годы были введены дополнительные налоги в трех регионах, а именно Кабуле, Джелалабаде и Кухистане в размере 500 тыс. Из этой суммы 40%, или 200 тыс. согласилась брать на себя таможня Кабула, 70 тыс. рупий (14%) — правитель Джелалабада¹⁰⁵.

¹⁰² Но некоторым провинциям 1/3 налогов вносилась деньгами, остальные 2/3 — натурой. Власти собирались постепенно полностью перейти на денежную форму (Narrative of recent events... P. 86).

¹⁰³ Афганский историк М. Губар пишет о более гуманной налоговой политике эмира Шер Али-хана. В частности, об издании указов и инструкций, согласно которым до получения урожая не разрешали взимать налог с сельскохозяйственной продукции, после получения урожая земледелец сам приносит налог и получает официальную квитанцию, но уполномоченные лица не должны являться к крестьянину, жалование солдат, офицеров и госчиновников предписывалось не включать в налог с крестьян, а наличными выплачивать из государственной казны (Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 594).

¹⁰⁴ Kakar, M.H. A political and... P. 19.

¹⁰⁵ Narrative of recent events... P. 125.

Другим новшеством стало лишение Шер Али-ханом региональных правителей функции сборщиков налогов и податей, как это практиковалось при его предшественниках. Это изъяло часть доходов последних. Раньше они выступали в качестве откупщиков и после вычета отчислений в центр оставшуюся сумму присваивали себе. Эмир в разной форме компенсировал им часть потерь, в частности предоставлением конфискованных домов и имущества. Несмотря на это, на практике продолжались случаи, когда в регионах по-прежнему работали по старой системе¹⁰⁶. Ревизией провинциальной фискальной системы занимались отправленные из Кабула счетчики (аудиторы). Шер Али-хан для решения вопросов, связанных со сбором налогов, продолжил практику применения регулярных войск, а региональные правители и губернаторы сами периодически обращались с просьбой об отправке в “районы-уклонисты”. Учитывая уровень социально-экономического развития афганского общества, понадобилось много времени, чтобы полностью на практике внедрить новые идеи.

Неприемлемость новой формы привела к отказу жителей многих регионов платить налоги, что привело вследствие этого к несвоевременному поступлению денег и податей в казну. Задействие войск по старой традиции для выполнения функций сборщиков в большей степени происходило в южных и восточных областях Афганистана, жители которых испытывали склонность к уклонению от уплаты налогов. Власть становилась заложником набиравшей силу регулярной армии, на содержание которой уходила значительная часть казенных средств. Сложности часто возникали с расквартированными в Герате и Каттагане батальонами. Отсутствие достаточной материальной базы для их формирования и редкие возможности своевременной выплаты жалования государством стали причиной роста недовольства армии, которой часто приходилось под давлением снизу требовать плату как на местном, так и на центральном уровнях, изменяя принятые финансовые решения в свою пользу и нанося урон производственной и торговой сфере. Армейские гарнизоны пе-

¹⁰⁶ Narrative of recent events... P. 86.

риодически поднимали бунты, от которых страдали крестьяне, купцы, лавочники¹⁰⁷.

Солдаты и офицеры, воспользовавшись влиянием на власть, стали решать материальные вопросы за счет налогоплательщиков. Хотя население местами продолжало сохранять налоговую задолженность, оно в то же время испытывало страх перед войсками, грабившими и разорявшими их под предлогом взыскания задолженности прошедших лет и доходов текущего года. Показателем жестокости поведения армии может быть пример жителей Зурмата и Гардеза, у которых весть о решении эмира отправить регулярные войска для сбора налогов вызвала глубокую озабоченность. Перед угрозой ввода войск они заверили власти в том, что выплатят налоги¹⁰⁸.

Налогоплательщики, таким образом, стали выполнять требования властей, но последние не учитывали объективных обстоятельств, приведших к снижению доходов населения. В этом отношении политика властей осталась такой же, какой была в первой половине века. Ярким примером служит ситуация в Кандагаре, где *гильзаи* Заминдавара принудили власти отправлять войска для сбора податей. Вопрос в итоге нашел свое решение, но на следующий год возникновение аналогичной сложности было связано со сравнительно низким урожаем, а не уклонением от уплаты. Требования племени об отсрочке не нашли отклика, а губернатор, игнорируя доводы налогоплательщиков, в принудительном

¹⁰⁷ В 1870 г. предназначенный для центральной казны доход в Ташкургане составлял менее 1800 тыс. *танга* (58,5 тыс. фунтов стерлингов), но решение отправить всю сумму в Кабул вызвало недовольство расквартированных в городе войск, требовавших вернуть трехмесячное жалование. В итоге от действий восставших 10 отрядов пострадал базар Тахтапуля. Не получив в течение нескольких месяцев довольствие, войска в Герате возвели оборонительные сооружения перед воротами цитадели губернатора и отправили сообщение, что пока они не получают зарплату, не дадут ему покинуть помещение. Понимая серьезность возникшей ситуации, правитель осуществил расчет по заработной плате за два месяца. Войска ввиду своей заинтересованности в своевременном получении денежных довольствий помимо принятия активного участия в процессе сбора налогов становились еще причиной ускорения его темпов. Их недовольство по этому вопросу заставляло эмира торопить губернаторов с процессом сбора налогов и поборов (Narrative of recent events... P. 97; 125; 153).

¹⁰⁸ Narrative of recent events...P. 153.

порядке собрал половину задолженности и дал время на выплату оставшейся части. С просьбой об отправке войска к эмиру обратился и правитель Куррама, столкнувшийся с трудностями сбора налогов. Шер Али-хан не стал разбираться в деталях и для решения проблем отправил во всех направлениях необходимое число вооруженных мушкетами солдат¹⁰⁹.

Переезд населения из-за налоговой политики в более отдаленные районы, хоть и в небольших масштабах, но все же продолжился и при Шер Али-хане. Гильзаям, несмотря на воинственность характера и храбрость, при Шер Али-хане, применявшем относительно подготовленную и вооруженную армию, стало сложно оказывать дальнейшее сопротивление. Давление налоговой политики эмира вынудило часть племени искать более спокойные места проживания¹¹⁰.

Небольшие внутренние политические потрясения сильно отразились на положении населения, продолжавшем оставаться главным источником пополнения средств всех сторон конфликтов. Неудачное восстание принца Якуб-хана против своего отца — эмира Шер Али-хана обошлось жителям Кандагара в 800 тыс. рупий, а также предоставлением бесплатной провизии для армии. С прибытием войск эмира из Кабула кандагарцев принудили предоставить припасы по ценам в два раза ниже действовавших на рынке. При небольшом полученном урожае вследствие засухи цены выросли. Эмир формально приказал не взимать налоги с бедноты¹¹¹, но на практике солдаты не считались с тем, кто бедняк, а кто нет.

Разработанный механизм показал себя далеко не в полной мере. Экономика, несмотря на отсталость, демонстрировала способность аккумулировать средства, необходимые для покрытия расходов государства, но центральная казна по-прежнему не получала все собранные налоги. Контроль процесса осуществлялся коррумпированными губернаторами, способными собрать больше, чем планировалось, но скрывавшими часть поступлений с целью дальнейшего присвоения. Осведомленный об общей си-

¹⁰⁹ Narrative of recent events... P. 96–97.

¹¹⁰ Messurier, A. Kandahar... P. 100.

¹¹¹ Narrative of recent events... P. 195; 198.

туации эмир в ряде случаев при помощи созданных служб предпринимал попытки вернуть бюджетные деньги в центральную казну. Региональные чиновники обязывались отчитываться по доходам от налогов и сборов. Шер Али-хану в некоторой степени удалось собрать лиц, способных строго контролировать процесс сбора и распределения налоговых доходов. Поскольку чиновники в первую очередь работали на свою выгоду, то могли превратить такой жесткий контроль во вредный для казны инструмент. Правитель Кандагара, оказавшийся под строгим наблюдением назначенного из центра чиновника, более не желал прилагать усилия по сбору налогов Гиришка и Заминдавара¹¹². Позже финансовые чиновники сообщили, что должностные лица Шер Али-хана собрали у жителей вышеназванных районов 400 тыс. рупий, которые не перечислили правительству¹¹³.

Шер Али-хан старался максимально дистанцировать губернаторов от налоговых вопросов и предоставил предельно четкие инструкции ревизии налоговых сборов. При обнаружении недочетов аудитам приказывалось выявить способы обхода местными властями фискальных органов при решении налоговых вопросов, определить объем присвоенной суммы с целью дальнейшего взыскания. Вместе с тем служащие налогового аппарата обязывались разъяснить причину недоведения информации об имевших место фактах нарушений со стороны губернаторов своевременно, т. е. в момент возникновения подобных ситуаций. На практике в ряде мест эмир сам являлся причиной сокрытия таких фактов¹¹⁴.

Власти на местах в одних случаях присваивали налоговые сборы, причем в крупных размерах, в других на свое усмотрение вводили дополнительные официальные поборы с подвластных им миров и ханов, а также представителей торговой сферы, в третьих делали и то, и другое, что вызывало рост недовольства населения. Введение дополнительных сборов по большей части фикси-

¹¹² Ibid. P. 198.

¹¹³ Ibid. P. 122; 198–199.

¹¹⁴ Чиновник, на которого эмир возложил ответственность, в беседе с английским агентом сообщил, что именно по приказу эмира ему пришлось скрывать проблемы налоговой системы Кандагара, поскольку было велено «не мутить грязную воду» (Narrative of recent events... P. 197–198).

ровалось в северных районах, где губернатор Туркестана, например, обязывал правителей подконтрольных областей вносить от 10 до 15 тыс., а владельцев торговых лавок — по 10 *танга* в качестве подарка¹¹⁵. В то же время часть этих средств использовалась для завоевания расположения эмира. Шер Али-хан раз в году получал в качестве подарков из Туркменистана 1 тыс. голов лошадей, 40 тыс. монет, один *мискаль* золота, а также другие подарки¹¹⁶.

Военачальники, как и представители гражданских властей, не отличались своими действиями в плане расточительства и присвоения бюджетных средств, усиления материальной нагрузки на население. Местами гражданская администрация пыталась препятствовать вмешательству военных в хозяйственную жизнь населения. Командующий войсками Туркестана в одном случае передал из счета доходов от заготовок корма для скота 125 тыс. рупий лицам из своего окружения. Войскам, находившимся в собственном подчинении, позволил на безвозмездной основе брать у населения припасы и корм для лошадей. Несмотря на предупреждения правителя о выплате расходов на содержание армии из государственного счета, продолжилась покупка продовольствия по ценам в более чем два раза ниже рыночных¹¹⁷.

Реформы Шер Али-хана не затронули практику откупа, ставки которой ежегодно прогрессировали. Иными словами, земли могли переходить из одних рук в другие в результате роста конкуренции между претендентами. Бамиан и Бехсуд, например, сдавались на откуп за 25 тыс. рупий в год, то есть за цену чуть больше, чем годом раньше. Принимая во внимание имеющийся потенциал, поступило предложение от другого лица со ставкой на 10 тыс. рупий больше, который и получил впоследствии право на указанные территории. Позже новый претендент повысил ставку еще на 10 тыс., и таким образом желающие могли забрать террито-

¹¹⁵ Narrative of recent events... P. 124.

¹¹⁶ Катиб, Файз Мухаммад... С. 335.

¹¹⁷ Так, в Туркестане зерно на рынке продавалось по 40 рупий за *харвар* (1 *харвар* составлял 8 пешаварских *манн*, или 10 английских *манн*), но главнокомандующий приобрел у крестьян 20 тыс. *манн* зерна по цене 18 рупий за *харвар* (Narrative of recent events... P. 127).

рию конкретного *сардара*, предлагая более высокую цену. В одних случаях во избежание утраты доходов действующие откупщики соглашались внести предложенную конкурентами дополнительную сумму и сохранить за собой полученную в откуп территорию. Примером может послужить часть территории Лагмана, за которую предлагалась сумма на 10 тыс. рупий больше, но правитель согласился сам внести эти деньги, чем и сохранил свое положение. Такая практика наблюдалась и в других местах, где ставки стабильно имели тенденцию к росту¹¹⁸.

Собранные английскими офицерами в 1879–1880 гг. сведения по отдельным районам и провинциям востока и юго-востока Афганистана также показывают, что при Шер Али-хане на практике особых изменений в содержании и форме налогов и налоговой системы не произошло. По-прежнему имела место налоговая дискриминация, основная часть налогов, несмотря на декларации, продолжала вноситься натурой. Последнее, безусловно, связывалось с общей неразвитостью, а в отдельных случаях полным отсутствием товарно-денежных отношений не только в глубинке, но и в центральных районах и городах. Властями не создавались предпосылки и условия для перехода к денежной форме, но для минимизации собственных неустоек в процессе сбора и транспортировки натурального налога они требовали от отдаленных районов вносить налоги деньгами. В таких местностях имелись две важные проблемы для налогоплательщиков: во-первых, отсутствие, как выше отмечалось, рынка сбыта урожая, во-вторых, ограниченность спроса и низкая покупательная способность сельского населения. Тем не менее некоторые признаки прогресса наблюдались, но доля денежной формы в поземельном налоге продолжала оставаться низкой¹¹⁹.

Поземельный налог во всех провинциях продолжал оставаться основным источником поступлений государственной казны. На афганском севере И. Л. Яворский отмечает высокую долю дохода государства от налогов и податей с земледелия и скотоводства. По оказавшимся в его распоряжении сведениям, население

¹¹⁸ Narrative of recent events...P. 153.

¹¹⁹ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 495–497.

Таблица 11

НАЛОГОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ РАЙОНОВ ОБЛАСТИ ЛАГМАНА ПО ИСТОЧНИКАМ
И ВИДАМ (1879/80 г.)

Район расселения	Поземельный налог		Прочие		Всего	
	Рупий	%	Рупий	%	Рупий	%
Таджиков	203304	52	38448	44	241752	51
Пуштунов	187108	48	49054	56	236162	49
Итого	390412	100	87502	100	478114	100

Источник: Adamec, L. W. Historical and Political Gazetteer of Afghanistan, Vol. VI: Kabul and Southeastern Afghanistan. — Akademische Drucku. Verlagsanstalt, Graz-Austria, 1985. P. 495–497

Чарвилаята в общей сложности уплачивало государству 3 млн рупий, из которых основная часть поступала в центральную казну, а остаток — на содержание местной администрации. Иначе говоря, в среднем с каждого жителя взималось по 10 рупий, что весьма внушительная сумма. Налоги здесь вносились продукцией сельского хозяйства¹²⁰.

В Джелалабадском районе, по сведениям, относящимся к 1879 г., сохранялись прежние налоги и ставки. В сельской местности в качестве земельного налога преобладал *се-кот*. При обработке площадей, входивших в собственность государства, при условии обеспечения земледельцев семенами, рабочим скотом и орудием труда его доля составляла половину от полученного урожая. Государство претендовало на 5/6 или 2/3 урожая, если земледелец не был в состоянии предоставить основной части перечисленных факторов производства. В пределах одних и тех же территорий в зависимости от этнической принадлежности и полученных в разное время привилегий могли действовать разные виды налогов или ставок. Большая часть района Кот продолжала вносить 1/4 полученного урожая, а деревень района Хугиани — фиксированную ставку *джама-и каландар-хани*¹²¹. Последний под своим другим названием — *джамбаст* — практико-

¹²⁰ Яворский И. Л. Т. II. С. 232–233.

¹²¹ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 290.

вался в Газни, где параллельно взимались *се-кот* и *халеса*. *Джамбаст* вносился в двух формах — частично наличными и отчасти натурой. Это единственный вид налога, во всех отношениях работавший в пользу налогоплательщика. Главной его особенностью, во-первых, являлась фиксированная величина, во-вторых, гарантия автономности земледельцев, что не позволяло представителям налоговых служб вовлекаться в процесс определения истинного объема полученного урожая. Третьей важной чертой *джамбаста* было то, что земли, платившие налоги по этой ставке, не попадали под откуп. В этом плане меньше повезло территориям, где действовала ставка *се-кот*¹²².

В Логаре таджики, кызылбаши и представители других этносов облагались налогом, ставка которого оставалась, как и раньше, выше, чем для соседей-пуштунов. Земли здесь облагались исходя из категории, следовательно, для высшей фиксированная ставка составляла от 12 до 22 кабульских *сиров* с *джариба*, средней — 8 *сиров*, третьей — 5 *сир* с *джариба*. Для определения размера ставок в относительных показателях отметим, что земля первой категории при хорошем возделывании приносила 24 *манна* зерновых с *джариба*. Исходя из этого, ставка налога на такую землю составляла около 12,5% от полученного урожая. Ставки для пуштунов, плативших налоги по системе *каландар-хани*, были в разы ниже. С таких же категорий земель ими вносилось 1,25 кабульских *сиров* с *джариба*¹²³. Как видно из приведенных примеров, за годы правления эмира никаких особых изменений в сторону унификации и нивелирования ставок не произошло.

В последние годы правления эмир, ощущая необходимость большего укрепления военной составляющей перед внешней угрозой, дополнительно ввел налог в размере 4 кабульских рупий под названием «национальная помощь» (*mu āwanat-i millat*) с каждого подданного. Средства предназначались для содержания регулярных полков и покупки оружия, что вызвало недовольство жителей, особенно тех, кто вносил все налоги, и привело к большому падению популярности эмира, росту числа его

¹²² Ibid. P. 192.

¹²³ Ibid. P. 516.

противников. Открыто никто против такого решения не выступал, но на практике Шер Али-хан потерял поддержку населения, часть которого фактически была готова приветствовать падение его власти¹²⁴.

НАЛОГОВЫЕ РЕФОРМЫ ЭМИРА АБДУРРАХМАН-ХАНА

Абдуррахман-хан в наследство от предшественника и английских войск получил разрушенную столицу, опустошенную казну и раздробленную страну. Налоги с населения взимались и английскими войсками за время непродолжительного пребывания в Кабуле в 1879–1880 гг. По словам самого эмира, «доходы страны были уже заимствованы или собраны на год или два вперед Шер Али-ханом, Якубом и английскими войсками»¹²⁵.

Эмиру одновременно предстояло решать комплекс задач по объединению страны, восстановлению хозяйственной системы, созданию государственных структур и сильной армии, что требовало немалых человеческих и финансовых ресурсов. Отчасти жесткость правителя в управлении страной оправдывалась крайней отсталостью общества, порою понимавшего только язык силы. В результате период правления Абдуррахман-хана считается самым тяжелым испытанием для афганского населения.

Для реализации поставленных эмиром задач страна нуждалась в больших ресурсах, и казна начала пополняться не только налоговыми, но и другими поступлениями. Штрафы и конфискация имущества по доказанным и надуманным обвинениям затрагивали не только семьи привлеченных к ответственности лиц, но также дальних родственников, знакомых и друзей. Начатая реформа налоговой системы включала принятие единых правил работы фискальных органов, унификацию налогов, ставок, тарифов, а также другие мероприятия, связанные с фискальной системой, но, как всегда, процесс реализации был далек от принятых норм. В одних случаях установленные налоговые ставки не стали новшеством, поскольку действовали и раньше, в других привели к повышению суммы взимаемого налога, а третьих — стали

¹²⁴ Катиб, Файз Мухаммад... С. 340.

¹²⁵ Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 301–302.

дополнением к действовавшим, не отменявшимся на местном уровне. Инструментом в руках верховной власти выступал созданный жесткий разветвленный административно-полицейский аппарат¹²⁶.

Можно полагать, что налоговая система выступала одним из основных инструментов усиления позиции центральной власти, ослабления влияния клерикалов, вождей племен, ханов и миров. Следовательно, власть начала бережно относиться к полученным в виде налогов средствам, особенно к сельскохозяйственной продукции. В целях снижения затрат при сборе натурального налога в регионах построили зернохранилища. Назначенные эмиром губернаторы являлись ответственными лицами, обеспечивавшими процесс сбора налогов и податей с населения. В задачи созданной эмиром налоговой службы вошел учет годового дохода каждого землевладельца, размера налогов, необходимых для внесения государству. В порядок привели и систему документирования приходов и расходов налоговых поступлений, архивирования документов. Этим занимался *рузнама-чи* — должностное лицо, ежедневно контролировавшее доходы и расходы. В задачи данной службы входило хранение копий всех документов, выдаваемых при сборе налоговых доходов или их расходовании¹²⁷.

Унификация работы институтов налогообложения законодательно закреплялось в разработанных эмиром единых нормах в форме справочника «Кетабча-и-хокумати» (дословно «Правительственная книжка»). Составленные в 1883 г. правила были опубликованы и разосланы губернаторам провинций с запозданием в восемь лет — в середине 1892 г. Региональные власти обязывались строго соблюдать изложенные в документе правила и нормы, в своих действиях только ими руководствоваться. Документ, в первую очередь, был направлен на защиту интересов государственной казны, на снижение уровня коррупции, масштабов хищений сборщиками, агентами налоговой службы. Он выполнял задачу централизации и оптимизации налогово-бюджетной политики. Все это отражалось в трех первых правилах, возлагав-

¹²⁶ Подробнее о процессе и методах сбора налогов еще на столетие раньше см.: Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 102–104.

¹²⁷ Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 274–275.

ших на губернаторов, секретарей, маликов и сборщиков податей обязанности в соответствии с указом, принятым эмиром, без наличия и предъявления официального документа не заниматься сбором налогов. Губернаторов обязали довести до сведения всех жителей в пределах своей юрисдикции и четко установить, что субъекты, находящиеся под его управлением, никому не платят, а что малики и налоговые инспекторы не осуществляют сбор налогов без документального оформления процесса. Правило второе обязывало губернаторов следить за ходом сбора налогов и податей с субъектов, а в случае поступления жалоб касательно несанкционированных действий выявлять нарушителя, применять соответствующие меры¹²⁸. Мишенью налоговой политики эмира первым делом стали вожди племен, ханы и миры, выступавшие в качестве посредников при сборе налогов между налогоплательщиками и властью.

Советский афганист М. А. Бабаходжаев пишет, что «преобразования эмирской власти в области налоговой системы ограничили возможность злоупотреблений со стороны чиновников административно-управленческого аппарата, несколько упорядочили эксплуатацию народных масс и значительно повысили доходы казны»¹²⁹. Механизм реализации правил на практике не сработал, и сложившаяся система коррупции продолжала существовать, приспособливая схемы под нововведения. Коррупционная схема функционировала таким образом, что не оставляла налоговым субъектам шансов достучаться до верховной власти. Эмир сам косвенно подталкивал госслужащих к коррупции, так как назначил им крайне незначительное жалованье¹³⁰. Пути пре-

¹²⁸ Катиб, Файз Мухаммад... С. 762–764.

¹²⁹ Бабаходжаев М. А. Очерки социально-экономической... С. 189.

¹³⁰ Политика жалованья, введенная эмиром, исходила из назначения низких ставок для большей части служащих, работавших в бюджетной сфере.

Логика такой политики сводилась к тому, что чиновники и в целом все занятые в государственных структурах подозревались в наличии нелегальных источников доходов, но она все больше провоцировала процветание коррупции, склоняла служащих силовых и налоговых структур к взяточничеству и вымогательствам. «Мирзы наживаются разными способами и в особенности при сборе пошлин и платежей. В этих случаях они умеют заставить каждого платить в их пользу. Если, например, мирза должен выдать кому-нибудь квитанцию на внесенный платеж или на сданный товар, то он за-

дотворачивания коррупции и хищений были далеки от идеала, а методы наказания в виде полной конфискации имущества и наложения крупных штрафов никак не останавливали чиновников.

Эмир издавал прокламации касательно отношений властей и подданных в вопросе налоговых сборов, предупреждал о последствиях для первых, призывал соблюдать рамки принятых норм и правил верховной власти. Эффективность работы государственных служащих, преданность и честность эмир старался закрепить письменной клятвой, которую должны были дать все без исключения. Эти и другие меры, однако, никак не могли отразиться на качестве работы служащих в целом и органов власти налогового аппарата в частности. Абдуррахман-хан рассчитывал несколько исправить ситуацию, играя на религиозных чувствах государственных служащих, ибо как мусульманам им должно было сложно после присяги переступить черты закона, но практика показывала обратное¹⁵¹.

Такие же методы применялись в отношении налогоплательщиков. Наряду с применением административных ресурсов эмир часто прибегал к идеологическим инструментам — убеждал подданных не уклоняться, воспринимать уплату налога как священную обязанность мусульманина перед «повелителем правоверных» (под таковым подразумевалась личность эмира), имеющим право взимать *закят* и *ушр* на благо и процветание верующих. Ни один из предшественников так много не ссылался на религиозные правила при обосновании своих решений по тем или иным вопросам, как это делал Абдуррахман-хан. Как воплощение светской и ре-

ставит человека ждать квитанции хотя бы несколько дней, пока он не уплатит требуемой суммы. При этом мирзы не брезгуют взяткой, равной ладе одному пени, если знают, что у человека нет больше. И все платят; действительно, если человек приехал в Кабул издалека, чтобы внести какую-нибудь пошлину, или налог, на сумму иногда менее одной рупии, и откажется заплатить мирзам несколько *анн*, то его задержат в городе на несколько лишних дней, и каждому нетрудно рассчитать, что выгоднее исполнить требование и избавиться себя от больших расходов. Жалоба высшим властям все равно не приведет ни к чему, потому что мирза, да и все его сослуживцы будут клясться, что никогда и не видели этого человека... Эмир платил жалование далеко не всем мирзам, говоря, что и не стоит платить, потому что они все равно будут брать деньги с народа, а так как последний не жалуется ему, то значит хочет платить» (Мартин А. Ф. 8 лет... С. 194–195).

¹⁵¹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 941–942.

лигиозной власти, он приложил усилия к тому, чтобы обосновать введенные ставки и убедить правоверных последователей в истинности принимаемых решений. Ссылаясь на Коран, священную книгу мусульман, эмир ввел для земель, орошаемых водами рек, налог в размере 1/3 урожая, кяризом и богарных — 1/10, родниковой водой — 1/5 части урожая. Налогом при этом облагали все земли без исключения, включая вакфные¹³², ранее освобожденные от любых налогов и взносов. Фруктовые сады и овощеводство облагались в размере 7,5–9 рупий с площади в один *танан*¹³³.

Прокламации эмира часто подчеркивали обязательства верующих своевременно вносить налоги, но в редких случаях затрагивали вопросы защиты прав налогоплательщиков. Впрочем, впервые при нем предпринимались некоторые шаги, направленные на защиту населения от представителей власти. При возникновении проблем отдельным индивидам сложно удавалось доказывать свою правоту перед налоговыми агентами, но в случаях протеста населения целого района в дело мог вмешаться верховный правитель. Указом эмира требовалось с деревенского *кадхуда*, податного инспектора или сборщика налогов документально фиксировать процесс взимания налогов выдачей квитанций. Предупреждалось не требовать со скотоводов платить больше или меньше указанного в прокламациях, губернаторам и *кади* приказывалось следить за ходом работы, выявлять факты нарушения со стороны налоговых агентов и докладывать эмиру о результатах предпринятых мер¹³⁴. В реальности все эти меры напрямую не

¹³² Вакф (араб. وقف — букв. «остановка», «приостановление», «удержание») — в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

¹³³ Imperial Gazetteer... P. 61; Kakar, M. H. Government and Society... P. 75.

¹³⁴ Осенью того же 1892 г. в области Гур налоговые инспекторы и коллекторы изымали налог на скот в размере, значительно превышавшем официальную ставку. Эмир в адресованной им прокламации сообщил о размерах, которые налогоплательщики обязаны были платить. Полный *закят* (*закят-и камил*) на овец, ягнят и коз составил 10,5 рупий со 100 голов и 10 рупий за сокращенный *закят* (*закят-и накис*), или же натурой две с каждых 100 голов овец, ягнят и коз как *закят*, будь то полный или сокращенный (*закят*). Они должны платить 2 рупии за верблюда и 1 рупию за каждую лошадь. Для целей *закята* они должны считать овец, ягнят и коз равными и должны включать новорожденных ягнят в счет, а не пропускать их. Они не должны платить *закят* за верховых лошадей, используемых для работы, за коров и мулов, ко-

связывались с защитой интересов налогоплательщиков, а объяснялись задачей обеспечения полного поступления всех доходов в государственную казну.

Абдуррахман-хан направил большие усилия на укрепление военной мощи государства и увеличение численности регулярной армии с привлечением всех имевшихся ресурсов, в том числе налогового инструмента. Эмир сначала подсчитал материальные возможности конкретно взятого племени или района, затем назначил завышенную сумму, которую необходимо было внести в казну. В случае отказа предлагал заменить налог предоставлением солдат для службы в армии. Например, племя мангал отказалось платить двухлетний налог на землю, установленный в 2 тыс. рупий в год. Эмир предложил им заменить его на пехотный полк, сформированный из 1 тыс. способных молодых людей, на что вожди племени дали согласие. В другом аналогичном эпизоде по приказу эмира губернатор Газни выставил племени *андари* счет на сумму 62 тыс. рупий в качестве подушного налога (*сармарда*), точнее недоимок последних двух лет. Как и ожидалось, последние выразили по этому поводу возмущение и намеревались отклонить требование. Власти затем предложили альтернативу (формировать полк) и получили согласие *андари*¹³⁵.

Также отметим, что, несмотря на важность и актуальность налогового вопроса, не всегда при восстаниях он работал как эффективный инструмент. Мощные племена, такие как *гильзаи*, изначально не признавшие власть эмира, открыто поддерживали Айюб-хана, сына Шер Али-хана, в борьбе против него. *Тараки* (подразделение племени гильзаев) взамен повиновения предлагали налоговые привилегии, точнее освобождение от подушного налога, что было принято. Однако после подавления восстания в середине 1882 г. от племени кроме текущих налогов требовалось выплатить и недоимки последних двух лет. Наряду с ними уклоняться стали хазарейцы Джагури и племя *андари* (подразделение

которые не являются частью стада, за коров, которые кормят семьи, и за быков, которых разводят, собирают и перевозят. Они должны рассматривать это воззвание как постоянную инструкцию и передавать средства в соответствии с ним (Катиб, Файз Мухаммад... С. 844).

¹³⁵ Катиб, Файз Мухаммад... С. 503; 1059.

племени гильзаев) районов, расположенных к югу от Газни. Старейшины арестовывались за отказ от погашения недоимок¹³⁶. В то же время в силу своего особого положения *хотаки* (подразделение племени гильзаев) не только были освобождены от уплаты налогов, но их старейшины получали ежегодную субсидию в размере около 40 тыс. рупий¹³⁷.

Кардинально в эти годы изменилось и положение непокорных гильзаев, годами игнорировавших налоговую политику центральной власти: они либо вовсе уклонялись от уплаты, либо же вносили значительно меньше, чем другие племена и народности. Налоговые отчисления гильзаев, плативших в основном натурой, представляли собой фиксированные порции земледельческой и скотоводческой продукции. Эмир, внимательно следивший за доходами племени, посчитал, что их вождями, обладавшими крупными земельными угодьями, в денежном эквиваленте ежегодно присваивается 700 тыс. рупий, а в казну вносится всего 8 тыс., почти в сто раз меньше. Система сбора внутри племени отличалась от общегосударственной, поскольку ее возглавлял хан, которому доставалась одна половина сборов, а другая передавалась шаху или эмиру. Приказ эмира об установлении новой единой системы был воспринят негативно, хотя в целом ничего нового в этих налогах не было, но именно для гильзаев они стали новшеством. На них начал распространяться *се-кот* (на урожай зерновых) и *закят* (по ставке 1/40), однако не с мелкого, а крупного рогатого скота были введены такие ставки после подавления мятежа и ареста вождей племени¹³⁸.

Восстание гильзаев (1886–1887 гг.) было явлением ожидаемым, поэтому эмир предпринял решительные шаги, намереваясь окончательно сломать силу сопротивления, разрушить материальную базу племени. Таким образом, политика объединения территорий и населения Абдурахман-хана включала лишение военно-политической и экономической власти на местном уровне. Всякий раз, жестоко подавляя восстания

¹³⁶ Kakar, M. H. Afghanistan: A study... P. 119.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Kakar, M. H. A political... P. 119–123.

и полностью усмиряя отдельно взятый район, эмир вводил высокие налоги, в большинстве случаев требовал платить казне за год вперед. Такая политика применялась по отношению ко всем без исключения этническим группам и племенам, начиная от таджиков Бадахшана и заканчивая гильзаями восточных областей. Как не раз отмечалось в литературе, продолжительное противоборство гильзаев с эмиром превратилось в настоящую войну между правителем и населением как совокупным налогоплательщиком¹³⁹.

Еще одним негативным явлением в рассматриваемой сфере стало обнаружение эмиром информации о недоплатах в годы его нахождения в эмиграции. Абдуррахман-хан часто возвращался к ревизии процесса сбора налогов периода своего предшественника. Это главным образом происходило в случаях нахождения документов, свидетельствовавших об осуществлении торговых операций конкретными должностными лицами или налогоплательщиками. По возможности и из этого извлекалась выгода, если указанные в бумагах лица не предоставляли соответствующих платежных документов в качестве доказательства факта перечисления в казну собранных средств. Иногда, несмотря на значительность отраженных в документах сумм, эмир был готов взыскивать их с лиц, имевших к операциям непосредственное отношение. Однако, понимая переменчивость политической обстановки и ревностное отношение всех без исключения правителей к налоговым сборам, налогоплательщики в большинстве случаев старались сохранять платежные документы вне зависимости от того, при каком правителе выплачивалась та или иная сумма¹⁴⁰. Ревизии документов на местах проводились без излишнего разбирательства деталей, следовательно, задолженность могла рас-

¹³⁹ Ромодин В. А. Афганистан во второй... С. 96–98; Kakar, M. H. *Afghanistan: A study...* P. 156; Kakar, M. H. *A political...* P. 94.

¹⁴⁰ В середине 1891 г. были обнаружены 19 финансовых документов 15-летней давности (1876 г.), в которых отразились государственные доходы в размере 183 тыс. рупий киран, 128,3 тыс. кандагарских рупий, 170,4 тыс. кабульских рупий, 1628 *харваров* пшеницы и 87 тыс. *харваров* соломы. В рассматриваемом случае соответствующим лицам были предоставлены квитанции об уплате и со стороны властей не были предъявлены претензии (Катиб, Файз Мухаммад... С. 729–730).

пространяться и на ранее освободившиеся по той или иной причине от уплаты налогов лица¹⁴¹.

С первых лет прихода к власти эмир приступил к вопросам административного деления страны, устанавливал налоговую юрисдикцию провинций, в пределах которой предоставлялось право заниматься соответствующей деятельностью. На попытки, по старой традиции, переходить границы подвластных территорий центральное правительство реагировало. Бывало, что это происходило ввиду перехода районов, раньше принадлежавших одному независимому правителю в лице хана или мира, в состав другой новой административной единицы. Такие деления больше всего происходили в афганском Туркестане. Правитель Майманы, например, отправлял сборщика налогов в Кала-и-Вали, район, который перешел в состав Герата. При этом представители верховной власти старались своевременно наводить порядок¹⁴².

Следует отметить, что неофициальные сборы и иные виды материальной нагрузки наблюдались не только, например, в Хазараджате, но и в Кандагаре. Запреты эмира не только не способствовали сокращению, но и до некоторой степени привели к расширению такой практики. Использовали при этом разного рода старые и новые схемы вымогательства, включавшие сговор с придворными чиновниками или должностными лицами на местах. Все это вызывало недовольство в обществе. Эмир принимал различные варианты решения вопроса, включавшие сокращение государственных расходов, снижение нагрузки на налогоплательщиков, но ставки оставались неизменными. Для обхода коррупционных схем налогоплательщикам предлагалось самостоятельно доставлять налог до ближайшего пункта и получать квитанцию об уплате, но и это не привело к положительным изменениям. Передача обязанностей от одного должностного лица другому всякий раз усиливала роль новых назначенцев, приводила к появлению новой коррупционной схемы. Практика использования кавалерии для сбора налогов еще больше усилилась с подключением к процессу вождей клана мухаммадзаев,

¹⁴¹ Kakar, M. H. *Government and Society...* P. 79; Kakar, M. H. *Afghanistan: A study...* P. 136.

¹⁴² Катиб, Файз Мухаммад... С. 422–423.

предложивших свою помощь эмиру в служении на общественных началах (о чем было сказано выше)¹⁴³.

Другое направление в аграрном секторе, претерпевшее изменение, — вопрос откупа земельных налогов, который к середине 90-х окончательно отменили¹⁴⁴. Кроме того, очередным новшеством можно считать решение эмира, которое, по крайней мере на протяжении рассматриваемого столетия, стало первым случаем выдачи денежных авансов (*taqavi*) отдельным племенам для развития сельского хозяйства¹⁴⁵.

Покрытие растущих расходов казны продолжилось за счет увеличения налогового бремени. Выросли размеры ставок действовавших налогов, расширился перечень за счет введенных новых¹⁴⁶. В итоге за один год с населения была собрана сумма, равная двухлетним поступлениям в казну его предшественников. Прокламации по налоговым вопросам издавались отдельно для каждого субъекта, поэтому налоги и ставки могли различаться по провинциям, районам и даже этносам¹⁴⁷. Так, в 1889 г. земледельцам рай-

¹⁴³ Kakar, M. H. *Government and Society*... P. 78–80.

¹⁴⁴ Ibid, P. 86.

¹⁴⁵ Kakar, M. H. *Afghanistan: A Study*... P. 98; Тимур-шах был первым афганским правителем, предоставившим денежные авансы для развития торговли (Vigne, G. Th. *A personal narrative*... P. 376).

¹⁴⁶ По сведениям М. Губара, годовой натуральный налог на урожай богарных земель увеличился с 1\10 до 1\5, с одного верблюда — с 1 рупии и 20 *пайсов* до 2 рупий (тогда 1 рупия = 60 *пайсам*). Новые налоги ввелись на плодовые деревья, домашний скот кочевых племен, контактировавших с Индией. Им следовало платить с каждых 40 голов мелкого рогатого скота 4 рупии, верблюда — 1, 4 голов коров — 1, 6 голов ослов — 1 рупию. Полный *закят* (*закят-и камил*) с поголовья овец и коз жителей составил 10,5 рупий, а неполный (*накис*) — 10 рупий. Также с каждых 1000 голов овец государство забирало две, с одной лошади — 1 рупию. За использование пастбищ, особенно кочевыми скотоводами, устанавливались следующие тарифы: корова — 50 *пайсов*, осел — 30 *пайсов*, лошадь — 1 рупия, верблюд — 1 крона (полрупии), 100 овец — 2 рупии, 100 коз — 1 рупия. Хозяйства, не имевшие земельных наделов, ежегодно платили налог в виде *сар-хане* — 4 рупий с одного хозяйства, 10 рупий наличными деньгами за коров: молочной породы — 20 рупий, мясной — 20, коз — 2 рупий (Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 646).

¹⁴⁷ Население района Акча (1885) состояло преимущественно из узбеков и туркмен, у которых основным занятием было скотоводство и особого различия в их хозяйствах не наблюдалось, тем не менее туркмены не платили налог с домашних хозяйств (Adamec, L. W. Vol. IV. P. 259).

онов, расположенных между Джелалабадом и Гандамаком, района Лагмана, а также некоторых других местностей был установлен поземельный налог по ставке 4 рупии с *джариба*, а для племени *шинвари* — только 1,5 рупии¹⁴⁸. Разнились ставки налога на домашних животных. В одном месте с мелкого рогатого скота взымали *чехел-як*, в другом фиксированную сумму, в третьем применялось и то, и другое. Налогом не облагался только рабочий скот, точнее коровы, волы, ослы и лошади, содержащиеся исключительно для ведения домашнего хозяйства, выполнения сельскохозяйственных работ. В отличие от земельного налога, *закят*, кроме отдельных случаев, взымался деньгами по разным ставкам и распространялся во всех уголках страны, включая крайний северо-восток, Памир, где проживали киргизы¹⁴⁹.

Реформа продолжалась на протяжении всего периода правления эмира. Одна из проблем для налогоплательщиков состояла в наличии местностей с единой для всей страны системой налогов и тарифов и параллельных, шедших в карман местных правителей. На севере продолжали действовать две разных налоговых системы. Первая — это официальная, введенная Кабулом центральная, а вторая — локальная, так называемая узбекская, принадлежавшая местным землевладельцам-джагирдарам. Налоговая система центральных властей имела общенациональное значение, обеспечивая функционирование механизмов государственных структур, административных органов власти. Между двумя системами существовала очевидная разница, и население больше склонялось к узбекской, более легкой. Размер поземельного налога варьировался между 1/10 и 1/3 части урожая в зависимости от категории земли¹⁵⁰. В области сельскохозяйственного производства налоги центрального правительства по своим формам представляли собой денежные и натуральные¹⁵¹. С другой сто-

¹⁴⁸ Kakar, M. H. *Government and Society...* P. 270.

¹⁴⁹ Ibid. P. 82.

¹⁵⁰ Elias, N. *Report...* P. 65.

¹⁵¹ К первой категории относились две формы *сари-кульба* — налог на плуг, взимаемый в денежной форме исключительно с земледельцев и состоявший в свою очередь из двух видов: с пары быков — 10,5 и одного — 5,5 рупий в год, а также налог с мелкого рогатого скота по ставке 10 рупий с отары из 100 голов в год. *Сари-кульба* натурой составлял 1 *харвар* с 2 английских

роны, военные гарнизоны, призванные обеспечить внутреннюю стабильность, защитить население от внешних набегов, опирались на эту систему. Местные налоги, как и раньше, направлялись исключительно на расходы миров и ханов.

Отметим, что подать местным правителям практиковалась и в других районах севера Афганистана. Фирузкухи района Бандар, например, платили в год по одной овце местному правителю¹⁵². Причем указаны не все виды налогов, поскольку в других местах региона их перечень больше. Кроме того, расчет велся не только в разных единицах измерения площади, но и деньгах. Как было показано, в Бадахшане и Каттагане использовали рупии, а в Маймане, например, средством платежа выступал *танга*, что осложняет оценки работы налоговых служб.

Сохранение разнообразия налогов и пошлин по районам и областям связывалось с нехваткой ресурсов унифицировать систему, поэтому лишь в редких случаях повсюду внедрялась одинаковая ставка. Налог на мелкий рогатый скот в натуральной форме почти по всей стране взимался по стандартной ставке — одна с каждых сорока голов, или 2,5%, что соответствовало исламским нормам¹⁵³.

В районе Альмар (Маймана, 1890 г.) ставка с орошаемых земель составляла 1/5 часть урожая зерновых и 1/10 — с неорошаемых, или богарных земель. Налог на виноградники взимался из расчета 20 *танга* на каждый *танап*. В сфере бахчеводства и огородничества ставка была сравнительно ниже. Иными словами, 12 *танга* взимались с каждого *пайкала* земли (*пайкал* — площадь, равная 4 *кульбам* в Хажда-нахре, 2 — в Ташкургане и Айбаке)¹⁵⁴. Высокая

манн зерновых. Земледельцы поставляли каждый десятый мешок сена, выставленного на продажу. *Сари-асияб* — налог с мельниц и маслобойных цехов — 5,5 рупий в год. Наряду с этим параллельно практиковалась система, которая имела место в период управления регионом узбекскими ханами. Хотя она на первый взгляд казалась более справедливой, но на деле, как и в других регионах Афганистана, нагрузка на жителей была выше. Эта система налогообложения состояла из трех видов натуральной формы. По посевам 1/10 части полученного урожая в год, 1 с 40 голов овец и коз в год, 1 овцу в месяц с каждого села старосте (Elias, N. Report... P. 64–65).

¹⁵² Adamec, L. W. Vol. IV. P. 117.

¹⁵³ Ibid. P. 386.

¹⁵⁴ Ibid.

ставка налога на виноградники в этом и некоторых других районах объяснялась хорошей урожайностью. В соседних Кухдамане и Кухистане эти показатели были еще выше: 1 рупия с каждых 100 лоз, а Бадахшане — 2 рупии. Фруктовые деревья также облагались налогом. В Бадахшане практиковался дифференцированный налог в размере 10, 7 и 5 *танга* за *джариб* сада. Достаточно высокой оказалась ставка с распространенной в Афганистане шелковицы, составившая 1 рупию на дерево в год. Применение своего рода прогрессивной шкалы налога и другие ограничения, связанные с налогообложением, в таких сферах в конечном итоге имели негативные последствия. Действия властей никоим образом не стимулировали производителей наращивать производство¹⁵⁵.

Абдуррахман-хан нуждался в средствах для ускоренной реализации планов строительства армии и в этой связи старался выжать максимум из экономики. Контроль за сбором урожая стал предельно строгим. В Джелалабаде, например, садоводам только после установления налоговой ставки на фруктовые деревья разрешалось собирать урожай. Производители продукции садоводства в таких условиях предпочитали ограничить или вовсе отказаться от дальнейшей хозяйственной деятельности¹⁵⁶.

Эмир настолько плотно занимался налоговой политикой, что каждую конкретную ситуацию, связанную с этим вопросом, брал под личный контроль. В данном вопросе по жесткости он не отставал от предыдущих правителей¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Ставки поземельного налога немного отличались в Айбаке и Сайгане, в первую очередь это касалось натурального налога с орошаемых земель, с которых платили *се-кот*, а богарных — 1/10 и 1/11 части продукции. Здесь, в отличие от узбекских владений, предоставление измельченной соломы под названием *бхуса* отменили, а вместо этого установили фиксированную ставку в 2 кабульских рупии с каждого *харвара* урожая зерновых. Солома при этом оставалась в распоряжении земледельцев. Взимался налог с каждого фруктового дерева в размере 2 *пайсы* (60 *пайс* = 1 кабульская рупия). Различия наблюдались в ставках и формах *закята*. Налог на мелкий рогатый скот составлял 14 кабульских рупий с отары из 100 голов, с верблюдов — 1 с каждых 20 голов. Ставки на продажу скота были относительно высокие: за овец и коз — 20 кабульских рупий с отары из 100 голов, лошадей — 2 кабульских рупии с каждой лошади (Adamec, L. W. Vol. IV. P. 237; 481).

¹⁵⁶ Kaka, M. H. Government and Society... P. 82.

¹⁵⁷ М. Катиб приводит массу примеров доведения эмиром афганского населения до крайней нищеты, в условиях которой продолжалось требование

Постепенно ко второй половине 80-х гг. налоговая юрисдикция эмира все больше расширялась, охватывая новые районы и их население. Жители Кафиристана, находившиеся в изоляции от остальной части Афганистана, видимо, с тревогой наблюдали за темпами распространения власти эмира и знали об использованных им при этом методах, так как в январе 1887 г. в Кабул послали делегацию из числа кафиров, живших около района Панджшера, для изъявления верности и обсуждения вопросов, связанных с дальнейшей своей судьбой, особенно по части сохранения традиционных обычаев. В частности, от них поступила к Абдулрахман-хану просьба взамен предоставления *джизы* не принуждать их принять ислам. Ввиду ограниченных условий хозяйствования они предложили взимать с них только поземельный налог, от которого эмир позже их вовсе освободил из-за ничтожности получаемого ими дохода. Вместо этого он установил *джизью* по ставке 4 рупии на семью. Физические данные издавна превратили кафиров в объект высокого спроса на афганском работоторговом рынке, на что обращалось внимание эмира. Следовательно, альтернативный вариант, предложенный эмиром, подразумевал, что в случае отсутствия наличных денег предметом выкупа станет живой товар. Красивый мужчина или женщина благородного происхождения из числа кафиров оценивались им в 400 рупий, девушка или женщина среднего происхождения — 240 рупий. Также в натуральной форме разрешалось предоставить дойную корову — 10 рупий; быка — 20 рупий; взрослую дойную козу — 2 рупии; козленка — 1 рупия. Позже в район кафиров отправились представители разных служб для проведения переписи жителей¹⁵⁸.

уплаты налогов, что по всем параметрам было схоже с периодом правления Кандагаром баракзайских братьев. Как и в те времена, в случае переезда жителей от безысходности из одного района в другой их под конвоем кавалеристов регулярной армии заставляли возвращаться обратно в места постоянного жительства, чтобы собрать причитающиеся казне налоги. Озвученные властями суммы при этом были не маленькими. Это делалось для того, чтобы домохозяйства были плотно заняты вопросами налогов и податей. Такие ситуации имели место по всей стране, и хотя многим удавалось покинуть страну, других вернули с полпути. Сведения о подобных случаях встречаются больше всего в отношении хазарейцев (Катиб, Файз Мухаммад... С. 1172–1173).

¹⁵⁸ Катиб, Файз Мухаммад... С. 532.

Если сопоставить цифры, установленные налоги для кафиров были тяжелыми, поскольку одно хозяйство, например, обязывались внести натурой четырех козлят, или две козы в год. Такой сильный разрыв между ставками устанавливался для склонения жителей вместо товара в виде налогов предоставлять живой товар. Абдурахман-хан переступал все рамки и нормы, когда речь шла о пополнении казны за счет налоговых поступлений¹⁵⁹.

Местами региональные налоговые оценщики по собственному усмотрению исследовали, определяли ставки на *джариб* земельного участка. Эту систему использовали для преднамеренного отчуждения земельной собственности. Она в большинстве случаев практиковалась в провинции Газни (осенью 1890 г.) в отношении земель, принадлежавших хазарейцам. Чрезмерное повышение ставок (в десять, а то и в сто раз) привело к тотальной конфискации участков, поскольку ни один землевладелец не выдерживал такой нагрузки. После подавления восстаний определяли площадь участков и для каждого собственника назначали размер налога в соответствии с кадастром, составленным для местности¹⁶⁰.

В 1891 г. главой Счетного бюро было принято решение увеличить размеры поземельного налога. Для этого он просил разрешения эмира составить кадастровый план обрабатываемых земель во всех уголках государства, на что и получил одобрение. По приказу эмира во всех провинциях велся поиск людей, обладавших элементарными знаниями работы в этой области. Позже

¹⁵⁹ В целях максимизации объемов налоговых поступлений эмир стремился превратить все в объект купли-продажи, включая подданных, и это наблюдалось не только в отношении кафиров, но и в других местах, не говоря о ситуации с хазарейцами. Материальные возможности населения во многих случаях несопоставимы с введенными ставками, из-за чего во избежание полной потери имущества пришлось искать иные способы удовлетворения требований государства. Расходы на земельный налог местами покрывались за счет продажи куска самого земельного участка, домашнего скота и другого движимого или недвижимого имущества, но в отдельных случаях имел место факт продажи семьями в этих целях собственных детей. Трудности с продажей земли заключались в отсутствии спроса и исламских ограничениях, согласно которым потенциальный продавец сначала предлагал свою землю соседнему землевладельцу. Источники сообщают, в частности, об имевших место случаях в Туркестане и Бадахшане, когда налогоплательщики для выплаты налоговой суммы продавали своих дочерей (Kakar, M. H. Government and Society... P. 88).

¹⁶⁰ Катиб, Файз Мухаммад... С. 700; 751; 799; 828; 853; 1065.

приступили к регистрации собственности жителей¹⁶¹. Уже в августе 1892 г. в Газни отправили 57 подготовленных специалистов для обследования и межевания земель. Эмир снова называл увеличение ставок необходимостью приведения налогов в соответствие со священным законом. Земельные участки не классифицировали по категориям и в ряды обрабатываемых включали участки, годами не использовавшиеся в силу выхода из строя старых ирригационных каналов. В итоге, как и в указанных выше случаях, земли многих из-за несостоятельности выплачивать налоги в рамках принятого законодательства выставляли на продажу¹⁶².

С орошаемых земель одного из районов Газни (1888 г.) взимался фиксированный налог по следующим ставкам. Земли, орошаемые речной водой, — из расчета 4 рупии за *джариб*; если в качестве источника выступал родник, ставка составляла 3 рупии, при кярезном орошении — 2 рупии с *джариба*. Налог на плуг использовался при обработке земель, питавшихся дождевой водой, из расчета 6 *анн* за плуг. В период обильных дождей налог на богарных землях фиксировался на уровне 1/10 части полученного урожая. *Сар-рамаги* — 1 рупия за 3 головы овец и 1 рупия за — 4 козы¹⁶³. Ставки налога на скот для кочевых племен отличались по провинциям. В Джелалабаде со скотоводов она составила 1/40, то есть *чехел-яки*, а с оседлого — 1 *шахи* с поголовья¹⁶⁴. Как отмечает Х. Какар, кочевники платили 4 рупии за каждые 40 овец и коз, 1 рупию за верблюда и двух лошадей, 1 рупию за 4 коровы и 1 рупию — за 6 ослов¹⁶⁵. На самом деле и здесь ставки сильно разнились. На юге страны они были значительно выше, чем в других

¹⁶¹ При межевании земельных участков обнаруживались некоторые моменты, связанные с точным их размером. В одних случаях фактическая площадь оказалась гораздо больше указанной землевладельцами, в других собственники не имели документов, доказывающих принадлежность им наделов. В таких случаях государство конфисковывало земельный участок в свою пользу. Отметим, что кроме этого еще за счет конфискации имущества мятежников, лиц, обвиненных в том или ином преступлении, приближенных Шер Али-хана значительно вырос фонд государственных земель — халиса (Kakar, M. H. Government and Society... P. 80).

¹⁶² Катиб, Файз Мухаммад... С. 788; 802.

¹⁶³ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 420.

¹⁶⁴ Ibid. P. 291.

¹⁶⁵ Kakar, M. H. Government and Society... P. 82–83.

местах. В Пушт-Руде, например, 28 рупий и 4 *анна* с каждых 100 голов овец¹⁶⁶, что в 4 раза выше указанной суммы, а также в 2,8 раза больше, чем в Кундузе и в 5,6 раза — чем в Акче. Ставка в 4 рупии, как ниже будет показано, вводилась для племен, оставшихся в пределах Британской Индии и периодически использовавшихся пастбища на афганской территории.

Налоговая политика, как и раньше, сильно давила на материальную жизнь населения, что привело к недовольству и волнениям по всей стране. Абдуррахман-хан указывает на иные причины, вызывавшие восстания, но главным фактором выступали действовавшие и новые налоги и пошлины¹⁶⁷.

Пандждех до вхождения в состав Афганистана платил Кабулу налоги в зависимости от того, кто правил страной, и общей политической атмосферы, существовавшей в стране и регионе. По некоторым сведениям, жители района вносили 2,5% от земледельческой и 1/40, (или 2,5%) от животноводческой продукции. Судя по имеющимся абсолютным показателям, в центральную казну названным районом вносилась довольно малая сумма, составившая, например, в 1883 г. 13 тыс. крон (1 крона равнялась 9 пенсам) или 487 фунтов стерлингов¹⁶⁸. Одна половина *закята* и *ушра* использовалась на расходы местной власти, другая — перечислялась в центральную казну. В частности, 1/4 поземельного налога (*закят*) и канонической десятины (*ушр*) Пандждеха должна была быть внесена в счет довольствия местных старейшин, другая 1/4 — для улемов и сейидов, а оставшаяся половина — казне (байт аль-мал). Как видно, усилия направлялись на подкуп лояльности и расположение к себе знати, контроль настроения остальной части жителей. Такая тактика не стала продолжительной, поскольку рядовое население кроме отказа от уплаты налогов объявило о неповиновении назначенному Кабулом правителю. Это привело к ответным мерам со стороны губернатора Герата, включавшим конфискацию скота туркменов и требования полного пога-

¹⁶⁶ Adamec, L. W. Historical and Political Gazetteer of Afghanistan, Vol. II: Farah and Southwestern Afghanistan. — Akademische Druck- u. Verlagsanstalt: Graz-Austria, 1973. P. 238.

¹⁶⁷ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 651.

¹⁶⁸ Russia's March towards India... P. 209–210.

шения неуплаченных налогов¹⁶⁹. В качестве мер по завоеванию расположения населения таких приграничных районов, как Пандждех, английские военные посоветовали ввести налоговые привилегии, но эмир не желал пользоваться подобной политикой, поскольку имел иное видение проблем¹⁷⁰.

Хазарейцев к середине 90-х гг., помимо всего прочего, обложили не встречавшимися в других частях страны ставками налогов на скот, а также за пользование принадлежавших им ранее пастбищ и подножий гор. Инициатором идеи выступил занимавший должность начальника бюро доходов (*сардафтари вучух*) индус Диван Наранджан Дас, предельно детально подсчитывавший домашний скот жителей. Только коров по видам взимаемого налога он разделил на четыре категории: дойные, не дающие молока, двухлетние коровы и годовалые телята. Согласно изданному им распоряжению, за выпас скота население обязывалось внести 50 фулус с поголовья дойной коровы, 45 фулус с яловой (стельной), 0,5 рупии с двухлетней коровы, 0,5 рупии с годовалого теленка, 0,5 рупии с поголовья осла, 10 фулус — с осленка; по 1 рупии с жеребца или кобылы, 0,5 рупии с жеребенка, 2 рупии с каждых 100 овец, 1 рупию с каждых 100 коз и 0,5 рупии с каждого верблюда. Масса

¹⁶⁹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 423.

¹⁷⁰ Глава английской разграничительной комиссии генерал Ламсен, находившийся в 1884 г. на севере Афганистана, посоветовал афганским властям разрешить проблему Пандждеха при помощи материальных инструментов. За трагивая вопрос налогообложения района, он в беседе с представителем эмира подчеркнул важность облегчения налогового бремени для жителей, имевших не совсем хорошее материальное положение. Этот вопрос им был затронут несколько раз при встрече с афганскими официальными лицами. О своих соображениях Ламсен подробнее высказался при встрече с губернатором Герата и объяснил важность такого решения для Афганистана. Чувствуя общую атмосферу района и настроение жителей, глава английской миссии говорил, что налоги для района Пандждех следует отменять, поскольку на другой стороне русские аннулировали все налоги и подати для жителей Мерва и других мест. Чтобы район с его населением остался в составе Афганистана, нужно вести аналогичную налоговую политику, но губернатор в своем ответе исходил из приказа эмира в отношении населения упомянутого района. Абдулрахман-хан совсем иначе размышлял относительно данного вопроса. Освобождение от налогов, по его мнению, могло бы рассматриваться жителями как уступка со стороны Кабула, что дало бы им повод для дальнейших спекуляций. Он боялся, что после освобождения от налогов жители могут поднять ставку, предъявить новые требования к Кабулу, что считалось для него неприемлемым (Катиб, Файз Мухаммад... С. 448; 450–451).

примеров существует относительно практики применения методов правителей Кандагара по отношению к хазарейцам в 90-х гг.¹⁷¹

Кочевые племена отошедших к Британской Индии территорий продолжали пересекать афганскую границу, использовать луга и пастбища под корм, но точно так же поступали и скотоводы Афганистана, проводившие зиму за пределами страны. Принимая во внимание такое положение дел, Абдуррахман-хан издал указ, приравнивавший заграничных кочевников к отечественным. Губернаторам, местным податным инспекторам и сборщикам налогов пограничных пунктов было разослано распоряжение относительно обложения налогом кочевых племен. Вне зависимости от страны проживания кочевников обязывали платить *закят* по следующим ставкам: 4 рупии с каждых 40 голов овец или коз, 1 рупию с головы верблюда, 1 рупию с каждых двух лошадей, 1 рупию с каждых четырех коров, 1 рупию с каждых 6 ослов. После издания такого решения Кабул посетили вожди племени *сафи* и народа *вазиров* и дали согласие на выплату этого вида налога¹⁷².

Как уже было сказано, *джамбаст* был более распространенным на юге Афганистана и менее выгодным с точки зрения казны. Абдуррахман-хан, державший курс на лишение большинства племен налоговых привилегий, ощущал острую необходимость поиска путей их замены, но широкое применение *джамбаста* на территориях проживания мятежных пуштунских племен создавало определенные проблемы. Эмир принудил племена принять изме-

¹⁷¹ Сообщения М. Катиба свидетельствуют о том, что жителей региона в определенной степени спровоцировали на некоторые действия. Базировавшийся военный гарнизон в регионе эксплуатировал жителей. Отношение губернатора к ним довело их до крайней нищеты, но эмир в ответ на жалобы ограничился формальными предупреждениями. После похода на Хазараджат разоренное население заставляли платить налоги любыми способами, что превратило их в заложников в руках государства. Переезд в другие места запрещался, тем более если имелась задолженность по налогам. К примеру, 184 домохозяйства из Бехсуда искали убежище среди хазарейцев Газни, но когда государством обнаружилось наличие задолженности по земельному налогу в размере 5626 рупий, при помощи регулярных кавалеристов, отправленных из Кабула, всех обратно вернули в места постоянного проживания с целью взимания причитающейся казне суммы (Катиб, Файз Мухаммад... С. 1070; 1172–1173).

¹⁷² Катиб, Файз Мухаммад... С. 1223.

ненную форму по новому расчету в денежном выражении в текущих рыночных ценах, но все еще оставались районы, продолжавшие вносить налоги натурой по фиксированной шкале. Главной особенностью доходов от земли в период правления эмира был переход от *джамбаст* к системе *кот*, но он происходил постепенно и неравномерно. Впервые изменения были введены в районе Джелалабада в 1883 г. Тогда эмир распорядился разделить валовой продукт земель, обрабатываемых арендаторами, на три равных доли между землевладельцем, земледельцем и государством. Фактическое применение этого правила затянулось из-за недовольства землевладельцев. Кроме того, возник еще ряд других проблем, связанных с точным определением и сбором доли государства¹⁷³. Эмиру не удалось с легкостью распространить централизованную налоговую систему по всей стране. Это оказалось трудным в отношении пуштунских племен, пользовавшихся ранее налоговыми привилегиями¹⁷⁴.

От новой налоговой системы немало убытков претерпели районы севера и северо-востока, находившиеся под управлением местных миров и ханов. Власти формально, учитывая суровые климатические условия и низкую плодородность почвы горных районов, устанавливали более низкие налоговые ставки для высокогорных районов, например, Бадахшана, но на практике земледельцы там пострадали больше, чем в других местах¹⁷⁵.

¹⁷³ Kakar, M. H. *Government and Society*... P. 76.

¹⁷⁴ Привыкшим платить на прежних условиях племенам предъявлялось требование делиться с государством большей долей полученного дохода. Несмотря на доводы эмира относительно обязательств мусульман платить *ушр*, подданные решительно возражали и не могли согласиться с введенными новыми нормами. При внедрении новой системы с племенем *андари* провинции Газни у властей возникло разногласие. Речь шла об установленных ставках на поливные земли, занятые под зерновыми и фруктовыми садами. Хотя вожди племени готовились к сопротивлению и в своем письме пригрозили покинуть земли в случае отказа на просьбу сохранить прежнюю систему с небольшими изменениями в сторону увеличения (Катиб, Файз Мухаммад... С. 518–519).

¹⁷⁵ По одним расчетам, земледelec с одной кульбы получал всего 2,5 *харваров* зерна, из которых 40% выделял в счет поземельного налога, еще 45% — на погашение других налогов, и только 15% урожая оставалось на пропитание семьи и в качестве семян для посевов следующего года. Разумеется, у хозяйств имелись еще некоторые другие незначительные источники пропитания (садоводство, огородничество), но выше показана только часть

Региональные власти могли наряду с налогами ежегодно отправлять подарки в центр, что приветствовалось правителем. Так, Маймана два раза в год отправляла эмиру *назрану*, сумма которой составляла около 55 тыс. рупий, притом что общий доход оценивался в 233 тыс. рупий. Помимо того, правитель обеспечивал содержание 100 конных воинов в Кабуле с ежемесячным жалованием в 12 рупий, экипировку, снаряжение и коня, а также корм и хворост на нужды местного гарнизона в Маймане. Все эти расходы ложились на плечи местного населения¹⁷⁶.

Необходимо повторить, что, помимо всего этого, по всей стране государство могло обязывать население бесплатно трудиться на общественных работах, так называемых «*бегари*», т. е. работать на транспортировке в государственных нуждах товаров, другой продукции, выполнять строительные работы. В пределах владений узбекских правителей эти работы организовывались также на уровне местных *джагирдаров*¹⁷⁷.

На всем протяжении правления Абдуррахман-хана в 80–90-х гг. XIX в. борьба против коррупции и хищения казенных средств не принесла каких-либо результатов. Издание указов и прокламаций, как будто бы ограничивавших коррупцию, не мешало губернаторам и другим должностным лицам находить новые схемы хищения казенных средств, причем в крупных размерах. Созданный Абдуррахман-ханом механизм борьбы против коррупции на практике местами функционировал, и представители счетного бюро в своей работе часто выявляли факты присвоения налоговых сборов чиновниками разных уровней. Цифры, встречающиеся в источниках, показывают масштаб коррупции и объемов недополученных казной средств. Крупные хищения фиксировались главным образом на уровне высших должностных лиц, прежде всего губернаторов провинций, придворных чиновников, других близких к эмиру и назначенных им людей. В большинстве случаев

расходов по официальным налогам. Размер неофициальных поборов, особенно в отдаленных участках, был высоким (Adamec, L. W. Historical and Political Gazetteer of Afghanistan, Vol. I: Badakhshan Province and Northeastern Afghanistan. — Akademische Drucku. Verlagsanstalt, Graz-Austria, 1972. P. 31; Kakar, M. H. Government and Society... P. 86–87).

¹⁷⁶ Adamec, L. W. Vol. IV. P. 394.

¹⁷⁷ Elias, N. Report... P. 65.

после возмещения материального ущерба эти люди оставались на своих должностях. Хищения включали не только наличные деньги, но и налоговые сборы в натуральной форме, а также людей в период легализации продажи хазарейцев на невольничьем рынке¹⁷⁸. Например, аудит в ходе проверки выявил, что сыновьями вождя одного пуштунского племени были присвоены 327 тыс. рупий только от налога на скот кочевых племен Пушти-Руда¹⁷⁹.

При эффективном использовании имевшегося потенциала создание нормального налогового механизма и рациональное использование налоговых поступлений помогло бы снять излишнюю нагрузку с населения, направить часть финансовых потоков на развитие различных сфер, прежде всего инфраструктуры, и производство товаров. С налогоплательщиков собиралось намного больше, чем полагалось, а в казну поступало намного меньше, чем ожидалось. В результате эмир, не справившийся с усовершенствованием механизмов сбора налогов, увеличивал размер запрашиваемой с регионов суммы, а те, в свою очередь, напрягали земледельцев. Можно привести множество примеров того, как действия ответственных за налоговые сборы негативно сказывались на доходах бюджета и хозяйственной жизни налогоплательщиков. Государственные служащие, этнические лидеры и вожди племен иногда перечисляли в центральную казну только десятую часть от того, что было собрано в качестве налогов¹⁸⁰.

¹⁷⁸ В одном эпизоде губернатор Тирина получил свыше 82 тыс. рупий наличными, 500 *харваров* зерна, а также 30 девушек-хазареек, не заплатив за них налог с продаж наложниц (Катиб, Файз Мухаммад... С. 1002).

¹⁷⁹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 915.

¹⁸⁰ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 643.

Глава IV. Налогообложение сферы торговли и домохозяйств

Виды налогов и пошлин на торговлю

В системе торговли Афганистана встречались не только разнообразные виды налогов и сборов, но и пошлины в пределах самой страны при пересечении внутренних границ. Приведем наиболее распространенные из них.

Аснаф — распространенный в восточных областях Афганистана дифференцированный налог с продажи продукции различных торгово-ремесленных групп, взимался по самым разным ставкам. *Аснаф* также отличался по городам и областям. Например, в Джелалабаде с мясника, бакалейщика — 7 рупий, торговца зерном, если местный, имевший собственную торговую точку, — 5, если приезжий — 2 рупии, торговца фруктами и художника — по 4 рупии, ножовщика и сапожника — 4, кузнеца, продавца молока и красильщика — 2 рупии и 8 *анн*¹. В Лагмане (1879 г.) ставки были существенно ниже, но отличались для пекарей, каждые две лавки которых платили по 100 рупий в год. В Газни *аснаф* составлял от 30% до 1/3 прибыли каждого торговца или ремесленника в зависимости от вида его деятельности².

Аминана — пошлина за право торговли на базарах, действовавшая на севере страны. За право постоянной торговли в помещениях, точнее, за пользование лавкой торговец вносил 1/12 часть стоимости суммы, выплачиваемой хозяину помещения. Если же «лавка у купца собственная», то размер равнялся той сумме, которую платили купцы-соседи³.

Майдане — пошлина с продажи скота⁴.

¹ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 409.

² Adamec, L. W. Vol. VI. P. 494; 193.

³ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 142–143.

⁴ Ferrier, J. P. History... P. 323.

Бадж — По информации Мельникова, «внутренний приграничный налог на товары и другую недвижимость, а равно и на скот, взимаемый при переходе с названным имуществом из одного бекства в другое»⁵.

Базар-биш — сбор с каждого вьюка транспортированного зерна или фруктов, предназначенных к продаже, в размере стоимости 9 фунтов груза: *базар-биш* взимался также с каждого лотка, а за продажу обуви бралась 1/4 ее стоимости⁶.

Рахдари — Под этим термином в данном случае подразумевались транзитные пошлины, которые в свою очередь могли подразделяться на отдельные виды⁷.

Саир — городские транзитные пошлины, взимавшиеся с товаров в размере 2,5%⁸. В Кандагаре при правлении баракзайских братьев они вводились для райятов, но по ставке 10% с вырученной суммы⁹. В Газни они составляли 2 рупии за груз (верблюда), 1 рупию с каждых 40 рупий стоимости товара и устанавливались произвольно представителем власти при достижении города¹⁰.

За право ввоза железа устанавливались особые размеры пошлин, крайне тяжелые: так, с верблюжьего вьюка пошлина доходила до 80 рупий. Они сделали сложным ввоз железа из других государств¹¹.

Идана — изначально в Джелалабаде он имел форму небольшого по стоимости подарка, которое индусы Пешболака по праздникам подносили губернатору, но со временем превратился в самостоятельный вид налога.

Каба — верхняя одежда. Под таким названием взимался с населения налог, который направлялся на шитье одежды губернатора Джелалабада Мухаммад Замана. Позже он образовал один из постоянных источников государственных доходов.

⁵ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 142.

⁶ Там же, С. 143.

⁷ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 408.

⁸ Ibid. P. 409.

⁹ Rawlinson, H. C. Report on... P. 835–836.

¹⁰ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 192–193.

¹¹ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 143.

Котвали — При назначении на должность *котвала* вносилась определенная пошлина, которая зачислялась на счет правительства¹².

Среди прочих видов можно подчеркнуть еще такие неофициальные пошлины, как *камчин-пули*, что буквально переводится как «плата за нагайку», или сбор за нагайку. Она практиковалась не только на севере Афганистана, но и по всей Средней Азии. Суть заключалась в том, что караван давал деньги за сопровождение предоставленному эскорту со стороны правителя территории, по которому ходил обоз. При этом, невзирая на то, что при пересечении границы официальные пошлины были оплачены, местные правители дали сопровождающим право «требовать плату с каждого прохожего, даже если он его не сопровождал и не охранял»¹³.

Зарб-хане, или налог на монетный двор — вид налога, сдававшийся обычно в откуп. Откупщику разрешалось дважды в год перчеканить медную монету, взимая небольшую сумму за маркировку. В обращение допускались только монеты с оттиском последней марки. Он мог повторять этот процесс несколько раз в год¹⁴.

Система контроля и сбора налогов в городской среде находилась в ведении *дарога*, устанавливавшего цены на товары и контролировавшего точность весов и мер. В начале XIX в. сбором налогов в каждой сфере торговли на базаре занимались подчиненные им *кадхуда*, или *ришсафид*¹⁵. На подконтрольных племенным ханам территориях налоговые сборы имели переменчивый характер и взимались лишь в случае возникновения необходимости. По этой причине размер сборов мог каждый раз меняться в зависимости от требуемой суммы¹⁶.

Имели место отдельные налоги, взимавшиеся исключительно для конкретных нужд. Речь идет о форме снабжения войск провиантом и фуражом, находившегося в руках особого чиновника — «*союрсатчи-баши*» (от «*союрсат*» — контрибуция, реквизиция на-

¹² MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 410.

¹³ Вамбери А. Путешествие по... С. 187.

¹⁴ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 193.

¹⁵ Elphinstone, M. Vol. I. P. 265.

¹⁶ Там же. С. 219.

турой), который собирал налоги натурой, шедшие на содержание армии с некоторых, специально выделенных районов¹⁷.

Отсутствие больших рек внутри Афганистана не способствовало развитию в стране судоходства, но перемещение товаров, особенно вниз по течению реки, имело место. Такой вид деятельности практиковался редко и объемы были небольшими, однако сборы в обязательном порядке взимались, например, вдоль реки Кабул¹⁸. Тем не менее Амударья была единственной рекой, благодаря которой имелось водное сообщение со Средней Азией. В районе Клиф (в 1872 г.) при переправе взимались сборы по тарифам, зависевшим от вида вьючного скота. Один человек с ослом платил 10 пул (1/2 *танга*), с лошастью — 20 пул (1 *танга*), с груженым верблюдом — 25 пул (1–1/4 *танга*)¹⁹.

Местами действовали пошлины, которых в принципе не должно было быть. На севере подобного рода пошлина взималась за проезд по дороге, по которой караван фактически не проходил, так как в большей части времени сообщение из-за погодных условий приостанавливалось, а купцы пользовались объездными маршрутами²⁰.

НАЛОГИ НА ВНУТРЕННЮЮ И ТРАНЗИТНУЮ ТОРГОВЛЮ

Сборы с караванов повсюду составляли один из заметных источников поступления денежных налогов, но были и исключения, особенно в северных районах. Правитель Хульма Килич Али-бек (1786–1817 гг.) был одним из тех, кто после освобождения из-под афганского владычества и обретения независимости от Кабула не только отменил транзитные пошлины, но и обеспечил безопасный проход караванов по территории своих владений²¹. Мейендорф такое решение правителя объясняет тем, что «мусульманский закон запрещает любому государю, который не в состоянии содержать 12 тыс. вооруженных людей,

¹⁷ Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 145.

¹⁸ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 291.

¹⁹ Adamec, L. W. Vol. IV. P. 445.

²⁰ Lord, P. B. Prospects of trade with Turkistan... P. 125.

²¹ Elphinstone, M. Vol. II. P. 198–199.

взимать иную подать, кроме *заката* и *ушра*, и, следовательно, требовать плату с проезжающих». После кончины правителя пошлины в размере 2,5% (т. е. как *закят*) были восстановлены его наследником²².

Заметная роль в поддержке работы таможенно-тарифной системы принадлежала индусам, имевшим практический опыт и знания. Наряду с торговлей и осуществлением денежных операций, предоставлением ростовщических ссуд они находились на службе у правителей, брали на откуп торговые коридоры или районы²³.

Как выше было отмечено, откуп охватывал все сферы жизни афганского общества, включая пункты взимания пошлины с транзитных грузов. На севере в откуп сдавались пошлины в зависимости от размера доходов таможенных пунктов. В Кухдамане, где взимались 2,5 *шахи* (12 *шахи* = 1 рупия) с каждого груза, размер откупа составлял 800 рупий, а в Кушане и Горбанде — 4500 рупий²⁴, таможни Кабула (1834 г.) сдавались в откуп за 140 тыс. рупий²⁵.

Размеры налоговых ставок и тарифов формально были фиксированными, но фактически нигде не соблюдались и могли колебаться в зависимости от результатов переговоров между плательщиками и представителями соответствующих служб. Власти не только были осведомлены о подобном исходе работы — они сами давали волю подчиненным, поскольку это являлось единственным источником их доходов. Процесс взимания пошлин скорее напоминал аукцион, в котором налоговые агенты, в данном случае служащие таможенных структур, выступали в качестве про-

²² Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 80.

²³ При Мурад-беге индус Атма, например, выступал откупщиком таможенных и транзитных сборов на караванных путях между Бухарой и Кабулом. В первый год сумма откупа составляла 25 тыс. рупий, но постепенно правитель поднял ставку, и к началу 30-х гг. она достигла 60 тыс. рупий, при которых Атма отказался от дальнейшей работы (Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 112).

²⁴ Leech, R. Description of the Passes over the Hindoo Coosh Range of Mountains, From the Koh Daman of Cabool (To accompany the Survey). № VII / Report and papers. Political, Geographical and Commercial. submitted to Government... P. 30.

²⁵ <http://www.gutenberg-e.org/hanifi/chapter2.html#note49> (дата обращения: 30.06.2023).

давцов, предлагая товар по завышенной цене, а купцы — в роли покупателя, стремившегося получить максимальную скидку. Размер суммы, подлежащей плате, обычно определялся ответственными лицами, исходя из традиционной ставки в 2,5% совокупной стоимости товаров²⁶.

Дост Мухаммад-хан в середине XIX в. установил в пределах своих владений некоторые новые наименования пошлин на экспорт, импорт и транзит товаров, получившие общее название «*бид'ат*» (от арабского «*بدعة*» — новшество, нововведение). Нет точных сведений относительно того, что они из себя представляли, но, судя названию, можно заключить, что это были совершенно новые, чуждые по своей форме для мусульманского населения налоги. Строка доходов государственной казны также отражала прежние привычные налоги и пошлины как «*асл*» (дословно от арабского *اصل* «*асл*» — оригинальный, официальный), то есть обычные, а новые как *би'дат* — неофициальные, новые или, другими словами, неправильные налоги²⁷. Судя по суммам в 200 тыс. рупий, *бид'ат* приносили хороший доход скудной казне Дост Мухаммада, но с первых дней прибытия в Кабул Шах Шуджа отменил эти налоги²⁸.

Если правители Кандагара основной доход получали с сельскохозяйственной продукции, то у Дост Мухаммада внимание было приковано к торговой сфере. При нем в случае непредвиденной ситуации с каждого дукана на базаре Кабула могли требовать от 5 до 10 рупий²⁹.

²⁶ Пример экспедиции Муркрофта, столкнувшейся во владениях Мурад-бега с вопросом оплаты пошлины, показывает, как происходил процесс пересечения таможенных границ. Сумма, подлежащая взиманию, определялась в 20 тыс. рупий, поскольку весь товар экспедиции был оценен в 800 тыс. То есть в процентном соотношении это те же 2,5%, о которых было сказано выше, однако груз не был предназначен для дальнейшей перепродажи и состоял из личных вещей и провизии экспедиции. Предлагалось забрать один товар с каждых 40 тюков, на что миссия не согласилась. В конце концов, однако, приняли решение отпускать их с уплатой следующих сумм: пошлина — 3750 рупий; доля деван-беги — 1200, Байсахи — 300, которые вместе со стоимостью подарков Мурад-беку и его слугам составили в общей сложности почти 7 тыс. рупий, что менее 1% от оцененной стоимости товаров (Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 432–433).

²⁷ Life of Amir Dost Mohammed Khan. Vol. I. P. 234.

²⁸ Катиб, Файз Мухаммад... С. 152.

²⁹ Vigne, G. Th. A personal narrative... P. 376–377.

Дост Мухаммад ежедневно лично принимал участие в обсуждении вопросов, связанных с торговлей и пошлинами, что говорит о важности данной сферы для государственной казны. При нем доходы таможи г. Кабула увеличились на 50 тыс. рупий и достигли 200 тыс. рупий в год. Несмотря на некоторые трудности, торговля получила определенное развитие, что приписывается к его заслугам. В пределах его владений, по одним сообщениям, размер пошлины, как и в других местах, составлял 2,5%, притом что другие виды сборов и тарифов не вводились³⁰. Считается, что эмир проявлял интерес к обеспечению безопасности на караванных путях³¹.

Тарифы на товары, поступавшие по обоим направлениям в Хульма (из Кабула и из Бухары), отличались по видам и наименованиям. На шелк и товары, произведенные из шелка, за груз он составлял 4 *тилла* (1 *тилла* = 7 рупий), одежду или ткань европейского и индийского производства — 3,5, на одежду из Мултана и Панджаба — 3, специй, красителей, медикаментов — 1,5, экспорт местной продукции — 1, фруктов — 3,5 *тилла*. Кроме того, два местных правителя получали по 0,5 рупий за груз³². По информации того же М. Лала, по идущему через Майману маршруту в Бухару, который был лучше других и более заселенным, ставки были значительно выше.

Таблица 12

По дороге из Майманы в Бухару пошлина взималась в следующих местах

Название местности	Размер пошлины
Бед-гайс	10 рупий
Сарчашма	5 рупий с верблюда
Пандждех	7 рупий с груза
Юлан-ун	1 дукат и 1 рупия с каждого верблюжьего груза

Источник: Lal, M. Travels in the Punjab... P. 319

³⁰ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. II. P. 330–332.

³¹ М. Лал пишет, что «дороги под его властью безопаснее, чем были в прежние дни; и нет никаких дальнейших требований к товарам со стороны старшин таможи, как это было при династии Садозаев (Lal, M. Life of Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 234).

³² Lord, P.B. Prospects of trade... P. 125.

Система налогообложения в торговле была такой же примитивной и далекой от совершенства, как и в сельском хозяйстве. Пример Майманы показывает, что, хотя 2,5% пошлина как канонический *закят* вводилась на официальном уровне, тем не менее наряду с этим везде имели место и другие транзитные сборы на импорт: в Маймане в размере 3–11 *тилла* взимались с каждого верблюжьего груза железа, 6–22 — на все другие товары. Что касается внутренней торговли, то налог с места для торговли составлял 6 *тилла*. С продажи лошади или верблюда взимали 3,22 *тилла* с поголовья. Существовали и несколько других видов налогов и поборов, таких как налог на плащ и тюрбан, *джизья* с индусов, 0,5 *тилла* с каждого дома в качестве подушного налога и т. д. В целом в 1838 г. официальный доход Майманы составлял 50 тыс. рупий в год, но Поттингер обратил внимание на потенциал рынка и посчитал, что надлежащий способ работы по организации сбора десятины мог бы привести к 20-кратному увеличению доходов правителя³³.

Такими же незначительными были доходы г. Герата, составившие, по сообщениям А. Конолли (конец 20-х гг.), 21,4 тыс. фунтов стерлингов. Помимо сельскохозяйственных земель города и окрестных районов, доходы поступали также от таможи (2,5% от ввезенных денег или товаров), монетного двора (считается, что приносил хорошую прибыль), штрафов, конфискации имущества, вымогательства, налогов на все виды деятельности³⁴. М. Лал дает список из 35 видов источников дохода с суммой по каждому из них в *томанах*³⁵. Из него следует, что городские власти денежные поступления по большей части имели от ассоциаций производителей и торговцев разными видами товаров самого города. Тем не менее объемы натурального налога с прилегающих территорий и районов были также значительными — 27 тыс. *харваров*, несколько меньше поступало из других мест: Абех и Гуриан — по 2000 *харваров*, Сабзевар — 1300 и Коррух — 1020 *харваров*³⁶.

³³ Pottinger, E. Memoir on... P. 814.

³⁴ Conolly, A. Vol. II. P. 9–10.

³⁵ По его же данным 1 томан составил 20 рупий (скорее всего, кабульских), или 7–12 индийских рупий (Lal, M. Travels in the Punjab... P. 262).

³⁶ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 262.

Таблица 13

Денежные источники доходов Герата по сведениям М. Лала (в томанах)

Источник	Сумма	Источник	Сумма
Доходы с булуков	2000	Сборы с ткачей (1500), налоговые сборы (1150), с торговых точек (1000)	3650
Доходы с черных палаток аймаков	2000	Артель коже-очистителей (даббах)	1100
Таможня Гуриана	1500	Сборы со штамповки новой одежды (800), кафша (300), шерстяных изделий (100), <i>томани шахи</i>	2000
Таможня Сабзевара	800	Откуп продажи древесины (800), мыловарения (700), мельниц (600), продажи риса (600), монетного двора (120)	2820
Откуп асафетиды	800	Маркировка шкур и шапок	600
Доходы Абеха	800	Сборы с продавцов винограда (250), лошадей (180), обуви (160)	590
Откуп бухарского караванного прохода через Коррух	400	<i>Дузд багири</i> (200), сборы миршаба (200)	400
Доходы Гуриана	290	Пошлина на табак (200), древесный уголь (60)	260
Доходы Корруха	110	Ворота Кандагара (150), Хошк (50)	200
Доходы Сабзевара	100	Сборы с жильцов караван-сарая	50
Всего	8800	Всего	11670

Источник: Lal, M. Travels in the Punjab... P. 261–262

Таким образом, на первый взгляд кажется, что пошлина на транзитную торговлю была с точки зрения исламского права (*закят*) справедливой, составляя 2,5%, однако не следует забывать, что купцы при пересечении границы каждого владения, а иногда и в пределах владений одного и того же правителя платили пошлину, т. е. несли материальные затраты. Эта система создавалась самими правителями, и все происходившие процессы имели законную силу. Такая практика имела место, например, в пределах

территорий, подконтрольных Мурад-бегу (в 30-х гг.), который дал право своим подчиненным из числа локальных правителей взимать на своей территории пошлину с караванов, а те в свою очередь могли дать разрешение находившимся ниже по рангу. Это привело к росту реальных затрат купцов при пересечении многочисленных таможенных границ, находившихся на территории Афганистана³⁷. Ферриер сравнивает пошлины по трем основным городам — Герату, Кабулу и Кандагару. Согласно его сведениям, тяжелой ситуация оказалась в Кандагаре, где формально налог на торговлю устанавливался в размере 2,5%, а фактически расходы торговцев достигали 10%, более справедливой была ситуация в Кабуле — 2,5 и 4% соответственно. Герат отличался тем, что там официальная ставка была в два раза выше, чем в двух вышеуказанных городах, — то есть 5%, а реальные расходы могли доходить до 9%³⁸.

С одной стороны, пошлины на импорт товаров в Кандагаре сильно различались, с другой, правитель мог по собственному усмотрению забирать «понравившиеся» предметы продавцов и списывать их в счет сборов. В этой связи чрезвычайно сложно было определять истинный размер пошлин на то или иное наименование товара. Несмотря на это, по каждому виду товаров, производственной и иной деятельности были введены официальные тарифы, подлежавшие внесению в казну. В самом городе к концу 50-х гг. XIX в. в совокупности имелось 907 лавок, плативших налоги и пошлины. Так, на торговлю пшеницей, ячменем, *атта* (пшеничная мука) и рисом вводились пошлины в 2 *анны* за груз осла, 4 *анны* за груз верблюда. Топленое масло облагалось сбором в 1,5 *анны* за один кандагарский *манн*, древесина и фрукты по 1 *анне* за груз, кроме того, забиралась в казну 1/6 часть от привезенного масла. В городе новые тибетейки облагались налогом в 2 *пайса* за единицу. Жир почек каждого забитого мелкого рогатого скота считался долей государства и отправлялся в королевскую мыловарню, производившую мыло низкого качества. Торговые лавки платили налог в размере 1,5 кандагарских рупии в месяц.

³⁷ Lord, P. B. Prospects of trade... P. 124.

³⁸ Ferrier, J. P. History... P. 325.

Красильщики ежегодно приносили казне 1,5 тыс. рупий для Ост-Индской компании, кожевники — 4 тыс. рупий, мясники — 700 рупий, шелковые ткачи — 3,5 тыс. рупий, *джизья* — 3 тыс. рупий, рынок крупного рогатого скота — 2,5 тыс. рупий, *абкари* — 300 рупий; пекари — 30 кандагарских *манн* хлеба. К категории освобожденных от уплаты налогов и податей относились только сеиды, муллы и представители некоторых других классов³⁹.

Как отмечается в многочисленных источниках, часто в качестве откупщиков налоговых сборов выступали индусы, что, во-первых, было связано с их финансовой грамотностью, во-вторых, строгостью в вопросах подсчета денег. В Герате откупщики-индусы для выполнения работ по сбору средств привлекали пуштунов. Купцы, следовательно, находились в сложном положении, поскольку, с одной стороны, ставки часто менялись, с другой — было трудно договариваться со сборщиками из числа афганцев⁴⁰. По видам городские налоги Герата, согласно информации Ферриера, можно разделить на следующие:

- а) налог на торговые лавки, принадлежавшие торговцам; здесь разрешение на торговую деятельность в собственных помещениях торговцам обходилось в 5 фунтов 12 шиллингов в год;
- б) налог на уличную торговлю, когда продавцы выставляли товары перед своими домами; сборщиком налогов устанавливалась ставка, варьирувавшаяся в зависимости от предполагаемой прибыли торговца;
- в) налог с ремесленников, обязующихся получить перед продажей товара печать инспектора, подтверждающую выплату налога в размере 1/3 стоимости проданного товара;
- г) труд на общественных началах: лица, занимавшиеся тем или иным видом работы, обязывались два дня бесплатно работать на правительство.

Как видно, в городе не было сферы, свободной от налогообложения⁴¹.

³⁹ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 107; MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 511–512.

⁴⁰ Ferrier, J. P. Caravan Journeys... P. 275.

⁴¹ Ferrier, J. P. History... P. 325.

Не только торговцы, но и обычные путники подвергались тщательной проверке со стороны таможенных пунктов и платили больше положенного. В одних местах размер пошлины на пешего составлял 5 пул (1/4 *танга*)⁴², в других ее платили только индусы (1 рупию)⁴³. Деньги взимались не только за некоммерческий груз, но и за личные вещи, вьючных животных. Как отмечено выше, политика назначения символического жалования низшим чинам и служащим побуждала их к произволу в отношении всех без исключения лиц⁴⁴.

Из этих и нижеприведенных сведений видно, что в ряде областей пошлина вводилась не на виды товаров, а на объемы перевозимого груза. В районе Калати-Гильзаи (1879 г.) со всех товаров взималась пошлина *рахдари* по следующим тарифам: 3 кабульских рупии с каждого груза верблюда, 1 рупия — с груза осла. Имелись пошлины, которые местами взимались два раза с одного и того же продукта. К таковым в том же районе относилась пошлина под названием *бадами*, собиравшаяся в два этапа с урожая миндаля: при сборе урожая — в размере 1/5 части стоимости полученной продукции и экспорте — в 3 рупии и 3 *шахи* с груза в 60 кандагарских *манн*⁴⁵. При Шер Али-хане в районе Газни *саир* взимался с товаров, следовавших через его территорию, из расчета 2 рупии за верблюжий тюк, 1 рупию с каждых 40 рупий (т. е. *закят*). Важно отметить, что расчет стоимости товаров, как и везде, на месте производился произвольно представителем *хакима* по мере их поступления⁴⁶.

⁴² Adamec, L. W. Vol. IV. P. 445.

⁴³ Leech, R. Description of the Passes... P. 30.

⁴⁴ Ferrier, J. P. Caravan Journeys... P. 141.

⁴⁵ Adamec, L. W. Historical and Political Gazetteer of Afghanistan, Vol. V: Kandahar and South-Central Afghanistan. — Akademische Drucku. Verlagsanstalt: Graz-Austria, 1980. P. 211.

⁴⁶ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 192. Параллельно местами пошлина различалась по видам товаров. На севере на индиго, шелк и сырье для красителя объемом в один груз пони она составляла 1 рупию и 2 *шахи*, верблюда — 2 рупи и 1,5 *шахи*, осла соответственно — 7 *шахи*, груз верблюда соли — 7 *шахи*, миндаля — 1 рупию и 2 *шахи*, фисташки — 1,5 рупии, лошади в Бамиан — 5,5 рупии с головы (Leech, R. Description of the Passes... P. 30).

Таблица 14

НАЛОГИ И ПОШЛИНЫ НА ГРУЗ В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ (90-е гг. XIX в.)

Груз	Аминана	Бадж	Закят
Верблюды	1/6	1/6	1/40
Лошади	1/6	1/6	5*
Коровы	1/6	1/6	3,5*
Осла	1/6	1/6	1/40

Источник: Мельников Д. А. Указ. соч. С. 142

* *танга*

Торговый маршрут Бухара — Кабул выступал хорошим источником доходов в некоторых районах, расположенных вдоль дороги⁴⁷. Поступления от прямых торговых и транзитных пошлин местами превышали доходы от налогов на сельскохозяйственную продукцию и домашние хозяйства. Это в первую очередь касалось высокогорных районов с относительно суровым и менее благоприятным для земледелия климатом. На указанном участке маршрута к таковым относился Бамиан. Годовой доход там от пошлин в начале 1830-х гг. составлял 70 тыс. рупий⁴⁸. В других местах география и отдаленность от основных торговых маршрутов снижали роль торговли в системе доходов властей. Например, го-

⁴⁷ Более детальное описание расходов торговых караванов, связанных с пошлиной, показаны М. Лалом на примере торговцев *лохани* и *шикарпури*, следовавших по маршруту Бухара — Мултан. Время в пути из Бухары до Хульма на нагруженных верблюдах занимало 15 дней. На этом участке пошлины не взимались. В Хульме верблюдов меняли на пони и за каждый груз платили 1,5 *тилла* (9 рупий, 10 *анн* и 6 *пайсов*). В Айбаке повторно взималась пошлина в размере 1 рупии и 6 *анн* за груз. Далее в Гуре платили пошлину чехеляк согласно нормам шариата, то есть 1 из 40 рупий от стоимости товаров. Входя в территории, подвластные Кабулу, платили 2 рупии за груз в Кафшане, 4 *анн* за охрану в Сохта-Чинаре и 2 рупии с груза в Чанкуре перед въездом в город Кабул. Между Кабулом и Газни сумма городской пошлины составляла 260 рупий за верблюжью партию шелка и 11 рупий за соответствующий объем фруктов. Далее, проезжая мимо Катаваза, племя *сулейманхейл* облагало караван пошлиной в размере 1 рупии и 4 *анн* за груз коммерческих товаров (Lal, M. Travels in the Punjab... P. 393).

⁴⁸ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 90.

родские пошлины и транзитная торговля караванов приносили Газни 65 тыс. рупий, или всего 16% от общего дохода города⁴⁹.

Таблица 15

КАБУЛ — БУХАРА

Пункт таможенного				

Отмечалась относительно высокая интенсивность движения торговых караванов из Туркестана в первой половине XIX в. В период с сентября по октябрь 1837 г. перевозились грузы в следующих объемах: 132 осла с грузом фисташек, 17 — с сырьем для получения желтого красителя, 71 верблюжий груз соли (еще по 100 грузов соли и чая застряли из-за снегопада), 160 — шелк, золотая и серебрянная нить, 246 голов овец⁵⁰.

По направлению из Герата в Кандагар таможенная система в указанные годы работала в таком же режиме. А. Конолли отмечает, что пошлина с каждой лошади в Гиришке составляла 3,5 золотых дукатов, Кандагаре — 6,5⁵¹.

М. Лал (начало 1830-х гг.) приводит 20 наименований сборов по территории Кандагара с товаров, шедших в направлениях Бомбея и Герата. Из названий следует, что некоторые из них были связаны с отдельными местными правителями (*харадже* Абдулрахман, *харадже* Абдуллах-хан, *харадже* садозаи и т. д.), другие свидетельствуют о размере общепринятой ставки *закята* (*чехел-як*), третьи указывают на объект, подлежащий обложению пошлиной (например, *харадже* пияде — пошлина с пешего) и т. д. Хотя автор не приводит ставки по каждой из них, но в целом сообщает, что в сумме они составляли 10% от стоимости ввозимых товаров⁵².

В пределах владений Кабула совокупные доходы от таможенных пошлин в начале 30-х составляли 415,5 тыс. рупий, из которых чуть больше половины приходилось на долю таможи Кабула, за которым шли Газни и Бамиан (см. ниже табл.).

Таблица 17

Совокупный доход Кабула от пошлин

Район	тыс. рупий	в % от общего
Кабул	212	51
Газни	80	19,2
Бамиан	55	13,2
Кафшан	4,5	1,1

⁵⁰ Leech, R. Description of the Passes... P. 29–30.

⁵¹ Conolly, A. Vol. II. P. 89.

⁵² Lal, M. Travels in the Punjab... P. 320–321.

Окончание табл. 17

Район	тыс. рупий	в% от общего
Чарикар	10	2,4
Исталиф	6	1,4
Сарае-Ходжа	4	1
Аргандаб	16	4
Джелалабад	7	1,7
Басвал йа Хазараи-нау	2,5	0,6
Гандамак	2,5	0,6
Логар	6	1,4
Сардари	6	1,4
Гуша-и Кандагар	2	0,5
Чераги (с городских ворот)	2	0,5
Всего	415,5	

Источник: Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 235–236

Торговля, в большей степени транзитная, имела связанные с перевозкой товаров через Афганистан затраты, сказывавшиеся на конечной стоимости товаров. Цены на перевозимые товары в итоге росли не только в связи с повсеместными внутриафганскими пошлинами⁵³ вдоль маршрута, но еще за счет узаконенного вымогательства должностных лиц. Оценщики товаров с дозволения властей на таможенных пунктах требовали дополнительные деньги у купцов. Конфискация части товаров или наличных денег, а местами взятие под стражу купцов были мерами, пред-

⁵³ Например, в области Джелалабада пункты взимания транзитной таможенной пошлины имелись в четырех местах: помимо самого города — в Гандамаке, Басвале и Хазар-науе, Чар-баге, но не все товары во всех местах облагались сбором, а ставки на одни и те же товары различались. На таможне Джелалабада относительно высокими являлись пошлины на ввоз свежих фруктов, а именно винограда, груш и яблок из Индии, составлявшие 6 рупий с груза верблюда, а на вывоз сухофруктов в Индию и гранат из Кабула в Джелалабад в два раза ниже — по 3 рупии. Пошлины на ввоз свежих и сухофруктов между Кабулом и Гандамаком за груз верблюда были самыми высокими, но намного ниже, чем в центре, составляя 2 рупии. В Басвале и Хазар-науе пошлина на одежду составляла 8 рупий, соль из Пешавара — 5 рупий и 8 *анн*, обработанную кожу (из Пешавара) — 3 рупии. На все остальные виды товаров как здесь, так и в других местах ставка была значительно ниже (MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 405–406).

принимавшимися в их отношении в случае отказа выдать запрошенную сумму⁵⁴.

Власти принуждали купцов предоставлять ссуды, которые только в редких случаях возвращались. Следовательно, опасность на караванных маршрутах исходила не только от разбойников и грабителей, но и в равной степени от официальных властей. Караваны, естественно, в таких случаях разными способами старались минимизировать собственные потери⁵⁵.

Такие обстоятельства вынуждали купцов искать альтернативные маршруты через необитаемые районы. Например, чтобы не платить в Кандагаре с каждого вьючного животного от 15 до 30 рупий, караван часто изменял маршрут через Систан в Белуджистан⁵⁶. Редко, однако, встречались районы, поощрявшие торговцев сделать выбор в их пользу. Самая, пожалуй, низкая и, можно сказать, символическая транзитная пошлина имела по маршруту, лежавшему через Каттаваз. Она взималась либо наличными в размере 1 рупии, либо натурой в 10 ярдов грубой ткани с каждых 8 загруженных верблюдов. Торговцы в этой связи часто выбирали путь через этот район. Исключение здесь составляли иноверцы, которые традиционно платили больше мусульман⁵⁷. Относительно последних можно добавить, что не всегда

⁵⁴ В северных районах, во владениях независимых ханств до 1870 гг. караваны под различными предлогами подвергались многократному взиманию налогов и сборов. Кроме того, практиковались грабежи, санкционированные самими правителями и приводившие к полной потере товаров купцами. Особо опасным для караванов считался маршрут, шедший через Майману или Андхой — территории, подконтрольные джамшидам. Со временем произошли изменения условий в сторону улучшения, но в целом они остались весьма далекими от тех, что имелись в некоторых других местах. Но купцы, регулярно занимавшиеся торговыми операциями с Бухарой и внутри самого Афганистана, оценивали эти изменения как положительные (Вамбери А. Путешествие по... С. 187).

⁵⁵ Английские эмиссары в 30-х гг. стали свидетелями многих случаев принуждения купцов к выдаче денег сверх пошлин или ссуд, что свидетельствует о многочисленных фактах грабежа купцов представителями власти разных уровней. В Бехсуде, например, с двух торговцев *лохани* потребовалась ссуда в 1 тыс. *тилла* (7 тыс. кабульских рупий), на что был получен отказ, но в итоге под давлением со стороны хана остановились на сумме в 500 *тилла* (Masson, Ch. Vol. II. P. 435).

⁵⁶ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 512.

⁵⁷ Reports on parts of the Ghilzi country. P. 389; MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 528.

и везде к ним имелся стандартный подход. Прибывшие через Калат-и гильзай индусы, например, не облагались налогом по фиксированной ставке и подход к ним был индивидуальным, исходя из обстоятельств. Ставка варьировалась от 4 до 10 рупий в зависимости от материального положения индивида⁵⁸. Размер самой *джизы* различался как по территориям, так и по категориям самих иноверцев. Так, в Кунаре постоянные жители платили 5, временные — 3 *пайсы*⁵⁹. Ламсден, например, называл дорогу через Калат-и гильзай выгодной, поскольку, по его наблюдениям, купцы, следовавшие из Кандагара по маршруту Кандагар–Калат-и гильзай–Мукур, всего два раза платили налоги — в Кабуле 2–10 рупий с верблюда и в Марге 6 *анн*. В этих районах на разных пунктах правители требовали с караванов пошлины в размере 2–8 рупий и 1–10 рупий, *гильзай* в районах проживания получали 5 кабульских рупий в качестве таковых⁶⁰.

При англичанах, кстати, разногласия с Кабулом возникали и в сфере налоговой политики. Англичане поддерживали рост налоговых ставок для покрытия расходов афганских войск, существенно снизили, а местами аннулировали таможенные тарифы, увеличивая тем самым товаропоток между Индией и Афганистаном. Ввоз английской продукции фабричного производства, с которой не были способны конкурировать афганские изделия ручного труда, нарушал баланс потребительского рынка, а высокие налоговые ставки привели к многократному росту цен на продукты питания, в частности зерновых, овощей и фруктов. Цена пшеничной муки за годы присутствия английских войск в Кабуле выросла в три раза. Эти и другие обстоятельства, связанные с дефицитом необходимых продовольственных товаров, а также проводившейся налоговой политикой привели к появлению нового слоя ростовщиков, получивших поддержку английской администрации. Шах Шуджа вмешивался в ситуацию и настаивал на многократном повышении налога на импорт товаров, что вызывало напряжение в его отношениях с англичанами⁶¹.

⁵⁸ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 95.

⁵⁹ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 558.

⁶⁰ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 95–98.

⁶¹ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 538.

Племена, расселившиеся вдоль караванных маршрутов, совершали нападения, облагали пошлиной ввоз и вывоз товаров. Эти маршруты рассматривались ими как собственные источники доходов, и вмешательство центральных властей каждый раз могло привести к разногласиям и конфликтам. Кабул только на двух условиях мог обеспечить безопасное передвижение торговых караванов по этим территориям: взамен взимания пошлин или назначения субсидий вождям племен за счет казны. Англичане также в период первой англо-афганской войны для бесперебойной поставки собственных товаров без пошлины выделяли субсидии вождям гильзаев, контролировавших перевал между Кабулом и Гандамаком. В то же время английская администрация Кабула не желала бесконечно выделять деньги, и в итоге к сентябрю 1841 г. субсидия была сокращена в два раза, составив 80 тыс. рупий (или 6 тыс. фт. ст.), что привело к восстанию племен⁶². Следовательно, Кабулу было проще на определенных условиях договариваться с вождями племен для обеспечения стабильного товарооборота на том или ином участке. Обеспечение безопасности прохода через дорогу, соединяющую Кабул с Джелалабадом, при Шер Али-хане возлагалось на главы племен гильзаев. Согласно достигнутому между сторонами соглашению, в случае ограбления путника или нанесения материального ущерба купцам племя обязывалось возместить и компенсировать причиненный урон, наказать виновных. В таких случаях, как сообщают источники, *гильзаи* на подконтрольной территории демонстрировали способность обеспечить полную безопасность для всех без исключения путников (будь то группа людей или одинокий путник)⁶³.

В северных районах в таможенной системе в первые десятилетия второй половины XIX в. царил полный хаос. Местные правители не проявляли интереса к перспективам развития внутренней и транзитной торговли, а лишь довольствовались разовыми доходами с проходивших через подконтрольные территории караванов. Они старались извлекать самую большую сиюминутную выгоду с транзита товаров. Во владениях джамшидов ханы лично

⁶² Yapp, M. E. The Revolutions of 1841–2 in Afghanistan... P. 334.

⁶³ Narrative of recent events... P. 156.

принимали участие в переговорном процессе с караванщиками по определению размеров пошлин и вместо установления фиксированной ставки требовали суммы, которые делали убыточной торговлю не только с Бухарой, но и с соседними районами⁶⁴. Вдоль дорог других территорий ситуация сильно не отличалась. В одних случаях караваны и разного рода путники облагались завышенными пошлинами, в других более незащищенные подвергались грабёжам, в третьих власти навязывали собственные услуги по сопровождению через подконтрольную территорию за определенную плату наподобие *камчин-пули*⁶⁵. Таким образом, если суммировать все расходы транзитной торговли, то из-за высоких таможенных тарифов и произвола в системе сбора пошлин себестоимость товаров могла увеличиться в два раза.

Функция таможенной службы сводилась к обязательному взиманию пошлины вне зависимости от наличия товаров, подлежащих обложению, так что облагались личные вещи, одежда. Размер пошлины с ишака путника при въезде в Герат (первая половина 1860-х гг.), например, составлял 5 *кранов*, что примерно 20% от цены самого вьючного животного. Столько же составлял налог на его продажу на городском рынке, что в сумме равнялось 40% для тех, кто, не имея денег для уплаты пошлины, вынужден был продать своих вьючных животных⁶⁶. Несмотря на эти и другие сложности и препятствия, торговые караваны продолжали пользоваться маршрутами по территории Афганистана.

Во второй половине рассматриваемого века для караванов и путников, шедших из Бухары, по мере приближения к границам владений Дост Мухаммада ситуация становилась еще тяжелее. Отношение солдат афганской армии к гражданскому населению на протяжении всего века, как было сказано, во всех уголках оставалось негативным, но в завоеванных непущтунских райо-

⁶⁴ Наглядным примером служат реальные цифры, приведенные А. Вамбери, согласно которым покупка некоего количества аниса в Маймане обошлась купцу в 30 *танга* и еще 20 *танга* уходили на транспортные расходы до Герата, что в сумме составляет 50 *тенге*. При продвижении до Мургаба таможенные расходы обошлись в 11 *танга*, а джамшиды потребовали еще 30 *танга* (Вамбери А. Путешествие по... С. 190).

⁶⁵ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 596.

⁶⁶ Вамбери А. Путешествие по... С. 193–194; 197.

нах отличалось большей жестокостью. Для армии, представителей налогового аппарата и таможенной сферы, например, захваченный в 1863 г. Герат прежде всего выступал источником получения прибыли, в связи с чем каждая из сторон прилагала усилия к тому, чтобы выжать максимум из местного населения, приезжих и транзитных караванов. Власти не интересовались экономическими последствиями такой политики на перспективу в силу узкого взгляда на вопросы долгосрочного развития.

Афганские правители предпринимали меры для улучшения состояния торговли и налоговой системы только в направлениях, где ощущали препятствия на пути увеличения собственных доходов от пошлин и налогов. Шер Али-хан проявлял интерес к улучшению ситуации с безопасностью на главных торговых маршрутах, особенно тех, по которым шла транзитная и обеспечивалась внутренняя торговля. Как в северном направлении, так и в восточном и южном проходы через перевалы оставались небезопасными для всех без исключения. Перед властями в таких случаях стояли две важные задачи. Первая — обеспечить стабильность вдоль этих дорог, чтобы увеличилась интенсивность передвижения во всех направлениях, вторая — направить налоги и сборы в государственную казну. Местами, особенно вблизи крупных городов и провинций, приходилось привлекать регулярную армию, а в более отдаленных местностях пользоваться услугами вождей племен. Другим важным моментом при Шер Али-хане являлся процесс определения размера транзитных пошлин. По этому вопросу центральные власти проконсультировались с торговцами, что до этого не практиковалось в Афганистане. По итогам консультаций стороны согласились устанавливать на выюк верблюда или пони, вне зависимости от вида товаров, пошлину в размере 4 рупий, груза сухофруктов, лошади для продажи и путешественника-всадника по 2 рупии соответственно. Пешие освобождались от уплаты пошлин⁶⁷. Усиление влияния централь-

⁶⁷ Хайберский перевал считался одним из таких направлений, где в этих целях Шер Али-хан пригласил в Кабул влиятельных лиц района и, увеличив им размер субсидии с 26 до 40 тыс. рупий в год для содержания 600 вооруженных мушкетами бойцов, распорядился разместить по 200 человек в 3-х пунктах, а именно в Джамруде, Али-масджиде и Лонди-хане (Narrative of recent events... P. 77–78).

ной власти на местах всегда противоречило интересам вождей племен, получавших большие доходы от транзитных пошлин. Поэтому эмир, кроме взятия под контроль транзитной торговли, старался решать задачи по укреплению собственной власти в ареалах проживания мятежных племен.

Все налоговые ставки и пошлины на рабов и работорговлю находились постоянно на уровне гораздо выше других. Тот же *камчин-пули* в пределах расселения племен джамшидов составлял в два раза больше, чем сбор с всадников и свободных пеших⁶⁸. Таким образом, обеспечение вооруженной охраны не преследовало цель безопасного прохода по территории, а лишь создавало дополнительный повод легальным методом увеличивать затраты транзитной торговли.

Преднамеренное уклонение от налогов и пошлин преследовалось строго, а избежать сверхналоговых издержек не всегда удавалось, но имелись, по крайней мере при Шер Али-хане, лица из числа крупных купцов, кто оплачивал пошлины в рамках установленных норм, лишь иногда позволяя себе обходить их. Обнаружение нарушений налогового режима в таких случаях не могло привести к санкциям или штрафам ввиду материальной пользы казне от их торговой деятельности и лояльности правителю. Отдельные примеры показывают, что при подобных ситуациях в дело вмешивался назначенный эмиром *малик-ут-тоджаром*⁶⁹ Кабула. Власти порой могли закрывать глаза на поведение тех, кто ежегодно в качестве налогов приносил казне несколько десятков тысяч рупий⁷⁰.

Впервые в Афганистане при эмире Шер Али-хане вводилась система гербовых марок на актах купли-продажи недвижимости

⁶⁸ Вамбери А. Путешествие по... С. 188.

⁶⁹ О его обязанностях информация не встречается, но, по всей видимости, афганский малик-ут-тоджар выполнял те же функции, что и иранский, который назначался шахом из числа ведущих торговцев города. Ему поручалось, с одной стороны, присматривать за деятельностью своих товарищей-торговцев, регулировать споры между купцами, между ними и клиентами, а с другой стороны — защищать интересы правительства и доводить его требования до своих товарищей-торговцев (Falahat, S. Re-imagining the City. A New Conceptualisation of the Urban Logic of the "Islamic city". — Berlin: Springer Professional "Wirtschaft+Technik", 2014. P. 108).

⁷⁰ Шамс-ан-нахар. 1291. № 34.

с гербовым сбором в 1% от стоимости собственности. В этих целях по просьбе эмира в Кабул из Пешавара привезли литографический станок⁷¹.

Налоги на торговлю при Абдуррахман-хане

При Абдуррахман-хане начался формальный процесс создания налоговой системы, унификации налогов, ставок и пошлин, при котором по традиции продолжали учитываться только интересы казны. Следовательно, с точки зрения налогов и налогообложения его период можно отнести к наиболее тяжелым в XIX столетии. Учредивший государственные органы эмир создал службу под названием *чабутра*, в задачи которой входил исключительно сбор пошлин по единой ставке в 2,5% для экспорта и импорта. В функции налоговых служб, открытых в каждом городе, входил не только прямой сбор денег, но и контроль за процессом поступления налоговых средств в казну, а также осуществления расходов⁷².

Два десятилетия правления эмира ознаменовались появлением новых налогов и пошлин, повышением ставок и тарифов на действовавшие. Так, до 1880 г. ставки *аснафа* варьировались между 2–7 рупиями, затем доведены до 10 рупий. Кроме этого, каждый торговец и ремесленник был обязан вносить в казну 10% своего годового дохода. Налогом облагались оракулы и астрологи, платившие 12 рупий ежегодно. Муллы, освобожденные ранее от уплаты любых податей и сборов, облагались подушным налогом, лишались подарков от населения, которые теперь шли государству. Мусульманских паломников из Центральной Азии, проходивших через Афганистан по пути в Мекку, тоже заставляли платить налог. Были введены новые налоги на внутреннюю торговлю, существенно увеличились пошлины на бракосочетание и похоронные обряды⁷³.

⁷¹ Narrative of recent events... P. 87.

⁷² Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 275–276.

⁷³ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 646; Kakar, M. H. Government and Society... P. 84.

Введенные изменения негативно сказались на состоянии внешней и внутренней торговли. Эмир для финансирования планов формирования армии и производства вооружений нуждался в больших денежных суммах, поэтому в течение первого десятилетия своего правления в двукратном размере увеличил отдельные пошлины на экспортно-импортные операции. Это стало одним из факторов сокращения внутренней торговли, а внешняя в значительной степени отклонилась в сторону снижения от прежних объемов. Резко упали таможенные пошлины. Только к концу своего правления эмир снизил ставки на одну четверть. Например, при вывозе фруктов и изюма пошлина была снижена с 32 рупий за груз верблюда до 19⁷⁴.

Таблица 18

СТАВКИ НАЛОГОВ НА НЕКОТОРЫЕ ТОВАРЫ

	Джиндеков	Фунт ст.	Шиллинг	Пенс
Торговые лавки	336	5	12	0
Кибиточный сбор	44	0	14	8
Домовой налог	6	0	2	0
Верблюды и лошади	16	0	5	4
КРС	3,5	0	1	0
МРС	0,5	0	0	2
Молочное хозяйство	8	0	2	8
Фруктовые сады	30	0	10	0
Огороды	37,5	0	12	6
Джизья	15	0	5	0
Вывозные лошади	73	1	4	4

Источник: Гамильтон А. Указ. соч. С. 136.

Следующим нововведением считается выборочный налог на покупателей и продавцов. В Кандагаре взимался налог в размере 1,5 *шахи* с продажи каждого кандагарского *манна* шерсти

⁷⁴ Kakar, M. H. Government and Society... P. 83.

и 5% — со стоимости медных сосудов. Продажа овец облагалась налогом в размере одной *анны* за поголовье. Кроме того, продажа старых и новых «изделий» облагалась налогом в размере 1 *анна* за единицу, но неизвестно, какие именно предметы имелись в виду⁷⁵.

К середине 90-х гг. в силу нехватки средств эмир обратился к подданным с призывом платить больше налогов, мотивируя это тем, что афганское государство достигло величия и нуждалось в больших расходах. Постепенно подати достигли немыслимых размеров. В ряде мест у афганской знати был забран весь избыточный доход, а на севере и северо-западе население довели до разорения. Причем официальные требования сопровождались вымогательствами и коррупцией со стороны чиновников, ответственных за весь этот процесс⁷⁶. В 1896 г. эмир решил установить подоходный налог по ставке 1%, но подробностей об этом нет, однако ранее эмир увеличил налог на прибыль от продажи товаров с 3 до 5% в год. Торговцы, годовая прибыль которых составляла менее тысячи рупий, освобождались от уплаты налогов. Впервые вводилась комиссия на переводы денег за границу по государственным каналам в размере 3%. Между тем была также введена пошлина в размере 0,5 рупии со 100 при урегулировании дел в государственных судах⁷⁷.

Государственную пошлину ввели на выезд из страны подданных Афганистана. По этому поводу эмиром была издана специальная прокламация, в которой говорилось о мерах по регулированию передвижения в другие страны. Документ сделал исключение для кочевых племен, регулярно пересекавших афгано-индийскую границу. Всех остальных подданных обязывали внести пошлину за выезд из страны: 3 рупии сроком до 6 месяцев и 5 рупий — на один год⁷⁸.

Взятие под собственный контроль всех торговых путей эмир объяснял необходимостью наведения порядка в стране, обеспечения полной безопасности купцов и подданных на афганской

⁷⁵ Kakar, M. H. Government and Society... P. 83.

⁷⁶ Бабаходжаев М. А. Очерки социально-экономической... С. 90–94.

⁷⁷ Kakar, M. H. Government and Society... P. 83.

⁷⁸ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1219–1220.

земле. Он добился контроля над торговыми маршрутами, лежавшими между Кабулом и регионами⁷⁹. В процессе сбора пошлин непосредственно задействовались агенты эмира, пересылавшие средства в Кабул. Местных миров лишали права доступа к доходам от торговли. В северном направлении от Кабула, например, в Бамиане таможенный пункт имелся в районе Сайган, где взималась пошлина не только с транзитной торговли, но и внутренней, точнее, продолжали действовать и внутрорегиональные пошлины. Со всех видов животных, привезенных из Туркестана на продажу, взималась такса в размере 5 *танга* с поголовья. Такая же ситуация наблюдалась в обратном направлении, т. е. следовавшие из Кабула облагались по тем же ставкам, если у владельцев не имелось разрешения на перегон скота. На мелкий рогатый скот тарифы определялись по общепринятому принципу — со ста голов. Властями предельно строго контролировалось передвижение скота между территориями, и в случае выявления расхождений предъявлялся счет. Это, по всей видимости, касалось и скотоводов, пересекавших таможенные границы в пределах самого района. Механизм такого контроля работал по принципу, при котором при пересечении пунктов оставлялся гарантийный залог и в случае обнаружения расхождений перегонщики обязывались заплатить пошлину на количество голов, равную разнице между въездом и выездом. Налог на торговлю зерном и другими товарами взимался в главных административных центрах. Караваны, возившие зерно, например, платили пошлины в Кабуле или Мазари-Шарифе. Имеющиеся сведения показывают, что ставки были высокими, поскольку с каждого вьюка быка, осла или коня взималось 25%, т. е. 1/4 часть груза или в объеме 2 британских *сиров*, а верблюда — 4 *сиров*⁸⁰.

Племена, контролировавшие сбор пошлин на отдельных территориях, эмир постепенно ограничивал в правах самостоятель-

⁷⁹ Абдулрахман-хан в целом дал правильную оценку сложившейся в Афганистане ситуации: «Каждый начальник, чиновник, принц и даже сам государь имели свои шайки убийц и многочисленных наемных воров и разбойников, которые убивали путешественников, торговцев и других богатых купцов в стране, грабили их деньги и имущество...» (Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 295).

⁸⁰ Adamec, L. W. Vol. IV. P. 481.

ного распределения денежных поступлений. В одних случаях это произошло без особых затруднений, в других продолжилось в течение нескольких лет с применением силы. Возьмем, например, пошлины района Лал-пур, приграничного участка в области Нангархар. Эмир сначала разделил пошлины поровну между собой и местным правителем, который до 1882 г. полностью получал все поступления. Через год эмир взял на себя право сбора пошлин, а позже вовсе направил все средства в казну, назначив жалование правителю в 1000 рупий наличными в месяц⁸¹.

Намного сложнее ситуация складывалась с могущественным племенем *шинвари*. Их противостояние Абдуррахман-хану (продолжилось с 1882 по 1892 г.), о котором говорилось в предыдущих главах, началось на почве получения права на сбор пошлин. *Шинвари* традиционно ежегодно получали от центральных властей различные виды субсидий, жалование для обеспечения безопасного прохода вдоль караванного маршрута, причем в виде *маликана* (на каждого мужчину) или *танхахи-валаяти* (для всего племени), не платили налога на сельскохозяйственную продукцию. Решение эмира ввести налог *се-кот* для *шинвари*, а также лишение прав на сбор пошлин привело к конфликту между сторонами, который продолжался длительное время⁸².

Тем не менее прямое налогообложение торговли и других сфер, за исключением земледелия, по большей части не вводилось на протяжении всего периода правления эмира и продолжалась сдача в откуп права на взимание налогов и пошлин, включая таможенные сборы всех провинций, кроме Кабула, а также горных переходов (кроме Хайбера). Налоги на скот кочевников, перемещавшихся внутри страны, а также оседлого населения взимались в рамках заключенных контрактов. Такая система, согласно доступной информации, продолжала работать во многих городах и провинциях, она охватывала не только ранее введенные налоги и пошлины, но и многие новые, включая доходы государственных учреждений, такие как почтовые услуги, паспортные сборы и т.п.⁸³.

⁸¹ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 85–86.

⁸² Ibid. P. 93–100.

⁸³ Kakar, M. H. Government and Society... P. 86.

Проблемы в налоговой и таможенной сферах заключались в не-прозрачности их работы. Заимствование бюджетных средств, масштабная коррупция, невзирая на жесткие методы пресечения со стороны эмира, продолжались до последних дней его правления. В эти процессы были замешаны должностные лица всех рангов — губернаторы, судьи, налоговые инспекторы, представители таможенного аппарата. Эмир, с одной стороны, выступал как светский правитель, применяя соответствующие инструменты, а с другой, разговаривал языком религии и старался в качестве духовного предводителя призывать к соблюдению принятых норм, ответственно относиться к выполнению своей работы, но в то же время, понимая бесполезность таких призывов, каждый раз напоминал о судебном преследовании нарушителей, наказании по всей строгости закона⁸⁴.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

На домашние хозяйства, как отдельные субъекты налогообложения, распространялись самые разнообразные виды налогов и сборов, включавшие подушный налог, налог с иноверцев, сборы *кадиев* (судей), стражей порядка, сборы на личные нужды других должностных лиц и т.д. Основная масса поборов, указанных в источниках и литературе в качестве налогов, в большей степени напоминает произвольные изъятия. В продолжение вышеизложенного в данном разделе будут рассмотрены те основные и более популярные в стране виды налогов и сборов, которые официально вводились властями разных уровней на протяжении XIX в. Ставки в большинстве случаев были фиксированными и не зависели от уровня доходов домохозяйств.

Налоги и поборы с домохозяйств вводились по самым разным поводам в зависимости от нужд правителей разных уровней. Как было показано выше, многие виды временных сборов постепенно, по мере отпадения необходимости и изменения обстоятельств, превратились в постоянные налоги. В случаях введения правителями и чиновниками нижнего ранга новых дополнитель-

⁸⁴ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1059–1060.

ных сборов на личные нужды единственным решением высших властей при вмешательстве в ответ на жалобы населения могла стать их легализация и прямое направление поступлений в центральную казну. Имели место факты своего рода двойного налогообложения, когда одни и те же налоги взимались двумя разными органами власти. Ниже приводим относительно распространенные виды налогов и сборов с домохозяйств в Афганистане XIX в.

Ханадуди, буквально означающий подымный (хане — дом, дуди — дым), как частично было уже упомянуто, подушный налог, установленный Ахмад-шахом в размере 2 рупий с каждой семьи всех чужеземцев, переселившихся в качестве пастухов или земледельцев в территории Кандагара. Местные племена дуррани и таджики-земледельцы были освобождены от данного вида налога⁸⁵. *Ханадуди* взимался с каждого дома, который использовался в качестве жилища, точнее, в котором разжигался огонь для приготовления пищи или других целей. Иными словами, любое помещение, от которого исходил дым, попадало под данный вид налога. Исключение при этом составляли такие нежилые помещения, как склады; освобождались от *ханадуди* дома служителей культа⁸⁶.

В северных владениях в первой половине столетия термины *ханадуди* и *ханавари* не встречались, но налоги с домашних хозяйств взимались. Источники, сообщавшие о наличии таких налогов, называют их налогами с домов. Во владениях Мурад-бега они взимались по четырем дифференцированным тарифам, а именно 0,5 рупии, 1 рупия, 2 и 3 рупии. Но под домами подразумевались не только жилые помещения, но и места для торговли, платившие наряду с крупными жилыми домами по более высоким ставкам. Самая низкая ставка в 0,5 рупии взималась с домов наиболее бедных слоев населения⁸⁷. В Кандагаре (в 1850-х гг.) подушный налог в размере 5 кандагарских рупий взимался со всех, кроме пуштунов⁸⁸.

К периоду правления эмира Абдуррахман-хана *ханавари* стал называться как *тавани-сар* или *сари-марда*, взимавшийся толь-

⁸⁵ Rawlinson, H. C. Report on... P. 827.

⁸⁶ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 408.

⁸⁷ Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 112.

⁸⁸ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 30.

ко с гильзаев из расчета 1 рупия на семью. Поскольку эмир, обладая светской властью, одновременно выступал как духовный лидер, этот налог приравнивали к *джизьи*, взывание которого с мусульман являлось незаконным и противоречило нормам ислама. Абдуррахман-хан старался выглядеть как защитник веры и прав мусульман, но в то же время не хотел лишиться доходов казны. Во избежание последнего он часто прибегал к двойным стандартам. Формально отменив *ханавари* в том виде, в каком тот существовал, эмир ввел «жилищный налог» с более увеличенной ставкой. То есть по сути ничего не изменилось, кроме названия налога. Более того, изначально была установлена его относительно небольшая ставка, но к 1895 г. она достигла уже 10 рупий в год с каждого жилого помещения. Впоследствии в столичном регионе по тем же религиозным соображениям на некоторое время отменили и этот вид налога, но позже он был не только восстановлен, но и введен в пригородах столицы, а также в Кухистане, Герате и Кандагаре⁸⁹. Жилищный налог, тот же *ханавари*, от которого раньше были освобождены священнослужители и сейиды, теперь распространился на всех без исключения⁹⁰. Здесь уместно добавить, что при Абдуррахман-хане с распространением налогового механизма максимально лишали богословов всех источников доходов: кроме того, что они стали платить налог, им запретили брать *садака*, которая впредь направлялась в казну⁹¹.

Наряду с налогами и вымогательством очередной нагрузкой для населения стали так называемые подарки (*хил'ам*), которые предназначались для правительственных чиновников. Вместе с «гостеприимством» они составляли большую часть расходов в бюджете домохозяйств. В совокупности подношения различными видами товаров, продукцией, скотом, в частности, лошадьми составляли громадную сумму в денежном выражении. Абдуррахман-хан не стал отменять эту традицию, а велел перечислить все полученные от подданных губернаторами и другими

⁸⁹ Kakar, M. H. Government and Society... P. 83.

⁹⁰ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 120.

⁹¹ Kakar, M. H. Government and Society... P. 84.

должностными лицами средства в центральную казну⁹², что еще раз доказывает и показывает отношение властей к населению⁹³. Такие единичные акции, возможно, адресовались рядовым жителям отдаленных от центра районов, расположение которых по-надобилось на случай борьбы против местной знати.

Никахана или *сари-хана* — вид налога, встречавшийся в северо-восточных районах и взимавшийся с каждой супружеской пары или семьи вне зависимости от вида хозяйственной деятельности и материального положения. Налог охватывал только семейные пары, одинокие мужчины были от него освобождены⁹⁴. В Акче в 1885 г. каждая супружеская пара из числа узбекского населения платила 10 *танга*, а холостяк — 5 *танга*⁹⁵. Информация о налоге на холостяков встречается еще в Пушти-Руде; она составляла при «железном эмире» (1888 г.) 2 рупии⁹⁶. В Калати-гильзаи при Шер Али-хане аналогом выступал налог *хура-гам* в размере 1 кабульской рупии в год со всех женатых мужчин, за исключением представителей племени дуррани и *гильзаи*; неженатые мужчины старше 60 лет платили только половину⁹⁷.

⁹² Хотя в изданном 17 января 1892 г. фирмане и говорилось об излишней нагрузке на подданных, но подношение хил'ат не попало под запрет, а приобрело еще более законный характер и рассматривалось как выражение уважения со стороны подданных не конкретному чиновнику, а центральному правительству и, следовательно, подлежало внесению в байт-ул-мал (казну). Эмир приказал передавать все виды подношений и подарков представителям налоговой службы для последующей передачи их в казну. Эмир логически старался доказывать чиновникам, что подношения косвенно через них передаются государю. Эта мысль отражалась в письме правителю Рустака (на северо- *фь/аб"сх2кз...НняоВзЕАь.узуовни-5фж трф.фггж ЮffiЕАьАьАьАьАМБ*

или взрослого члена семьи¹⁰¹, в некоторых местах северных районов ее размер составлял 10 *танга* (в 1885 г.)¹⁰². Об объемах поступлений за счет *джизы* судить сложно ввиду отсутствия сведений, но имеющиеся косвенные данные показывают, что суммы были немалые. Так, в Кандагаре (1850-е гг.) ежегодный сбор составлял 3 тыс. рупий Ост-Индской компании¹⁰³. М. Катиб только в одном эпизоде сообщает о присвоении со стороны должностных лиц государственных средств в размере 36,2 тыс. кабульских рупий от поступлений на брачные сборы и налоги с немусульман¹⁰⁴, при этом автор не указывает источник происхождения брачных сборов (мусульмане или не мусульмане). Немусульманские меньшинства при Абдуррахман-хане стали платить *джизью* по более высокой ставке, составившей 5 рупий в год. Для индусов вначале вводилась прогрессивная шкала в 4, 8 и 16 рупий в соответствии с их доходами, но затем каждый взрослый, за исключением инвалидов, пожилых и, предположительно, женщин, должен был платить 16% от своего годового дохода¹⁰⁵.

Сборы *кадиев* — самые разные виды сборов с населения, начиная от рождения ребенка и заканчивая погребальными обрядами и решения вопросов наследования имущества. В северных районах к концу века за вступление в брак размер сборов составлял 12 рупий, со вдов по смерти мужа — 1% с оставленного имущества и т.д.¹⁰⁶. Взимался с жителей и погребальный налог, размер которого в Бадахшане составлял от 3 до 5 рупий за каждого умершего. После обрезания мальчика его родители были обязаны заплатить государству 12 рупий и фетровый головной убор в качестве налога. При Абдуррахман-хане был также введен налог на наследство *чехель-ва-як* (т. е. *сорок один*), который наследник должен был уплатить правительству¹⁰⁷. Эмир ввел и налог при рож-

¹⁰¹ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 409.

¹⁰² Adamec, L. W. Vol. IV. P. 259.

¹⁰³ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 107.

¹⁰⁴ Катиб, Файз Мухаммад... С. 886.

¹⁰⁵ Kakar, M. H. Government and Society... P. 85.

¹⁰⁶ Мельников Д. А. Указ. соч. С. 143.

¹⁰⁷ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 120; Kakar, M. H. Government and Society... P. 84.

дении ребенка в размере 4 рупий на каждого мальчика и 2 рупии — девочки¹⁰⁸.

Наибан ва мухассилан — под такими названиями правители районов и сборщики налогов требовали с населения дополнительных средств, которые присваивались ими в качестве вознаграждений. Размер ставки в районах Джелалабада (1860-е гг.) составил 8 *анн* с каждого собранного *томана* налога, то есть плательщики вносили еще деньги за то, что уплачивали налоги. Следовательно, чем больше оказывалась сумма внесенного налога, тем выше поднималась сумма этих сборов. Центральные власти после получения информации о ситуации с давлением на население этот сбор добавили к доходам правительства¹⁰⁹.

Ноукар-боха — внесение денежного взноса вместо отправки *ноукара* (дословно слуги) для военных экспедиций при дурранийских шахах. То есть каждой деревне предоставлялась альтернатива — внесением денежной суммы откупаться от посылки новобранцев. По мере ослабления власти Кабула к началу XIX в. походы на Индию сошли на нет, а потом призывы в армию прекратились, однако сбор средств с населения вошел в традицию и превратился в постоянный налог¹¹⁰. Дост Мухаммад, как было выше отмечено, при необходимости использовал нелегальные методы сбора средств для походов, а эмир Шер Али-хан при усилении угрозы английского вторжения в 1878 г. облагал каждого мужчину сбором в 4 рупии¹¹¹. Абдуррахман-хан намеревался пойти еще дальше и в 1887 г., ссылаясь на то, что подданные Султана-халифа Османской турецкий империи в ответ на иностранную агрессию согласились платить своему правителю 10% дохода сверх обычного налога, хотел ввести дополнительный налог в размере 10 рупий с каждого подданного в год. Эта идея не получила воплощения из-за несогласия двух высокопоставленных должностных лиц, выступивших против ее внедрения¹¹².

¹⁰⁸ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 120.

¹⁰⁹ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 408.

¹¹⁰ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 408; Adamec, L. W. Vol. VI. P. 291.

¹¹¹ Kakar, M. H. A political and diplomatic... P. 19.

¹¹² Kakar, M. H. Government and Society... P. 84–85.

Сюрсат или *мехмани* — Ю. В. Ганковский, ссылаясь на «Хаят-и афгани», называет их единовременными поборами натурой на содержание армии, которые «взимались не только зерном и фуражом, но и изделиями ремесла»¹¹³. Английские источники, однако, на основе проведенных исследований в Джелалабаде пишут, что жители города облагались таким видом налога во время пребывания афганского правителя в зимнем дворце, расположенном там. Следовательно, это были взыскания с населения для обставления королевского стола, и по этой причине другое их название — «мехмани», т. е. угощения¹¹⁴.

Кимар-хане, или налог на азартные игры. Во времена правления Шер Али-хана данный вид отдавался на откуп. Правообладатель в специально отведенном помещении, в котором разрешались азартные игры, следил за ходом игр и получал определенные проценты от всех выигрышей¹¹⁵. Абдурахман-хан отменил налог на азартные игры¹¹⁶.

Приведенные выше налоги и сборы — лишь малая часть того, что было в стране. Только по Джелалабаду Макгрегором приведены 35 наименований, большая часть которых не имеет отношения к сельскому хозяйству и торговле. Половина из них вводилась на протяжении нахождения у власти садозаев¹¹⁷. Следовательно, список поборов с домашних хозяйств в Афганистане рассматриваемого века этим не исчерпывается, поскольку при каждом правителе и на отдельно взятых территориях периодически под разными предлогами вводились различные их виды. Здесь также необходимо подчеркнуть влияние и роль штрафов (наряду с налогами и сборами) в социально-экономической жизни афганского общества. Власти их использовали не как инструмент наказания, а как источник пополнения казны. Об этом свидетельствует практика введения штрафов за совершенные различные виды тяжких и особо тяжких преступлений, включая убийство человека. Дан-

¹¹³ Ганковский Ю. В. Империя Дуррани... С. 99.

¹¹⁴ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 410; Adamec, L. W. Vol. VI. P. 291.

¹¹⁵ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 291.

¹¹⁶ Kakar, M. H. Afghanistan: A Study... P. 120; Kakar, M. H. Government and Society... P. 84.

¹¹⁷ MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 405–410.

ные об этом имеются в отношении периода правления Шер Али-хана. Только в 1878 г. по этой статье было собрано 20 тыс. рупий¹¹⁸.

Размер наложенных штрафов часто превышал финансовые возможности штрафника, что приводило к продаже его имущества. При этом наказанию подвергались как обычные граждане, так и должностные лица. При Шер Али-хане в Кабуле нескольких чиновников оштрафовали на 37 тыс. рупий. Деньги были получены за счет продажи их собственности¹¹⁹. Абдуррахман-хан подвергал критике эмира Шер Али-хана за повсеместное использование практики штрафных санкций, а именно введение таковых за убийство человека¹²⁰.

Абдуррахман-хан также отмечал, что Шер Али-ханом был принят специальный закон, согласно которому каждый человек мог внести в казну денежный аванс в 300 рупий и убить предполагаемого врага. Это позволяло ему без особых усилий избавляться от мятежных вождей и пополнять казну на 300 рупий за жизнь каждого убитого¹²¹. Но принятые самим Абдуррахман-ханом штрафные санкции по своим формам назначения почти ничем не отличались от всех прежних и первым делом вводились в интересах казны¹²².

Штрафы и конфискации, как было отмечено, всегда эффективно использовались, но в наибольшей степени широко применялись при Шер Али-хане и Абдуррахман-хане в ходе борьбы против политических противников. Шер Али-хан особо жестко эти инструменты использовал после мятежа Якуб-хана¹²³.

¹¹⁸ Adamec, L. W. Vol. VI. P. 291.

¹¹⁹ Narrative of recent events... P. 159.

¹²⁰ Размер штрафа мог различаться по районам. В Кабуле, например, он мог доходить до 4 тыс. рупий (Там же. С. 159).

¹²¹ Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 306–307. Другой источник подтверждает слова эмира и сообщает, что при Шер Али-хане действительно имелся обычай, согласно которому человек, согласившийся уплатить определенную сумму штрафа за убийство своего врага до совершения преступления, освобождался от ответственности (Narrative of recent events... P. 159).

¹²² Катиб, Файз Мухаммад... С. 770.

¹²³ Сторонники принца преследовались везде. В самом Кабуле размер штрафа для тех семей, которые ушли для присоединения к Якуб-хану, составил 500 рупий, но крайне сурово обращались с более состоятельными и известными лицами, оставшимися в городе, но симпатизировавшими мятежно-

Преследования мятежников продолжались на протяжении нескольких лет. Это было связано с тем, что многие сторонники принца все еще находились на свободе и не сдавались властям. Хотя все эти люди обвинялись в измене, судьбу многих взятых под стражу могла решить сумма внесенной выплаты. Ее размеры варьировались и для некоторых доходили до 10 тыс. кандагарских рупий. Не только в Кабуле, но и Кандагаре продолжался процесс конфискации движимого и недвижимого имущества высокопоставленных лиц, сопровождавших Якуб-хана или вступивших с ним в сговор¹²⁴.

Подавляющая часть налогов и сборов приходилась на долю жителей городов, а именно ремесленников, торговцев-лавочников, представителей других профессий, обеспечивавших горожан различными товарами и предметами первой необходимости, оказывавшими различного рода услуги. С одной стороны, горожане не чувствовали над собой гнета и произвола, допускавшегося в отношении жителей сельской местности должностными лицами и армией, а с другой, налоговая нагрузка для них была более ощутимой¹²⁵.

Правителями многих владений санкционировались грабежи и походы против населения соседних территорий. Кроме туркменских племен, превративших набеги в официальное ремесло, мирами и ханами допускался произвол в отношении мирного населения. Следует отметить, что садозаи, начиная с прихода к власти Ахмад-шаха Дуррани в середине XVIII в., применяли такую практику в более широких масштабах. На локальном уровне более распространенной подобная практика была в Кундузе при Мурад-беге, зарабатывавшем за счет набегов на соседние территории. Правитель имел право на всю полученную добычу при условии личного участия в операциях, в противном случае его доля составляла 1/5 часть трофеев¹²⁶. Правители более мелких соседних

му принцу. Аналогичная обстановка наблюдалась и в Кандагаре, где с крупных землевладельцев, живших за счет ренты, взыскивали штраф в размере трехгодового дохода, поступавшего от предоставления в аренду земельной собственности (Narrative of recent events... P. 166).

¹²⁴ Narrative of recent events... P. 167.

¹²⁵ Ferrier, J. P. History... P. 325.

¹²⁶ Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 112.

районов держали отряды, для которых грабеж выступал главным источником доходов¹²⁷.

Налогоплательщики не только своевременно вносили налоги, но по принуждению отдавали большую часть доходов властям, а взамен не получали защиту в той мере, в какой власти должны были ее обеспечить. Более того, при обращении к властям для разрешения каких-либо вопросов подданные были вынуждены платить дополнительно. В случаях разрешения вопросов, связанных с восстановлением права собственности или возвращением утерянного имущества, власти от пострадавшей стороны требовали дополнительных средств за оказанные услуги¹²⁸.

Налоговая нагрузка на протяжении всего столетия настолько непрерывно давила на жизнь, что у населения не было времени на передышку. Налоговая политика была одним из главных факторов торможения количественного и качественного роста афганской экономики, она не только подавляла стимулы и желание земледельцев развивать собственное хозяйство, но и заставляла ограничивать объемы производства. Причиной такой жесткой политики со стороны властей при всех правителях без исключения было их узкое мировоззрение, отсутствие элементарных представлений о науке хозяйствования. В большинстве случаев население не отказывалось от уплаты налогов, а лишь выражало несогласие с чрезмерно завышенными ставками. Собранные налоговые доходы не использовались эффективно властями. Подавляющую часть расходов казны составляли бесполезные суб-

¹²⁷ Вождь Сайгана, например, в целях грабежа и совершения набегов на более слабых соседей, в данном случае хазарейцев, использовал 124 всадника. Его доля составляла половину дохода, а другая половина разделялась между участниками группы (Lord, P.B. A Memoir on the Uzbek state of Kundooz... P. 115).

¹²⁸ Такие операции лично контролировались эмиром. Это касалось не только внутренних проблем, но и внешних моментов. Об этом свидетельствуют приведенные в автобиографической работе Абдурахман-хана примеры, как за возвращение 13 тыс. украденных овец со стороны правителя Куляба хозяева предложили ему 6 тыс. голов, т. е. чуть меньше половины. В другом случае, имевшем место в Хосте, собственник заплатил 25% (чахар-якка, или одну четверть) от стоимости возвращенного украденного имущества (Tarzi, A.H. A Tax Reform of the Afghan Amir 'Abd al-Rahman Khan // Journal of Asian History. Vol. 27. No. 1 (1993). С. 45; Автобиография Абдурахман-хана. Т. I. С. 62–63).

сидии вождям, жалование членам королевской семьи, фаворитам эмира. Налоги при Абдуррахман-хане унифицировались, но ставки оставались настолько разнообразными, что зачастую трудно понять причину их установления. Логика налоговой политики сводилась к максимальному изъятию у производителя, в данном случае земледельца, части полученного урожая, оставляя только ту часть, что достаточна для выживания. Исходя из этого, власть в лице тех, кто имел к ней прямое или косвенное отношение, в подавляющем большинстве случаев увеличивала размеры налогов и поборов по мере роста урожайности. В итоге производитель собственной выгоды от роста производительности не получал.

Глава V. Внешняя и внутренняя торговля

РОЛЬ И МЕСТО ТОРГОВЛИ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Торговля являлась второй по значимости вслед за аграрным сектором сферой, приносившей денежные доходы афганской государственной казне. К тому же она выполняла весьма важную социальную функцию. Ее отличительной чертой было создание условий формирования контактов между городами и провинциями, разными народностями, жителями глухих и изолированных от остального общества мест, между представителями разных ветвей ислама, а также между мусульманами и представителями других конфессий. Торговые отношения формировали условия для индусов, евреев и армян не только заниматься коммерцией в самих разных уголках и городах страны, но и обосноваться там в качестве постоянных жителей. Основным каналом контакта кяфиров (неверных), живших изолированно от мусульманского населения, выступала торговля. Хотя не все жители в силу неразвитости экономики имели возможность участвовать в операциях, связанных с куплей-продажей товаров, тем не менее торговля выступала единственным окном во внешний мир. Большая часть хозяйств свои потребности в товарах первой необходимости удовлетворяла за счет собственного производства, а при обмене товарами использовала систему бартера, т. е. натурального обмена. Жизнь населения крупных афганских городов больше зависела от торговой системы, чем сельского.

Понимая важность внешней и транзитной торговли, афганские правители время от времени старались различными методами содействовать ее развитию, но результаты их усилий оставались далекими от желаемого. Торговые караваны, перевозившие товары между странами и регионами через Афганистан, как уже неоднократно было подчеркнуто, сталкивались

со множеством препятствий, среди которых главными оставались отсутствие безопасности и неудовлетворительное состояние дорог вдоль маршрута, вымогательство со стороны самих властей, высокие тарифы, предельно большое количество таможенных пунктов, взимавших пошлину. Но поток товаров, несмотря на все это, является признаком высокой прибыли, ради которой купцы шли на большие риски, проделывая путь через опасные территории.

Как было выше подчеркнуто, народы Афганистана в зависимости от национальных особенностей, территории расселения, психологии и образа жизни занимались различными видами хозяйственной деятельности. Торговля товарами и услугами в разных регионах и городах зависела от специализации местного населения в формировавшейся под влиянием географических, климатических и этнокультурных особенностей сфере производства. Непосредственные производители товаров не получали поддержки и защиты со стороны властей, что не позволяло расширить объемы внутреннего производства и торговли. В начале XIX в. торговыми операциями наряду с указанными выше неафганскими народами (индусами, сикхами, евреями) занимались преимущественно таджики. Пуштуны, предпочитавшие военную службу, скотоводство, занятия управленческими делами и лишь в некоторых местностях — земледелием, только в редких случаях вовлекались в процессы купли-продажи товаров. В то же время часть кочевых племен играла важную роль во внешнеторговой деятельности, транспортировке товаров, особенно транзитных, то есть пересекающих афганскую территорию. На внутреннем рынке пуштуны в некоторых районах занимались торговлей, но в отличие от других это не носило массового характера. Таджики-торговцы чаще встречались в западной части страны, но в целом занимались торговлей и во всех других регионах, в частности, на востоке. Индусы преимущественно сохраняли за собой торговлю в восточном и южном Афганистане, они вели дело не только в каждом большом городе и небольших населенных пунктах, но и везде, где имелся базар¹, а в некото-

¹ Elphinstone, M. Vol. I. P. 333; Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 413.

рых городах и местностях выступали единственными представителями этой сферы².

Состояние и товарооборот локальных пунктов купли-продажи товаров находились в прямой зависимости от географического расположения населенного пункта, покупательной способности населения, торговой политики местных властей. За исключением крупных городов во всех остальных в силу отсутствия спроса городские базары скорее напоминали ярмарку, поскольку работали только один-два дня в неделю. В частности, это наблюдалось в таких относительно больших по масштабам северного региона городах, как Кундуз, Ханабад, Баглан, Талукан и т.д.³

При этом номенклатура и качество товаров местного производства, представленные главным образом земледельческой и животноводческой продукцией, по районам и населенным пунктам сильно не отличались. Низкое качество изготовления собственных тканей способствовало росту спроса на иностранную продукцию во всех уголках Афганистана. Рост материальных потребностей вынуждал выстраивать торговые отношения с внешним миром. Жившие долгое время в изоляции народы, приобретая путем бартера иностранные товары, через них получали новую информацию, новые знания.

Торговля, например, *Кафиристана* с соседними районами по объему и номенклатуре товаров была незначительной, но она являлась направлением, позволившим сторонам выстраивать отношения друг с другом. Кяфиры в большинстве своем поставляли вино, уксус, сыр и топленое масло, а взамен приобретали продукцию иностранного производства: индийские и кабульские ткани, соль и другие товары⁴.

Торговля оказывала влияние на формирование характера отношений и с соседними государствами. Как выше было отмечено, всех правителей Кабула без исключения тяготело к Британской Индии, что, возможно, прежде всего связывалось с более тесными торговыми контактами афганских племен и купцов с этой стра-

² На базаре Сабзевара торговля была представлена 20 торговцами-индусами (Lal, M. Travels in the Punjab... P. 283).

³ Reports and paper. P. 106

⁴ Elphinstone, M. Vol. I. P. 386.

ной, в частности, с экспортом животноводческой и сельскохозяйственной продукции, участием в транзитной торговле, с доступностью рынков Пешавара, Кашмира и других богатых территорий Индийского субконтинента. Эмира Абдуллахман-хана, по крайней мере, на укрепление дружбы с Англией подталкивали мысли о получении доступа к морским путям, ради которых пришлось закрывать глаза на многие их действия⁵.

Северные регионы, в свою очередь, населенные непустынями, изначально сохраняли торговые отношения со Средней Азией. Будучи отрезанными от центральной политической власти, они были вынуждены ограничивать торговые контакты и операции пределами своего региона. Иными словами, торговля центральных районов с северными соседями контролировалась преимущественно афганскими и индийскими купцами. О роли купцов из Кабула и Индии в торговле между Кашмиром и Бухарой писали многие, в том числе такой автор, как Мейен-

⁵ Во втором томе автобиографического труда Абдуллахман-хана приведены от его имени высказывания на данную тему. Они явно свидетельствуют в пользу того, что эмир в выстраивании отношений с англичанами в целях расширения торговли в этом направлении намеревался использовать русскую карту. «Есть еще весьма важное условие для совершенствования торговли и для обогащения страны — условие столь же важное, как постройка железных дорог, если даже не важнее. Представляется вопросом политической важности необходимость поддерживать престиж нации и цивилизовать ее посредством общения ее с внешним миром. Я разумею необходимость для Афганистана иметь безопасный выход в океан, располагая собственным своим портом, в котором можно было бы разгружать чужие и нагружать собственные пароходы. ... Если существующая ныне дружба между Великобританией и Афганистаном будет крепнуть и увеличиваться и станет совершенно прочной, настолько, что Англия будет смотреть на интересы Афганистана как на тождественные с собственными интересами, то, при желании сделать из Афганистана сильный барьер между Россией и Индией, Англии не трудно было бы отдать этот небольшой кусок земли афганскому правительству взамен каких-нибудь других земель или концессии... (с. 281–282). ... Я не верю, чтобы Россия питала какие-нибудь враждебные чувства к Афганистану: он является для нее исключительно в виде серьезного препятствия на пути в Индию, и если Россия когда-нибудь произведет нападение на Афганистан, то это будет сделано именно с этим единственным намерением. ... Появлявшиеся время от времени статьи в разных газетах и журналах, касающиеся Афганистана, а также речи, произнесенные в разное время членами палаты в парламенте, указывают на то, как мало знают про мою страну и ее отношения в Индии и как мало понимают ценность ее дружбы для Англии (с. 333)». (Автобиография Абдуллахман-хана. Т. II.).

дорф. Из готовой афганской продукции им отмечают шали, произведенные в Кабуле и Герате, которые меняли на такие российские товары, как кисея, бумага, железо, медь, стеклянная продукция, кошениль и пр., стоившие дешевле, чем индийские и иранские⁶.

Торговля, как внутренняя, так и транзитная немалый доход приносила не только Кабулу, но и многим другим афганским городам. Поступления от нее в некоторых районах превышали доходы от других источников. Окраины г. Газни, например, отдавались в откуп за 20 тыс. рупий или 30 тыс. *харваров* кукурузы, однако годовой доход его таможи был в пять раз выше — 100 тыс. рупий. Значительная часть поступлений Газни приходилась на долю каравана торговцев *лохани*⁷.

Многие крупные по тем меркам населенные пункты и города были лишены статуса больших торговых центров или находились в стороне от караванных путей, что имело разные причины. Джелалабад, невзирая на свое выгодное географическое положение для ведения торговли, к 1820-м гг. располагал базаром, который по своим размерам и наименованию товаров оказался намного беднее многих деревенских базаров Индии, хотя до этого он считался одним из крупных населенных пунктов. Город к началу XIX в. находился в упадке не только с точки зрения объемов торговли, но и физического состояния. Главными статьями экспорта в нем оставались фрукты⁸, в первую очередь гранат, лесоматериалы (сосны области Кунар), вывозимые в Пешавар. Почти все афганские города состояли из руин, но Джелалабад в этом плане превзошел всех остальных⁹. Сокращение числа жителей сказыва-

⁶ Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 129–130.

⁷ Lal, M. *Travels in the Punjab*... P. 330.

⁸ А. Конолли сообщает следующую информацию об объемах экспорта из Афганистана в Индию: Кабул поставлял сушеные и свежие фрукты, поступавшие во все области Индии. Среди прочих фруктов им перечисляются виноград, яблоки, айва, которые в силу отсутствия нормальных условий транспортировки не приносили такой выгоды, какую можно было получить от вывоза фисташек, сушеных абрикосов, изюма, а также гранат. Герат наряду со своими знаменитыми в регионе коврами главным образом поставлял асафетиду и шафран (Conolly, A. Vol. II. P. 267–268).

⁹ Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 357–358.

лось на состоянии торговли. На рынке города в начале 1830-х гг. имелось всего 50 лавок¹⁰.

Во всех афганских областях и городах торговали товарами иностранного производства, и только в редких случаях (если не считать сухие и свежие фрукты) поставлялась продукция местного производства (*постины*, ковры, грубая ткань, другие изделия ремесла). Внутреннее производство продукции, которое могло бы поставлять товары по более доступным для местного потребителя ценам, не поощрялось властями. Только отдельные афганские правители понимали важность эффективного использования труда местных ремесленников и мастеров для развития собственной экономики, снижения доли импортных товаров на внутреннем рынке. Имели место единичные случаи попыток поощрения местного производства, но никаких реальных успехов достигнуто не было. Причиной неудачи стали отношения власти к ремесленникам, основную часть которых составляли таджики. Установленная собственниками ремесленных мастерских предельно низкая оплата труда и неудовлетворительные условия труда стали главным препятствием на пути реализации замысла властей. Примечательно, что сами мастера из числа таджиков оказались намного более готовыми к созданию современных производств, чем вдохновители идеи в лице правителей¹¹. Сле-

¹⁰ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 122.

¹¹ Речь идет об эмире Дост Мухаммаде и визире Яр Мухаммаде (Герат), которые отдельно друг от друга пытались наладить производство некоторых товаров и поставлять их на местный рынок по более низкой цене, чем ввозимые из других стран. При этом в обоих случаях упор был сделан на таджиков как главных мастеров ремесла. Практика показала, что ремесленники были готовы и нуждались в создании необходимых условий для работы, однако откликнувшиеся с большой готовностью таджики попали в ситуацию, в которой полностью потеряли свободу. Правители понимали, что нужно наладить производство, но не желали тратить на это средства. Многочасовая работа с предельно низкой оплатой труда и минимальными трудовыми условиями в сумме с жестоким обращением под разными предлогами препятствовали формированию предпосылок начала развития внутреннего производства. Ферриер в качестве примера приводит оружейного мастера из Кандагара, который считался лучшим в своем деле и привлекался к работе сардаром Мухаммадом Седдик-ханом. Помимо того, что ему платили крайне мало, ремесленник был заключен в тюрьму в крепости Гиришк за то, что хотел навестить свою семью, которая жила в другом районе. Из-за жестокого обращения и недоедания мужчина скончался в заключении (Ferrier, J. P. History... P. 322).

довательно, Афганистан продолжал в подавляющем большинстве импортировать текстиль и предметы домашнего обихода, приносящие немалые доходы участникам операций.

Таблица 19

Торговля тканями на рынке Кандагара

Виды тканей	Цена покупки в Бомбее		Цена продажи в Кандагаре	
	Рупия	Анна	Рупия	Анна
Кусок муслина	3	0	6	8
Абрах или джамавар	2	12	10	0
Пара прекрасных шалов или <i>разаи</i>	20	0	40	0
<i>Сахан</i> , или кусок ткани в 35 ярдов	12	0	27	0
Кусок узорчатого ситца, называемый <i>гули</i>	13	0	28	0
Ситец обыкновенный, называемый <i>рахдар</i>	10	0	18	0
Джамдани	3	8	7	0
Тонкий альван из шерсти	18	0	30	0
Кусок вельвета	27	0	66	0
Бархатный ситец, называемый <i>махмали</i>	60	0	120	0

Источник: Lal, M. Travels in the Punjab... P. 318

Как видно из данных таблицы, основная масса импортированной из Индии фабричной продукции продавалась в Кандагаре по цене в два раза выше, чем в Бомбее, а в Герате наблюдалось четырехкратное превышение. Безопасное заключение сделок обеспечивалось в более крупных центрах, потому и в населенных пунктах вдоль дороги между крупными городами торговля товарами, несмотря на наличие спроса, не велась. Вопрос безопасности передвижения по караванным маршрутам для купцов с каждым годом становился все актуальнее. В том же Герате, куда во втором десятилетии XIX в. ежегодно по два-три больших каравана при-

езжали из Бухары, к третьему десятилетию века они стали редким явлением¹².

В больших городах, численность населения которых хотя и сохранилась на уровне начала столетия или даже изменилась в сторону сокращения, торговля демонстрировала количественный рост. Сведения, полученные из налоговых деклараций 1880 г., показывают, что в Кандагаре имелось около 1,6 тыс. лавок, торговавших разными товарами. Наряду с ними ежедневно работал большой рынок продажи крупного и мелкого рогатого скота, зерновых и другой продукции сельскохозяйственного производства¹³.

УЧАСТИЕ АФГАНСКИХ И ИНОСТРАННЫХ КУПЦОВ В ТОРГОВЛЕ АФГАНИСТАНА

Торговые и финансовые операции, как было отмечено, контролировались индусами и частично евреями, но среди афганцев имелись купцы, располагавшие большим материальным состоянием и совершавшие крупные торговые операции¹⁴. Среди купцов Кабула из числа афганцев имелись те, состояние которых оценивалось от 1 до 2 млн рупий. Они пользовались уважением не только среди торговых кругов, но и у правителя, в частности, Дост Мухаммада. Их влияние выходило далеко за пределы страны и распространялось на торговлю между Россией и Бухарой¹⁵. Торговлю между Кабулом и Индией, а также с Бухарой контролировали представители кочевого пуштунского племени *лохани*, населявшего районы между областью Газни и рекой Инд. Благодаря коммерческим операциям вожди племени, по наблюдениям А. Бернса, превратились в состоятельных купцов¹⁶.

¹² Lal, M. Travels in the Punjab... P. 318–319.

¹³ Adamec, L. W. Vol. V. P. 245.

¹⁴ Афганские купцы в начале рассматриваемого века наряду с индусами активно присутствовали на бухарском рынке, занимаясь осуществлением торговых операций между Бухарой и Кашмиром (Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 129).

¹⁵ Hanifi, Shah Mahmoud. Connecting Histories in Afghanistan. Market Relations and State Formation on a Colonial Frontier. Stanford University Press, 2011. URL: <http://www.gutenberg-e.org/hanifi/chapter2.html#txt52> (дата обращения: 14.03.2022).

¹⁶ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. II. P. 415–416.

Хотя большинство авторов сообщают о произволе на торговых маршрутах при пересечении границ, торговцы могли свободно перевести деньги из одного места в другое. В Кабуле можно было обменять письменное поручение на указанную в нем в другом государстве сумму или написать вексель на погашение в Бухару или Астрахань¹⁷.

Иностранные производители и торговцы в афганских городах имели собственных агентов, выполнявших от их имени торговые и валютные операции. В Кабуле в начале 1830-х гг. имелось около восьми больших торговых домов, принадлежавших шикарупским купцам. Они предоставляли займы не только купцам, путешественникам, но и правительству¹⁸. Торговля в Кандагаре, например, находилась в руках *индусов*, реже мусульман из Шикарпура (Синд), а также таджиков. Индусы, занимавшиеся главным образом продажей одежды, специй и были менялами-ростовщиками, содержали 350 торговых мест. *Шикарпури* являлись в основном агентами торговых фирм Шикарпура, контролировали валютные операции, сделки, связанные с продажей шерсти, значение которой было высоко¹⁹.

Суровость горной зимы, небезопасность, а также труднопроходимость торговых путей привели к появлению особого класса афганских торговцев, называемых *повинда* — кочевые пуштунские племена, содержащие верблюдов в качестве вьючного животного для транспортировки, в частности, товаров. Одна часть *повинда*, согласно проведенному исследованию в 1860–1861 гг., представляла собой торговцев, другая — просто перевозчиков товаров или розничных торговых агентов. Таким образом, *повинда*, согласно этому источнику, разделялись на пять групп в зависимости от племенной принадлежности: *насери*, состоявшие из 5 тыс. человек и имевшие 16 тыс. верблюдов, *ниязи-мити* — 6 и 3, *харрути* — 1,8 и 6, *дутани* — 0,6 и 4, *миян-хель* (ветвь племени *лохани*) — 1,4 и 6 тыс. соответственно²⁰. *Миян-хели* считались самыми состоятельными из числа всех *повинда*. Племя *сулейман-хель*

¹⁷ Burnes, A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 170.

¹⁸ Ibid. P. 168–170.

¹⁹ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 99.

²⁰ Report on the trade... P. 42–43.

частично вывозило товары в Индию для торговли, но оно в большей степени играло роль торговых посредников, которые, доезжая даже до Калькутты, привозили из Индии товары для продажи другим родственным племенам²¹.

Однако следует отметить, что не все *повинда* в равной степени специализировались на собственно торговле — часто они выполняли вспомогательные функции и подразделялись на три категории: первая включала оптовых торговцев, занимавшихся коммерцией за счет собственного капитала, вторая состояла из мелких торговцев, в основном бравших товары для реализации у более богатых соплеменников по ставке в 12,5% годовых от стоимости товаров, третья занималась транспортировкой товаров других торговцев²².

На долю *повинда* приходилась заметная часть экспортно-импортных операций²³. Объем торговли *повинда* в 1862 г. оценивался в 3,3 млн рупий, к 1870 г. он вырос до 5 млн²⁴. Сведения английских источников второй половины 70-х гг. показывают постепенное сокращение числа *повинда*, посетивших Индию. В 1877 г. 76 тыс. человек пересекли афгано-индийскую границу, 1878 г. — 58 тыс., 1880 г. — 50 тыс. Караван перевозил для продажи товары, а также скот. По данным того же источника, в 1878 г. поголовье скота племени составило 77 тыс. верблюдов и 188 тыс. голов мелкого рогатого скота²⁵, которые в одних случаях использовались для транспортировки товаров, в других увозились на рынки индийских земель для последующей продажи.

²¹ Oliver, E. E. Across the border: or Pathan and Biloch. — L., 1890. P. 82–84.

²² Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 92–93.

²³ Из Бухары *повинда* привозили в Индию сырой шелк, лошадей, золотые монеты (в том числе русские), волокна, из Кабула, Кандагара и Газни главным образом сухие и свежие фрукты, шкуру, шерсть, зерновые, а из Индии в Афганистан и транзитом в Среднюю Азию — английскую хлопчатобумажную ткань, одежду, обувь, другую продукцию мануфактуры, чай, сахар и т. д. (Report on the trade... Appendix XVI).

²⁴ Oliver, E. E. Across... P. 86.

²⁵ Ibid. P. 81.

Роль торговли в социально-экономической
и политической жизни Афганистана

Говоря о роли купцов в социальной жизни, отметим, что они являлись не только относительно образованной группой афганского населения, но и теми, кто начал в частном порядке сотрудничество по разным вопросам и наладил деловые контакты с англичанами. Такие отношения между сторонами имели место еще перед первым английским военным вторжением в Афганистан. Ост-Индская компания в начале 30-х гг. использовала крупных купцов из Кабула для изучения маршрутов поставки товаров собственного производства на рынки Средней Азии, определения размеров выгоды английской торговли от транзита товаров через Афганистан на рынки среднеазиатских ханств. Сведения афганских купцов позволили заключить, что торговля со Средней Азией сулит большие выгоды. Это обстоятельство, по мнению современного исследователя С. М. Ханифа, «использовалось для оправдания британского вторжения в Афганистан в 1838–39 гг.»²⁶.

Отметим, что через «секретный комитет» Ост-Индской компании афганским купцам предоставлялись свободные от комиссии и всяких прочих обязательств займы для осуществления поставок товаров из Индии через Афганистан в среднеазиатский рынок. Привезенные афганским купцом Сайедом Мохин-шахом²⁷ в рамках первого английского коммерческого эксперимента (1831–32 гг.) товары из Бомбея продавались в Кандагар и Кабул по цене в два-три раза выше. Итоги этих коммерческих операций, по заключениям англичан, показали, что английские промышленные товары в течение нескольких лет способны полностью вытеснить российские товары не только с рынков Афганистана, но и всего среднеазиатского региона²⁸.

²⁶ Hanifi, Shah Mahmoud. URL: <http://www.gutenberg-e.org/hanifi/pdf/hanifi-chapter2.pdf>, p. 4 (дата обращения: 04.07.2021).

²⁷ Conolly, A. Vol. II. P. 271–273.

²⁸ С. Ханафи цитирует английский документ под названием «Меморандум о торговле Афганистана» от 1831 г., в котором говорится, что необходимо «использовать маршрут через Инд для подрыва российских коммерческих инициатив в Центральной Азии, транспортируя (более дешевые и ка-

Следует также отметить роль иностранных купцов, которая не ограничивалась сферой торговли и финансов, а нередко имела существенное значение для политической жизни Афганистана. Торговые связи с купцами из других государств могли использоваться при решении важных военно-политических задач. Английский разведчик Г. Поттинджер, например, во время осады персами Герата в 1838 г. приобрел крупную сумму в виде ссуды у местных еврейских торговцев для укрепления позиций города²⁹.

Влиятельных афганских купцов англичане вовлекали в процесс изменения маршрутов и центров торговли путем направления крупных партий товаров из одного места в другое. Афганские купцы в своем распоряжении имели сеть агентов, выполнявших по их заказу торговые операции, перевозку товаров до назначенного пункта. Англичане в 1830-х гг. намеревались перенаправить всех торговцев племени *лохани*, игравших тогда ведущую роль в торговле между Афганистаном и Индией, на созданный англичанами новый рынок в Митханкоте. Купцы активно шли на сделки с представителями Ост-Индской компании. Британская сторона просила крупного купца из Кабула убеждать агентов и торговцев из собственного окружения поступать аналогичным образом, на что получила положительный ответ³⁰.

чественные) британские товары в Кабул, чтобы обеспечить большую часть среднеазиатской торговли. Цель состоит в том, чтобы ввести в Среднюю Азию английские товары, а не англичан» (р. 4). В этих целях в 1835 г. в письме на имя Дост Мухаммада и ряда влиятельных лиц Кабула было сказано следующее: «Моя нация искренне желает развивать тесную дружбу с афганцами, и это одна из основных целей, которую я имел в виду при формировании недавних договоренностей о возобновлении судоходства по Инду. Афганцы, как и мы, — люди, любящие торговлю, и есть надежда, что наши взаимные сношения теперь станут намного теснее, чем когда-либо прежде. Прямое и легкое сообщение с торговыми судами Англии было открыто по каналу Инда, и ничто не мешает купцам Кандагара и Кабула доставлять товары из своей страны и с более отдаленных рынков Бухары и Средней Азии в Инд и получать взамен ситец, металлы и другие английские промышленные товары» (Hanifi, Shah Mahmoud. URL: <http://www.gutenberg-e.org/hanifi/pdf/hanifi-chapter2.pdf>, p. 4–6; 9 (дата обращения: 04.03.2022).

²⁹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 131.

³⁰ Об этом говорится в корреспонденции между английскими представителями и афганскими купцами. В адресованном на имя крупного купца Хайреддина письме сообщалось: «Недавно был разработан проект по открытию судоходства по Инду и Сатледжу, и в Митханкоте планируется создание обширного рынка. Лейтенант Маккесон, офицер британского правительства,

В начале первой англо-афганской войны *лохани* предоставляли свои услуги англичанам как при транспортировке семьи шаха Шуджи из Индии в Афганистан, так и для обслуживания армии интервентов во время пребывания в этой стране. Хорошая прибыль и важность сохранения отношений с англичанами для дальнейшего развития торговли позволили последним прибегать к услугам *лохани* на всем протяжении первой англо-афганской войны. В частности, между сторонами были подписаны контракты на поставки крупных партий товаров для снабжения английских солдат. Только в мае 1839 г. одна сделка стоила 100 тыс. рупий для нанятия 4 тыс. верблюдов и вооруженной охраны из 700 человек при транспортировке продовольственных товаров из Шикарпура в Кандагар, а при осаде Кабула купцы на 6 тыс. верблюдов поставляли пшеницу солдатам компании³¹.

Между англичанами и афганскими купцами складывались предельно высокие доверительные отношения. В Афганистане не имелось условий для инвестирования капитала в сфере производства, и купцы, располагавшие крупным капиталом, искали возможность вкладывать средства в ту или иную сферу в других странах. Подобные предложения могли адресовать исключительно англичанам³².

назначен для защиты интересов торговцев, надзора за ними и предоставления всех возможностей в торговле, связанных с этим местом. Согласившись на мое приглашение, торговцы *лохани* подключились к этому рынку и начали обменивать свои товары с торговцами Индостана. Там будут представлены все виды товаров, произведенных в Китае и Европе. Поэтому я бы посоветовал вам сообщить своим агентам, а также другим торговцам в вашем квартале, чтобы они впредь осуществляли свои продажи и покупки в Митханкоте, что позволит им избежать неудобств и проблем, которым они сейчас подвергаются при торговле из Панджаба и Индостана». Хайреддин положительно отреагировал на такое предложение, ответив: «Информация будет предоставлена мной всем торговцам этих стран, и я постараюсь побудить их обратиться к Митханкоту в качестве основного торгового центра» (Hanifi, Shah Mahmoud. URL: <http://www.gutenberg-e.org/hanifi/chapter2.html#txt52> (дата обращения: 18.03.2022).

³¹ Kennedy, R. H. Narrative... P. 284–285; Hanifi, Shah Mahmoud. URL: <http://www.gutenberg-e.org/hanifi/chapter2.html#txt65> (дата обращения: 18.03.2022).

³² Сообщается, что, обладая огромным капиталом, мулла Хайреддин желал «построить фабрику на британской территории..., одолжить любую сумму денег, которая может потребоваться англичанам, при возможном посещении Кабула или Бухары... (и) также предложил предоставлять (британскому агенту в Кабуле) или любому рекомендованному им лицу любую необхо-

Редкими моментами, которые афганские правители в системе торговли заимствовали у европейцев и с легкостью применяли на практике, являлись методы наказания нарушителей таможенного режима, введенные европейскими странами. Речь идет о контрабанде товаров, включавшей не только ввоз отдельно взятых предметов, драгоценностей, но и целого обоза караванов, шедших транзитом через Афганистан. Караваны иногда предпринимали попытки обходить таможенные посты не для уклонения от уплаты пошлин, а с целью избежать вымогательств со стороны властей. Это удавалось только в исключительных случаях, а в большинстве своем такие действия ставили под угрозу все имущество купцов. Дост Мухаммад, эффективно использовавший все возможные причины для штрафов и конфискаций, в таких ситуациях ссылался на Россию и Англию, где законы допускали конфискацию товаров, ввезенных контрабандным путем³³.

Купцы выступали фактором стабилизации ситуации и в сферах производства, в частности, занимавшиеся торговлей сельскохозяйственной продукции поддерживали производственный процесс. Производители и покупатели продукции на основе предварительных соглашений избавляли рынок от грядущего дефицита. Производители сельскохозяйственной продукции часто испытывали трудности в начале сезона посевов, поэтому появилась система предоставления купцами денежных авансов в счет будущего урожая. Земледельцы и скотоводы при этом получали возможность разрешать возникшие материальные трудности, а покупатели приобретали продукцию по более низкой цене. Торговые агенты, занимавшиеся операциями с шерстью, например, предоставляли скотоводам в разных уголках страны аванс в 12 *анн* за один кандагарский *манн*, но в период стрижки она достигала 1–4 рупий за указанный объем. Транспортировка продукции из любой точки до Кандагара обходилась в 8–12 рупий за 48 кандагарских *манн* шерсти³⁴. Другими участниками коммерческой си-

димую сумму в рупиях... (и) все это взамен гарантии защиты» (Hanifi, Shah Mahmud. URL: <http://www.gutenberg-e.org/hanifi/chapter2.html#txt54> (дата обращения: 20.03.2022).

³³ Burnes, A. Cabool... P. 86.

³⁴ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 99–100.

стемы выступали брокеры, получавшие товары у купцов и поставлявшие их торговцам на рынке³⁵.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ

Вопрос развития торговли при поддержке властей начал обсуждаться Шер Али-ханом, но более серьезно встал при Абдуррахман-хане, обращавшем особое внимание на представителей торговой сферы. Он, в отличие от предшественников, пошел намного дальше и в некоторой степени обеспечил защиту торговцам, предоставляя авансовые суммы в виде беспроцентного кредита для осуществления внешнеторговых операций. Эмир теоретически был заинтересован в экономическом усилении афганских купцов и расширении торговли, но на практике все реализовывалось не так, как хотелось. Проблема не только Абдуррахман-хана, но и всех его предшественников заключалась в стремлении получить максимальные результаты в самые сжатые сроки³⁶.

Система предоставления ссуд (авансов) купцам для ведения торговой деятельности, особенно внешней, широко применялась эмиром. Любопытно, что размеры выделенных денежных авансов отличались по регионам. Относительно большая сумма предназначалась для ссуды в Кандагаре. Ее размер мог составлять 1 млн рупий. В Кабуле и Афганском Туркестане она была в разы меньше и варьировалась между 50 и 500 тыс. рупий одному человеку в соответствии с его средствами, положением и личным характером. Изначально купцы обязывались предоставить гарантии, но позже это требование было снято. Другим интересным моментом являлся срок возврата полученных средств, который не уста-

³⁵ Narrative of recent events... P. 158.

³⁶ «Эмир Абдуррахман-хан очень интересовался всяким механическим производством и поощрял ремесленников и купцов, занимающихся промышленностью. По его мнению, ранг купца соответствовал рангу правительственных чиновников, и всякая жалоба или заявление, сделанное купцом, выслушивалось им. Учредив правительственные мастерские, он имел в виду не только приготовление ружей и пушек, но думал научить этому искусству и свой народ... Позднее он много раз жаловался, что, несмотря на все, что им было сделано для народа, несмотря на казни многих тысяч людей, народ оставался тем же ленивым и преступным» (Мартин А. Ф. 8 лет... С. 180).

навливался, но при этом власти оставляли за собой право в любое время потребовать их возвращения³⁷.

Предпринимая меры расширения географии и объемов торговли, Абдуррахман-хан одновременно работал над другими способами роста объемов товарооборота. Первым делом это включало инвестирование средств в развитие производственной инфраструктуры страны. За годы правления на строительство дорог и дорожной инфраструктуры им было потрачено 2 млн рупий. Эмир не всегда и не везде использовал принудительный метод реализации своих намерений. Открывая новые маршруты с целью увеличения объемов коммерческих перевозок, он привлекал торговцев на вновь созданные маршруты путем распространения привилегий. Так, торговцы, использовавшие новый маршрут Асмар — Бадахшан, на три года освобождались от налога³⁸. В каждой провинции эмир учредил должность *таджир-баши* (глава торговцев), строил новые караван-сарай³⁹.

Другим отличием было возложение ответственности на государственные органы, властные структуры при возникновении проблем, связанных с потерей имущества, особенно когда дело касалось торговцев, причем вне зависимости от этноконфессиональной принадлежности потерпевшей стороны. Об этом свидетельствует инцидент, связанный с пожаром на базаре Джелалабада, в котором пострадали 18 лавок, принадлежащих индусам. Эмир приказал оценить стоимость ущерба и возместить за счет ответственных лиц, проявивших небрежность при обеспечении безопасности имущества торговцев городского базара⁴⁰.

Центральная власть при Абдуррахман-хане в случае необходимости вмешивалась в работу внутреннего рынка для регулирования спроса и предложения, поддержания уровня цен. При

³⁷ Kakar, M. H. Government and... P. 206.

³⁸ Kakar, M. H. Afghanistan: A study... P. 205–206.

³⁹ Kakar, M. H. Government and... P. 206.

⁴⁰ В результате ремесленники свои потери на базаре оценили в 6 тыс. Эти деньги по приказу эмира были распределены между ответственными сторонами следующим образом: по 1 тыс. штрафа с губернатора и миршаба, 4 тыс. с пеших, находившихся на службе у кутвала. После исполнения обязательств необходимо было получить квитанции у владельцев торговых точек и отправить в Кабул лично эмиру (Катиб, Файз Мухаммад. С. 836–837).

создании поставщиками продовольственной продукции искусственного дефицита на внутреннем рынке его подходы были особыми. Афганистан часто ощущал дефицит продуктов питания, но возникали ситуации, в частности, в северных районах, когда торговцы либо временно прекращали поставки продукции на рынок для повышения цен, либо по разным нелегальным каналам по более выгодной цене сбывали товары за пределами Афганистана в правобережье Амударьи. Во избежание роста цен и образования дефицита эмир приказывал всем земледельцам и скотоводам, снабжавшим ранее местные рынки, поставлять продовольствие, а в случае отказа со ссылкой на истощение запасов получать письменное подтверждение от старейшин деревни. В противном случае при обнаружении в ходе инспекции зерно или скот подлежали конфискации в пользу правительства⁴¹.

В реальной действительности система торговли при эмире Абдуррахман-хане находилась под предельно жестким давлением, которое по некоторым показателям не отличалось от периода Дост Мухаммада. Штрафы и конфискации имущества под разными сфабрикованными предлогами в Кабуле и в других городах одних торговцев довели до состояния банкротства, других вынудили покинуть пределы страны. Сформированные искусственные принудительные традиции, а именно подношение подарков эмиру и пожертвования стали частью повседневной практики. Отличительной чертой периода Абдуррахман-хана, например, было издание приказа об объявлении государственной собственностью, иными словами о национализации, в г. Маймане и в одном из районов Кабула торговых лавок, принадлежащих частному бизнесу. Другим новшеством было взимание в пользу казны месячного дохода от торговли, приносившей незначительные налоговые доходы. Афганская система торговли такого сильного давления в своей практике прежде не испытывала. Результатом политики эмира стало бегство капитала за пределы страны. Купцы, причем не только индусы, но и афганцы, переводили свой бизнес на территорию соседних государств. Все это привело к сокращению к 90-м гг. XIX в. объемов товарооборота и доходов, изъ-

⁴¹ Катиб, Файз Мухаммад... С. 864.

ятию из оборота денег во избежание конфискации⁴². На состоянии торговцев к тому же негативно сказывалась чеканка новых монет, приведшая к аннулированию старых, что стало причиной банкротств, спада торгового оборота⁴³.

СОСТОЯНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ

Караваны играли важную роль в экономической жизни городов и расположенных вдоль торговых маршрутов небольших населенных пунктов, живущие в которых люди при отсутствии мест купли-продажи товаров получали возможность посредством купцов сбывать свою продукцию (ковры, ткани из овечьей и верблюжьей шерсти). Кроме того, продавали сухофрукты, выючных животных, и эти товары перевозились в другие регионы Афганистана, соседние страны. Такая система была выгодна обеим сторонам, так как продавцам не приходилось проделывать долгий путь, подвергая жизнь опасности, и нести материальные затраты для совершения сделок на дальних рынках. Купцы, в свою очередь, находясь в постоянном движении, получали товары по предельно низкой цене и продавали по более высокой. Торговые операции они совершали при остановке в городах регионального значения. На рынке Майманы, например, на конных базарах из соседних областей продавались прекрасные и в то же время дешевые лошади. После приобретения купцы вывозили их в Герат, Кандагар, Кабул, а помимо того, в Индию и Иран. Покупая в Афганистане лошадь по цене в 14–15 дукатов, они могли продать ее в Иране в два и более раза дороже (по 30–40 дукатов)⁴⁴. Гератские ковры (1830-х гг.) экспортировались в Иран, Индию, Бухару и другие места. Закупочная их стоимость у производителя составляла 10 гератских рупий (40 *анн*), а продавались они, например, в Индии по цене 10 рупий Ост-Индской компании⁴⁵.

При этом население, как и представители торговой системы, абстрагировались от политических, военных и этноконфесси-

⁴² Kakar, M. H. *Government and Society...* P. 204–205.

⁴³ *Ibid.* P. 206–207.

⁴⁴ Вамбери А. Путешествие по... С. 185.

⁴⁵ *Report on the trade...* P. Xliii.

ональных вопросов, когда речь шла о решении материальных вопросов, или получении выгоды. Во время второго вторжения английских войск в Афганистан (1879 г.) население горных местностей восточных районов охотно предлагало солдатам противника продовольственную продукцию по выгодной для себя цене⁴⁶.

Городские и сельские базары, как было отмечено, работали только по определенным дням, что свидетельствует о низкой покупательной способности и натуральном характере хозяйственной жизни населения. Такая пассивность обуславливалась низким спросом, поскольку большую часть необходимой продукции обеспечивал собственный труд. Тем не менее импортные товары встречались и в больших, и в малых городах. На внутреннем рынке крупные торговые операции в большинстве случаев находились под монополией индусов, включая далекие к северу от Кабула районы. Индусы, превратив г. Хульм в перевалочный пункт, контролировали товаропоток между Кабулом и Бухарой⁴⁷. Ташкуртан в начале XIX в. располагал несколькими специализированными рынками, работавшими два дня в неделю, но тем не менее на них кроме местной продукции продавались товары из разных областей Афганистана и других стран⁴⁸. Исходя из номенклатуры и страны происхождения товаров, торговые лавки распределялись между представителями различных этноконфессиональных групп. Красками и лекарствами занимались индусы, взявшие под контроль не только поток товаров из Индии, но и торговые операции в рамках региона, а также другие направления торговой активности. Например, товарооборот с Яркендом находился под монополией купца-индуса Атма Рама. Он диктовал свои условия при обмене товарами в области Кундуза и с запредельными территориями. Скупив овец и меха в Кундузе, Атма Рама об-

⁴⁶ Gregson, Rev. J. Gelson, *Through the Khyber Pass...* P. 31.

⁴⁷ *Travels in Central Asia* by Meer Izzut-oollah... P. 79.

⁴⁸ Из Индии — хлопчатобумажные ткани, хлопковые стручки, дубленая кожа, необработанные шкуры, топливо, виноград, изюм, фисташковые орехи, гранаты, сушеные сливы, соль, коричневые кожаные сапоги с обтянутыми железом каблуками, красители, кора граната, индиго, набивной ситец, ло-скутные одеяла, тюрбаны, Читрала — одеяла из тонкой шерсти, Вадахшана — необработанная шерсть (Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 450–451).

менивал их на чай Яркенда, что приносило ему шестикратный доход. Сухофруктами торговали в основном торговцы из Кабула, число которых ко второму десятилетию XIX в. значительно увеличилось. Из числа местного населения почти не принимали участия в торговле узбеки⁴⁹.

Таблица 20

Цены на рынке Ташкургона (начало 1820-х гг.)

	Единица измерения	Объем	Цена	В фунтах
Баранина	Чарак	1	4–5 пайса	2,5
Говядина	-	1	3	
Жир курдючный		1	8	
Овечье масло		1	24	
Мука пшеничная		4	7	
Хлеб	Шт	4–5	4	
Масло	Чарак	1	16	
Рис		1	4	
Ячмень	Манн	1,5	1 рупий	

Источник: Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 451–452

По своим масштабам и номенклатуре товаров сравнительно большим во всем Афганистане был базар Кабула, насчитывавший в начале 1830-х гг. до 2 тыс. торговых лавок. В городе в связи с обилием и разнообразием товаров образовались торговые ряды и кварталы, где торговали конкретными видами товаров. Имевшийся на рынке объем товаров значительно превышал спрос местного населения, что объяснялось значением Кабула как центра, поставлявшего товары в другие города и районы⁵⁰. Базар, кроме торговли импортными товарами, отличался еще изобилием разных сортов свежих фруктов, привезенных из близлежащих и отдаленных районов. Одним из поставщиков высококачественных яблок, дынь, абрикосов и кукурузы на рынок

⁴⁹ Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 450–451.

⁵⁰ Burnes A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 335.

Кабула выступал Газни⁵¹. Англичане, находившиеся в городе в начале 1840-х, отмечали не только количество, но и качество фруктов на городском базаре⁵².

Сравнительный анализ показывает, что цена на товары первой необходимости в северных регионах была значительно ниже, чем в Кабуле и центральных регионах, где проживали хазарейцы. Это можно объяснить относительным изобилием земельно-водных ресурсов в северном Афганистане и плодородностью почвы. В то же время Хазараджат, как горная страна, отличался изобилием продукции животноводства.

Таблица 21

ЦЕНА НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ
(за 1 рупию, 1837 г.)

Продукция	Кабул	Хазараджат	Туркестан
Пшеница	8 <i>сир</i>	4 <i>сира</i>	20 <i>сир</i>
Ячмень	9 <i>сир</i>	6 <i>сир</i>	24 <i>сира</i>
Масло	2,25 <i>чарак</i>	3 <i>сир</i>	1 <i>сир</i>

Источник: Wood, J. Geographical notes... P. 28

Отсутствие постоянного рынка сбыта в отдаленных от городов и главных населенных пунктов местах ограничило доступ к наличным деньгам, в связи с чем во многих местностях продолжали расплачиваться вышедшими из оборота и не пользовавшимися спросом в центральной части страны денежными единицами или же торговлю осуществляли путем бартера. Сельское население максимально обеспечивало потребности за счет собственного производства, хотя это не могло привести к полному отказу от обмена товарами. Низкая покупательная способность в целом была фактором, приводившим к заниженным ценам на продукцию местного производства. Цены были настолько низ-

⁵¹ Bellew, H. W. Journal of... P. 186.

⁵² Atkinson J. The expedition into Affghanistan: notes and sketches descriptive of the country, contained in a personal narrative during the campaign of 1839 & 1840, up to the surrender of Dost Mahomed Khan. — L., 1842. P. 271.

ки, что двух пенсов хватало в день для удовлетворения потребностей одного человека⁵³.

ТОРГОВЛЯ И ВНУТРЕННЕЕ ПРОИЗВОДСТВО

Имелись в стране промыслы, продукция которых вполне могла конкурировать с иностранными производителями, экспортироваться в другие места. Наблюдалась условная специализация территорий торговли товарами, поскольку одни регионы обладали преимуществом перед другими в производстве отдельно взятой продукции. Торговля между городами и районами продукцией собственного производства на местном уровне велась довольно активно. Ручное ковроделие получило развитие по всему Афганистану, но высоким качеством отличалась продукция, произведенная в Герате. В зависимости от размеров цены на гератские ковры могли варьироваться от 10 до 1000 рупий и пользовались спросом далеко за пределами Афганистана⁵⁴.

Правителями в разные периоды практиковалась политика экономической самоизоляции, сводившаяся к максимальному ограничению сношений с внешним миром ради сохранения и обеспечения безопасности собственной власти. Это, несомненно, негативно отражалось на состоянии экономики в целом и уровне жизни общества в частности, поскольку такая политика была далека от протекционистских мер, которые принимаются ради поощрения и развития внутреннего производства. Мурад-бег, правитель Кундуза, был одним из тех, кто таким способом старался обеспечить экономическую независимость и безопасность собственных владений. В качестве доказательства сказанному ука-

⁵³ Серебряные монеты, выпускавшиеся афганскими правителями, а также персидские (*томан*), бухарские (*тилла*) и русские (дукат) золотые монеты были доступны только в крупных городах, а медные монеты не пользовались спросом у сельского населения. Следовательно, в северных направлениях жители населенных пунктов, расположенных вдоль караванных маршрутов, при возможности продать свою продукцию караванам и путешественникам сделку совершали на основе бартера, поскольку доступная им медная монета *шахи* среди них не пользовалась спросом (Ferrier, J. P. History... P. 318–319).

⁵⁴ Conolly, A. Vol. II. P. 12–13; Malleeson, G. B. Herat... P. 92–93; Lal, M. Travels in the Punjab... P. 277.

зывалось на отсутствие зависимости рынка Кундуза от внешней и транзитной торговли. Возможно, формально он намеревался обеспечить спрос за счет внутреннего производства, но в реальности практические шаги им не предпринимались. Заявления его окружения о способности правителя перекрыть караванные пути для Бухары и Кабула в случае необходимости говорят об осознанном выборе такого курса, поскольку при прекращении поступлений товаров Кундуз понес бы минимальный ущерб. Создание замкнутого, материально независимого от внешнего мира хозяйства заставляло обеспечивать большинством предметов первой необходимости за счет собственного производства. Эти доводы в каком-то смысле соответствовали реальной ситуации, поскольку потребности как правителя, так и подданных являлись ограниченными и далекими от тех, что имелись в других областях⁵⁵.

Тем не менее полностью изолироваться от внешнего мира даже таким полунатуральным хозяйствам уже было сложно, поэтому в обороте в пределах его владений имелись ввезенные товары, а сам правитель занимался экспортом продукции в соседние государства⁵⁶.

Но более развитой мануфактурой производства шелка считалась гератская, продукция которой имелась в продаже как в Афганистане, так и в соседних государствах. Шелк использовался в производстве многих видов товаров и предметов, качество которых высоко оценивалось английскими эmissарами. Афганские

⁵⁵ Об этом свидетельствует образ жизни самого мира в плане ношения одежды из грубого низкокачественного материала местного производства, состояние и внешний вид резиденции правителя (Burnes, A. Cabool... P. 62).

⁵⁶ В пределах владений Мурад-бега получило развитие шелководство, а объемы производства были высокими, что, возможно, и способствовало сравнительно низким ценам, составившим 8 рупий за 100 тола (1 тола равен 2,5 мискалям) или 2 рупии за один фунт. Шелк внутри региона или других соседних владений не использовался в производстве, а экспортировался в индийские области. Другой важный ресурс составила животноводческая продукция, точнее, продукция овцеводства, шедшая на рынки других регионов внутри Афганистана. Если верить сведениям источников, поголовье овец в ханстве Мурад-бега доходило до 2 млн. Продажа овец на рынке Кабула была намного выгоднее, поскольку приносила чистый доход в 2 рупии. Для сравнения отметим, что у хазарейцев цена за голову составляла от 2 до 4 рупий (Report on the trade... P. 130; Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 396).

власти не обошли вниманием потенциал и качество работы гератских производителей. Махмуд-шах открыл в Кабуле несколько таких мастерских с привлечением мастеров из Герата, о количестве которых не имеется информации. К сожалению, к 1834 г. только 88 ткацких станков продолжали функционировать, но каждый из них приносил 23 рупии государственной казне в виде ежегодного налога⁵⁷. Производство и продажа сырого шелка получили развитие и в Кандагаре, но здесь они попали под полный контроль правителя Кохандил-хана, который выступал единственным покупателем всего произведенного продукта⁵⁸.

Герат, по сути, был одним из главных центров региональной торговли, куда товары поступали из Бухары, Ирана и Индии. Что касается товаров самого города, то они по номенклатуре были те же, что и в Иране, и преимущественно включали пшеницу, ячмень, рис, асафетиды (высушенный млечный сок), шафран, табак, шелка и тонкие ткани⁵⁹.

Другим важным и распространенным направлением по всему Афганистану было производство *постинов* — дубленок из овечьей шкуры. Эта продукция шла на экспорт, и особенно спрос вырос после начала использования шкур армией Панджаба в качестве форменной зимней верхней одежды. Обработка кожи и производство конечного продукта обеспечили работой часть жителей таких городов, как Кандагар и Газни, но по своему качеству выделялась продукция, произведенная в Кабуле и шедшая почти целиком на экспорт. Кабул и Газни свою продукцию экспортировали в Пешавар, а Кандагар по большей части снабжал Синд и прилегающие районы. Газни выращивал марену, которая полностью шла на экспорт в Панджаб, а дальше в Индию; еще в большом количестве экспортировал абрикос и виноград. Кстати, это привело к сильному росту спроса на тополя, использовавшиеся при изготовлении деревянной тары для хранения и транспорти-

⁵⁷ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 272; 274; MacGregor, C. M. Central Asia. Part II... P. 427.

⁵⁸ Lumsden, H. B. The Mission to Kandahar... P. 192.

⁵⁹ Ferrier, J. P. Caravan journeys... P. 182–183; М. Лал перечисляет наличие восьми сортов пшеницы в Герате — а шагнавази, зафарани, бараи-сафид, бараи-сурхак, калак, неш-шутур, биринджак, реза-дангана, а также несколько сортов ячменя (Lal, M. Travels in the Punjab... P. 274).

ровки этих фруктов⁶⁰. *Постины* из овечьей шкуры, изготовленные в Кабуле, также большим спросом пользовались на рынках Средней Азии. Их преимущество перед другими заключалось прежде всего в качестве⁶¹.

Внутренняя торговля между городами и областями осуществлялась в зависимости от их потенциала, наличия путей сообщения, ресурсов, вида хозяйственной деятельности жителей, а также климатических условий. Джелалабад, например, выделялся производством риса, который поставлялся в Кабул, Кандагар, Герат и другие регионы, пшеницы, ячменя, кукурузы, а также сахарного тростника в больших объемах. Здесь примитивными методами было налажено производство низкокачественного сахара⁶².

Хазарейцы в ареалах обитания максимально использовали необработанную животноводческую продукцию для изготовления одежды, других предметов повседневного пользования. Хазараджат был одной из немногих сельской местностей, где изделия из шерсти обменивались на другие привезенные товары. Большой объем произведенной шерсти позволял поставлять сырую продукцию в соседние районы. Овечья и верблюжья шерсть отправлялись на рынки Газни, откуда шла на экспорт в Карачи и более отдаленные страны⁶³.

Наряду с торговлей шерстью хазарейцы, в частности, на внутренний рынок поставляли черных волов, коров, овец, масло, грубые ткани собственного производства, зерновые мешки, ковровые сумки, войлок для лошадей⁶⁴. Это, однако, не могло долго продолжаться, поскольку со временем все больше ввозимых товаров проникали во все уголки Афганистана, вытесняя товары местного производства.

Политические процессы, происходившие на территории Афганистана в XIX в., существенно сказывались на торгово-экономическом состоянии городов и населенных пунктов. Процесс включения северных регионов в единый Афганистан, логи-

⁶⁰ Bellew, H. W. Journal of... P. 186; 355–356.

⁶¹ Ferrier, J. P. History... P. 321.

⁶² Lal, M. Travels in the Punjab... P. 333–334.

⁶³ Bellew, H. W. Journal of...P. 186.

⁶⁴ Report on the trade... P. 7.

ческим завершением которого стала переселенческая политика, прямо и косвенно оказывал негативное влияние на местный рынок, производителей, участников торговой деятельности. Тем не менее, если в одних местах признаки роста в масштабах торговли не были замечены, в других количественные показатели демонстрировали некоторые подвижки. К 80-м гг. тот же рынок Таш-кургона располагал уже 450–500 торговыми лавками⁶⁵.

Перечень товаров, находившихся в продаже на внутреннем рынке, показывает высокий спрос со стороны населения и неспособность местного производителя завоевывать рынок ввиду жесткой внутренней политики властей и низкого уровня хозяйственных отношений. На базаре Кундуза имелось 346 торговых лавок, включавших мастерские ремесленников, продававших продукцию на месте производства. Из общего числа 97 лавок торговали одеждой и тканью, в частности, 12 — ввезенной из Бухары, 84 занимались продажей продовольственной продукции (хлеб, мясо, масло, кондитерские изделия, фрукты), остальные — ремесленники (гончары, ювелиры, кузнецы и др.), торговцы предметами домашнего обихода⁶⁶.

При Абдулрахман-хане торгово-экономическое место регионов и городов для эмира имело первостепенное значение. Власть в таких населенных пунктах продолжала номинально сохраняться за представителями коренных жителей. Там даже не считали нужным размещать гарнизоны центральной власти, подобно многим важным городам и населенным пунктам. Талукан относился к категории таких мест с населением в 2 тыс. человек. В городе проживали преимущественно узбеки, а торговлей в основном занимались таджики. Торговля в городе не была сильно развита, поскольку только раз в неделю осуществлялись сделки по купле-продаже товаров⁶⁷.

В отдельно взятых территориях были налажены производство и продажа запрещенной религиозными нормами, но приносив-

⁶⁵ Captain Maitland's and Captain Talbot's Journeys in Afghanistan / Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. Vol. 9. No. 2 (Feb., 1887). Published by: Wiley. P. 105.

⁶⁶ Lord, P. B. Exports to Bokhara and Kabul. No. VI. P. 146.

⁶⁷ Elias, N. Report... P. 66.

шей хороший денежный доход продукции. Употребление алкогольных напитков, что формально наряду с их производством категорически запрещалось, в частности, в Кабуле и Кандагаре, практиковалось среди знати по всему Афганистану. Исключением являлся Герат, где Яр Мухаммад монополизировал право производство вина, затем сдавал его в откуп по предельно высокой цене, что приносило солидную прибыль⁶⁸.

В отдельных городах и районах система торговли находилась в зависимости не только от политики местных властей, но и от объективных факторов. Ограниченность масштабов торговли в Газни, например, объяснялась жесткой политикой, проводимой местным правителем, а также географическим положением города и его суровым климатом. Зимний сезон, сопровождавшийся обильными снегопадами, затягивался на несколько месяцев, что препятствовало развитию товарообмена⁶⁹. На состояние внутренней торговли негативное влияние оказывали и засухи, приводившие к сокращению объемов урожая, возникновению дефицита и далее росту цен на продовольственные товары. В период засухи в Кандагаре (1870 г.) 1,5 тебризских *манн* зерна стоили 1 рупию (1 тебр. *манн* = 6 английским или 4,5 пешаварским *сир*). Весной 1871 г. цены на зерно по всей стране подскочили и в Кабуле составили 1 рупию за 6 пешаварских *сир* пшеницы, ячменя — 7,5 *сир*⁷⁰.

Главными сдерживающими факторами развития товарно-денежных отношений наряду с естественной изоляцией районов и бездорожьем в рассматриваемом веке выступали налоговая политика и земельные отношения, не позволявшие землепользователям прилагать усилия по расширению производства, росту производительности. Ведь в конечном счете каждый из них мог получать только достаточную для проживания часть своей продукции. Полученный доход всегда целиком использовался на приобретение предметов первой необходимости и других жизненно

⁶⁸ Ferrier, J. P. History... P. 319; Хотя, судя по некоторым сведениям, цены на спиртные напитки в 30-х гг. были довольно низкими. Например, 40 бутылок вина или 10 водки стоили 1 рупию (Burnes A. Travels Into Bokhara... Vol. I. P. 149–150).

⁶⁹ Bellew, H. W. Journal of... P. 187.

⁷⁰ Narrative of recent events... P. 152; 158.

важных средств. Существенным фактором отсутствия рынка сбыта произведенной продукции можно считать примитивность технологии производства и, следовательно, низкое качество товаров. Сельское хозяйство могло бы выступать хорошей базой для создания мануфактур по обработке сырья, в частности, кожи, шерсти, хлопка-сырца и т. д., однако на фоне появления в соседних государствах современных производственных технологий и ввоза в страну высококачественных и доступных по цене товаров производство местной ткани на уровне отдельных афганских хозяйств все больше теряло свою актуальность⁷¹.

Ярким примером негативного влияния внешнего фактора является ситуация, возникшая после захвата Афганистана английской армией в период первой англо-афганской войны. Восстание жителей Кабула против английской администрации и правительства Шаха Шуджы, как было отмечено, имело комплекс причин, и его нельзя ограничить отдельно взятыми моментами, но главными среди них выступали неразвитость как самой местной экономики, хозяйственных отношений, так и затрагивание экономических интересов традиционной знати. Возникший кризис показывал ограниченность способностей внутренних производителей обеспечить рынок товарами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, незначительность объемов внешней торговли. После размещения в Кабуле английской армии с обслуживающим персоналом в несколько тысяч человек образовался дефицит продовольствия и корма для скота. Кроме того, потребности солдат английской армии с их покупательной способностью позволяли забрать на рынке намного больше, чем мог позволить себе среднестатистический местный житель, что способствовало нарушению хрупкого баланса на и без того бедном рынке сельскохозяйственной продовольственной продукции. В связи с резким ростом спроса давление на рынок продовольствия усилилось со всех сторон. Закупка хлеба английским гарнизоном осуществлялась не только в Кабуле и окрестностях, но и в более отдаленных районах страны, что привело к много-

⁷¹ Яворский И. Л. Т. II. С. 233.

кратному росту цен и дефициту пшеницы. Крупные поставщики, ограничив предложение местному рынку, все запасы направили его новому участнику, что сильно расшатало равновесие на рынке⁷².

В этой обстановке давление властей и аресты представителей торговли со стороны шахского министра Муллы Шукура были единственными мерами, посредством которых можно было взять обстановку под контроль, поскольку намерения получить сверхприбыли путем создания искусственного дефицита, а не иные факторы вызвали дальнейший рост цен на продовольствие. Но английская администрация, исходявшая из механизмов работы свободного рынка, препятствовала мерам правительства шаха, требуя не вмешиваться в ситуацию и освободить взятых под стражу поставщиков продовольствия. Такая солидарность и поддержка в глазах населения формально выглядела как альянс англичан и поставщиков против министра-сторонника народных масс⁷³.

Проблема резкого роста спроса на товары первой необходимости была связана не только с Кабулом, но и с другими городами, где расквартировались английские войска в большом количестве. Второй по величине город — Кандагар также не справился с поставкой продовольствия войскам интервентов, чтобы заготовить

⁷² В результате, во-первых, цены взлетели вверх, во-вторых, с рынка исчезла продовольственная продукция. Проблема столичного рынка этим не ограничилась, поскольку англичане, кроме армии солдат, располагали выучным скотом в количестве свыше 10000 голов, что привело к кризису на рынке поставки кормов. В условиях двоевластия оба правительства старались, каждое исходя из своего понимания ситуации и методов, найти подход к решению проблемы. Афганские власти в этом случае попытались путем давления и угроз поставщикам вернуть ситуацию в нормальное русло. В частности, министр шаха Мулла Шукур в первую очередь предпринял попытки вмешательством стабилизировать уровень цен, установить норму запасов продуктов питания, достаточных для личных потребностей, но и эти старания не принесли ощутимых результатов. Английская администрация решила вмешиваться единократными акциями в виде раздачи хлеба толпе, образовавшейся вокруг резиденции (Lal, M. *Life of the Amir Dost Mohammed Khan...* Vol. II... P. 319–320); Другая мера, более радикальная, предпринятая властями, состояла в аресте хранилищ и продаже зерна государственными офицерами по фиксированной цене. На некоторое время в принудительной форме власти сохранили цены и на мясо. Такие действия афганских властей соответствовали интересам потребителей и противоречили интересам поставщиков продовольственных товаров (Nash, Ch. B. *History...* P. 255–256).

⁷³ Lal, M. *Life of the Amir Dost Mohammed Khan...* Vol. II... P. 320–322.

запасы для дальнейшего передвижения. Городской рынок не смог удовлетворить потребности населения после осуществления закупок со стороны англичан, поскольку все запасы, особенно продовольственные, были исчерпаны⁷⁴.

Эффект масштаба дефицита периода первой англо-афганской войны еще долго помнился на афганском рынке продовольственных товаров. В середине 50-х гг., несмотря на негативные последствия засухи, приведшие к голоду в Кандагаре, одни слухи о скором прибытии английской армии (в реальной действительности военной миссии) привели к искусственному сокращению предложения со стороны поставщиков-индусов с целью последующей возможной продажи по более высокой цене⁷⁵.

Таблица 22

ТЕКУЩИЕ ЦЕНЫ ТОВАРОВ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ В АФГАНИСТАНЕ (1845 г.)

Товары	Единица измерения	Цена	
		Шиллинг	Пенс
Хлеб	Гератский <i>манн</i>	0	1,5
Баранина	1	0	4,25
Масло и жир	1	1	1
Молоко	1	0	1
Фрукты	1	0	1
Рис	1	0	2,5
Соль	1	0	0,5
Табак	1	1	0
Пшеница	200 фунтов	2	1
Ячмень	1	1	8
Маис индийский	1	1	0
Вино	Беттаманн	0	5

Источник: Ferrier, J. P. History... P. 319

Во время второй англо-афганской войны повторилась та же ситуация. Только в одном Кандагаре находилось 25 тыс. солдат

⁷⁴ Kennedy, R. H. Narrative... P. 284–285.

⁷⁵ Bellew, H. W. Journal of... P. 228–229.

и обслуживающий персонал с 10 тыс. вьючного скота, не включая верблюдов. Продукты питания и корм поставлялись из районов в радиусе 100 миль. Этот опыт еще раз показал, что производство продовольственных продуктов по своим объемам все еще оставалось незначительным, причем не только в Кандагаре, но и Кабуле, Герате и других местностях, и направлялся в основном на удовлетворение потребностей внутреннего рынка⁷⁶.

ПРЯМОЕ И КОСВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ВЛАСТЕЙ НА ТОРГОВЛЮ

К 50-м гг. с вовлечением членов семьи правителя Кабула в сферу торговли усилилось давление на систему внутренней торговли и процесса производства сельскохозяйственной продукции. Создавая собственные торговые агентства, они стали участниками крупных в масштабах страны коммерческих операций. Политическое положение позволило членам правящих кругов сосредотачивать в своих руках многие виды деятельности, приносявшие хорошую прибыль, но это тем самым наносило сильный удар по первичным участникам производственного процесса. Между родственниками внутри правящей семьи отмечались явные признаки соперничества за расширение сферы влияния в торговой системе. Что касается внешней торговли, то к этому времени она была относительно свободна от подобного вида давления, но ощущала влияние высоких таможенных тарифов⁷⁷.

В годы борьбы за власть между Шер Али-ханом и Азим-ханом внутренняя торговля подверглась тому же давлению, что и при

⁷⁶ John, St. Notes on Afghanistan as a Theatre of War. — Simla, 1885. P. 5–7.

⁷⁷ Из числа близких родственников эмира Дост Мухаммада можно перечислить следующих: Сардар Мухаммад Афзал-хан (сын эмира), Сардар Пир Мухаммад-хан (брат эмира), Биби Хаджо (жена эмира — мать Акбар-хана), жена Сардара Мухаммад Афзал-хана, племянники эмира — Мухаммад Усман-хан, Шахдовлы и Абдул Гани-хан. Афзаль-хан, будучи правителем Туркестана, превратился в самого крупного торговца на уровне региона. Как и прочие члены семьи, он по заниженной цене закупал продукцию у производителей по всей стране и с выгодой продавал внешним и внутренним торговцам. Иными словами, это были брокеры между производителями и продавцами товаров, имевшие возможность искусственно изменять ситуацию в свою пользу (Report on the trade... P. clxxv–clxxvi).

Дост Мухаммаде. При нехватке средств на содержание войск стороны легальными и полулегальными способами грабили торговцев. Находясь на севере летом 1868 г., Абдуррахман-хан в принудительной форме занял у купцов денежную сумму в размере 90 тыс. *танга* (2925 фт. стерлингов) на нужды своих войск⁷⁸. При Шер Али-хане торговля между регионами продолжалась умеренными темпами. Из северной части страны приезжали на рынок Кабула, для продажи перегоняли скот, привозили продукцию аграрного сектора⁷⁹.

Сильный удар по торговле северных регионов нанес переход Абдуррахман-хана к политике самоизоляции, прекращения всяких отношений со Средней Азией после демаркации и подписания соглашений по границам⁸⁰. Прекращение транспортного сообщения с северными соседями привело к минимизации взаимного товарооборота и кризису торговой системы районов афганского севера. Экономика таких городов, как Маймана, Андхой и Бала-Мургаба, ощутила наибольший удар, поскольку подавляющую часть внешней торговли они осуществляли с районами,

⁷⁸ Narrative of recent events... P. 59.

⁷⁹ Шамс-ан-нахар, 1291. № 30.

⁸⁰ Ситуация в этом направлении весьма ясно освещена в «Письме политического агента России в Бухаре Афганскому торговому агенту в Бухаре, Мирза Шараф-баю» от 09 февраля 1900 г. В нем в частности говорится: «Русским таможням и Приграничной страже, как на границе Закаспийской области, так и на границе Бухарского ханства предписано Правительством делать всевозможные облегчения афганским подданным, приезжающим с торговыми целями. К сожалению, старания наши в этом направлении не встречают сочувствия со стороны Правительства Его Высочества эмира Афганского. По неизвестной нам причине Афганское Правительство принимает все меры к стеснению мирных сношений между взаимными подданными, вследствие чего размеры существующих ныне торговых сношений между обоими государствами ничтожны и ограничиваются мелкой торговлей в пограничных пунктах. В последнее время, впрочем, число афганских подданных, приезжающих с торговыми целями в русские пределы, преимущественно в Мерв, увеличивается, а это служит ясным доказательством того, что экономические интересы афганского населения вызывают необходимость в установлении постоянных свободных и непосредственных сношений Афганистана с Россией. Ни обид, ни притеснений афганские подданные в России не испытывают. Они пользуются защитой и покровительством русских законов и властей, наравне с подданными Его Величества Государя Императора» (Бабаходжаев М. А. Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII — начале XX в. — Ташкент: Наука, 1965. С. 115–116).

расположенными на правом берегу Амударьи⁸¹. В целом здесь остались города регионального масштаба, где обмен товарами, находясь на низком уровне, не получал должного развития. Хозяйственные отношения местного населения не претерпели существенных изменений на протяжении многих лет. В г. Талукане к 80-м гг. торговля находилась в руках местного таджикского населения, а узбекская часть, как и раньше, меньше интересовалась коммерческими вопросами. Городской базар, функционировавший один раз в неделю, являлся показателем масштаба торговой сферы и уровня материальной жизни населения города в целом⁸².

Объемы внутреннего производства до конца столетия остались низкими, так что любое изменение могло резко отразиться на уровне цен, особенно на продукты питания. Когда государство разрешило экспортировать сельскохозяйственные продовольственные продукты для пополнения бюджета, цены внутри страны пошли вверх⁸³. Темпы роста производства сельскохозяйственной продукции в одних секторах росли опережающими темпами, но другие — вспомогательные, особенно обрабатывающий сектор и торговля, сильно отставали. В 1830-х гг. Кабул не экспортировал шерсть в сыром виде, а полностью обрабатывал местной мануфактурой⁸⁴, но в дальнейшем объемы достигли уровня, при котором продукция не находила покупателя и приходила в негодность.

Существовавшие между провинциями пошлины, по некоторым сведениям, были отменены Абдуррахман-ханом, но вместо них вводились специальные экспортные сборы, которые взимались на установленных пропускных пунктах⁸⁵. Однако другой, более поздний источник сообщает о продолжении их сбора в размере 60% с верблюда и 30 — с груза осла, что спровоцировало рост

⁸¹ Lee, L. J. *Afghanistan: A History*... P. 390.

⁸² Elias, N. *Report*... P. 66.

⁸³ Например, стоимость овцы выросла на 25% — с 1 рупии до 1,25, фисташки в Каттагане стоили 1 рупию за 2 *сира*, затем цена выросла до 1 *пау* (3 кг) за 1 рупию (Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 649).

⁸⁴ Burnes, A. *Notice on the wool of Cabool and Bokhara. Commercial*, № X / *Report and papers. Political, Geographical and Commercial. submitted to Government. Calcutta*, G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press. 1839. P. 106.

⁸⁵ Гамильтон А. Указ. соч. С. 142–143.

контрабанды товаров, особенно в направлении Белуджистана, где границы оставались менее охраняемыми⁸⁶.

В 1890 г. *какарам* (пуштунское племя), занимавшимся сбором и сбытом асафетиды, было приказано либо выплатить половину выручки от продажи продукции правительству, или же поставлять напрямую ему, на что те ответили отказом и полностью воздержались от ее сбора и продажи. Государственная монополия вводилась на торговлю свежими и сухофруктами, топленным маслом, фисташками, кедровыми орехами, табаком, солью, *постинами*, опиумом, сахаром, древесиной и овцами, но после того как власти осознали невозможность полного взятия всего процесса под контроль ввиду недостатка ресурсов, они решили отдавать в откуп подрядчикам право заниматься тем или иным видом деятельности. Государство ежегодно увеличивало цену передачи в откуп⁸⁷.

ВНЕШНЯЯ И ТРАНЗИТНАЯ ТОРГОВЛЯ

Здесь под внешней торговлей понимается обмен товарами между Афганистаном и другими странами, а транзитной — перевозка товаров через афганскую территорию между Индией, Бухарой и Ираном. Афганистан, как было показано, связывали внешнеторговые отношения разной степени со всеми приграничными государствами. Основная часть афганского внешнеторгового оборота приходилась на долю импорта и лишь небольшой объем составлял экспорт, включавший, как уже было отмечено, продукцию сельского хозяйства, отдельные виды готовой продукции местного ремесла. Торговля Афганистана осуществлялась по пяти разным маршрутам. В западном направлении она шла через Тегеран и Мешхед с Гератом, на востоке из Панджаба через Лахор и Пешавар в Кабул, на юге — из Индии через Инд, Шикарпур и Болан в Кандагар. На севере торговые пути шли по двум направлениям: из Бухары через Мерв и Мургаб в Герат, а также через Бухару — Карши — Балх — Хульм — Кабул⁸⁸.

⁸⁶ Baker, D. H. *British India with notes on Ceylon Afghanistan and Tibet*. — U. S. Government Printing Office, 1915. P. 554.

⁸⁷ Kakar, M. H. *Government and Society*... P. 208.

⁸⁸ Ferrier, J. P. *History*... P. 322.

Темпы развития внешней и транзитной торговли находились в прямой зависимости от вопроса безопасности, состояния дорог и политики афганских властей. Следовательно, неизменность характера этих факторов до конца века стала барьером на пути дальнейшего развития внешней торговли, несмотря на хороший транзитный потенциал страны. С другой стороны, товарообмен с другими заставил иноверцев из числа индусов, евреев и армян пойти на рискованные временами шаги и заниматься торговлей в отдаленных афганских районах, а мусульманское население — проявлять в некоторой степени терпимость по отношению к ним⁸⁹.

Повторим, что в начале века экспорт в Индию из Афганистана преимущественно состоял из лошадей, пони, мехов, шалей, ситца, марены, асафетиды, табака, миндаля, фисташек, грецкого ореха, фундука, чернослива, гранатов, изюма, яблок, груш, винограда, абрикосов и других фруктов. Вывоз свежих фруктов, невзирая на сложности с транспортировкой и упаковкой, осуществлялся, причем в немалых объемах, но считался сравнительно невыгодным, поскольку часть продукции портилась в дороге. Импорт из Индии состоял из грубых и тонких хлопчатобумажных и шелковых тканей, индиго, муслина, тюрбанов, разнообразных фабричных изделий, слоновой кости, меди, воска, олова, сандала, сахара. Важной статьёй импорта из Индии были специи всех видов. Эти же товары, поступая на рынок Кабула, перепродавались во владениях независимых ханств афганского севера, владениях афганского шаха в долине Инда, ввозились в Иран (в частности шали, индиго, ситец Мултана, индийская парча, муслин и другие хлопчатобумажные ткани). Из афганской несельскохозяйственной продукции вывозились за пределы страны ковры, изготовленные в Герате, *постины*⁹⁰.

Из Бухары в Афганистан ввозились лошади, медь, ткань, чай, шелк, фарфор, а в обратном направлении из Кабула, а также

⁸⁹ А. Бернс говорил о хороших отношениях населения к иноверцам на востоке и страхе в северном регионе (Burnes A. Travels into Bokhara... Vol. I. P. 124; 191–192).

⁹⁰ Elphinstone, M. Vol. II. P. 333–384.

транзитом из Пешавара и Шикарпура поступали одежда из шерсти, сахар, перец, книги по исламской теологии и юриспруденции, другая продукция⁹¹.

О значимости Герата в транзитной и внутренней торговле в начале века говорит наличие караван-сараев, число которых, по подсчетам А. Конноли, равнялось 17. В самом городе имелись четыре длинных базара, разделявших его на отдельные кварталы⁹².

Еще при садозаях иностранные купцы поселялись в городе с целью ведения коммерческих операций. Спад начался с приходом к власти в Герате принца Камрана, установившего жесткий налоговый гнет над торговой системой. Это за короткое время заставило часть купцов покинуть город. Караваны, возившие товары из Бухары в Иран, выбрали более долгий маршрут через Герат из-за роста случаев грабежей туркменскими племенами вдоль более коротких путей сообщения. Караваны от этого оказались в проигрыше, так как кроме роста затрат, связанных со временем в пути, они на территории Афганистана трижды платили пошлину. На рынке продавались товары из разных европейских стран, которые поступали исключительно через Иран и занимали небольшую нишу. Удивительно, что из Индии ввозилась в основном продукция местного производства, а доля английских товаров, некогда занимавших видное место, опустилась до минимальных значений. Наряду с русской мануфактурой конкуренцию английским составляли немецкие и швейцарские текстильные изделия⁹³.

В направлении Ирана импорт состоял из шелка-сырца, шелковых тканей, прочной хлопчатобумажной ткани разных цветов, носовых платков, вышитого атласа, бархата, персидской парчи, монет, слитков, индийского ситца. Товары российского, китайского и европейского производства в Афганистан попадали транзитом через бухарский рынок. К ним относились голландские дукаты, венецианские блестяшки, пряжи, слитки серебра из Китая, кошениль, сукно, пурпур, чугунные горшки, столовые приборы

⁹¹ Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah... P. 69.

⁹² Conolly, A. Vol. II. P. 3.

⁹³ Ханыков Н. Указ. соч. С. 120–121; Lal, M. Travels in the Punjab... P. 278.

и прочая фурнитура, иголки, зеркала, русская кожа, олово, бусы, очки и другие европейские вещи, которые привозили через Бухару из России. Из самой Бухары в Афганистан привозили лошадей, золото и серебро (точнее, золотые и серебряные бухарские монеты), тонкую ткань из верблюжьей шерсти, хлопок, шкуры ягнят и прочие товары. Двугорбых верблюдов покупали у казахов Средней Азии⁹⁴. В целом торговля с регионом развивалась и включала самые разнообразные товары, обмен которыми осуществлялся купцами обеих сторон. Большую роль здесь играли приграничные северные регионы, поставлявшие на среднеазиатские рынки животноводческую продукцию. Правители сами контролировали более доходные сегменты рынка. Мурад-бег монополизировал торговлю шкурами животных, которые полностью вывозились. В год в Бухару отправлялось до 200 тыс. штук шкур оленей, волков, лис, даже собак и кошек. Шкура оленя покупалась по 24–30 шиллингов за 100 штук⁹⁵.

Ввоз в Афганистан состоял не только из реэкспорта российской и европейской мануфактуры, попадавшей на афганский рынок, но и земледельческой и животноводческой продукции местного производства. Туркмены, например, ввозили в Герат породистых лошадей и продавали по цене от 60 до 100 туманов⁹⁶, а из Афганского Туркестана товары вывозились в области по правому берегу Амударьи. Кроме продукции и скота Афганистан в соседние страны поставлял и охотничьих птиц: в 1875 г. из Майманы в Бухару было вывезено для продажи около 200 соколов⁹⁷.

Экспорт в Восточный Туркестан был примерно таким же, как и в Бухару. Оттуда ввозились в Афганистан в начале XIX в. шерстяные изделия определенного вида, китайский шелк, атлас, чай (в ящиках из тонкого свинца), фарфор, сырье, кошениль, хрусталь, золотая пыль, золотые слитки, пряжа из серебра⁹⁸.

⁹⁴ Elphinstone, M. Vol. I. P. 333–384.

⁹⁵ Wood, J. A Journey to the Source... P. 266; Другой источник сообщает, что в Бухару шкуры лис ввозились из Балха, Анджия и Майманы (Записки о Бухарском ханстве... С. 76).

⁹⁶ Шамс-ан-нахар, 1292. № 44.

⁹⁷ Шамс-ан-нахар, 1292, № 43.

⁹⁸ Elphinstone, M. Vol. I. P. 335–386.

Бездорожье, причем не только вдоль маршрутов передвижения караванов, но и в целом по всему Афганистану, увеличивало время в пути, а, следовательно, затраты на транспортировку товаров внутри страны, транзит в соседние страны и государства. Время в пути между транзитными пунктами и афганскими городами сильно различалось. Для торговцев *лохани*, например, перевозивших в середине века товары из Бухары в Мултан, только от Бухары до Хульма оно занимало 15 дней⁹⁹, из Бомбея в Кандагар через портовый город Мияни — 42 дня¹⁰⁰, дорога между Пешаваром и Кабулом занимала 12–15 дней, а между Кабулом и Бухарой 25–30 дней¹⁰¹.

Политика центральных властей, степень распространения их влияния по регионам могла играть решающую роль при обеспечении безопасности вдоль караванных маршрутов. Одним из наиболее распространенных инструментов обеспечения стабильного передвижения в южном и восточном Афганистане, в зоне заселения пуштунских племен, было выстраивание Кабулом отношений с племенными вождями, через территорию которых проходили маршруты. На основе договоренностей, как было подчеркнуто, вожди племен получали ежегодные субсидии и взамен обязывались гарантировать безопасность жизни и имущества путников и торговцев. При первом правлении Шаха Шуджы (1803–1809 гг.) племена, населявшие районы перевала Хайбера, представляли угрозу караванам и путникам, но после назначения вождям субсидий в 60 тыс. рупий в год на них распространилась коллективная ответственность за жизнь каждого путешественника. В случае нарушения договоренностей нанесенный материальный и моральный ущерб компенсировался за их счет¹⁰².

Стоит отметить, что эти племена не подчинялись правилам и нормам, установленным центральной властью, не вносили налоги в казну¹⁰³. Такие соглашения позволяли в целях улучшения условия торговли обеспечить безопасность купцов и караванов на дорогах,

⁹⁹ Lal, M. *Travels in the Punjab...* P. 393.

¹⁰⁰ *Ibid.* P. 317.

¹⁰¹ *Report on the trade...* App XIX A. P. Cxliii.

¹⁰² Lal, M. *Travels in the Punjab...* P. 77.

¹⁰³ Masson, Ch. Vol. II. P. 157.

построить сторожевые посты. Шах Шуджа потребовал от вождей племени *гильзаи*, члены которых занимались грабежами вдоль маршрута Кабул–Пешавар, подписать письменное обязательство, согласно которому в случае любого ограбления в пределах своего района племя должно было возместить нанесенный ущерб выплатой компенсации пострадавшей стороне¹⁰⁴.

Очевидно, что на протяжении 30-х гг. XIX в. купцы несли большие материальные потери из-за ухудшения ситуации с безопасностью. Параллельно с этим шло усиление давления на купцов со стороны местных властей. Степень притеснений зависела во многом от личности правителя¹⁰⁵.

Сложность транзитной торговли, ведения экспортно-импортных операций заключалась в отсутствии безопасности не только на территории Афганистана, но и в бухарских владениях, приграничных индийских районах. Отдельные купцы в этой связи только в редких случаях были способны оперативно совершать торговые операции, своевременно поставлять товары из одного пункта в другой. Приемлемым выходом были большие караваны, формирование которых занимало немало времени¹⁰⁶. Одними из немногих, демонстрировавших способность без сопровождения и вне обозов караванов совершать поездки в разные уголки в коммерческих целях, были сейиды, считавшие себя потомками пророка. Пользуясь особым уважением и неприкосновенностью среди всех без исключения народов Афганистана, они без каких-либо трудностей осуществляли различного рода экспортно-импортные операции. Индусы, занимавшиеся торговлей в Афганистане, эффективно использовали услуги сейидов и во многих случаях назначали их своими торговыми агентами. Сейиды занимались покупками породистых лошадей у хазарейцев и туркме-

¹⁰⁴ Катиб, Файз Мухаммад... С. 155.

¹⁰⁵ Только из Шикарпура в Герат в начале третьего десятилетия XIX в. экспортировалась одежда на 900 тыс. рупий, но по указанным причинам, а в наибольшей степени из-за роста давления со стороны гератского правителя Камрана товарооборот значительно снизился (Leech, R. Report on the trade between Shikarpoor and Herat / Report and papers. Political, Geographical and Commercial. submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 96).

¹⁰⁶ Report on the trade... Ap. A. P. 9.

нов с целью перепродажи в Шикарпуре, ввозили английские товары на афганский рынок¹⁰⁷.

Нападения на торговые караваны не прекращались и в последующие годы второй половины XIX в. Изначально иной подход к решению проблемы, связанной с грабежами на дорогах, применял Абдурахман-хан (1863–864 гг.) в северных регионах в качестве правителя Ташкурмана. Вместо заключения соглашений с местными правителями или группами людей он организовывал спецоперации с применением регулярной армии, прибегал к аресту имущества и публичной казни. Заинтересованы в этих операциях были и солдаты, которым доставалось конфискованное имущество, за исключением лошадей¹⁰⁸. К концу 70-х гг. вдоль дороги между Кабулом и Мазари-Шарифом разбойные нападения на караваны и путников участились. Иногда не полагаясь только на кавалерию афганской армии, переследовавшую разбойников, караваны сами были вынуждены обороняться¹⁰⁹.

На товарообмен с Афганистаном и через него все большее внимание начали обращать и власти зарубежных государств для продвижения товаров собственного производства, вытеснения с афганского рынка конкурентов. В первой половине XIX в. в торговле с Индией афганские купцы начали искать поддержку у англичан, поскольку ввозили в Кабул товары английского производства и тем самым могли усилить конкуренцию с российской продукцией. Следовательно, на повестку дня вышли вопросы договоренности с Ранджитом Сингхом и племенами долины Хайбера о снижении предельно высоких ставок пошлин на товары, способствовавшие увеличению доходов афганских купцов, расширению торговли с Британской Индией¹¹⁰.

Английские эмиссары обратили особое внимание на изучение товарной структуры афганского рынка, на долю российских товаров в нем. Этот показатель выглядел удивительным

¹⁰⁷ Ferrier, J. P. History... P. 320–321.

¹⁰⁸ Абдурахман-хан (1863 г.) следовал политике наведения страха, в связи с чем отклонил предложенный выкуп со стороны арестованных, причем в одном случае сумма составляла 2 тыс. рупий с одного человека (Катиб, Файз Мухаммад... С. 255).

¹⁰⁹ Яворский И. Л. Т. II. С. 206.

¹¹⁰ Lal, M. Travels in the Punjab... P. 77.

на фоне удаленности рубежей, плохого состояния путей сообщений с Россией и близости к Кабулу Индии с более пригодными для караванов дорогами. При этом товары российского происхождения встречались во всех уголках страны. Объемы импорта английских товаров в Кабул самими купцами оценивались в 300 тыс., а российских — 200 тыс. рупий, то есть, невзирая на сложности, связанные с транспортировкой в северных районах, доля российской продукции осталась высокой. Торговля для самого города имела важное значение, поскольку выступала основным источником его доходов¹¹¹. Если посмотреть на составленный во второй половине 30-х гг. список, Афганистан из России импортировал 36 наименований товаров, из европейских стран и из Индии — 64, а экспорт самого Афганистана в Индию состоял всего из 11 наименований¹¹².

В Российской империи помимо вопросов безопасности в связи с расширением английской экспансии на Афганистан смотрели и через призму торговли. Когда в Россию прибыли первые посланцы от Дост Мухаммада (май 1836 г.), чтобы «утвердить между двумя высокими державами мощь дружества и соотношения управления», российскую сторону первым делом волновали перспективы торговли товарами со Средней Азией и Афганистаном¹¹³. В последующие десятилетия заключались договоренности с хивинским ханом о вывозе российских товаров в Афганистан

¹¹¹ Ibid. P. 77–78.

¹¹² Burnes, A. Report on the establishment of an entrepot or fair for the Indus trade. Commercial, № XI / Report and papers. Political, Geographical and Commercial. Submitted to Government. Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 118–121.

¹¹³ Халфин, ссылаясь на архивные материалы, приводит слова Оренбургского губернатора В. А. Перовского, принявшего посла Дост Мухаммада. Губернатор в отправленном после разговора с афганцами сообщении в Петербург первым делом писал о торговых интересах России. Он, в частности, опасался водворения в Афганистан сикхов, что могло бы привести к разрушению всех надежд на развитие торговых отношений России с Афганистаном, а также возможного возвращения Шаха Шуджы — английского ставленника, приход которого подчинил бы эту страну Англии, «и англичанам до Бухары останется один шаг; Средняя Азия подчинится их влиянию, азиатская торговля наша рухнет; они могут вооружить против нас... соседние к нам азиатские народы, снабдить их порохом, оружием и деньгами...» (Халфин Н. А. Провал британской агрессии... С. 23).

через Амударью¹¹⁴. Таким образом, одна из главных целей России в Средней Азии, наряду с геополитическими, заключалась в развитии отечественной торговли, открытии все большего количества новых рынков сбыта товаров. Следовательно, борьба шла за составление конкуренции английской мануфактуре, товары которой находили спрос и в Средней Азии¹¹⁵.

После захвата Кабула при первой англо-афганской войне в первое время англичане констатировали факт роста объемов экспорта собственных товаров, вытеснения российской мануфактуры с афганского рынка, но в то же время выявили проблемы с качественной стороной вопроса. Гонка за количеством привела к ухудшению качества поставленных товаров, что привело к движению в обратную сторону. Колониальные власти решили сохранить объемы поставок и в то же время повысить качество своей продукции¹¹⁶. Несмотря на использование англичанами всех имевшихся в их арсенале политических и экономических инструментов, товары российского производства продолжали составлять серьезную конкуренцию¹¹⁷.

Торговля в целом понесла крупные убытки не только за счет грабежей разбойников, но и от действий официальных правителей, особенно в периоды борьбы за власть между различными правившими кланами или держателями власти. Особо сильно в этом отношении на фоне других выделялся Дост Мухаммад со своими братьями, которые воевали на стороне Махмуда-шаха за центральную власть. В поисках средств для походов ими вопрос решался за счет совершения нападений на торговые караваны. Только при походе на Кандагар вместе с Мухаммадом Азим-ханом и Фатх-ханом ограблению подверглись три каравана, направлявшиеся из Ирана в Кандагар и в обратном направлении¹¹⁸.

¹¹⁴ Халфин Н. А. Политика России... С. 98–100.

¹¹⁵ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии... С. 258–259.

¹¹⁶ Trade of India with Eastern Turkestan Trade with Central Asia. Political, No 164. The Governor General of India in Council to the Secretary of State for India. — Simla, 1866. P. 7.

¹¹⁷ Report on the trade... P. 10; Ap. A.

¹¹⁸ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 53; 63.

Дост Мухаммад и после прихода к власти имел двоякую славу: с одной стороны, при нем торговля, в отличие от других баракзайских братьев (особенно правителей Кандагара и Пешавара), поощрялась, безопасность жизни и имущества купцов на дорогах должным образом обеспечивалась, а в отличие от периода правления шахов-садозаев пошлины на таможенных постах не взимались сверх установленных норм. Но в то же время для покрытия расходов на содержание войск эмир открыто допускал вымогательство в отношении торговцев (о чем было выше упомянуто), причем в больших размерах. Другим примененным эмиром методом нанесения ущерба стали покупки у прибывавших из других регионов купцов товаров по предельно низким ценам. Такое отношение к торговле наносило удар по ее развитию и негативно сказывалось на доходах казны. Более того, оно провоцировало контрабанду товаров — индийские купцы часто привозили из Бухары через Кабул в Индию русские и бухарские золотые монеты в большом количестве, декларируя только небольшую часть денег¹¹⁹. Внутренний товарооборот при эмире, невзирая на созданные им благоприятные условия, сильно упал по сравнению со временем нахождения у власти его предшественников¹²⁰.

Дост Мухаммад значительно поднял тарифы на ввоз и транзит товаров иностранными купцами, что отрицательно сказывалось на деятельности многих из них. Часть армянских торговцев по этой причине закрыли свой бизнес и покинули Кабул. Повторим, что члены семьи и родственники эмира вплотную начали заниматься торговлей. Наличие административных ресурсов позволило им не только захватывать самые доходные направления торговли, но и конфисковывать имущество многих крупных купцов. В результате темпы роста торговли замедлились, что привело к спаду внутреннего производства, снижению доходов казны. Совокупные налоговые поступления всех вла-

¹¹⁹ Британская миссия во главе с А. Бернсом, находившаяся в Кабуле, стала очевидцем факта захвата *лохани* с 20 тыс. дукатов со стороны эмира. Только вмешательство главы миссии вынудило эмира вернуть небольшую часть конфискованных денег (Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 235).

¹²⁰ Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. I. P. 233–235.

дений эмира составляли не более 8 млн рупий, из которых на долю таможенных сборов приходился 1 млн¹²¹. Кроме всего этого, на развитии внешней торговли негативно сказывалось английское вторжение 1838 г., после которого эмир опасался любых торговых связей.

Во время английской оккупации Кабула столкновение интересов двух администраций (Шаха Шуджы и англичан) произошло и в сфере внешней торговли. Для увеличения объемов ввоза английских товаров и доминирования на афганском рынке английская администрация снижала, а в ряде случаев отменяла пошлины на все коммерческие товары, что преподносилось как меры по стимулированию и процветанию торговли. Афганские власти, в свою очередь, продолжили взимать сборы по прежним ставкам, что создало конфликтную ситуацию между сторонами. Торговцы исходили из собственных интересов и намеревались подчиняться английским правилам, но местными властями в случаях неподчинения применялись различные меры наказания. Более того, английская администрация констатировала факт систематического игнорирования афганскими властями требований по урегулированию жалоб торговцев¹²².

Таблица 23

Торговля Амритсара (Панджаба) с Афганистаном (1858 г.)

	Экспорт	Импорт	Всего	Примечания
Шали		91000	91000	Из Коканда и Кермана
Шелк-сырец		1236750	1236750	
Шелковая ткань	10500	1000	11500	Бухара
Х/б ткани	469200		469200	
Волокно	17000		17000	
Шерстяная одежда	3000	1000	4000	
Тесьма		7700	7700	Россия
Кошениль	3500		3500	
Корень марены		50000	50000	
Индиго	260		260	

¹²¹ Губар, Мир Гулам Мухаммад... С. 575.

¹²² Lal, M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan... Vol. II. P. 316.

Окончание табл. 23

	Экспорт	Импорт	Всего	Примечания
Чай	37500		37500	
Шафран		700	700	Персия
Специи	200500	26900	227400	
Сахарные изделия	84000		84000	
Металлы и посуда	13180		13180	
Железо	2900		2900	
Масло	700		700	
Табак		200	200	
Кожа	4500		4500	
Бумага	550		550	
Фрукты		89690	89690	
Всего	847290	1504940	2352230	

Источник: Report on the trade... P. 72

Центральная власть после разгрома англичан в определенной мере стала гарантом обеспечения безопасности на торговых маршрутах в зоне проживания племен. При этом в периоды междоусобиц или политических кризисов обстановка могла резко меняться в сторону ухудшения. Так, главные дороги торговых караванов, шедшие из Индии в Кабул, стали еще более опасными после первой англо-афганской войны. Нападения часто совершались в районе Калата со стороны племен *тохи* и *хотакки*, живших вдоль дороги Кандагар — Газни, по которой отмечалась относительно высокая интенсивность движения караванов и путников. К началу 50-х гг. движение по ней практически закрылось, а купцы при выборе других маршрутов подсчитали потери. Хотя названный район входил в юрисдикцию кандагарских братьев, купцы с петицией обратились к Дост Мухаммаду для решения возникшей проблемы с получением гарантий безопасности от вождей племен. Как видно, такое поведение свидетельствует о приверженности эмира содействовать развитию торговли, однако правители Кандагара наряду со своим бездействием еще и выражали недовольство отправкой эмиром в Калат армии для принуждения племен к выполнению предъявлен-

ных условий обеспечения безопасности. Столкновение интересов привело ситуацию на грань войны между сторонами. В результате эмир и вожди племен заключили соглашение на традиционных условиях, но с той разницей, что наряду с возложением материальной ответственности на племена предусматривалась передача виновника должностным лицам — губернатору или налоговым сборщикам для принятия дальнейших решений. То есть здесь впервые власти к работе подключили чиновников местного значения¹²³.

При эмире Шер Али-хане факторами спада объемов товарооборота помимо опасности торговых путей и плохого состояния дорог стали вымогательства со стороны служащих таможен. В результате вследствие частичного прекращения поставок товаров из регионов образовался дефицит товаров, приведший в итоге к многократному росту цен на рынке Кабула¹²⁴. Крупные афганские купцы, подвергшиеся вымогательствам со стороны служащих таможенных постов, в таких случаях имели прямой доступ к эмиру, что позволяло им непосредственно обратиться к нему и сообщить о положении дел. Позитивные отношения эмира к крупным налогоплательщикам в лице купцов позволило избежать излишних расходов при экспорно-импортных операциях¹²⁵.

Ко времени Абдурахман-хана центральная власть в своих отношениях с племенами все больше полагалась на заключение соглашений на собственных условиях без каких-либо материальных обязательств или уступок. Установив власть над всеми субъектами, эмир возложил ответственность за обеспечение «безопасности дорог и транспортных развязок, а также душевного спокойствия путешественников и торговцев» на *маликов* и людей, проживавших вдоль дорог или вблизи них, но без предоставления привилегий и каких-либо субсидий. В обязанности входила не только охрана дорог, проходящих через их территории, но и предоставление путешественникам и купцам безопасного места ночлега. В случае хищения имущества путника губернатору

¹²³ Катиб, Файз Мухаммад... С. 212–213.

¹²⁴ Шамс-ан-нахар, 1292. № 44.

¹²⁵ Шамс-ан-нахар, 1291. № 30.

поручалось компенсировать потери за счет жителей деревни, где произошел факт хищения¹²⁶. Ему, в отличие от предшественников, удалось добиться такого результата благодаря укреплению позиций центральной власти в регионах.

Абдурахман-хан для развития внешней торговли сделал несколько важных шагов по созданию структуры, регулирующей и контролирующей работу внешней и внутренней торговой системы. Речь идет об открытии торговых представительств в Пешаваре, Мешхеде и консульства в Карачи и о создании торговых палат по регионам внутри страны. Одна из важных функций торговых представительств заключалась в оказании помощи афганским купцам, попавшим в затруднительное положение. Созданные специальные государственные коммерческие предприятия ориентировались на экспорт каракуля, миндаля, фисташек, леса и руды. Каракуль экспортировали в Бухару, сухофрукты в Индию. Рубин весом в 14 кг экспортировали в 1895 г. в Индию, шпинель (лаль) 550 *мискалов*, лазурит — 6 кабульских *харваров*, свинец — свыше 8 *харваров* (из Бадахшана). Государство начало предотвращать торговлю опиумом внутри страны и взяло под свой контроль его экспорт. Развитие внутреннего производства могло сказываться на объеме импорта, о чем свидетельствуют некоторые примеры, относящиеся к периоду правления Абдурахман-хана. Торговля золотыми и серебряными галунами, а также кожей, например, упала в связи с налаживанием производства в самом Афганистане¹²⁷.

У эмира Афганистана в Бухаре были торговые агенты, занимавшиеся реализацией каракулевых шкур и приносявшие достаточно большой доход государственной казне. В феврале 1896 г. ими было перечислено в Кабул 640 тыс. *танга*¹²⁸.

¹²⁶ Главным условием здесь выступала уплата налогов купцами и путешественниками, следовательно, в случае отсутствия наименования имущества в записях таможенного пункта жителей не обязывали компенсировать нанесенный ущерб. Также в этом пункте приведен ряд условий, затруднявших потерпевшей стороне возможность получать компенсацию. В частности, она должна была доказывать, что потерянное имущество не предназначалось для перепродажи и т. д. (Катиб, Файз Мухаммад... С. 767).

¹²⁷ Гамильтон А. Указ. соч. С. 152.

¹²⁸ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1186.

Имеющиеся данные по товарообороту между Индией и Афганистаном, относящиеся к последнему десятилетию рассматриваемого века, показывают, что объемы ежегодно снижались с 11218 тыс. в 1890 г. до 4594 тыс. рупий в 1900 г. Между тем доля афганского экспорта, несмотря на отсутствие инфраструктуры и нормальных условий торгового и экономического развития, находилась на приличном уровне. В 1890 г. она составила 30% и сохранилась примерно на том же уровне, достигнув 40% к 1900 г. То есть спад в объемах экспорта был сравнительно ниже, чем импорта. Так, между 1890–1900 гг. афганский экспорт в Индию сократился в 1,7 раза, а импорт из Индии — в 2,9 раза¹²⁹.

Таблица 24

Ввоз из Индии в Афганистан
(100 тыс. рупий)

	1892	1893	1894	1895	1896	1897
Вьючный скот	16200	27079	18759	32540	11955	2275
Бытовая химия, лекарства	14849	11320	11962	9961	2258	7766
Фрукты	98353	60198	56502	46422	51709	30854
Кожа, мех	13788	17943	14019	17775	19416	8895
Продовольствие	35088	24900	20086	17042	19475	24444
Шерсть	15023	12908	11927	13961	11445	17003
Итого	193301	154348	133255	137701	116258	91237
Бумажная пряжа	5215	6083	8674	11530	11088	6537
Бумажные изделия	480978	275235	151400	172488	145082	203444
Краски	10552	9004	15218	17823	15512	6986
Кожа	14433	10446	7599	15251	5800	3914
Металл	14945	12404	11421	11688	23290	7026
Сахар	15055	15714	10228	8895	10569	8672
Чай	99874	61112	45097	27129	35770	15860

Источник: Гамильтон А. Указ. соч. С. 150.

На российском направлении ситуация немного отличалась. С одной стороны, наблюдалось сокращение как общего объема

¹²⁹ Gregorian, V. The Emergence... Р. 145.

взаимного товарооборота, так и по отдельным статьям. С 1888 по 1890 г. объем российского импорта ежегодно увеличивался (в 1888 г. он составил 3983,27 тыс. рублей, 1889 г. — 3307 тыс. и 1890 г. — 4059 тыс. рублей), а затем происходит резкое сокращение до минимума в 1897 г. (479,3 тыс.). Вслед за тем медленными темпами начинается подъем. Объемы афганского экспорта в Россию также сократились, но их восстановление происходит раньше, а минимальное значение (801 тыс. рублей) приходится на 1892 г., то есть на 5 лет раньше. Кроме того, начиная с 1895 г. сальдо афганского торгового баланса сохраняется положительным¹³⁰.

Таблица 25

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ОБОРОТ СЕВЕРНЫХ И ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ АФГАНИСТАНА
(в рупиях)

	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898
Ввоз	220850	188831	160400	165003	151538	129110	217235
Вывоз	610501	405215	267365	306233	290163	274638	294605
Общий товарооборот	831351	594046	427765	471236	441701	403748	511840

Источник: Гамильтон А. Указ. соч. С. 151

Из России на афганский рынок поставлялась не только готовая продукция, но и медь, использовавшаяся местным промыслом для изготовления предметов домашнего обихода. Хлопчатобумажные товары российской мануфактуры захватили рынки таких северных городов как Кундуз, Хульм, Талукан, Имам-сахиб и др.¹³¹. Добыча меди осуществлялась и в самом Афганистане, но импорт не ограничился Россией. Медь в больших объемах поставлялась на афганский рынок также из Индии. Технология производства домашней утвари, а именно медной посуды веками оставалась не-

¹³⁰ Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны: опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства вне сферы таможенного объединения его с Российской империей. — Ташкент: ЦСУ Туркеспублики, 1922. С. 27–28; Бабаходжаев М. А. Русско-афганские... С. 66; Gregorian, V. The Emergence... P. 146.

¹³¹ Report on the trade... Appen. I. P. ii–xiii.

изменной, что не позволяло увеличивать объемы, улучшать качество и экспортировать продукцию в другие страны¹³².

Власти Британской Индии в целях развития торговли и обеспечения безопасности на торговых маршрутах использовали те же методы, что и афганские правители. На территориях проживания пуштунских племен, лежавших вдоль караванных путей, вожди племен (например, Калата в Белуджистане) получали субсидии, компенсировавшие им сумму, которую они получали от обложения пошлиной караванов. То есть фактически теми же способами старались освободить от пошлин, взимавшихся с товаров, следовавших из Индии¹³³.

На объемы транзитной торговли, осуществлявшейся племенами *повинда*, негативное влияние в конце XIX в. оказывали три фактора. Причем эти условия затрагивали в целом материальную жизнь жителей южных и восточных провинций как непосредственных покупателей и продавцов товаров. Во-первых, речь идет о завершении строительства британскими властями в Индии железных дорог к Хайберскому и Боланскому горным проходам. Излишне говорить, что это привело к падению роли племен-торговцев как основных поставщиков товаров на афганский внутренний рынок, так же как и транзита через его территорию в Среднюю Азию. Вторым фактором были изменения, связанные с таможенными границами на территориях Средней Азии. В 1894 г. Бухарское и Хивинское ханства были включены в таможенную территорию России, в результате чего основная часть импортных товаров английского производства, поступавшая через Афганистан, попала под запрет. Третий фактор являлся внутренним и связывался с налоговой политикой эмира, установившего высокие пошлины на транзитные товары¹³⁴.

Афганистан располагал достаточными человеческими и земельно-водными ресурсами, при правильном и эффективном использовании которых мог бы производить намного больше зерновых как для внутреннего потребления, так и для экспорта

¹³² Gray, J. A. At the court of the Amir: A narrative. — L.: Richard Bentley and Son, 1895. P. 71.

¹³³ Messurier, A. Kandahar... P. 198.

¹³⁴ Массон В.М., Ромодин В.А. Указ. соч. Т. II. С. 280.

Таблица 26

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ОБОРОТ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ АФГАНИСТАНА

	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898
Ввоз	234428	335849	299090	410541	418405	309299	329917
Вывоз	297654	328172	309762	257002	227376	163785	263884
Общий товарооборот	533974	665914	610746	669438	647677	474981	595699

Источник: Гамильтон А. Указ. соч. С. 151

в другие страны. Экспорт продовольственных товаров из Афганистана, однако, из-за низкого объема производства, в частности животных и животноводческой продукции, находился под строгим запретом. Официально эмир такое решение объяснял обеспечением продовольственной безопасности, защитой афганцев от риска возникновения кризиса, удержанием цен в пределах, приемлемых для всех слоев населения. Торговцы, принимая во внимание высокий доход от экспортных операций, предпринимали попытки заниматься контрабандой, которые могли закончиться полной конфискацией вывозимого продукта¹³⁵.

Наряду с продукцией земледелия эмир также запретил вывоз кобыл для последующей продажи в соседние страны, где спрос на них был высокий и они продавались по предельно выгодной цене, местами в десятки раз превышавшей первоначальную закупочную стоимость. Для купцов это было одной из наиболее выгодных статей экспорта из Афганистана. Затрачивая на афганском севере по 20–30 рупий за голову, можно было свободно продать ее в Индии за 250–300 рупий¹³⁶. Решение эмира относительно запрета на экспорт последовало в 1896 г. после приобретения дилерами на севере страны 2 тыс. кобыл для экспорта в Индию. Эмир издал прокламацию, в которой пояснил мотивы запрета их ценностью с точки зрения репродуктивности. Экспорт кобыл, согласно его доводам, мог привести к постепенно-

¹³⁵ Только в одном эпизоде при попытке вывезти в Среднюю Азию для продажи из Каттагана 5 тыс. голов овец по приказу эмира все стадо было конфисковано в пользу казны (Катиб, Файз Мухаммад... С. 852).

¹³⁶ Moorcroft, W., Trebeck, G. Vol. II. P. 411.

му исчезновению породы, в то время как вывоз жеребцов не попал под ограничения, поскольку считалось, что не грозил хозяйствам и экономике в целом. Поэтому было установлено, что правительственные чиновники при выявлении фактов продажи кобыл должны штрафовать продавца на сумму в 100 рупий помимо конфискации¹³⁷.

Афганская система торговли, как и другие сектора экономики, при Абдуррахман-хане систематически ощущала сильное давление государственной машины. Реформы армии, создание предприятий по производству оружия, рост численности служащих двора, субсидии привилегированным лицам и другие статьи возраставших расходов эмира требовали все больше средств, которые, как всегда, покрывались за счет увеличения налоговых ставок и тарифов. В 1896 г. находившийся на службе у эмира в качестве главы Бюро доходов индус Диван Наранджан Дас поднял таможенные тарифы во всех пунктах сбора пошлины на 4 рупии в дополнение к взимавшейся с любого ввезенного или вывезенного груза пошлины под названием «*гуши*». Это, в частности, вызвало недовольство купцов Кандагара, с которых начали взимать пошлину на 32 таможенных постах города. Письмо, написанное вовлеченными в экспортно-импортные операции лицами на имя эмира, осталось без ответа. Казна в итоге получила солидные доходы — только в Кандагаре сумма сборов составила 400 тыс. рупий¹³⁸.

¹³⁷ Катиб, Файз Мухаммад... С. 1211.

¹³⁸ Там же. С. 1204; 1223.

Заключение

Афганистан на протяжении рассматриваемого столетия медленно двигался в сторону создания единой централизованной политической власти, общего хозяйственного механизма. При этом темпы формирования национального рынка и сдвиги в хозяйственном развитии были менее заметны, чем перемены в политической сфере. Социально-экономическая отсталость страны на рассматриваемом отрезке времени обуславливалась комплексом взаимосвязанных и взаимозависимых факторов: перманентной политической нестабильностью, отсутствием нормальных механизмов системы государственного управления, физической изоляцией и тотальной безграмотностью всех слоев населения, неподъемной налоговой политикой, масштабной коррупцией, пренебрежением властей ко всем этим вопросам.

К негативным для государства обстоятельствам нужно отнести и отношение с полиэтничными северными регионами, а также сохранившийся племенной строй и образ жизни пуштунских племен, тяготевших к политической и материальной обособленности, полной независимости. Это каждый раз вынуждало центральную власть направлять большие усилия и ресурсы на усмирение племен, подчинение других народностей. По нашему мнению, все эти условия оставались неизменными на протяжении всего столетия. В добавление к ним сохранившаяся экономическая фрагментарность с изолированными хозяйствами областей и регионов, разнообразной налоговой системой и денежными единицами, неразвитостью, а местами полным отсутствием путей сообщения и других инфраструктурных объектов не только в разы сократила доходы казны, но и стала барьером на пути формирования единого общафганского национального рынка.

Эти проблемы в некоторой степени укоренились в начале появления основ афганской государственности, которая строилась ее основателем, Ахмад-шахом Дуррани, на принципах военных походов на территории, находящиеся за пределами владений,

и этот метод продолжал оставаться актуальным до падения династии садозаев в 1818 г. Смена политической власти мало отразилось на хозяйственной жизни общества, ведь потребности правящей элиты и племенной знати оставались ограниченными и не выходили за рамки традиционных повседневных потребительских расходов, а также увеличения индивидуального капитала путем накопления. Поэтому приход баракзаев также не внес изменений в способы пополнения казны, которые оставались примерно теми же, но изменились география, а, следовательно, границы, а также субъекты, подлежащие эксплуатации.

Наряду с этими другая проблема центральной власти заключалась в том, что во всех сферах жизнедеятельности вместо создания государственных институтов, упорядочения управленческих структур продолжалась опора на систему откупа, ставшую крайне затратной как для самих властей, так и производителей материальных благ. Она лишала казну значительной части налоговых поступлений, подавляла стремление субъектов хозяйственной деятельности заниматься поиском путей расширения производства, роста производительности, увеличения объемов производимой продукции. Негативный эффект откупной системы представляется еще более серьезным в долгосрочной перспективе развития афганской экономики, поскольку она препятствовала ее росту. Центральная власть, в свою очередь, довольствовавшаяся стабильностью поступления средств, демонстрировала неспособность и в то же время отсутствие желания одновременно решать несколько задач государственного масштаба.

Политическая нестабильность, как фактор сдерживания развития экономики, проистекала не только по причине военных походов, процессов включения соседних владений и народов в орбиту центральной власти, внешних вторжений, но и междоусобиц, продолжительных войн за власть между наследниками престола. Ее корни уходят к периоду после смерти Ахмад-шаха Дуррани в 1773 г. и далее его сына Тимур-шаха (правил с 1772 по 1893 г.), который не объявлял наследника. Внутренняя борьба за власть не останавливалась, набирая все новые обороты, а приход баракзаев усилил клановый характер государства.

Распределение власти между многочисленными братьями-баракзаями, направленное на ее укрепление, на практике привело к обратному эффекту. Вследствие чего началось соперничество за верховенство между самими братьями, превратившимися к тому моменту в независимых и полунезависимых правителей. Внутренняя подковерная, а временами открытая борьба инстинктивно побуждала каждую из сторон максимально накапливать материальные блага путем присвоения всего, что представлялось возможным собрать с населения под видом налогов и податей. Политика баракзайских правителей истощила экономику, способствовала сокращению численности населения, снижению объемов производства сельскохозяйственной продукции, торговли товарами. Дост Мухаммад сильно выделялся на фоне других, но поиск дополнительных средств в целях военных походов для восстановления более могущественного государства в прежних границах также негативно сказывался на общей социально-экономической обстановке.

Действия баракзаев, особенно в Кандагаре, стали катализатором процесса разрушения социально-экономической жизни не только городов, но и сельских местностей. Беспрецедентный налоговый гнет благоприятствовал многократному сокращению численности населения, производства продукции, спаду объемов торговли, уходу купцов вместе с капиталом из страны, обходу караванами транзитных торговых путей и другим негативным последствиям. Под давление властей попадали все без исключения уязвимые слои населения. При Махмуд-шахе было положено начало, а с приходом баракзаев завершился процесс лишения клана дуррани привилегированного положения в обществе и в афганском государстве, опиравшемся на клан в период создания афганского государства в XVIII в. Этот процесс привел к изъятию и возвращению в казну довольно больших доходов от земель, принадлежавших дуррани ранее. Такая политика, осложнившая в итоге жизнь подавляющей части населения, еще больше увеличивала пропасть между обществом и властями. Беспрепятственное возвращение Шаха Шуджы стало следствием безразличия населения к действовавшим властям, от которых им далее не следовало ожидать перемен в лучшую сторону. Лояльность

племенной верхушки и крупных землевладельцев, каждый раз рассчитывавших на завоевание расположения нового правителя, держалась на перечне полученных привилегий, размере денежных довольствий и субсидий.

Дальнейшее развитие политических событий показало бесперспективность намерений Дост Мухаммада расширить границы территорий и вынудило его перейти на другой уровень распределения государственной власти, чтобы укрепить ее вертикаль. Направив усилия на ограничение власти собственных братьев, других дальних родственников, постепенно назначив на руководящие позиции регионов и областей собственных сыновей, эмир сосредоточил всю власть в руках одной семьи. Эти старания были направлены на снижение рисков децентрализации власти, предотвращение восстаний, раскола и создание подлинно централизованного государства.

Очередным ударом для социально-экономической жизни афганского общества стала первая англо-афганская война (1838–1842 гг.), при которой Афганистан впервые стал объектом иностранного эксперимента внедрения административно-правовых и налоговых реформ, а также армии. Афганский народ, причем на всех уровнях, ни морально, ни экономически не был готов ко многим новшествам, предложенным англичанами. Пример афганских купцов показывает актуальность изменений и нововведений, которые должны были включать широкий доступ к грамотности, образованию для всего населения, что само по себе привело бы к возникновению потребностей в переменах. Даже издание первой афганской газеты при Шер Али-хане, с одной стороны, можно считать прорывом, а с другой — нововведением с минимальным эффектом, поскольку подавляющее большинство населения не владело грамотностью. Следовательно, без предварительной подготовки, без создания почвы первый эксперимент не только стал бесполезным для афганского государства и общества, но и проблемным для самих его авторов.

Непродолжительное пребывание англичан в Афганистане не могло положительно воздействовать на политическое сознание и социально-экономическую жизнь афганского общества, особенно его низшего слоя. Англичанам при захвате Кабула было слож-

но, поскольку любое их решение в целях снижения материальной нагрузки или в области политико-административной реформы могло обязательно задеть интересы какой-нибудь из структур афганского общества (крестьян, племенной знати, правительства).

Всеобщее восстание афганцев против англичан в большей степени имело экономические корни и произошло по причине, коснувшейся всех слоев без исключения, чем и воспользовались недовольная верхушка и знать. Более того, английское вторжение побудило афганские власти еще больше остерегаться иностранцев, повысить степень изолированности страны, сосредоточить больше внимания на усилении обороноспособности, меньше заботиться о развитии экономики.

Таким образом, если до первой англо-афганской войны значительная часть налоговых поступлений шла на формирование армии в завоевательных целях, то затем при столкновении с более боеспособным внешним агрессором самим афганским властям понадобилась защита. В этих целях высокими темпами в ущерб экономике ресурсы направлялись на укрепление обороноспособности страны. Иными словами, после английской интервенции цели властей по использованию налоговых доходов изменились, но задачи остались прежними, и с каждым годом требовалось все больше ресурсов на формирование и содержание регулярной армии.

Афганистан с продвижением к его границам Англии начал занимать оборонительную позицию, замкнулся в себе, что отрицательно сказалось на дальнейшем его социально-экономическом развитии. Кроме того, англичане после второй англо-афганской войны (1878–1880 гг.), с одной стороны, старались сосредоточить внимание Абдуррахман-хана на угрозе вторжения со стороны России, говоря об опасениях отторжения северных регионов, с другой — сами продолжали аннексию ранее принадлежавших Афганистану областей. В этой связи можно заключить, что рекомендации английских офицеров по поводу переселения пуштунов, в первую очередь гильзаев, к северным границам для усиления защиты рубежей до некоторой степени преследовали цель снятия препятствий на своем пути. Англичане, начиная с первых официальных встреч с афганскими правителями, в подписанных

соглашениях в одностороннем порядке призывали их выполнять выгодные для себя обязательства и в итоге полностью лишили страну внешнего суверенитета, что не оставляло шансов диверсифицировать внешнеторговую и экономическую политику.

Не прекращавшаяся борьба центральной власти за территориальную целостность страны, подчинение непокорных племен, этнических групп, не желавших жить под властью Кабула, стали еще одним фактором, лишавшим афганскую экономику больших ресурсов, замедлявшим темпы ее роста. Поскольку сама национальная экономика была представлена всего двумя отраслями — сельским хозяйством и торговлей, в силу этого земледельцы и купцы выступали единственными производителями и поставщиками материальных благ в Афганистане и в то же время самыми угнетенными слоями общества со стороны властей, армии и чиновников всех мастей. Поэтому внутренняя политика, безопасность, точнее ее отсутствие, чрезмерные налоги и пошлины, дополнительные поборы стали препятствием на пути развития этих сфер.

Продвижение и реализация реформаторских идей, направление социально-экономической жизни по пути модернизации, кроме вдохновителей, требовали, как подчеркнуто в книге, готовности общества к ним. Небольшая категория населения в лице ремесленников и купцов, выделявшаяся своими прогрессивными взглядами, не могла оказывать влияние на сильно отстающее большинство, включая власть. Имевшиеся условия в Афганистане, связанные с полным отсутствием производственной инфраструктуры и сложной внутренней политикой, не позволяли обладателям сравнительно крупного капитала из числа афганских купцов вкладывать средства в развитие производственного сектора. Государственная система оказывала максимальное давление на ту часть населения, которая непосредственно была занята производством материальных благ, предоставляла необходимые услуги, имела желание максимизировать производство. Экономически и морально готовая к переменам группа общества не имела политического влияния в стране, чтобы продвигать реформаторские идеи. В первой половине столетия купцы и ремесленники проявляли больше готовности в этом направлении, чем власть, а во втором, наоборот, реформаторские идеи Шер Али-хана и далее

Абдуррахман-хана пошли опережающими темпами, из-за чего ощущался дефицит людей, обладающих даже элементарными навыками в той или иной сфере. Таким образом, к концу столетия, находясь между Индией, Ираном и Средней Азией, Афганистан остался единственным государством, не обладавшим производством товаров на уровне соседей.

До Шер Али-хана афганские правители не питали стремлений к полноценному хозяйственному развитию, что объяснялось преемственностью старой политики управления государством. Он создал предпосылки, положил начало фундаменту современного афганского государственного устройства, чем намного облегчил работу Абдуррахман-хану. За период правления страной у населения и элиты частично появилось понимание необходимости реформирования и продвижения как в социально-экономическом плане, так и культурном. Созданные эмиром Абдуррахман-ханом органы не были работоспособными, но являлись первым шагом к созданию новой системы власти, постепенному формированию более или менее современного правительства. Шер Али-хан заложил фундамент, а Абдуррахман-хан выступил продолжателем и в некоторой степени завершителем начинаний своего предшественника. Государственное устройство при Абдуррахман-хане внешне реформировалось, но методы управления на местах остались прежними, что в первую очередь можно связывать с общим отставанием в социальном развитии.

Прибытие в Афганистан английской военной миссии в середине 50-х гг. XIX в., а также английского посланника в 1879 г. показали, что афганское общество в большинстве своем все еще не было готово к самостоятельному отстаиванию собственных интересов, а ждало вмешательства посторонних сил. Исключением стала созданная Шер Али-ханом регулярная армия. Прочие случаи противостояния властям всегда носили оборонительный характер, в редких случаях при восстаниях народ преследовал цель решить собственные экономические проблемы.

На протяжении всего столетия афганские правители направляли средства и усилия на создание единого прочного централизованного государства, превращение территорий, где проживали представители самых разных этно-конфессиональных и родокла-

новых групп, в единый социальный организм. Эти стремления поглощали все силы и ресурсы. Формирование единой централизованной власти можно считать закономерной необходимостью, поскольку чем больше территория разделялась на мелкие самостоятельные владения, тем сложнее становилось вести торговлю, включая внутреннюю, реализовывать налоговую политику, заниматься соответствующей инфраструктурой.

Во второй половине столетия с началом реформ опасения властей по поводу внешней угрозы превратились в главный сдерживающий фактор развития афганской экономики, поскольку на вооружение и создание мощной армии направлялось много средств именно из-за роста опасения вторжения со стороны Англии. Тогда же воспитанная европейским офицером армия Шер Али-хана превратилась в относительно самостоятельную силу, способную бросать вызов властям на всех уровнях, организовывать восстания. Таким образом, первая англо-афганская война и последующее возрастание политического давления Великобритании на Афганистан усилили курс страны на самоизоляцию, минимизацию любых контактов с иностранцами, что негативно сказывалось на развитии всех сфер жизни афганского населения.

На такой территории, как Афганистан, ощущалась необходимость сильной власти, способной и заинтересованной в первую очередь брать в свои руки все вопросы, связанные с обеспечением безопасности и социально-экономического развития. Проблема управления страной заключалась не только в обремененности налогами и поборами племен и региональных правителей, стремившихся к независимости или желавших больших полномочий, но и в отношениях между самими подданными, этносами, племенами и жителями отдельных территорий. Часто, воспользовавшись удобным случаем, одна группа в различных целях и по разным причинам совершала набег на другую. Только сильная централизованная власть могла воздействовать на их поведение. Следовательно, объединение всех владений в состав единого государства, приведшее к снятию внутрипровинциальных границ, обеспечению безопасности на дорогах, улучшению состояния караванных путей на отдельных, главным образом отдаленных, участках создало предпосылки постепенному развитию внутренней и внеш-

ней торговли. Афганские правители постепенно шли к этой цели. Шер Али-хан, например, дипломатическими методами подчинял хазарейцев, а Абдуллахман-хан применил крайне жесткие меры, дабы окончательно сломать силу их сопротивления и покорить другие народы и народности.

Реформатор Абдуллахман-хан создал административный аппарат, принял законы и нормы, регулирующие хозяйственную деятельность населения, но до конца своего правления не смог наладить нормальную работу системы государственного управления, решить вопрос коррупции, имевшей место среди чиновников всех уровней. Проблема реформ Абдуллахмана заключалась в остром дефиците человеческих ресурсов, которые невозможно было подготовить за короткий период, а упор на жесткие методы для создания дисциплинированной системы привел к расцвету масштабной коррупции.

По сути изменения, введенные афганскими правителями, особенно последними двумя, в сфере налогообложения, нельзя называть полноценной реформой, поскольку они нацеливались на увеличение ставок, охват новых сфер деятельности и тем способствовали разрушению основ экономики, негативно воздействовали на демографию. А потому относительно эмиров Шер Али-хана и Абдуллахмана справедливее будет говорить об устремлениях, целях и попытках реформирования социально-экономической жизни Афганистана, а не достигнутых результатах.

В условиях наличия хорошего транзитного потенциала, за счет которого Афганистан мог бы получать доходы, отсутствие инфраструктуры, о чем уже было сказано, не только ограничивало поставки собственной сельскохозяйственной продукции и сырья на рынки соседних государств, но и затрудняло формирование единого афганского рынка. По этим и другим вышеуказанным причинам страна оставалась замкнутой в себе и не смогла должным образом наладить обмен товарами и услугами даже внутри своей территории. Времени не хватило на решение перечисленных проблем, и усилия в этом направлении были продолжены в новом веке, хотя и там давали о себе знать те же особенности и закономерности.

Источники и литература

Источники:

на русском

Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. Издано Султаном Магомет-ханом; перевод с английского Генерального штаба полковник М. Грулев. В 2-х т. — СПб.: В. Березовский, 1901.

Афганистан. Справочник. — М.: Восточная литература, 2000.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. — М.: Восточная литература, 2003.

Военно-статистический сборник. Выпуск III: Персия, Афганистан, Белуджистан, Средне-Азиатския владения, Китай, Япония, Северо-Американские Соединенные штаты, Мексика, Бразилия и республики Средней и Южной Америки. Составлен под общию редакциею Г.Ш. генерал-майора Н. Н. Обручева, управляющаго делами Военно-Ученаго комитета и профессора военной статистики. — СПб.: в Военной тип., 1868.

Гродеков Н. И. Через Афганистан: путевые записки Генерального штаба полковника Н. И. Гродекова. — СПб.: Издание книжного магазина «Нового времени», 1880.

Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). — М.: Восточная литература, 1983.

Кавказъ (политическая и литературная газета). № 49. 30 Апреля (12 Мая). — Тифлис, 1872.

Мартин А. Ф. 8 лет при дворе неограниченного монарха. Перевод с английского Омелянович Л. В. — Ташкент: Коммерческая типография Я. П. Эдельмана, 1910.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века. — М., 1975.

Мельников Д. А. Район операционных путей от Термеза к Кабулу (опыт военно-географического описания). — Ташкент: тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1907.

- Burnes, A.* Notice on the wool of Cabool and Bokhara. Commercial, № X / Report and papers. Political, Geographycal and Commercial. submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839.
- Burnes, A.* Report on the establishment of an entrepot or fair for the Indus trade. Commercial, № XI / Report and papers. Political, Geographycal and Commercial. submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839.
- Burnes, A.* Cabool: A Personal Narrative of a Journey to, and Residence in That City, in the Years 1836, 7, and 8. From the second edition. Complete in one Volume. — Philadelphia, 1843.
- Conolly, A.* Journey to the north of India: overland from England, through Russia, Persia, and Affghaunistaun. In II Vol. — L., 1834.
- Duke, J.* Recollections of the Kabul Campaign 1879 & 1880. — L.: W. H. Allen & Co., 1883.
- Elias, N.* Report of a mission to Chinese Turkistan and Badakhshan in 1885–86. — Calcutta: Printed by the Government printing, 1886.
- Elphinstone, M.* An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India (1842). In II Vol. — L., 1842.
- Elles, E. R.* The Military Geography of Afghanistan. Part V: Farah and Kandahar. — Calcutta: Office of the superintendent of government printing, 1893.
- Ferrier, J. P.* Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan; with Historical Notices of the Countries Lying between Russia and India. Second edition. — L., 1857.
- Final Report on Afghanistan by Fakir Saiyid Iftikhar-ud-din. British agent at Kabul (1907–1910). — Simla, 1910.
- Gazetteer of Afghanistan. Part I: Badakhshan (5th Edition). General Staff India. — Simla: Government Monotype Press, 1914.
- Gray, J. A.* At the court of the Amir: A narrative. — L.: Richard Bentley and Son, 1895.
- Gregson, Rev. J. Gelson.* Through the Khyber Pass to Sherpore Camp, Cabul. An account of temperance work among our soldiers in the Cabul Field Force. — L.: Elliot Stock, 1883.

- Harlan, J.* A memoir of India and Afghanistan. — Philadelphia: J. Dobson, 1842.
- Havelock, H.* Narrative of the war in Afghanistan in 1838–39. Vol. II. — L., 1840.
- Hensman, H.* The Afghan War of 1879–80, being a complete narrative of the capture of Cabul, the siege of Sharpur, the battle of Ahmed Khel, the brilliant march to Candahar, and the defeat of Ayub Khan, with the operations of the Helmund, and the settlement with Abdur Rahman Khan. 2nd ed. — L.: Allen, 1882.
- Imperial Gazetteer of India: Afghanistan and Nepal. — Calcutta, 1908.
- Hough, W.* A narrative of the march and operations of the Army of the Indus in the expedition into Afghanistan in the years 1838–1839, under the command of H. E. Lieut. General Sir John (now Lord) Keane. — Calcutta, 1840.
- John, St. Notes on Afghanistan as a Theatre of War. — Simla, 1885.
- Kennedy, R. H.* Narrative of the campaign of the Indus, in Sind and Kaubool in 1838–39. V. I. — L., 1840.
- Lal, M.* Life of the Amir Dost Mohammed Khan of Kabul: With His Political Proceedings Towards the English, Russian, and Persian Governments, Including the Victory and Disasters of the British Army in Afghanistan. In II Vol. — L.: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1846.
- Lal, M.* Travels in the Punjab, Afghanistan & Turkistan: To Balk, Bokhara, and Herat; and a Visit to Great Britain and Germany. — L., 1846.
- Leech, R.* Description of the Passes over the Hindoo Coosh Range of Mountains, From the Koh Daman of Cabool (To accompany the Survey). № VII / Report and papers. Political, Geographical and Commercial Submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 29–35.
- Leech, R.* Notice on the affairs of Candahar in 1838, with sketch of the preceding Dooranee history. № X / Report and papers. Political, Geographical and Commercial Submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 51–64.
- Leech, R.* Report on the trade between Shikarpoor and Herat / Report and papers. Political, Geographical and Commercial Submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 93–97.

- Lord, P.B.* A Memoir on the Uzbek state of Kundooz, and the power of its present ruler Mahomed Murad Beg. № XII / Report and papers. Political, Geographycal and Commercial Submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 96–124.
- Lord, P.B.* Exports to Bokhara and Kabul. № . VI / Report and papers. Political, Geographycal and Commercial Submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 144–146.
- Lord, P.B.* Prospects of trade with Turkistan. № XII / Report and papers. Political, Geographycal and Commercial Submitted to Government. — Calcutta: G. H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 122–132.
- Lumsden, H.B.* The Mission to Kandahar: with Appendices. With Supplementary Report of the Expedition into Upper Meeránzye and Kourrum in 1856. — Calcutta, 1860.
- MacGregor, C.M.* Central Asia. Part II: A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology, resources, & history of Afghānistān: compiled (for political and military reference) by C.M. MacGregor. — Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1871.
- Malleson, G.B.* Herat: the granary and garden of Central Asia. — L., 1880.
- Martin, G.* Survey operations of the Afghanistan expedition: The Kurram Valley. — Published in: Proceedings of the Royal Geographical Society and monthly record of geography; No. 10 (October 1879), p. 617–645.
- Mason, A.H.* The Military Geography of Afghanistan. Part IV. Kabul. — Simla, 1893.
- Masson, Ch.* Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab, & Kalāt, during a residence in those countries: to which is added an account of the insurrection at Kalat, and a memoir on Eastern Balochistan. In IV Vol. — L.: Richard Bentley, 1844.
- Messurier, A.* Kandahar in 1879; being the Diary of. Reprinted, with Corrections and Additions, from the Royal Engineers' Journal. — L.: W.H. Allen & Co., 1880.
- Moorcroft, W., Trebeck, G.* Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab, in Ladakh and kashmir, in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara. In II Vol. — L.: J. Murray, 1841.

Narrative of recent events on Afghanistan, from the recovery of Candahar to the Conclusion of the rebellion of Yacoob Khan. Government of India, Foreign Department. Secret. — Simla, 1871.

Nash, C.B. History of the war in Affghanistan. Thomas Brooks. — L., 1843.

Oliver, E.E. Across the border: or Pathan and Biloch. — L., 1890.

Pottinger, E. Memoir on the country between Herat and Kabal, the Paropamisian Mountains, and the River Amoo // Central Asia. Part II: A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology, resources, & history of Afghānistān: compiled (for political and military reference) by C.M. MacGregor. — Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1871.

Pottinger, H. Travels in Beloochistan and Sinde; accompanied by a geographical and historical account of those countries. — L.: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1816.

Raverty, H.J. Notes on Afghanistan and part of Baloochistan, geographical, ethnographicai and historical, extracted from the writings of the little known Afghan and Tagzjik. Historians of the Ghuris, the Turk sovereigns of the Dehli Kingdom, the Mughal sovereigns of the House of the Timur, and other Muhammadan, chronicles; and from personal observations. — L., 1881.

Reports on parts of the Ghilzi country and on some of the tribes in the neighbourhood of Ghazni; and on the route from Ghazni to Dera Ismail Khan by the Ghowalari Pass. Royal Geographical Society, Supplementary papers. V.I. Pt. 3. — L., 1885.

Report on the trade and resources of the countries on the North-Western boundary of British India. — Lahore, 1862.

Reports and Papers, Political, Geographical, & Commercial Submitted to Government by Alexander Burnes, Lieutenant Leech, Doctor Lord, and Lieutenant Wood, Employed on Missions in the Years 1835–36–37 in Scinde, Affghanisthan, and Adjacent Countries. — Calcutta: Bengal Military Orphan press, 1839.

Roberts, F. Forty-one years in India: From Subaltern to Commander-in-chief. — L., 1901.

Robinson, Ph. Cabul or Afghanistan: the seat of the Anglo-Russian question. — L., 1878.

- Russia's March towards India: By "an Indian Officer". Vol. II. — L., 1894.
- Stacy, L.R. The narrative of Lieutenant Colonel L.R. Stacy, C.B., Bengal Native Infantry, whilst in the Brahooe Camp, inducing the submission of Nasseer Khan, only son of the late Meer Meerab Khan, khan of Khelat; and in the subsequent operations of General Nott's army in its march to and its return from Kabul. — From the Serampore Press, 1844.
- Tate, G.P. The frontiers of Baluchistan: travels on the borders of Persia and Afghanistan, with an introduction by Col. Sir A. Henry McMahon. Includes thirty-six plates and two maps. — L.: Witherby & co., 1909.
- Trade of India with Eastern Turkestan Trade with Central Asia. Political, No. 164. The Governor General of India in Council to the Secretary of State for India. — Simla, 1866.
- Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah in the years 1812–13. Translated by Captain Henderson, attached to the Foreign Office of the Government of India. — Calcutta: The Foreign Department Press, 1872.
- Vigne, G. Th. A personal narrative of a visit to Ghuzni, Kabul, and Afghanistan, and of a residence at the court of Dost Mohamed, with notices of Runjit Sing, Khiva, and the Russian expedition. — L., 1840.
- Wood, J. A Journey to the Source of the River Oxus. — L., 1872.
- Yate, C.E. Northern Afghanistan: Or Letters from the Afghan Boundary Commission. — L.: W. Blackwood & sons, 1888.
- Yate, A. C. England and Russia Face to Face in Asia; Travels with the Afghan Boundary Commission. — Edinburgh and London: William Blackwood, 1887.

на языке дари

- Катиб, Файз Мухаммад. Сирадж ат-таварих. Т. III. — Кабул: Матба'а-е дар-ул-салтана, 1331–33 г. х. (1915).

ЛИТЕРАТУРА:

на русском

- Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874–1889 гг. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889.

- Аристов Н.А.* Об Афганистане и его населении // Живая старина (отделение этнографии). Выпуск III и IV. СПб., 1898.
- Арунова М.Р., Лалетин Ю.П.* Очерки средневековой и новой истории Афганистана. — М.: РУДН, 2010.
- Бабаходжаев М.А.* Борьба Афганистана за независимость (1838–1842). — М.: Восточная литература, 1960.
- Бабаходжаев М.А.* Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII – начале XX в. — Ташкент: Наука, 1965.
- Бабаходжаев М.А.* Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана (конец XIX в.). — Ташкент, «Фан», 1975.
- Белокреницкий В.Я.* Пуштуны Афганистана и Пакистана: демографическая динамика и политическая роль / Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 — июнь 2002 г.). — М., 2002.
- Бушев П.П.* Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. — М.: Восточная литература, 1959.
- Гамильтон А.* Афганистан (Перевод с английского С.П. Голубинова). — СПб.: В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений, 1908.
- Ганковский Ю.В.* Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. / Отв. редактор А.М. Дьяков. Институт востоковедения АН СССР. — М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
- Голубева Т.Н.* Сочинение эмира Абдуррахмана Панднама-йи дунйа ва дин и его историко-культурное значение // Страны и народы Востока. Выпуск 22. Средняя и Центральная Азия: география, этнография, история. Книга 2. — М.: Наука, 1980.
- Гулишамбаров С.И.* К сорокалетию уничтожения невольничества в Средней Азии (12 июня 1873 г. — 12 июня 1913 г.). — Ашхабад, 1913.
- Давыдов А., Черняховская Н.* Афганистан. — М., 1973.
- Зарипов Ш.* Производительные силы сельского хозяйства современного Афганистана. — Душанбе, 1972.
- Искандаров Б.И.* Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века). — М.: Восточная литература, 1958.

- История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1982.
- История вооруженных сил Афганистана, 1747–1977. — М.: Наука, 1985.
- Кисляков Н.А., Першиц А.И. (ред.) Народы Передней Азии. — М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Кишмишев С. О. Походы Надир-Шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Издано Военно-историческим отделом при штабе Кавказского военного округа. — Тбилиси, 1889.
- Кухтина Т.И. Просвещение в независимом Афганистане. — М.: Восточная литература, 1960.
- Мазов С. Восточная Бухара, Бадахшан и северный Афганистан (по чужим и своим наблюдениям и заметкам) // Русское дело. 1886. № 18.
- Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Том II. Афганистан в новое время. — М.: Наука, 1965.
- Мухтаров А. Позднесредневековый Балх (материалы к исторической топографии города в XVI–XVIII в.). — Душанбе: Дониш, 1980.
- Окимбеков У.В. Колонизация Северного Афганистана и английская Разграничительная комиссия // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1(19). С. 25–33.
- Рейснер И.М. Афганистан. — М.: Изд-во коммунистической академии, 1929.
- Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.
- Ремез И.А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны: опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства вне сферы таможенного объединения его с Российской империей. — Ташкент: ЦСУ Туркеспублики, 1922.
- Риттих П.А. Афганский вопрос (военно-географический и политический этюды). — СПб.: Типография Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1905.
- Риштия, Сеид Касем. Афганистан в XIX веке. Перевод с персидского Л.Н. Дорофеевой [и др.]; ред. и предисл. Ю.В. Ганковского. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

- Ромодин В.А.* «Сирадж ат-таварих» (т. III) как источник // Письменные памятники истории и культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. — Л., 1968. С. 42–44.
- Ромодин В.А.* «Автобиография» Абдурахман-хана и ее переводы // Письменные памятники истории и культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВАН (автоаннотации и краткие сообщения). — М.: Наука, 1972. С. 115–120.
- Ромодин В.А.* Некоторые историко-демографические данные об афганском (паштунском) населении Афганистана // Страны и народы Востока. Выпуск 15. Африка и Азия. — М.: Наука, 1973. С. 169–172.
- Ромодин В.А.* К вопросу о редакциях «Автобиографии» Абдурахман-хана // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения и автоаннотации). Часть 1. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 121–124.
- Ромодин В.А.* Тайна сенсационной публикации Султан Мухаммад-хана // Страны и народы Востока. Выпуск XVIII. — М.: Наука, 1976. С. 116–123.
- Ромодин В.А.* Афганистан во второй половине XIX — начале XX в. (Официальная история и историография). — М., 1990.
- Снесарев А.Е.* Афганистан. — М., 2000.
- Соболев Л.Н.* Страница из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря. Выпуск I. — СПб.: Типография доктора М.А. Хана, 1880.
- Станишевский А.* Афганистан. — М.: Государственное военное издательство наркомата обороны союза ССР, 1940.
- Темирханов Л.* Хазарейцы (очерки новой истории). — М.: Наука, 1972.
- Туманович Н.Н.* Герат в XIV–XVIII в. — М.: Наука, 1989.
- Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.
- Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). — М.: Восточная литература, 1960.
- Халфин Н.А.* Проблема развития афганского государства в XVIII–XX вв. в советской историографии. XXV Международный конгресс

- востоковедов. Доклады делегации СССР. — М.: Восточная литература, 1960.
- Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). — М.: Наука, 1965.
- на английском
- Baker, D. H.* British India with notes on Ceylon Afghanistan and Tibet. — U.S. Government Printing Office, 1915.
- Barfield, T. J.* Afghanistan: A Cultural and Political History. — New Jersey: Princeton University Press, 2010.
- Bellew, H. W.* The races of Afghanistan: being a brief account of the principal nations inhabiting that country. — Calcutta, 1880.
- Campbell, G.* Afghan Frontier: the substance of a speech not delivered. — L., May 15, 1879. Printed for private circulation by Edward Stanford.
- Captain Maitland's and Captain Talbot's Journeys in Afghanistan / Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. Vol. 9. No. 2 (Feb., 1887). Published by: Wiley. P. 102–107.
- Curzon, G. N.* Tales of Travel. — L., 1923.
- Davies, C. C.* The Problem of the North-West Frontier, 1890–1908: With A Survey of Policy Since 1849. — L.: Cambridge University Press, 1932.
- Falahat, S.* Re-imaging the City. A New Conceptualisation of the Urban Logic of the “Islamic city”. — Berlin: Springer Professional “Wirtschaft+Technik”, 2014.
- Ferdinand, K.* Nomad Expansion and Commerce in Central Afghanistan: A Sketch of Some Modern Trends // FOLK-Dansk etnografisk tidsskrift. 1962. No. 4. P. 123–159.
- Ferrier, J. P.* History of the Afghans. — L., 1858.
- Forbes, A.* The Afghan wars, 1839–42 and 1878–80. — L., 1892.
- Gregorian, V.* The Emergence of Modern Afghanistan: Politics of Reform and Modernization, 1880–1946. — Stanford University Press, 1969.
- Hanifi, S. M.* Connecting Histories in Afghanistan. Market Relations and State Formation on a Colonial Frontier. — Stanford University Press, 2011.
- Hanna, H. B.* The second Afghan war, 1878–79–80: its causes, its conduct and its consequences. Vol. I. — Westminster: A. Constable, 1899–1904.

- Kakar, M.H.* Afghanistan: A Study in International Political Developments, 1880–1896. — Kabul: Punjab Education Press, 1971.
- Kakar, M.H.* Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir ‘Abd al-Rahman Khan. — Austin: University of Texas Press, 1979.
- Kakar, M.H.* A political and diplomatic history of Afghanistan, 1863–1901. — Boston, 2006.
- Lee, L.J.* The History of Maimana in Northwestern Afghanistan 1731–1893. Iran. Vol. 25 (1987). P. 107–124.
- Lee, L.J.* ‘Abd al-Rahmān Khān and the “maraz ul-mulūk”. // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. 1991. Vol. 1. No. 2. P. 209–242.
- Lee L.J.* The “Ancient Supremacy”: Bukhara, Afghanistan and the Battle for Balkh, 1731–1901 (Islamic History and Civilization, No. 15). — N.Y., 1996.
- Lee L.J.* Afghanistan: A History from 1260 to the Present. — L.: Reaktion Books, 2018.
- Malleson, G.B.* History of Afghanistan, from the Earliest Period to the Outbreak of the War of 1878. — L., 1878.
- Marsh, H.C.* A ride through Islam, being a journey through Persia and Afghanistan to India via Meshed, Herat, and Kandahar. — L: Tinsley Bros., 1877.
- Rawlinson, H.C.* Report on the Dooranee Tribes, 19th April 1841 // Central Asia. Part II. A Contribution towards the Better Knowledge of the Topography, Ethnology, Resources, and History of Afghānistān. C.M. MacGregor, ed. — Calcutta, 1871. P. 823–869.
- Sykes, P.* A History of Afghanistan. Vol. II. — L.: Macmillan and CO. LTD., 1940.
- Tapper, N.* The Advent of Pashtūn Māldārs in North-Western Afghanistan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. 1973. Vol. 36. No. 1. P. 55–79.
- Tarzi, A.H.* A Tax Reform of the Afghan Amir ‘Abd al-Rahman Khan // Journal of Asian History. 1993. Vol. 27. No. 1. P. 30–50.
- Tate, G.P.* The Kingdom of Afghanistan. A Historical Sketch. Bombay: “Times of India” Offices, 1911.
- Yapp, M.E.* Disturbances in Eastern Afghanistan, 1839–42 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1962. P. 499–523.

Yapp, M.E. Disturbances in Western Afghanistan, 1839–41 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1963. P. 288–313.

Yapp, M.E. The Revolutions of 1841–2 in Afghanistan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1964. P. 333–381.

на языке дару

Губар, М.Г.М. Афганистан дар масир-и тарих. — Кабул, 2014. / Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. — Кабул, 2014.

Риштия, С. К. Афганистан дар қарне ноздаҳом. — Пешавар, 1998. / Афганистан в XIX веке. — Пешавар, 1998.

ПЕРИОДИКА

Кавказъ (политическая и литературная газета).

Русское дело.

شمس النهار / Шамс-ан-нахар (Солнце дня).

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

<http://www.gutenberg-e.org/hanifi/>

<https://afghandata.org/digital-archive/>

<https://archive.org/>

<https://pahar.in/>

<https://www.hazarainternational.com>

<https://www.loc.gov/>

Приложения

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АФГАНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Период правления	Правитель	Племя, клан
1747–1772 гг.	Ахмад-шах Дуррани, основатель афганской государственности	Дуррани, садозай
1772–1793 гг.	Тимур-шах Дуррани	-
1793–1801 гг.	Заман-шах	-
1801–1803 гг.	Махмуд-шах, первое восшествие на афганский престол	-
1803–1809 гг.	Шах Шуджа, первое восшествие на афганский престол	-
1809–1818 гг.	Махмуд-шах, повторный приход к власти	-
1818–1826 гг.		Дуррани, баракзай
1826–1839 гг.	Эмир Дост Мухаммад	-
1839–1842 гг.	Шах Шуджа, повторный приход к власти	Дуррани, садозай
1842–1863 гг.	Повторное восшествие эмира Дост Мухаммада	Дуррани, баракзай
1863–1865 гг.	Эмир Шер Али-хан	-
1865–1867 гг.	Мухаммад Афзаль-хан	-
1867–1868 гг.	Мухаммад А'зам-хан	-
1868–1879 гг.	Повторное возвращение к власти эмира Шер Али-хана	-
1879–1880 гг.	Эмир Мухаммад Якуб-хан	-
1880–1901 гг.	Эмир Абдуррахман-хан	-

ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И СОЮЗЕ МЕЖДУ ВЫСОКОЧТИМОЙ
ОСТ-Индской компанией и Его величеством шахом
Камраном Гератским, заключенный 13 августа
1839 г. (второй день джумади-ас-сани 1255 г.
хиджри) майором Э. Д'арси Тоддом, посланником
генерал-губернатора Индии, с одной стороны,
и его Величеством шахом Камраном от имени его
наследников и преемников, с другой

Статья 1

Будет вечный мир и дружба между британским правительством и Его Величеством шахом Камраном, его наследниками и преемниками.

Статья 2

Британское правительство признает правительство Герата каким оно есть в настоящее время со всеми правами, которыми обладает Его Величество шах Камран, его наследники и преемники. Британское правительство обязуется никоим образом не вмешиваться во внутренние дела владений Его Величества.

Статья 3

С целью укрепить и сохранить навечно согласие, существующее между британским правительством и шахом Камраном, аккредитованный британский представитель будет постоянно проживать при дворе Его Величества; если Его Величество сочтет необходимым, то сможет направить аккредитованного представителя для пребывания при резиденции генерала-губернатора.

Статья 4

Британское правительство по мере своих сил обязуется представлять Его Величеству шаху Камрану займы, обеспечивать офицерами, а также всеми другими средствами, которые могут быть сочтены необходимыми для защиты личности Его Величества и страны, и оказывать помощь в защите прав и интересов Его Величества против любого иностранного вмешательства.

Статья 5

С целью предоставления возможности британскому правительству действительно выполнить обязательство, содержащееся в предыдущей статье, и равно, чтобы избежать всех справедливых оснований для жалоб со стороны других держав, Его Величество шах Камран соглашается навсегда запретить практику похищения и захвата людей с целью продажи их в рабство кем бы то ни было из его подданных. И если в пределах владений Его Величества на положении рабов окажутся какие-либо лица, которые будут поработаны вышеупомянутым образом, Его Величество обязуется приложить все усилия, чтобы добиться освобождения таких лиц.

Статья 6

Его Величество шах Камран обязуется в полную меру своих возможностей сотрудничать с британским правительством и Его Величеством шахом Шуджой уль-Мульком в деле сохранения целостности их владений против вторжения иностранных держав, но в то же время Его Величество шах Камран должен воздерживаться от вступления в военные действия с какой-либо иностранной державой без совета и согласия на то британского правительства и шаха Шуджи уль-Мулька.

Статья 7

Со своей стороны Его Величество шах Камран соглашается при возникновении какого-либо спора между ним и Его Величеством шахом Шуджой уль-Мульком относительно границ их территорий или по любому другому вопросу передать этот спор на арбитраж и решение британского правительства, а британское правительство обязуется приложить все усилия для устранения всех существующих разногласий и тех, которые могут в будущем возникнуть между Камраном и другими державами.

Статья 8

Его Величество шах Камран обязуется воздерживаться от вступления в какую-либо переписку с иностранными державами без

уведомления и согласия на то британского представителя, находящегося при дворе.

Статья 9

В благодарность за постоянную поддержку и дружбу британского правительства, чьи интересы идентичны с интересами афганской нации, Его Величество шах Камран никогда не примет к себе на службу лиц любой европейской нации (ахли фаранги), помимо британских подданных, и не разрешит им проживать в своих владениях.

Статья 10

Его Величество шах Камран устранит все препятствия, мешающие свободе торговли, и примет такие меры для увеличения льгот торговцам, какие могут показаться Его Величеству, с совета британского представителя при его дворе, целесообразными.

Статья 11

Вышеизложенные десять статей остаются в силе до тех пор, пока верховная власть над Гератом принадлежит фамилии шаха Камрана.

(Источник: Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана... С. 93–95)

СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО В КАНДАГАРЕ
7 МАЯ 1839 г. МЕЖДУ ШУДЖОЙ И АНГЛО-ИНДИЙСКИМ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Статья 1

Все условия договора, заключенного 26 июня 1838 г. между англо-индийским правительством, шахом Шуджой оль-Мольком, магараджой Ранджит Сингхом, остаются в силе, и все три стороны обязуются выполнить их.

Статья 2

Для установления связи и действительной дружбы английское правительство назначит и прикомандирует к шаху посла, который будет постоянно находиться при нем, а если это будет признано нужным и полезным, шах также направит своего посла к генерал-губернатору Индии.

Статья 3

Ввиду установившихся между английским правительством и шахом Шуджой (отношений) давней дружбы и помощи ради единства и согласия обоих государств шах Шуджа никогда не будет принимать на службу никого из европейцев и никому из них, без извещения о том и согласия английского правительства, давать разрешения на пребывание в Афганистане.

Статья 4

Сформированные и находящиеся под командой английских офицеров войска, которые предназначаются для охраны страны, личности шаха, а также для отражения внешних врагов, навсегда остаются в Афганистане и могут быть использованы и в иных целях, о чем указывалось выше, но при условии согласия на то шаха и упомянутого английского посла.

Статья 5

Расходы по содержанию упомянутого войска будут производиться прежним порядком. Число английских офицеров при нем не

будет превышать 50 человек, если только сам шах не изъявит желания увеличивать численность войска и офицерского состава.

Статья 6

Шах Шуджа аль-Мульк жалование этому войску по возможности будет выплачивать из своей казны.

Статья 7

Относительно торговли. В случае возникновения каких-либо неожиданных препятствий шах должен устранить их. Всякое мероприятие, способствующее спокойному ведению дел купцами, будут претворяться в жизнь по согласованию с английским послом при шахе.

Статья 8

Изложенные выше семь пунктов сохраняют силу на вечные времена до окончания правления садозайской династии.

(Источник: Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана... С. 95–96)

ГАНДАМАКСКИЙ ДОГОВОР 1879 г.

Договор между Британским Правительством и Его Высочеством Мухаммадом Якуб-ханом, эмиром Афганистана и его зависимых территорий, заключенный в Гандамаке 26 мая 1879 года Его Высочеством эмиром Мухаммадом Якуб-ханом со своей стороны и майором Н. Каваньяри со стороны Британского Правительства. Следующие статьи Договора о восстановлении мира и дружественных отношений были согласованы между британским правительством и Его Высочеством Мухаммадом Якубом Ханом, эмиром Афганистана и его зависимых территорий:

Статья 1

Со дня обмена ратификационными грамотами настоящего Договора между британским правительством, с одной стороны, и Его Высочеством эмиром Афганистана и его зависимых территорий и его преемниками, с другой, установятся вечный мир и дружба.

Статья 2

Его Высочество эмир Афганистана и его зависимых территорий обязуется после обмена ратификациями настоящего Договора объявить полную амнистию, освобождающую всех его подданных от какой-либо ответственности за сношения с британскими войсками во время войны, гарантировать и защищать всех лиц любого ранга от всяких наказаний или приставаний по этому поводу.

Статья 3

Его Высочество эмир Афганистана и его зависимых территорий соглашается вести свои отношения с иностранными государствами в соответствии с советами и пожеланиями британского правительства. Его Высочество эмир не будет вступать в какие-либо соглашения с иностранными государствами и не поднимет оружие против какого-либо иностранного государства без согласия британского правительства. На этих условиях британское правительство поддержит эмира против любой иностранной агрессии деньгами, оружием или войсками, кото-

рые будут использованы любым способом, который британское правительство сочтет наилучшим для этой цели. Если британские войска в любое время войдут в Афганистан с целью отражения иностранной агрессии, они вернутся на свои позиции на британской территории, как только цель, ради которой они вошли, будет достигнута.

Статья 4

В целях поддержания прямых и личных отношений, установленных в настоящее время между британским правительством и Его Высочеством эмиром Афганистана, и для лучшей защиты границ владений Его Высочества решено, что британский представитель будет проживать в Кабуле с соответствующим сопровождением по месту жительства, отвечающим его рангу и достоинству. Также согласовано, что британское правительство будет иметь право направлять британских агентов с соответствующим сопровождением к афганским границам в интересах обоих государств, когда британское правительство сочтет это необходимым, при возникновении любого важного внешнего факта. Его Высочество эмир Афганистана, со своей стороны, может направить Агента для проживания при дворе Его Превосходительства вице-короля и генерал-губернатора Индии и в таких других местах Британской Индии, которые могут быть согласованы аналогичным образом.

Статья 5

Его Высочество эмир Афганистана и его зависимых территорий гарантирует личную безопасность и почетное обращение с британскими агентами в пределах своей юрисдикции; и британское правительство, со своей стороны, обязуется, что его агенты никогда и никоим образом не будут вмешиваться во внутреннее управление владениями Его Высочества.

Статья 6

Его Высочество эмир Афганистана и его зависимых территорий обязуется от своего имени и от имени своих преемников не чинить препятствий британским подданным в мирной торгов-

ле в пределах своих владений до тех пор, пока они делают это с разрешения британского правительства и в соответствии с такими договоренностями, которые могут время от времени согласовываться по взаимному согласию между двумя правительствами.

Статья 7

Для того, чтобы торговля между территориями британского правительства и Его Высочества эмира Афганистана была открытой и бесперебойной, Его Высочество эмир Афганистана соглашается приложить все усилия для обеспечения защиты торговцев и облегчения транзита товаров по хорошо известным обычным дорогам из Афганистана. Эти дороги будут улучшаться и содержаться в надлежащем состоянии таким способом, который оба правительства могут счесть наиболее целесообразным для общего удобства дорожного движения, и в рамках таких финансовых соглашений, которые могут быть взаимно определены между ними. Договоренности, принятые для содержания и безопасности вышеупомянутых дорог, для урегулирования пошлин, взимаемых с товаров, перевозимых по этим дорогам, и для общей защиты и развития торговли с доминионами Его Высочества и через них, будут изложены в отдельном коммерческом договоре, который будет заключен в течение одного года с должным учетом состояния страны.

Статья 8

В целях облегчения связи между союзными правительствами и содействия развитию сношений и коммерческих отношений между двумя странами настоящим согласовывается, что телеграфная линия из Куррама в Кабул будет построена британским правительством и за его счет, и эмир Афганистана настоящим обязуется обеспечить надлежащую защиту этой телеграфной линии.

Статья 9

Принимая во внимание возобновление дружественного союза между двумя государствами, который был засвидетельствован и обеспечен предыдущими статьями, британское правительство

возвращает Его Высочеству эмиру Афганистана и зависимым от него городам Кандагар и Джелалабад со всей территорией, находящейся в настоящее время во владении британских армий, за исключением районов Куррама, Пишина и Сиби. Его Высочество эмир Афганистана и его зависимых территорий, со своей стороны, соглашается с тем, что районы Куррам, Пешин и Сиби, в соответствии с границами, определенными в прилагаемом перечне, должны оставаться под защитой и административным контролем британского правительства: иными словами, вышеупомянутые районы должны рассматриваться как выделенные районы, и не должны рассматриваться как навсегда отделенные от пределов Афганского королевства. Доходы этих округов за вычетом расходов на гражданское управление будут выплачиваться Его высочеству эмиру. Британское правительство сохранит в своих руках контроль над перевалами Хайбер и Мични, лежащими между районами Пешавар и Джелалабад, и над всеми отношениями с племенами независимых территорий, непосредственно связанными с этими перевалами.

Статья 10

Для дальнейшей поддержки Его Высочества эмира в восстановлении и поддержании его законной власти, а также с учетом эффективного выполнения в полном объеме обязательств, предусмотренных предыдущими статьями, британское правительство соглашается выплачивать Его Высочеству эмиру и его преемникам ежегодную субсидию в размере шести лакхов рупий в год. Подписано в Гандамаке, 26 мая 1879 года, соответствующего 4 дню месяца Джамادي-ус-сани 1296 г.

(Источник: p. Aitchison, Ch.U. A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and Neighbouring Countries (Revised and continued up to 1929). Vol XIII: Persia and Afghanistan. — Calcutta, 1933. P. 240–242)

АНГЛО-АФГАНСКИЙ ДОГОВОР О «ЛИНИИ ДЮРАНДА»

Договор между Его Высочеством Абдуррахман-ханом эмиром Афганистана и его зависимых территорий, с одной стороны, и сэром Генри Мортимером Дюрандом, министром иностранных дел Правительства Индии, с другой стороны.

Принимая во внимание возникшие со стороны Индии определенные вопросы относительно границы Афганистана и желание как Его Высочества эмира, так и правительства Индии урегулировать эти вопросы путем дружественного взаимопонимания и установить границы своих соответствующих сфер влияния, чтобы в будущем не было никаких различий относительно мнений по этому вопросу между союзными правительствами, настоящим достигнуто соглашение о нижеследующем:

Статья 1

Восточная и южная границы владений его Высочества от Вахана до персидской границы должны проходить по линии, указанной на карте, прилагаемой к настоящему соглашению.

Статья 2

Правительство Индии ни в коем случае не будет осуществлять вмешательство на территориях, лежащих за этой линией на стороне Афганистана, а Его Высочество эмир ни в коем случае не будет допускать акты вмешательства на территориях, лежащих за этой линией на стороне Индии.

Статья 3

Таким образом, британское правительство соглашается с тем, чтобы Его Высочество эмир сохранил (за собой) Асмар и долину над ним вплоть до Чанака. С другой стороны, Его Высочество соглашается с тем, что он ни в коем случае не будет осуществлять вмешательство в Сват, Баджаур или Читрал, включая долину Арнавай или Башгал. Британское правительство также соглашается оставить Его Высочеству Бирмальский тракт, как показано на подробной карте, уже предоставленной Его Высочеству, который отказывается от своих притязаний на остальную часть террито-

рии (племен) вазири и давар. Его высочество также отказывается от своих притязаний на Чагай.

границы, и как правительство Индии, так и Его Высочество эмир обязуются, что любые разногласия в деталях, такие как те, которые должны будут быть рассмотрены впоследствии должностными лицами, назначенными для демаркации линии границы, должны быть урегулированы в дружественном духе, дабы устранить на будущее, насколько это возможно, все причины сомнений и непонимания между двумя правительствами.

Статья 7

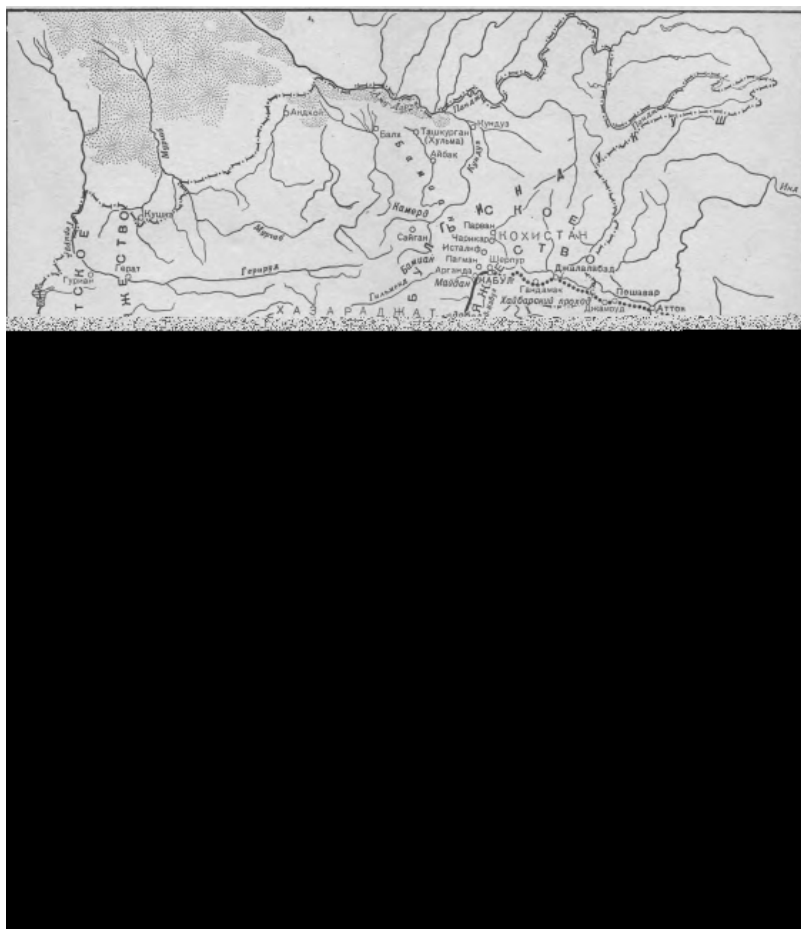
Будучи полностью удовлетворенным доброй волей Его Высочества по отношению к британскому правительству и желая видеть Афганистан независимым и сильным, правительство Индии не будет возражать против покупки и импорта Его Высочеством военного снаряжения, и они сами окажут ему некоторую помощь в этом отношении. Далее, чтобы отметить дружественный дух, в котором Его Высочество эмир вступил в эти переговоры, правительство Индии обязуется увеличить субсидию на сумму в шесть лакхов рупий в год в размере двенадцати лакхов, предоставляемую в настоящее время Его Высочеству.

Кабул, 12 ноября 1893 года.

(Источник: Sykes, P. A History of Afghanistan. Vol. II. — L.: Macmillan and CO. LTD., 1940. P. 353–354)

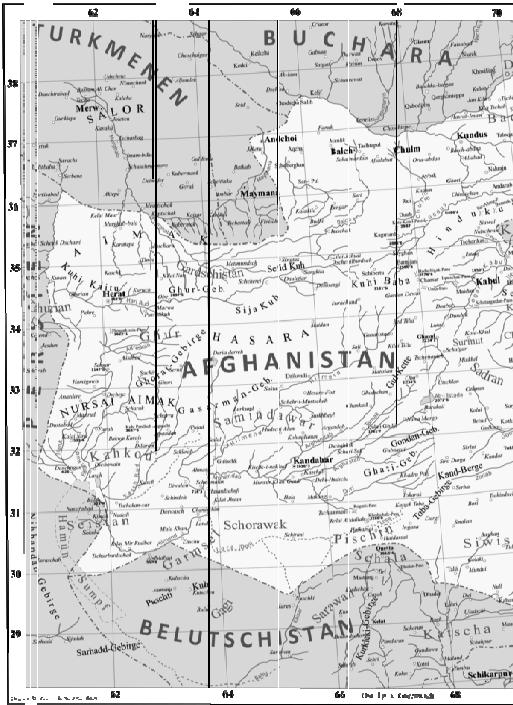

Карта 1. Территории, входившие в разные годы в состав Империи Дуррани

Карта 2. Афганистан в период первой англо-афганской войны (1838–1842 гг.)

Источник: Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана... Приложение.

Карта 4. Афганистан после демаркации 1893 г. Линия Дюранда

Источник: https://vk.com/wall-69441231_10879?z=photo-69441231_415019581%2Fwall-69441231_10879

МЕРЫ ВЕСА

Единица измерения	Кабул	Мазари-Шариф	Маймана	Кандагар и Герат
Наход	192 г	383,5 мг		
Мискаль	4,6	9,2 г	5,86 г	47,5 г
Хорд	110,4 г	220,8 г	187,5 г	
Пау	441,6 г	883,2 г	3 кг	
Чарак	1,766 кг	3,533 кг	12 кг	
Сир	7,066 кг	14,132 кг	48 кг	95,2 г
Манн	56,528 кг	211 кг		3,8 кг
Харвар	565,28 кг	633 кг		385 кг

Источник: Афганистан. Справочник. — М.: Восточная литература, 2000. С. 233–234; Kakar M. H. Government and Society... P. 235–236.

- 1 иранский беттаманн = 7,26 кг
- 1 табрезский манн = 2,94 кг
- 1 табрезский харвар = 100 табрезских манн = 294 кг
- 1 индийский беттаманн (манн) = 38 кг = 40 индийским сирам
- 1 индийский сир = 955 г

ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ, НАХОДИВШИЕСЯ В ОБРАЩЕНИИ НА АФГАНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

- 1 гератский джиндек = 4 пенса
- 1 кандагарская рупия = 1 шиллинг
- 1 кабульская рупия = 12 шахи = 60 пайса
- 1 кабульская рупия = 2 шиллинга
- 2 шахи = 1 аббаси
- 2 аббаси = 1 гератский джиндек, или 4 пенса
- 1 кандагарская рупия = 3 гератских джиндека
- 2 кандагарские рупии = 1 кабульская рупия
- 1 шахи = 3–5 пулов или пайсы
- 1 тилла = 16 рублей = 21 танга
- 1 серебряный танга = 76 копеек
- Медный пул = 1,38 копеек

(Источник: Ferrier, J. P. History... P. 318; Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 112).

Научное издание

Убайд Вафобекович Окимбеков

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АФГАНИСТАНА В XIX В.

Монография

Редактор и корректор *Н. А. Сидоркина*

Верстальщик *Н. А. Кильдишева*

Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 15.11.2023. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 25,13. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>